

B. Nikinine
Les KURDES
Etude sociologique et historique
Paris. 1956

1

В. Никитин
Курды
Перевод с французского И.О. Фаризова
Издательство «Прогресс». Москва 1964

2

Перевод с французского

Грузовского А. А. Липман Л.Д. Мазова В.А.
Павлова В. А. Сверчевской А. К. Щукина Е.А.

Редакция литературы по историческим наукам

3

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Курдистан — «страна курдов» — не помечен ни на одной географической карте. Под этим названием имеют в виду территорию компактного расселения курдов в квадрате приграничных районов Ирана, Ирака, Турции и Сирии.

Суть курдского вопроса — отсутствие независимости и разобщенность курдского народа. Стратегическое положение Курдистана, разделенного между Ираном, Ираком, Турцией и Сирией, постоянно привлекало и продолжает привлекать внимание империалистических держав. В битве за Ближний и Средний Восток они систематически пытались и пытаются использовать национальные чаяния курдского народа в своих корыстных интересах. Однако курдское национальное движение в целом, несмотря на чрезвычайно трудные условия, в которых оно развивается, все более обретает силу и закалку, и становится важным фактором в антиимпериалистической борьбе народов Ближнего и Среднего Востока, за мир и социальный прогресс.

Являясь одним из значительных национальных меньшинств в странах Ближнего и Среднего Востока, курды занимают солидную часть территории вышеуказанных стран.

В Турции численность курдского населения доходит до 4 млн. человек, в Иране — 3 млн., в Ираке — более 2 млн. и в Сирии — около 500 тыс. человек. Общая численность курдского населения в странах Ближнего и Среднего Востока несколько превышает 9,5 млн. человек.

Часть курдов помимо Советского Союза живет также в Афганистане и Пакистане.

По своей религиозной принадлежности подавляющее большинство курдов — мусульмане-сунниты, относящиеся (основному «ортодоксальному» («правовверные») направлению в исламе.

Незначительная часть курдов является приверженцами шиизма. Среди курдов существуют и религиозные секты, такие, как али-илахи, кызылбаши и др. Так, например, учение кызылбашей представляет собой причудливую смесь мусульманских верований с христианскими. При этом следует отметить, что курд по существу не очень религиозен. Он проявляет в действительности гораздо меньше фанатизма, чем это может показаться.

Говорят курды на курдском языке, который относится к индоевропейской группе языков, к его иранской ветви. Курдский язык делится в основном на два диалекта: 1) *курманджи* — на этом диалекте говорит большинство курдов — в Турции и Сирии, часть курдов в Ираке (район Мосула и Зибара) и в Советском Союзе; 2) *сорани* - на нем говорят многие курды в Иране и Ираке (Сулеймание, Эрбиль, Киркук). Существуют и другие диалекты, например *фейли, гурани, кельхори*.

В настоящее время курды пользуются несколькими алфавитами: в большей части Ирака и Ирана применяется арабский алфавит, а в Сирии, в Турции и некоторых частях Иракского Курдистана — латинский. Курды Советского Союза также имеют свой алфавит, на котором издается вся курдская литература.

Курды в течение многих веков своей истории создали свою национальную культуру и самобытную письменную литературу. Древнейшие литературные памятники курдов имеют более чем тысячелетнюю давность. В Сулеймание найдены фрагменты поэмы неизвестного автора, написанные на куске кожи, относящиеся к VII веку.

В начале XI века жил и творил курдский поэт Али Харири. За ним следует целая плеяда поэтов, из которых самым выдающимся были Мала Джизри (XII в.), Факих Тейран, Мела Ахмед Бате (XV в.) и, наконец, Ахмед Хани (XVII в.), автор замечательной поэмы «Мам и Зин». Герои поэмы. Мам и Зин стали в Курдистане символом чистой и трагической любви, подобно

6

Ромео и Джульетте. Глубоко привлекательны также поэтические сказания о беззаветной любви Сиабанда и Хадже, Маме и Айше. Много поэтов и писателей выросло в настоящее время. В трудных условиях подполья они помогают курдскому народу обретать боевой дух, призывают к единству, воспевают свободолюбивые чаяния курдского народа. К лагерю этих писателей принадлежат такие известные лица, как Хаджир, Бекас, Нариман, Джагархун, Кадриджан, Пирамерд, Горан и др.

большинство курдов — мусульмане-сунниты, относящиеся

Курдский фольклор по разнообразию жанров и сюжетов занимает одно из первых мест среди фольклора народов Ближнего и Среднего Востока. Великой скорбью приткнуты траурные песни и причитания, в которых отражены многовековые страдания курдов. Глубокая народная мудрость сквозит в курдских пословицах и поговорках. Курдские народные певцы-сказители — «дангбежи» - пользуются огромным уважением и любовью в народе. Вот слова популярной в Курдистане песни:

Курдистан, мой родной Курдистан!
Жить прекрасно на земле твоей.
И пусть рокочущий гордый фонтан
Расскажет о тех, кто орла смелей,

Кто в огне и дыму, отражая атаки,

Принесет тебе счастье свободы,
Чью пригоршню земли и чудесные замки
В дни победы оценят народы.

Курдистан, мой родной Курдистан!
Ты прислушайся к вздохам фонтана –
То по-курдски поет древний наш могикан,
В нем столетий следы и тяжкая рана!

В нем услышишь призывы восстаний,
И победные зовы земли,
И грядущих свобод обещаний –
Все что курды в сердцах пронесли!

7

В горной стране, именуемой Курдистаном, с незапамятных времен и живет его коренное население — курды. Вопросы происхождения курдов и их история все еще ждут своего исследователя. Но и теперь уже, судя по древнейшим шумерским записям, нет сомнения в том, что не позднее чем за 2000 лет до н. э. племена, известные как *гутеи*, *кути* или *куртин*, как их позднее называли ассирийцы, занимали район среднего течения р. Тигр, от области Бохтан у горы Джуди и далее через Безабду (по-арабски—Джезират Ибр Омар) к горам Загроса на востоке.

Другая группа родственных племен, называемых касситами, спустившаяся с южных гор Загроса в Вавилон (Аккад), правила им в течение почти шести столетий (1800—1200 гг. до н. э.). Многие ученые-курдоведы не исключают возможности, что эти первые курдские племена и были одними из древнейших первобытных народов, населявших эти горные районы.

История курдов, которых позднее ассирийцы и арабы доисламской эпохи называли *карду*, армяне — *гуртух*, а греческие и римские классики—*кардухи* и *киртии*, вследствие этого оказывается весьма запутанной.

Английский курдолог А. Сафрастьян по этому поводу в своей книге «Курды, их происхождение и история» пишет: «Курдские племена сражались против шумерских династий... Хеттский царь Суппилулиума (1370 г. до н. э.) называет их гурдами и упоминает их бога Гира. В качестве главной составной части Наирской конфедерации они сражались со всеми великими ассирийскими царями, начиная от Салманасара и других царей, и, наконец, помогли Ксерксу и Киру разгромить Ниневию и Вавилон». Позже, при персидских царях Кире и Дарий, курды играли важную роль во внутренних делах. Они воевали против греческих войск Ксено-фонта во время его отступления через нынешние районы Иракского Курдистана и занимали видное положение при династии Сасанидов. А. Сафрастьян указывает, что «курды не покорились арабам, оккупировавшим их тер-

8

риторию (VII—IX вв.). Независимое курдское королевство Шехризур (XI—XVI вв.) и Мерванидов (Дияр-бакыров) в XI веке было разгромлено монголами и сельджуками».

Курды достигли своего могущества при великом Салах-Эддине [Саладине (курд из Эрбля)], который успешно сражался с крестоносцами. Он объединил многочисленные курдские племена в Сирии (XII в.), основав Эюбидское княжество. Многие независимые курдские княжества, такие, как Шаддадидское и Хасаневидское, были образованы в власть халифов оказалась в них в значительной степени ослабленной.

Многочисленные курдские феодальные княжества, на которые делился Курдистан в средние века, только номинально входили в состав азиатских деспотических монархий на Ближнем и Среднем Востоке, сохраняя свою фактическую независимость.

Несмотря на неоднократные попытки турецких султанов и иранских шахов овладеть Курдистаном, несмотря на то, что некоторые влиятельные эмиры, изменяя традициям своего свободолюбивого народа, временами признавали над собой верховную власть султана или шаха, Турции и Ирану удалось фактически овладеть Курдистаном лишь в конце прошлого столетия.

В 1862 году Курдистан был «присоединен» к Ирану, а в 1878 году преобразован из особого наместничества в обыкновенную губернию.

Больших усилий стоило и Турции подчинить себе Курдистан. Неоднократные походы значительного числа турецких войск в горы Курдистана закончились тем, что большая часть курдских полунезависимых княжеств была ликвидирована и в Курдистане насильственным образом была введена турецкая администрация.

«Присоединение» Курдистана к Ирану и Турции привело к обнищанию крестьянства, которое, оказавшись под троимым гнетом «своих», турецких и иранских эксплуататоров, пришло в движение. С этого времени, то есть со второй половины XIX века, начинается важный период борьбы курдского народа за свою независимость против Турции и Ирана. К этому времени и относится возникновение на Ближнем и Среднем Востоке курдского вопроса.

9

Борьба курдского народа против турецких и иранских угнетателей долгое время носила характер стихийных восстаний. Влиятельные круги курдов со временем поняли, что «присоединение» к Ирану и Турции не только не дало сколько-нибудь положительных социально-экономических результатов, но, наоборот, открыло путь для проникновения в Курдистан иранской и турецкой буржуазии. Курдские националистические¹ крупы сделали попытку поднять восстание. В 1880 году началось восстание шейха Обейдуллы, которое ставило своей целью создание самостоятельного курдского государства. Но это восстание не могло рассчитывать на успех, ибо шахская власть прочно укрепилась в Курдистане, а разложение феодализма зашло настолько далеко, что феодалы уже были не в состоянии привлечь под свои знамена курдское крестьянство. Кроме того, для многих курдских вождей были характерны узкоплеменные интересы, определявшие цели и задачи этого восстания. Внутренняя рознь между вождями курдских племен сказалась в ходе восстания и значительно ослабила его. В итоге восстание было подавлено.

В начале XX века радикальные элементы из среды курдов, пытаясь вырвать у иранского и турецкого правительств признание своих прав на национальную независимость, обратились к шаху с петицией, получившей название «Курдской конституции». Но не дождавшись ответа на нее, курды в Иране подняли восстание, которое ориентировалось на аналогичное национальное движение курдов в Турции. Начавшаяся первая иранская революция (1905—1911) в значительной степени растворила в себе пробудившийся курдский национализм и направила борьбу курдского народа по пути общеиранского демократического движения, в ходе которого должны были быть обеспечены требования курдов.

После подавления иранской революции курдский национализм вновь ожил. Причину этого, помимо объективных факторов, следует искать и в том, что английский империализм и турецкая реакция, которые подавили демократическое движение в Курдистане, стали подогревать в своих корыстных целях курдский национализм в Иране.

10

После поражения иранской революции в Иранском Курдистане вспыхивает ряд новых восстаний, которые проходят под лозунгом создания «независимого Курдистана».

* * *

Особенно широкий размах национальное движение курдов принимает под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции, в результате чего иранские курды, поднявшись на борьбу против иранских реакционеров и турецких захватчиков, изгоняют их из Курдистана.

Одновременно же курдами Ирана и Ирака была иррешима попытка начать последовательную борьбу и против английских империалистов. Однако эта попытка оказалась неудачной. Вследствие разногласий, среди некоторых видных курдских националистов, курдское движение оказалось в сетях империалистической агентуры, которая пыталась направить его по удобному западным державам руслу. Отсюда его неуспех.

По мере усиления проникновения иностранного капитала в Турцию и Иран империалистические державы пытаются превратить курдское национальное движение в орудие для своего давления на эти страны с целью получения определенных политических и экономических выгод. Более того, после победы Октябрьской революции западные державы в своих попытках ослабить молодую Советскую республику определенную ставку делали и на курдов, которые, согласно их планам, должны были просачиваться на территорию Закавказских республик и вызвать там беспорядки. За это курдам была обещана «независимость». Речь шла в данном случае о создании буферного «Курдского государства» под протекторатом Англии, с тем чтобы в нужный момент иметь готовый военно-стратегический плацдарм против Советской России. Однако этим планам не суждено было осуществиться. Широкие массы курдского населения не встали под реакционные знамена прозападных руководителей.

Начавшаяся подготовка, к заключению Севрского договора в 1920 году до некоторой степени способство-

11

вала появлению надежд у курдских националистических организации (таких, как «Управление курдской пропаганды», «Общество спасения курдов и Курдистана», «Общество независимости курдов», «Общество социальных институтов курдов», или, как его часто именуют, «Радикальная курдская партия», и др.) добиться включения в указанный договор ряда статей, касающихся Курдистана.

Несмотря на различие политических платформ этих организаций, их крайнюю непоследовательность при решении курдского вопроса, различную степень политической подготовленности, им удалось договориться о выработке совместной линии поведения на Севрской конференции. Глава турецкой делегации, генерал Шериф-паша, был избран их представителем, ему были даны полномочия выступить от имени курдского народа и указанных политических организаций.

И хотя в Севрский договор были включены статьи 62, 63 и 64 о местной автономии Курдистана, они ни на шаг не продвинули вперед решение курдского вопроса. Все важнейшие статьи этого договора фактически закрепляли за Антантой господство в проливах, воле к созданию военно-стратегических плацдармов в виде «независимых» Курдистана и «дашнакской Армении» в целях нападения на Советскую Россию.

Как и следовало ожидать, статьи Севрского договора, якобы гарантирующие Курдистану независимость, остались на бумаге. Вскоре последовала новая акция со стороны Англии и Франции, которые разделенный между Ираном и Турцией Курдистан поделили теперь на три части, передав часть территории Курдистана еще и Ираку. К

этому времени, то есть к началу 20-х годов, курдские национальные лидеры были уже не в состоянии сколько-нибудь серьезно заняться решением национального вопроса и выработать свою программу действий. Более того, политическая неподготовленность в оценке движущих сил национального движения курдов не позволила курдским националистам к 1923/году, то есть к периоду, непосредственно предшествовавшему подписанию Лозаннского договора, вновь выдвинуть проблему решения курдского вопроса. Для правящих кругов Ирана и Турции этого оказалось достаточным, чтобы ввести в курдских районах военную

12

администрацию, закрыть школы, арестовать патриотов и ползующихся влиянием лиц и таким образом подавить всякую попытку вновь напомнить о курдах и курдском вопросе.

Что касается политики США в курдском вопросе, то различные варианты «решения» курдской проблемы, были не менее других западных держав заинтересованы в Мосулской нефти.

В 20-х годах в Ираке и Иране вновь вспыхивают два крупных восстания под предводительством шейха Махмуда Барзанджийского и Исмаила-ага Симко (Смитко).

Оба эти восстания, значительные по своему размаху, так же как и предыдущие, потерпели поражение.

Причину неудач этих двух восстаний, которые должны были обеспечить решение курдского вопроса в плане создания «курдского королевства», следует искать в том, что, несмотря на то, что основные силы восставших состояли из крестьян и ремесленников, руководство восстаниями в целом осуществлялось недалекими и в значительной степени колеблющимися элементами, по сути дела оторванными от рядовых участников этих выступлений. В результате народные массы, принявшие участие в этих восстаниях, не имели ясного представления об их целях и задачах, а вожди восстания были неспособны выдвигать конкретные лозунги, которые отвечали бы национальным чаяниям широких слоев курдского народа. Крупное восстание курдов Турции в 1925 году под руководством шейха Саида потерпело поражение по тем же причинам, что и два предыдущих восстания, хотя оно и проходило под курдскими национальными лозунгами. Среди других причин, приведших к неудаче этого восстания, следует отметить и то, что вокруг восстания плели свои интриги империалистические разведки.

В снабжении курдов оружием активное участие принимала Англия. Это объясняется тем, что в то время в Лиге Наций обсуждался вопрос о будущих судьбах Мосульского вилайета и комиссия Лиги Наций объезжала территорию мосульских курдов для подготовки плебисцита. Англия путем организации курдского восстания хотела, во-первых, вынудить турецкое правительство пойти на уступки в мосульском вопросе, а во-вторых, продемонстрировать перед Лигой Наций неустой-

13

чивость нового политического строя в Турции. Большую помощь англичанам оказывали и французы, которые, чувствуя свою слабость в Сирии, видели в курдском восстании средство для укрепления своих позиций и рассчитывали в то же время добиться уступок со стороны турецкого правительства в вопросе Оттоманского долга.

В результате этого восстания, а также других мер Англия добилась ряда важных уступок. 5 июля 1926 года в Анкаре был подписан договор с Англией, по которому Мосул отходил к Мраку. Турция в виде компенсации получала право на 10% поступлений от мосульской нефти.

В последующие годы вплоть до начала второй мировой войны в Иране, Ираке и Турции прокатывается волна курдских восстаний.

Так, например, в Ираке, Иране и Турции накануне второй мировой войны происходит ряд хорошо организованных крестьянских восстаний — Барзанское восстание (Ирак),

Дерсимское восстание (Турция), восстание в Иранском Курдистане. И хотя эти восстания были подавлены, они, несомненно, в определенной степени способствовали росту классового самосознания курдов.

Следует отметить, что накануне второй мировой войны наряду со старыми политическими организациями курдов, на которых лежало тяжкое бремя консервативных идей, появляются новые политические группы, действовавшие в других районах Курдистана. Состав этих курдских политических партий и организаций значительно обновляется за счет молодежи. Помимо радикально настроенной интеллигенции и представителей мелкой буржуазии и чиновничества, среди молодых деятелей курдского национального движения уже начинают встречаться представители курдского крестьянства и курдов-рабочих. В связи с этим среди передовой части курдского общества с новой силой начинают дебатироваться вопросы, касающиеся целей и задач курдского национального движения.

Внутри курдских политических партий и группировок все явственнее намечается раскол. Правые, спекулируя демагогическими лозунгами вооруженной борьбы за «великий Курдистан», под шумок заигрывают с пред-

14

ставителями различных империалистических государств.

Относительно немногочисленные левые пытаются нащупывать новые пути создания широкого фронта всех демократических сил курдского народа с народами Ирана, Ирака и Турции. Вторая мировая война

заставляет курдские организации на стадии именно этого процесса.

* * *

Некоторая демократизация общественной жизни Ирана в 1941 г. создала весьма важные предпосылки для возникновения нового этапа в развитии национального движения курдов как в самом Иране, так и в Ираке, Сирии и Турции.

Перед прогрессивными силами курдов в связи со сложившейся благоприятной обстановкой встали два важных вопроса, от правильного решения которых зависел успех национального движения курдов. Это, во-первых, строгое размежевание социальных сил в руководстве движением, а также отказ от каких бы то ни было блоков с реакционными силами, неоднократно предавшими борьбу курдского народа за независимость, во-вторых, что не менее важно,— правильный выбор лозунгов, которые учитывали бы специфические особенности социально-экономической структуры курдского общества, например наличие сильных родоплеменных союзов, именуемых «аширетами», распространение и рода разновидностей «кочевого феодализма» — институтов типа «оба», этой корпорации скотоводов, лишенных и индивидуального выпаса своих стад и вынужденных по этому объединяться для совместной аренды пастбищ, почти неограниченную власть шейхов и феодалов и подчиненными им крестьянам-райятам т.д. Кроме того, следовало учесть важную роль, которую все более начинала играть молодая курдская буржуазия, могла бы на том или ином этапе выступить в качестве союзника прогрессивных сил в руководстве этим движением.

Для решения всех этих вопросов нужна была единая организация, которая была бы в состоя-

15

нии правильно оценить положение и взять руководство движением в свои руки. Однако еще до создания такой политической организации в курдских районах Ирана и Ирака стали возникать группы прогрессивно настроенных курдов, которые после бегства иранских чиновников из районов северо-западного Ирана стали собирать под свои

знамена широкие слон курдской общественности и постепенно создавать в курдских районах национальные органы самоуправления.

На этом этапе развития национального движения курдов в Иране сколько-нибудь значительных социально-экономических реформ в этих районах проведено не было. Причину следует искать в том, что руководители курдов считали самым важным мероприятием ликвидацию иранской администрации в курдских районах и сохранение их фактической независимости. Затем предполагалось добиться признания в глазах мирового общественного мнения, и только после этого лидеры независимых курдских районов намеревались приступить к важным экономическим преобразованиям. В этих условиях к середине 1942 года в Мехабаде, впоследствии ставшем столицей освобожденных курдских районов Ирана, стали создаваться прогрессивные общественные организации, которые объединяли передовую часть курдских рабочих, крестьян, ремесленников и интеллигенции.

Одновременно в Ираке начинает действовать группа прогрессивно настроенных курдов — офицеров иракской армии, рабочих-транспортников, нефтяников и т. д., которые все более начинают выступать за освобождение курдов и Курдистана. Тесный контакт между демократическими силами курдов Ирана и Ирака снова вызвал к жизни национальное движение.

Два крупных восстания иракских курдов Барзани в 1943 и 1945 годах, в подготовке которых приняли участие демократические силы, проходили под лозунгом восстановления ликвидированных иракским правительством прав курдского национального меньшинства в Ираке.

Эти восстания вынудили иракское правительство подготовить специальный статут объединения всех курдских районов Ирака в одну автономную курдскую область,

16

Но, воспользовавшись тем, что восстания эти почти прекратились в результате происков реакционных сил, регент Ирака Абдд-Эль-Иллах отказался санкционировать выдвинутый правительством законопроект об автономии Курдистана, и в курдских районах была введена арабская администрация. К концу 1945 года многие представители демократических сил вошли во вновь образованную Демократическую партию курдов Ирана, которая объединила в своих рядах представителей различных классов и сословий — пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии, а также части средней и крупной буржуазии, а также представителей местной интеллигенции.

К руководителями партии и ее активным! представителями среднего духовенства Мехабда – Кази Мухаммед, его брат Садр Казн |

Руководителями партии и ее активными деятелями явились представители среднего духовенства Мехабада – Кази Мухаммед, его брат Садр Кази и дядя Сейф Кази.

Собравшиеся на свой первый съезд в Мехабаде, происходившей с 25 по 28 октября 1945 года, деятели национального движения опубликовали декларацию, основные положения которой сводились к следующему:

1. Курдский народ должен быть волен и свободен в пределах Ирана управлять своими местными делами; он должен получить автономию внутри границ Иранского Государства.
2. Курдский народ должен иметь возможность обучаться на родном языке; делопроизводство и в государственных учреждениях также должно вестись на курдском языке.

3. На основе иранской конституции должен быть срочно избран областной энджумен (местный орган самоуправления) Курдистана, который установит контроль над всеми общественными и государственными делами.

4. Государственные чиновники обязательно должны вербоваться из местного населения.

5. На основании общего законодательства должны быть урегулированы отношения между крестьянами и помещиками и обеспечено их будущее.

6. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы между различными народами, населяющими Азербайджан и Курдистан (азербайджанцы, курды, армяне,

17

ассирийцы и др.), установились дружественные и братские отношения.

7. Необходимо бороться за моральное и материальное удовлетворение запросов курдского народа путем использования огромных природных богатств Курдистана, развития сельского хозяйства, расширения сети учреждений народного образования и здравоохранения.

8. Курды хотят, чтобы народы, живущие в Иране, могли свободно работать для счастья и прогресса своей родины».

Эта декларация была поддержана подавляющим большинством курдского народа и подписана 53 влиятельными курдскими деятелями.

Декларация была с одобрением встречена и среди деятелей национального движения в Иранском Азербайджане; к этому времени они уже создали свою автономию и налаживали свои отношения с курдами.

Одновременно с декларацией Демократическая партия курдов Ирана на более широкой основе опубликовала свою программу, в которую вошли пункты декларации.

Из всех пунктов программы партии наиболее важными являлись некоторые статьи, в которых, в частности, определялась программа общественной жизни Автономной демократической области курдов, ее статут, ее взаимоотношения с центральным правительством и определялись основы ее внешней политики. «Основная цель партии в Курдистане, — гласила одна из статей, — это завоевание своих преимущественных прав в пределах Иранского государства путем установления и организации автономного управления областей и округов, где с давних веков обитает и трудится курдский народ, в соответствии с демократическими законами. Все, что бы ни делалось в районах Курдистана, должно полностью соответствовать интересам проживающего там населения.

Народы, племенные и религиозные группы, без каких-либо ограничений и независимо от их численности, имеют право избрания своих депутатов в Народное собрание».

Определяя внешнеполитический курс курдского правительства, статья 16 программы Демократической пар-

18

тии курдов Ирана торжественно объявила, что «местное правительство в своих интересах устанавливает культурные и экономические связи со всеми государствами».

Все эти и других положений программы придавали ей, несомненно, демократический характер. Однако эта программа имела и ряд недостатков, которые в значительной степени являлись препятствием на пути разрешения сложных социально-экономических проблем Автономной демократической области курдов.

Стремясь к максимальному привлечению на свою сторону представителей различных классов и сословий, лидеры партии вообще отказались от включения в программу ряда жизненно важных вопросов для курдов, в частности аграрного вопроса.

Отсутствие радикальных мер в области аграрных отношений впоследствии привело к тому, что основная масса крестьян, как и прежде, оказалась без земли, а крупная земельная собственность помещиков и представителей духовенства осталась неприкосновенной. Как уже указывалось, причину этого следует искать что в партию вступило большое число представителей светских и духовных феодалов и вождей племен. При таких обстоятельствах партия не сумела выразить и определить свое отношение к ним, опасаясь того, что всякое ограничение их прав и привилегий приведет к отходу от партии представителей родоплеменной и другой духовной знати, а это могло привести, по мнению лидеров партии, к развалу этой организации. Другой недостаток Демократической партии курдов Ирана заключался в ее слабой связи с другими демократическими партиями и организациями Ирана, опыт и программы которых, и в особенности Народной партии Ирана, могли бы послужить критерием для решения самого вопроса курдской действительности — аграрного вопроса, а также других не менее важных социально-экономических проблем. Вот почему, когда 11 января 1946 года была официально провозглашена Автономная демократическая область курдов и избрано анонимное курдское правительство с Казн Мухаммедом в главе, партия оказалась не в состоянии в значительной мере улучшить положение рабочих и крестьян независимых курдских районов. Она смогла провести

19

лишь некоторые верхушечные реформы в области просвещения, здравоохранения, перестройки вооруженных сил, упорядочения доходных и расходных статей бюджета и системы налогообложения. Этих мероприятий оказалось, однако, недостаточно для укрепления авторитета и престижа партии среди рядовых курдов, которые надеялись на коренное улучшение их положения.

Демократическая партия курдов Ирана сумела добиться определенных успехов в политической области; что же касается экономической, то она не затронула позиций феодально-помещичьих слоев в деревне и буржуазных элементов в городе. Именно эти группировки и слои в решающий момент борьбы с внутренней и международной реакцией предали интересы курдского народа и обрекли первые, пусть пока еще незначительные завоевания курдских народных масс на неудачу.

Подводя краткий итог вышесказанному, следует подчеркнуть, однако, что, несмотря на то, что Автономная демократическая область курдов просуществовала недолго, эта первая в истории курдского национального движения попытка создать свою национальную государственность явилась для курдских демократических сил большой и вместе с тем суровой школой политического воспитания.

* * *

Победа Советского Союза над гитлеровской Германией и империалистической Японией, образование новых социалистических государств в Европе и Азии, успехи демократических сил в Азии, Африке и Латинской Америке, дальнейшее углубление распада колониальной системы империализма в послевоенные годы и мощный подъем национально-освободительного движения в странах Ближнего и Среднего Востока должны были неизбежно отразиться и на решении курдского вопроса.

Если в Иране, Ираке и Турции курдские демократические силы, действовавшие в глубоком подполье, вынуждены были, решение курдского вопроса отложить до «лучших времен», то в Сирийской республике налицо

20

были определенные социально-экономические предпосылки решения курдского вопроса путем создания курдской автономии.

Демократизация общественной жизни Сирии, выразившийся в легализации прогрессивных партий и организаций, во все возрастающем авторитете Коммунистической партии Сирии, во все укрепляющихся связях с Советским Союзом и другими странами социализма, обнадежила и курдские демократические силы, пытающиеся решение курдского вопроса в рамках Сирии, что само по себе могло сыграть очень важную роль в мобилизации курдов на борьбу за свою национальную независимость.

Однако последующие события, связанные с объединением Сирии и Египта, привели выдвигению на первый план лозунга о создании «единой арабской нации, который отодвинул на задний план и решения курдского вопроса в рамках Сирии. На какое-то время столь бурно начавшаяся деятельность курдских демократических сил затухает.

По иному развивались события в Ираке. После революции 14 июля 1958 года у курдов появилась реальная возможность поставить вопрос о своих правах на национальную автономию в рамках Ирака, исходя из следующих соображений: во-первых, арабы и курды были единодушны в том, что революция была совершена ими совместно, во-вторых, курды в Ираке являются самым значительным национальным меньшинством, чьи права в любом случае не могут игнорироваться, в третьих, как у арабов, так и у курдов имеется один общий враг — империализм и его опора в стране — внутренняя реакция в лице крупных феодалов и представителей тех слоев буржуазии, которые издавна известны своими связями с империализмом.

В своей политике по отношению к курдам правительство Касема отдавало себе отчет в том, что существующий в то время статус курдов Ирака не является для курдов приемлемым, что рано или поздно по курдскому вопросу придется высказаться более определенно.

Иракские лидеры не могли не считаться с тем, что курды, наученные горьким опытом, боятся повторения прошлого, когда правящие круги Ирана, Ирака, Турции привлекали их в качестве «ударной силы» для установ —

21

ления угодного им режима, обещая им независимость, а в конечном счете обманывали их, так что курды вынуждены были не раз подниматься на борьбу против своих вчерашних «союзников».

Поэтому после победы революции правительство Ирака было вынуждено декларировать ряд реформ, которые, несомненно, имели положительный резонанс среди курдов. Так, например, временная конституция Иракской республики в I главе (ст. 3) торжественно провозглашала, что «иракское общество основано на полном сотрудничестве между всеми гражданами, на уважении их прав и их свобод. Арабы и курды являются партнерами в этой стране. Конституция гарантирует их национальные права в иракском обществе».

В ряде других официальных документов подчеркивалось, что проведение аграрной реформы в районах, населенных курдами, со временем даст возможность курдскому крестьянству получить землю.

В области социальных реформ курдам было обещано обучение на родном языке, предусматривались мероприятия по улучшению бытовых условий и системы здравоохранения для курдского населения и т. д.

Курды Ирака, естественно, считали, что эти и ряд других мероприятий со временем могли бы явиться логической основой для предоставления им автономии.

Однако этого не произошло. Начиная с 1959 года правительство Касема стало на путь подавления демократических свобод иракского народа. Что же касается курдов, то

они и на этот раз оказались обманутыми. Реакционные силы внутри страны при прямой поддержке агентов СЕНТО повели широкую кампанию против справедливых требований курдского народа на автономное самоопределение в рамках Ирака. Вновь против курдов были брошены регулярные части иракской армии. С лица земли были стерты сотни курдских деревень, десятки тысяч курдских мирных граждан остались без крова. Военные действия охватили весь район Иракского Курдистана. Национальное движение курдов Ирака вступило в новую фазу.

Демократическое движение курдов Ирака возглавили представители радикально настроенных курдов: офицеры иракской армии, представители курдской городской мелкой и средней буржуазии, патриотической части

22

служителем культов и лидеры некоторых курдских племен.

Руководство курдским национальным движением стал осуществлять видный общественно-политический деятель курдов Мустафа Барзани, который одновременно является и председателем Демократической партии Курдистана, объединяющей в своих рядах представителей широких слоев курдской общественности.

Несмотря на все усилия лидеров курдского демократического движения договориться с представителями правящих кругов Ирака о мирном решении курдской проблемы, правительство Касема под различными предлогами отказалось пойти на этот шаг. Военные действия против курдов продолжались.

Коммунистическая партия Ирака, прогрессивные арабские профсоюзы, все патриотические силы страны оказывали курдскому демократическому движению моральную поддержку. Они выступали против антинародной политики Касема, за единство арабов и курдов, за прекращение братоубийственной войны, за удовлетворение справедливых требований курдского народа.

В Заявлении Коммунистической партии Ирака в сентябре 1961 года подчеркивалось, что «нынешнее критическое, непрерывно обостряющееся положение невозможно урегулировать до тех пор, пока правительство не заявит о своей готовности удовлетворить законные требования, выдвигаемые курдским народом в рамках иракского государства. Не удовлетворив эти требования, невозможно обезвредить происки империалистов и пакта СЕНТО, невозможно изолировать агентов империализма, укрепить братство арабов и курдов и предотвратить кровопролитие... Эти требования выдвигаются всеми национальными политическими силами».

Не вняв этому голосу разума, правительство Касема пошло по пути дальнейшей ликвидации остатков демократических прав иракского народа.

Не осуществив на практике ни одну из декларированных реформ, ликвидировав элементарные демократические свободы арабов и курдов, стремясь укрепить лишь свою диктатуру личной власти, Касем так и не сумел найти для себя и своего режима сколько-нибудь серьезной социальной опоры.

23

Разоблачая антинародную политику касемовского режима и поддерживая идею предоставления курдам национальной автономии, Коммунистическая партия Ирака в 1961 году в своем заявлении «О положении в Курдистане» писала: «Арабы Ирака считают курдский народ братом, товарищем по оружию, который долгие годы боролся с ними плечом к плечу против захватчиков, поработителей, империалистов, защищая общую родину, свободу. Арабский народ по только считает национальные требования курдского народа справедливыми, по и знает, что их осуществление будет способствовать укреплению его собственных демократических прав».

Правильность оценки характера касемовского режима, данной КИИ, полностью подтвердилась 8 февраля 1963 года, когда прогнившая, фактически никем не поддерживаемая власть Касема рухнула в первые же часы государственного переворота.

После установления в Ираке нового режима его вдохновители отчетливо сознавали, что без поддержки со стороны курдского национального движения, ставшего важным революционизирующим фактором, им трудно будет рассчитывать на сколько-нибудь длительный и прочный успех. Поэтому новое правительство Ирака стало заигрывать с руководителями курдского демократического движения, обещая им удовлетворение их национальных требований в рамках Ирака.

Проявив свое лояльное отношение к новому режиму, выразившееся в повсеместном прекращении военных действий, освобождении более двух тысяч военнопленных иракской армии, руководители курдского демократического движения вправе были ожидать, что в Багдаде также пойдут навстречу пожеланиям курдского народа. Во время начавшихся переговоров курдские представители выдвинули ряд справедливых предварительных предложений, которые предусматривали вывод из Курдистана всех воинских частей, принимавших участие в боях против курдских вооруженных отрядов, предоставление Курдистану статута автономии в рамках Ирака, справедливое распределение государственных доходов (включая и прибыли, получаемые от нефти). Однако уже с начальной стадии переговоров наметилась явная тенденция затянуть их, выиграть время, а затем в удобный момент сорвать обсуждение этих

24

важных вопросов курдской действительности и перейти к активным действиям против курдов.

В ответ на требование курдов о предоставлении им автономии правящие круги Багдада выдвинули идею административной «децентрализации» управления отдельными провинциями Ирака, в том числе и населенными курдами. Выдвигая эту альтернативу автономии, иракские руководители рассчитывали на то, что курды откажутся от статута децентрализованного района и будут по-прежнему настаивать на предоставлении им автономных прав.

Руководящие деятели Демократической партии Курдистана, вожди племен, представители широких слоев курдского народа во избежание дальнейшего кровопролития и, рассматривая децентрализацию в качестве преходящего этапа на пути достижения автономии, 18 марта 1963 года, собравшись на свой съезд, выработали конкретные предложения по этому вопросу, суть которых сводилась к следующему: а) децентрализованный курдский район должен иметь свое децентрализованное курдское национальное правительство; б) в децентрализованном курдском районе целесообразно созвать Национальное собрание, депутаты в которое избираются из курдов и других народностей на демократической основе путем свободных, тайных и прямых выборов; в) граница децентрализованного курдского района будет проходить на севере, востоке и западе по государственной границе Ирака, а на юге по линии горного хребта Хамрин; г) на территории Курдистана должны находиться только курдские воинские части иракской армии; д) децентрализованный курдский район получает определенную и справедливую долю доходов от нефти, которые направляются на экономическое развитие района; е) делопроизводство в административных и прочих учреждениях должно осуществляться на курдском языке. В районе должно быть введено повсеместное обучение на курдском языке.

Избранная съездом представительная делегация во главе с одним из лидеров Демократической партии Курдистана Джалалем Талабани в начале апреля 1963 года выехала в Багдад с целью обсуждения с представителями иракского правительства принятых съездом предложений.

25

Однако разглагольствуя «о нерушимой арабо-курдской дружбе и единстве», руководители иракского правительства умышленно затягивали переговоры, одновременно концентрируя свои войска на границах Курдистана. В действительности же за кулисами под прикрытием разнузданной шовинистической, антикоммунистической компании шел сговор багдадских правящих кругов баасистов с империалистическими державами, задающими тон в агрессивном военном блоке СЕНТО и заинтересованными в подрыве независимости иракского государства. 10 июня 1963 года баасисты, окончательно отказавшись от выдвинутой ими же идеи о децентрализации, предъявив курдским революционным силам ультиматум о капитуляции, начали против курдов истребительную войну.

Французская газета «Монд», разоблачая лживые слова и вероломные дела баасистов, писала, что один из бывших министров иракского правительства, входивший в руководство правящей в то время в Ираке партии «Баас», в беседе с журналистами заявил о том, что «не может быть и речи о предоставлении курдам автономии... Если генерал Барзани не расположен пойти на компромисс, мы не будем откладывать дело в долгий ящик, чтобы раз и навсегда покончить с восстанием».

Определяя миролюбивые цели курдов в решении жизненно важного вопроса их будущего, один из курдских делегатов, участвовавший в переговорах, заявил корреспонденту «Дейли телеграф»: «Мы хотим мирного урегулирования. Если бои возобновятся, то вина за первый выстрел ляжет не на курдов».

Баасистские правители Ирака не вняли разумному голосу многочисленных общественных организаций, национальных комитетов, лидеров различных стран, призывавших мирными средствами урегулировать курдский вопрос в Ираке. Мирлобие же и выдержка руководителей курдского демократического движения встретили понимание в Каире, Алжире и в других столицах мира. Египетская газета «Аль-Ахрам» писала по поводу курдской проблемы: «ОАР поддерживает возобновление переговоров и заявляет, что урегулирование этой проблемы возможно». А президент ОАР Насер по этому поводу одобрительно заявил: «Никто не может отрицать,

26

что курдский народ существует. Следовательно, он имеет п-рава, и одним из этих прав является право требовать автономии».

Поддержку национальным требованиям курдов оказали и некоторые политические группировки в самом Багдаде. Иракской армии не удалось «в течение 2—3 недель», то есть «задолго до наступления холодов, покончить с курдами», как об этом хвастливо заявляли баасистские правители.

Сознание того, что они борются за правое дело, вдохновляло курдов на священную, героическую борьбу.

Военные действия привели к тому, что в ход боевых операций на стороне правительственных войск Ирака включился ряд других капиталистических стран. Западные державы и их послушные «союзники» по пактам СЕНТО и НАТО, убедившись, что курдов сломить не-удалось, спешно стали разрабатывать планы оказания помощи Ираку, одновременно пытаясь вновь вовлечь страну в СЕНТО.

Иначе говоря, империалистические силы стремились использовать войну против курдов для создания нового проимпериалистического союза с участием не только нынешних членов СЕНТО, но также Ирака и Сирий. Они хотели взять реванш за поражение империализма на арабском Востоке в ходе национально-освободительной борьбы и, в частности, за разрыв Ирака с Багдадским пактом.

В связи с этим активизировали свою деятельность против курдов Иран, Турция и Сирия, которые по воле США, Англии и других западных стран стремились создать в районе Ближнего и Среднего Востока напряженное положение в интересах империализма

и местных реакционных сил. Так, например, в начале лета 1963 года постоянный совет СЕНТО, собравшись в Измире, выработал план агрессии Турции и Ирана против курдов. Этот план широкого вторжения был назван операцией «Тигр». Согласно плану, турецкие войска должны были продвигаться в направлении Мосула, а иранские — в направлении Сулеймание. Разграничительная линия между иранской и турецкой армиями должна была проходить по дороге Роят — Эрбиль — Киркук — Багдад. При подготовке к операции «Тигр» было предусмотрено все до мельчайших подробностей:

27

дипломатические коммюнике для оправдания агрессии, заявления, объясняющие иракскому народу цели нарушения его суверенитета, а также подробные планы военных операций. «Война с курдами, таким образом,— писал «Журнал д'Эжипт», издающийся в Каире,— вышла бы за национальные рамки и превратилась в международную проблему. Выступление СЕНТО было предусмотрено заранее. Члены этой группировки пытаются вновь привлечь на свою сторону Ирак, превращая эту задачу в краеугольный камень своей стратегии».

Несмотря на «вооруженный пояс», затянутый вокруа Курдистана, героические сыны курдского народа продолжали успешно вести борьбу против объединенных сил реакции и империализма.

На стороне курдов было все прогрессивное человечество, которое оказывало им моральную поддержку. Весь мир заклеил баасистских руководителей, которые пошли по пути ликвидации демократических свобод иракского народа — арабов и курдов. «И если политика войны, проводимая в Курдистане, — подчеркивалось в Заявлении Коммунистической партии Ирака, опубликованном 11 июля 1963 года, — привела к ослаблению и в конечном счете к уничтожению диктатуры Абдель Керим Касема, то и на этот раз эта политика ускорит по; воздействием народных масс падение военной диктатуры, правящей клики. В борьбе, которая идет в Курдистан участвуют все, участвует весь иракский народ. Это борьба между демократией и фашизмом, добром и злом, народом и империализмом. Фашистская диктатура разобьется о скалу арабско-курдского союза!»

Кровавая расправа над патриотами Ирака, истребление мирного курдского населения вызвали гнев и возмущение народов всего мира. Советский Союз одним из первых выразил озабоченность положением дел в Ираке в связи с братоубийственной войной, развязанной баасистской кликой между арабами и курдами. Советским людям, воспитанным па ленинских прим ципях интернационализма, далеко не безразличны результаты освободительной борьбы народов, в том числе и иракского. СССР считает своим священным долгом оказывать всестороннюю поддержку и помощь народам, борющимся за свое национальное освобождение. Помогая Ираку в строительстве многих промышленных, сель-

28

сельскохозяйственных и культурных предприятий и объектов, советские люди делают это, прежде всего исходя из делен укрепления независимости Иракской республики, повышения жизненного уровня ее населения — арабов, курдов и представителей других народностей. И естественно, что «советские люди не могут мириться с тем, чтобы те средства, которые они направляют в молодые государства, использовались вопреки интересам их народов на цели, не имеющие ничего общего с борьбой против позорных пережитков колониализма. Советский Союз хотел бы и впредь продолжать и развивать свои дружественные отношения с Ираком, но с учетом того, что и с его стороны будет проявляться подобное же стремление»1).

Реакционная, шовинистическая политика прежнего оааснстского руководства прямо противоречила интересам иракского народа, народов других арабских стран.

Советская общественность с тревогой и озабоченностью следила за развитием событий в Иракском Курдистане еще и потому, что речь шла о районе, расположенном в непосредственной близости от советских границ, районе, который империалисты рассматривают как плацдарм для агрессивных действий против социалистических государств. В памяти советских людей сохранилось немало примеров, когда плацдармы, полученные империалистами близ советских границ, были использованы затем против безопасности Советского государства и других миролюбивых стран.

Выдвигая предложение о прекращении огня в Иракском Курдистане и решении курдской проблемы мирными средствами, Советское правительство одновременно в интересах всеобщей безопасности народов Ближнего и Среднего Востока в июле 1963 года обратилось к правительствам Ирака, Ирана, Турции и Сирии с заявлением, требовавшим положить конец вмешательству в события на севере Ирака.

Постоянный представитель СССР при ООН в июле 1963 года направил письмо председателю Совета Безопасности, в котором подчеркивалось, что «политика репрессий иракских властей по отношению к курдскому народу, борющемуся за свои национальные права, от-

¹ «Правда», 20.VI. 1963 года.

29

крывает возможности внешним силам для вмешательства во внутренние дела Ирака, чревата угрозой расширения конфликта, расшатывает и без того недостаточно прочные устои мира на Ближнем и Среднем Востоке»¹). Многочисленные митинги трудящихся Советского Союза, выступления общественных деятелей и организаций, проходившие под лозунгом «прекратить преступления против курдов», явились важной моральной поддержкой борьбы курдского народа за свои национальные чаяния в интересах укрепления арабско-курдского единства в рамках иракского государства.

Чувствуя поддержку всех, кому дороги идеи мира, справедливости, освобождение из-под ига колонизаторов, курдские национально-патриотические организации, общественные группы, прогрессивные партии в странах Ближнего и Среднего Востока начали консолидировать свои силы для поддержки справедливой борьбы курдского народа.

Убедившись в бесперспективности попыток решить курдскую проблему военным путем, правительство Ирака пошло на заключение соглашения о перемирии с курдами. 10 февраля 1964 года по багдадскому радио и телевидению было передано заявление президента Арефа о достижении мирного урегулирования курдской проблемы.

В заявлении говорилось: в соответствии с государственными интересами и принимая во внимание благоприятный ответ курдов на призыв правительства вернуться к нормальной жизни и положить конец империалистическим интригам и в соответствии с заявлением Мустафы Барзани правительством принято следующее решение:

1. Правительство гарантирует национальные права курдам в рамках Иракской республики. Это будет зафиксировано во временной конституции.
2. Все лица, заключенные в тюрьмы во время событий на севере, будут немедленно освобождены и помилованы, а секвестр на все их имущество будет снят.
3. Местная администрация в северных провинциях будет восстановлена.

¹ «Правда», 11.VII.1963 года.

30

4. Все уволенные чиновники и служащие будут восстановлены в своих должностях.
5. Ограничения, установленные ранее на снабжение продовольствием северных районов, будут отменены.

6. Для осуществления указанных мер будут созданы специальные комиссии. Лицам, которым был причинен ущерб, будет выплачена компенсация.
7. Земледельцы, землям которых был нанесен ущерб в результате уничтожения плотин Дербенди-Хан получают компенсацию.
8. Правительство примет все меры к тому, чтобы и, безопасность на севере, и выражает надежду, что между курдами и арабами будет поддерживаться национальное единство во имя борьбы против империализма. Правительство со своей стороны приложит все усилия к обеспечению их законных прав.
9. Все соответствующие министерства издадут постановления во исполнение положений данного заявления.

Этот разумный шаг правительства Ирака нашел благоприятный отклик во всех частях земного шара. «Новость об окончании военных действий в Курдистане,— писала в те дни каирская газета «Журналь д'Эжипт»,— воспринята с великой радостью на всем арабском Востоке. Арабы рассматривали эту войну как опасный очаг пожара, искры которого могли в любой момент перекинуться на тот или иной участок Ближнего Востока». Прекращение огня в Курдистане — торжество прогрессивных сил стран Ближнего и Среднего Востока, результат усилий всех людей доброй воли.

Позиция Советского Союза по данному вопросу ясно выражена в телеграмме президенту республики Арефу от 15 февраля 1964 года: «Правительство и народы Советского Союза восприняли с большим облегчением весть о достижении соглашения о прекращении братоубийственной войны в Ираке против курдов, которые в настоящее время получают возможность развития в направлении осуществления своих чаяний. Этот государственный акт имеет большое значение для укрепления мира на Ближнем Востоке, повышает престиж Иракской республики и в глазах народов мира». Далее в ней говорилось: «Укрепление уз братских отношений между арабами и курдами будет зависеть

31

от должного учета чаяний курдского народа и их удовлетворения. Все это откроет иракскому народу действительную возможность привлечения все здоровых и прогрессивных сил нации к делу укрепления независимости страны и подъема благосостояния населения Ирака»¹).

В своей ответной телеграмме от 17 февраля 1964 года маршал Ареф писал, что прекращение военных действий между арабами и курдами в Ираке привело к возобновлению нормальной жизни, упрочению национального единства и укреплению его основ. В этом же ответе маршала Арефа сказано также следующее: «Арабы и курды тысячелетия совместно проживают в одной стране как братья и людям, прибегающим к интригам, никогда не удастся внести раскол между ними. Мы уверены, что дорогая родина будет развиваться и двигаться вперед широкими шагами которые обеспечат для нее мир, процветание, свободу и социальную справедливость»².

«Курдский народ надеется,— заявил представитель Демократической партии Курдистана Акрауи, — что его национальные требования будут удовлетворены. Это означает, что курдам должно быть гарантировано право самим решать свои внутренние дела, то есть, другими словами курдам должна быть предоставлена автономия в рамках Ирака. Вся территория Курдистана полностью контролируется самими курдами».

Все это свидетельствует о том, что борьба за решение курдского вопроса в Ираке вступила в решающую фазу.

* * *

Русскому востоковедению по праву принадлежит выдающееся место в объективной постановке и освещении многих важных социально-экономических проблем из жизни

курдов и Курдистана. Несмотря на то, что русские прогрессивные востоковеды XIX и первой половины XX века в своих исследованиях по курдскому вопросу и не поднимались до уровня серьезных соци-

¹ «Правда», 16.11.1964 года.

² «Правда», 20.11.1964 года.

32

социальных обобщении, тем не менее они с предельной исторической достоверностью отображали события, происходившие в «стране курдов», свидетелями которых они являлись.

Русские путешественники, чиновники, ученые, военные, бывавшие и Курдистане, с большим пониманием и сочувствием отписались к справедливой борьбе курдского народа за свои национальные интересы. Многочисленные книги, исследования, статьи, словари, этнографические зарисовки, посвященные курдам, лучшее тому подтверждение.

Предлагаемый вниманию советских читателей перевод книги Н. Никитина¹ «Курды» представляет собой исследование научно-познавательного характера. Автор книги, много лет проведенный среди курдов в странах Ближнего и Среднего Востока, посвятил курдам серию историко-этнографических работ, хорошо знал курдский язык, стремился исследовать экономический уклад жизни курдских племен и другие аспекты их жизни.

В книге, состоящей из 12 глав и приложения, которая публикуется с некоторыми сокращениями, читатель найдет много интересных страниц из жизни и героической летописи борьбы курдского народа за свои права. Каковы вопросы, оказавшиеся в поле зрения автора? Во-первых, автор много места уделяет проблеме происхождения курдов, их лингвистической и антропологической характеристике и не без успеха рассматривает историю происхождения курдов, ссылаясь при этом на труды как западных, так и русских и советских исследователей.

И хотя автор, как, впрочем, и другие его коллеги, не вносит окончательной ясности в спорный вопрос о происхождении курдов, тем не менее его анализ заслуживает определенного внимания.

Сопоставляя различные точки зрения и теории на происхождение курдов (работы Н. Я. Марра, В. Ф. Ми-норского, курдский источник — «Шереф-наме» и др.), автор в конечном счете приходит к правильному выводу о том, что курды являются древнейшим народом мира,

¹ Н. Никитин - бывший русский консул в Персии, член Азиатского и Этнографического общества в Париже, член Международного Антропологического института, действительный член Международной дипломатической академии.

33

обладающим богатой историей и высокой языковой культурой, и издавна населяют ныне занимаемые ими районы в странах Ближнего и Среднего Востока.

Однако трактовка автором генезиса курдского языка является, на наш взгляд, спорной, а в ряде случаев неточной.

Перед исследователем курдского языка, как впрочем, и любого другого, стоит задача (если добраться до истины) показать, как шел процесс становления и развития языка курдов и под влиянием каких факторов он на определенных стадиях претерпевал те или иные изменения. Однако было бы неправильным считать, что в основу курдского языка лег какой-нибудь другой (пусть даже родственный ему по словарному фонду) язык. Историческая самобытность курдского языка не вызывает сомнений. Это доказано трудами многочисленных советских лингвистов и курдологов.

Во-вторых, в книге нашли некоторое отражение проблемы социального и этнографического характера, а именно определение структуры курдского племени, анализ

специфической курдской общины — «оба». Автор с предельной точностью (с использованием курдской терминологии) приводит весьма интересные этнографические данные по широкому кругу вопросов из жизни и быта курдов, населяющих различные районы Ирана, Ирака, Турции и Сирии. Красочно описан характер курдской свадьбы и ее особенности.

Несомненно, интересны в книге разделы, повествующие о взаимоотношениях между знатью и рядовыми курдами, которые в основном построены на материалах, относящихся к периоду конца XIX и начала XX века.

Однако следует отметить, что с тех пор в социально-экономической жизни курдов произошли серьезные изменения, связанные с дальнейшим ростом товарно-денежных отношений в Курдистане, углубляющимся процессом классовой дифференциации в деревне, ростом удельного веса и организованности курдского рабочего класса, повышением уровня классового и национального самосознания курдских рабочих, крестьян, ремесленников, патриотической части мелкой и средней нацио-нальной буржуазии, духовенства и т. д.

В-третьих, круг вопросов, рассматриваемых автором и посвященных анализу проблем национального дви-

34

жения курдов в различные времена, также представляет определенный интерес. Понятно, что в книге отсутствует анализ современного этапа национального движения курдов. Перечень приводимых в книге курдских восстаний, правда, без соответствующих выводов и анализа, все же представляет известный интерес, свидетельствующий и о том, что симпатии автора — на стороне борющихся курдов.

Автор сообщает о появлении первых курдских националистических, политических организаций, возникших в ходе национального движения курдов как в период второй мировой войны, так и после нее. Он придает этим организациям большое значение с точки зрения их важного прогрессивного вклада в национально-освободительное движение курдов.

Что же касается вопросов, связанных с генезисом курдской государственности и курдской нации, то автор рассматривает их под углом зрения буржуазного объективизма. В определении же этапов национальной консолидации курдов В. Никитин ограничился лишь элементарным сопоставлением имеющихся мнений по этому вопросу.

В-четвертых, много места автор уделяет проблеме духовной и культурной жизни курдов.

Он своеобразно определяет степень религиозности курдов, их отношение к исламу, их мистицизм, влияние шейхов на повседневную жизнь и т. д.

В связи с этим важное место в книге занимает проблема изучения «езидизма» — религиозного течения, отличного от канонического ислама, но близко смыкающегося с другими религиями. В книге отражена полемика автора с проф. Н. Я. Марром по этому и ряду других вопросов.

Будучи хорошо знакомым с курдской литературой — ее прозой, поэзией, фольклором, устным народным творчеством, — В. Никитин подробно знакомит читателя с интересными произведениями курдских поэтов, прозаиков и народных сказителей — Факх Тснрана, Бате, Ахмеда Хани — автора эпической поэмы «Мам и Зин», — Нали, Салима, Хаджи Кадера, Абдель Кадер Захави, Али Камилл, Ахмедбек Джаффа и др.

Определенное место в заключительных разделах книги В. Никитин отводит описанию жизни курдов в

35

СССР. Автор подчеркивает, что в отличие от других стран, в которых проживают курды, Советский Союз является единственной страной, где курды получили возможность прогрессивного развития. Несмотря на несколько сдержанный тон в описании жизни курдов в СССР, автор, однако, не смог обойти молчанием тот факт, что именно благодаря решению национального вопроса в Советском Союзе курды достигли больших успехов в подъеме своей экономики и культуры.

Курды Советского Союза в единой семье братских народов вышли на широкую дорогу прогресса и самобытной культуры. Сегодня курды СССР — это свободный, равноправный народ со своим рабочим классом, колхозным крестьянством и интеллигенцией. Теперь уже во всех областях нашей многогранной жизни можно встретить курда. Многие курды стали учеными, писателями, врачами, агрономами, учителями. Зажиточно живет курдское колхозное крестьянство, свободно пользуясь плодами своего труда.

Курды принимают активное участие в государственной жизни СССР, являясь депутатами местных и высших органов власти в стране.

Только в течение последних 20 лет в Советском Союзе на курдском языке издано более 800 наименований книг по различным отраслям знаний. Курдская молодежь овладевает науками в стенах высших, средних и специальных учебных заведений, курдские дети охвачены всеобщим обязательным обучением на родном языке. На курдском языке издается газета «Риа Таза» («Новый путь»). Ереванское радио ежедневно транслирует передачи и на курдском языке.

* * *

Вопросы, изложенные автором в своей книге, весьма интересны с фактической и познавательной точек зрения. Несмотря на известные недостатки книги, определяемые буржуазно-объективистскими взглядами самого автора, читатель найдет в книге много интересного, нового и увлекательного из жизни свободолюбивого курдского народа.

И. О. Фаризов

36

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К ФРАНЦУЗСКОМУ ИЗДАНИЮ

Курды и Курдистан? Кто они, где расположена их страна, какой интерес для нас представляют они в дни и, и без того заполненные другими заботами? Такие вопросы возникнуть у любителя книг, остановившего свой пытливый взгляд на витрине книжного магазина... В самом деле название выставленной книги ничего не говорит французскому читателю. Автор книги предвидел такую реакцию, и не это ли как раз и привлечет интерес к еще мало разработанной теме, известной лишь узкому кругу специалистов? И разве эта тема не стоит того, чтобы показать, что собой в действительности представляют курды и их страна?!

Французскому общественному мнению тем более не позволительно игнорировать бесконечную сложность Азии, эту *genatrix gentium*, немедленно после окончания первой мировой войны вдруг открывшуюся перед удивленными глазами мира в новом и неожиданном свете. Привычные инертность и застой вдруг уступил место необычайному возбуждению, росту устремлений и требований, национальным движениям, поднимавшим одновременно важнейшие политические и экономические проблемы устройство мира.

Далеко не получив в то время удовлетворительного решения, эти порожденные первой мировой войной проблемы стали лишь еще более актуальными и неотложными. И не

правда ли, теперь, более чем когда-либо важно знать как можно более точно все данные этих проблем нашего времени.

Изучая курдов и Курдиста, с которыми я имел возможность познакомиться во время своего пребывания консулом в этом далеком уголке Азии, я стремился

37

при помощи этой книги дать возможность читателю понять этот «забытый историей» народ, определить его место в политической, социальной и духовной эволюции мусульманского Востока, рассказать о его отличительных чертах, его устремлениях, а также об отношении к нему соответствующих правительств стран зоны его обитания и дипломатии этих правительств.

Автор полагал, что, несмотря на все особенности этого народа, объясняемые, впрочем, условиями его социального и политического развития, определяемыми в свою очередь естественной средой зоны его обитания, его образом жизни, следует попытаться объективно представить его себе таким, каков он есть, со всеми его хорошими и дурными сторонами, отбросив существующие предвзятые суждения.

Словом, позиция автора в соответствии с принципом «все понять, все простить» была продиктована исключительно желанием придерживаться первой части этого принципа, избегая крайностей, возможных во второй ее части.

Автор считает в то же время необходимым предупредить, что, учитывая широту темы, он воздержался от изложения истории курдов в целом.

Быть может, она охватывает даже века, прошедшие вслед за отступлением «Десяти тысяч» Ксенофонта, столкнувшегося с «карду», предками курдов, доходя до наших дней? Если подойти к ней с этой стороны, то эта долгая и бурная история может привлечь лишь внимание специалистов. А пока необходимо еще провести кропотливые подготовительные исследования для того, чтобы заполнить лакуны в столь обширной исторической панораме. История курдов живо связана с историей всех народов, которые на протяжении веков сменяли друг друга на такой полной динамизма арене, как Передняя Азия. Лишь, тогда, когда станет известна во всех подробностях эта насыщенная многочисленными перипетиями история, специалисты могут попытаться осветить один за другим все сложные вопросы, раскрывающие нам историю становления курдов.

Итак, автор ограничился изложением в довольно широком плане всех сторон жизни курдов, стараясь дать о ней как можно более полное представление. Не закрывая глаза на тот факт, что многие вопросы этой

38

мозаичной истории будут лишь затронуты в данной книге, он тем не менее убежден, что приступил к рассмотрению всех основных элементов проблемы. Коснемся ли мы этнографии, этнологии, археологии, истории, лингвистики, курды представляют собой весьма обширную область для исследования. Если бы Курдистану когда-нибудь предоставили возможность жить нормальной, мирной жизнью, наука от этого только выиграла бы. Можно надеяться также, что исследователи появятся из среды самих курдов — есть уже несколько предвещающих это признаков.

Каким бы несовершенными, по мнению востоковедов, ни явились еще наши сведения о Курдистане, мы все-таки можем представить его условия, познакомиться с его образом жизни, который автор стремился показать во всех его аспектах. Он, бесспорно, характеризуется еще родо-племенной структурой, от которой курд не отошел, хотя процесс перехода курдов к оседлому образу жизни (в СССР) уже происходит и может быть ускорен развитием стран, в которых он обитает. Во всяком случае, в настоящее время самой характерной чертой курда нам представляется его принадлежность к племени. И если мы признаем, что это так, то легко объяснимы недостатки курда, так и его добродетели. Несколько своевольный, непокорный, он, однако, полностью

соответствует своему месту в рамках племени, он верен племени и его вождю; это отважный воин, готовый пожертвовать собой ради племени, гордящийся своей принадлежностью к определенному роду, своей гениологией, своим заполненным борьбой прошлым. Превосходный всадник, облаченный в красочные одежды, он с особой любовью относится к своему оружию. И пришло уже, пожалуй, время показать облик курда, ибо курды — единственные индоевропейского происхождения кочевники, уцелевшие до нашего времени.

Дома курд — превосходный отец семейства, преданный своему домашнему очагу, где жене отводится место, необычное для других мусульман; он нежно любит своих детей, особенно сыновей. В часы отдыха он любит слушать бродячих певцов, хранителей курдского эпоса, или же с увлечением пляшет в компании женщин, что также отличает его от других народов,

39

исповедующих ислам. Он поет, импровизируя, и лирические песни, прославляя любимую или свои ратные подвиги. Он обладает чувством юмора и в то же время очень наивен. Именно таким представляется нам курд, более всего влюбленный в родные горы, в свои пенящиеся потоки, гордо вздымающиеся вершины и глубокие ущелья, прекрасные летние пастбища с огромными стадами — основными источниками его существования.

Все исследователи признают, что у курда живой ум и способность быстро разбираться даже в таких малознакомых ему областях знания, как механика. Попав на нефтедобывающие предприятия, он оказывается образцовым работником. Что касается религии, то даже при условии, что курды в целом подчиняют ее интересам племени, верхушка племени отличается глубокими! познаниями в мусульманстве, и прежде всего в мистических его таинствах. Живость ума толкает курда нередко и к «богоискательству». Отсюда разнообразие верований курдов, которые отнюдь не ограничиваются исламом; курды исповедуют также культы, восходящие к весьма отдаленному прошлому и связанные с историей Курдистана, расположенного на пути пересечения различных религий, пустивших свои корни в Передней Азии.

Душа этого народа раскрывается также в его богатом различными оттенками фольклоре, представляющем обширную область для исследования. Письменная литература менее развита. Однако имеется несколько очень древних произведений этого рода. Следует отметить, что ныне предпринимаются усилия, заслуживающие внимания; они относятся к курдскому национальному движению, полную картину которого автору хотелось представить, тщательно изучая его возникновение и прослеживая все последующие этапы его развития.

Таким образом, читатель увидит, что, помимо этнологического обзора курдской жизни, заслуживающего того, чтобы с ним познакомиться, жизнь курда начиная с определенного времени характеризуется теми же чертами, что и у других восточных народов, обнаруживших горячее стремление к национальному освобождению сразу же после окончания первой мировой войны.

40

Короче, исследование судеб курдов в настоящее время определяется бесспорным политическим злободневным интересом. Сразу по окончании первой мировой войны, в период определения сфер влияния и создания государств—преемников Османской империи, курдский вопрос всплыл на повестку дня.

Одно время даже казалось, что требования курдов получают международное признание у великих держав, выступивших в качестве арбитров в этой ситуации. Вопреки торжественным обещаниям и ширококвещательным заявлениям границы были определены не с учетом этнических или гуманных соображений, а ради удовлетворения завуалированных интересов деловых кругов и государственных канцелярий. Объявленная

вместо гарантий так называемая опека Лиги Наций оказалась впоследствии весьма несовершенной; она отвечала лишь интересам Сент-Джемского кабинета. Между тем не поддающиеся контролю события, происходившие в Курдистане, напоминали о том, что курдская проблема так и не решена; это же подтверждали частые и кровавые восстания — свидетельства неукротимой волн этого народа.

Преждевременно сейчас говорить о будущем международном статуте стран, в которых живут ныне курды, но очевидно, что любое урегулирование будет фиктивным и лишь неизбежно загонит болезнь внутрь политического организма, если снова будут игнорироваться права курдского меньшинства, которое сознает их и намерено ими воспользоваться.

В самом деле, достаточно бросить взгляд на карту, и мы обнаружим, что все пути, пересекающие Переднюю Азию и идущие с Запада на Восток в историческом направлении обмена с Востока, будь то пути, ведущие через высокогорное Армянское нагорье к Иранскому Азербайджану, или дороги, пролегающие в ущельях между Месопотамией и Ираном, — все они проходят через весь Курдистан. Этот же вопрос встает также, если говорить об эксплуатации подземных богатств, а именно нефти. Месторождения этого ценного продукта находятся как в курдской части Ирака (Киркук), где они уже эксплуатируются, так и на Армянском нагорье, где нефтяные области, меднорудные и другие месторождения также разведаны и частично

41

эксплуатируются. Эти утилитарные соображения кажутся очевидными и непосредственно связаны с затронутыми политическими и экономическими интересами. Они, по-видимому, должны быть приняты во внимание, когда за зеленым столом соберется будущая конференция, посвященная Курдистану.

Хочется верить все же, что не только указанные мотивы привлекут внимание дипломатов и экспертов, призванных теперь устроить мир. Моральные соображения, принципы права, международной справедливости и разума дадут, как мы надеемся, о себе знать и восторжествуют, дабы человечество было избавлено от разочарования. В будущем устройстве мира курдская проблема, какой бы незначительной она ни казалась в общем масштабе, должна также найти свое решение, если хотят принести благо мира людям, населяющим пространства Азии.

Чтобы успешно выполнить свою задачу, автор, целиком основываясь на своем опыте и личных исследованиях, проводимых вместе с муллою Сандом, курдским ученым, широко использовал работы немецких, английских, французских, итальянских, иранских, польских и русских востоковедов и курдологов, которые каждый со своей стороны способствовали обогащению наших знаний по Курдистану. Их имена будут приведены в соответствующих местах книги, но автор считает необходимым особенно подчеркнуть вклад Н. Я. Марра, В. Ф. Минорского и О. Вильчевского — своих соотечественников, которым в той или иной степени он обязан значительной долей успеха в его исследованиях, а также французов Рондо и Леско, чья точная документация, относящаяся к сирийским курдам и езндам, была ему весьма полезна. Автор выражает особую благодарность Рондо за просмотр рукописи книги, а также Луи Массиньону, который всегда поддерживал автора в его курдских исследованиях.

Транскрипция арабских букв, почерпнутая из различных источников, не всегда точно соответствует принятым в ориенталистике правилам. Поскольку моя работа не носит строго лингвистического характера, я надеюсь, что меня не будут строго судить за это.

В. Никитин
Апрель 1943 г.

42

ГЛАВА I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

I. Условности критериев

Решение проблемы происхождения народа нередко представляет большие трудности, особенно в тех случаях, как, например, с курдами, когда исторические источники отрывочны и в некоторых отношениях не поддаются проверке. Чтобы определить «гражданское состояние» народа, чаще всего оперируют такими его признаками, как название, раса и язык, не будучи твердо уверенными в их абсолютном значении. Действительно, название само по себе не позволяет прийти к какому-либо удовлетворяющему заключению о народе, которому оно присвоено. Достаточно привести несколько примеров, чтобы убедиться в этом. Так, если основываться только на названии «францзы», не зная исторического прошлого этого народа, можно предположить, что он германского происхождения. Существуют также расы и языки, в которых невозможно определить с достоверностью первоначальные элементы их в том виде, в каком они были в прошлом, в момент возникновения народа, засвидетельствованного в истории. Впрочем, для лингвиста проблема кажется более легкой, так как нередко он конструирует предполагаемый «архетип» слова, отмечая его типографской звездочкой. Напротив, антрополог не может восстановить первоначальный тип человека в нисходящих поколениях. Более того, до последнего времени антропологи не пользовались надлежащей помощью археологов¹).

1. «Я выхожу из себя при мысли, что археологи, раскопавшие в тысячелетиях слоя Западной Азии столько великодушных памятников, так мало придавали значения останкам человека, которые им встречались» (E. P i l l a r d, *Les Races et L'Histoire*, p. 388.) «Когда думаешь об объеме раскопок, проведенных на территории Ирана, об исторических, художественных и лингвистических ценностях, полученных в результате их, приходится глубоко сожалеть, что антропологический материал, который осветил бы этногенезис этого древнего прошлого, не заинтересовал археологов, занятых столь важными поисками» (там же, стр. 446).

43

Из лекции Г. Коптело, прочитанной в Парижском этнографическом обществе в 1937 году, известно, впрочем, о споре, возникшем в результате изучения нескольких шумерских черепов: шумерская скульптура отражает тип брахицефалов, однако данные краниометрии не подтверждают это. Недостаточное внимание, уделяемое археологами костным остаткам, которые находят при раскопках, объясняется частично быстрым разрушением человеческих останков под воздействием воздуха и трудностями их консервации для целей антропологического исследования. Метод, обеспечивающий такую консервацию, особенно черепов, усовершенствован недавно (Кейс), и следует надеяться, что отныне археология и антропология получат возможность плодотворно сотрудничать. Более трудно, вероятно, будет примирить обе эти науки с лингвистикой. Короче, все эти критерии, разумеется, условны¹). Иногда так же трудно восстановить точное происхождение народа, основываясь на первоначальных данных и событиях, сообщенных летописями, как -и описать по внешнему облику зрелого мужчины, каков он был в детстве. Конечно, можно думать, что при этом будет обнаружено некоторое сходство, однако при всей нашей добросовестности не следует забывать, что при установлении указанного факта мы руководствуемся уверенностью в том, что речь идет об единственной и той же самой личности, в то время как между народом, каким мы его знаем сегодня, и его предполагаемым пер-

¹Вот, например, что говорит Г. Контеио о финикийцах: «Таким образом, в отношении финикийцев пришли к заключению: поскольку их язык относится к семитическим, их тут же сделали семитами, не приняв во внимание имевшиеся этнические данные.

Следует ли все же совершенно отказаться от исследования расы и языка при характеристике народа? Я остаюсь убежденным и противным, имея в виду, что чем более углубляться в прошлое, тем больше возможностей найти соответствие между расовыми и языковыми данными; вполне вероятно, например, обнаружить на заре истории семитскую расу, говорящую на семитском языке» («*La Civilisation phénicienne*», p. 357).

44

вобытным обликом разделяющие их промежуточные звенья достаточными, чтобы можно было их считать идентичными.

2. Кардухи Ксенофонта

С этими оговорками мы приступаем к исследованию происхождения курдов. История сообщила нам некоторое число имен, более -или менее созвучных с современным названием этого народа, что дает возможность специалистам заняться различными интерпретациями, поочередно оспариваемыми.

Итак, обычно допускалось, что кардухи, о которых говорит Ксенофонт в сообщении об известном отступлении (в 401—400 гг. до н. э.) своего десяти тысячного отряда через современный Курдистан к Черному морю, были несомненными предками курдов. Такие же горцы, как и курды, живущие на той же территории, очень храбрые, имеющие сходное название, — что же еще нужно, чтобы подкрепить гипотезу? Однако при современном состоянии исследований в этом, по-видимому, нет больше уверенности. Сначала такие востоковеды, как Нёльдеке¹), известный авторитет в данном вопросе, М. Гартманн, Вейсбах, доказали, что по лингвистическим соображениям термины *курд* и *карду*² не могут считаться эквивалентными. Эти ученые допускают, напротив, что *Κυρτιοί* или *куртии* античных авторов, особенно Страбона, которые жили в Малой Мидии и Персисе, были курдами. В последнее время С. Ф. Леман-Гаупт, известный специалист по истории этой части Азии, вернулся к вопросу о кардухах, в которых он видит предков не курдов, а грузин-картвелов³.

Последние (именуемые также иберами) иммигрировали на свою современную территорию в относительно позднее время и постепенно смешались с находившимися

¹*Th. N 6 I d c k e, Kardu und Kurden, in Festschrift f. H. Kie-per, Berlin. 1898; M. H a r t m a n n, Bohtan, in «Mitt. d. Vorderasiat. Gesell.», 1896/2, 1897/1; WeUsbach, in Pauly-Wissowa, Real Encyclop...s. v. Καρδοῦχοι ἢ Κυρτιοί.*

²Термин *карду* имеет семитские аналогии, особенно с аккадо-ассирийским *карду* — «сильный», «герой», и *караду* — «быть сильным».

³*C. F. Lehmann-Haupt, On the origin of the Georgians, in «Georgica», -N 4 and 5, 1937.*

45

уже там мосхами¹). С другой стороны, эта иммиграция, согласно грузинскому преданию, шедшая с юга, в те времена, когда Геродоту ничего не было известно об иберах, находившихся на Кавказе, имела место между V— самое позднее I веками до н. э. Итак, продолжает Леман-Гаупт, территория вокруг места слияния Восточного (Бохтан-су) и Западного Тигра была населена в конце V века кардухами, и народ этот, как доказала Т. Нёльдеке и Р. Гартманн, не имеет ничего общего с курдами, которые пришли из Персии и обосновались в этом районе несколько веков назад. Термин *кардухи* утрачивает арамейское окончание множественного числа *карду-х* и *карду* сближается с местным названием насельников Грузии (Иберии) *карт'уели* (*карт'вели*). Названия *Кордуена*, *гордии* и другие, которыми именуются южная территория и ее население, содержит тот же

корень. На этой территории, населенной в прошлом кардухами, встречается значительное число пещерных жилищ, имеющих большое сходство с грузинскими горными поселениями, но существенно отличающихся от доармянских (халды) построек на скалах. После завоевания Азии Александром Македонским часть территории кардухов, включая Нусайбин, была колонизована македонцами, выходцами из Мигдонии. Волнения, вызванные их водворением, прямо или косвенно могли затронуть кардухов и побудили часть их эмигрировать на север во времена, хронологически совпадающие с указанной выше датой иммиграции иберов; другая часть осталась на

¹ У. Э. Аллен (W. E. Allen, *A History of Georgians people*) сводит имена легендарных эпонимов грузинского народа — картлов, мхетов и уплов, потомков библейского Тогармы, сына Яфета, к трем корням: К-Д. М-С, Б-Л, обозначающим племена, известные в древней истории Азии. По этому поводу он говорит: «Корень К-Д является одновременно наиболее важным и наиболее неясным. Он представлен в названии грузинской области Картли (Картвелии). Он сохранился в современном названии «курды», которое носит известное число как первобытных, так и смешавшихся племен в горах Армении. В составе этих племен определенно находятся потомки беженцев периода вторжений скифов и киммерийцев. И название кардухи, данное Ксеиофотом племенам долин Верхнего Евфрата и Аракса, является историческим свидетельством связи между различными формами этого коренного наименования» (стр. 16—17). Название курды сближают также с «кудраха» клинописных текстов (Керзон, I, 550, цит. по: В. Бартольд, *Историко-географический обзор Ирана*, стр. 130).

46

своем прежнем месте обитания в Гордиене (Кордуене) греков и римлян. А если это так, то в «Анабасисе» Ксенофонта, где он рассказывает о семидневном переходе через страну кардухов, мы имеем наиболее раннее описание способов ведения боя, обычаев и нравов одного из главных элементов, составивших впоследствии грузинский народ, заключает Леман-Гаупт. Кардухи-картвелы, следовательно, были южными соседями халдов, (урарту), в то время как другой основной составной элемент грузинского народа — мосхи соседствовал с халдами на севере.

Это сближение кардухов с картвелами, произведенное Леман-Гауптом, уже, впрочем, не ново. Та же гипотеза была сформулирована русским ученым Н. Я. Марром в статье «Еще раз о слове «челеби» (К вопросу о культурном значении курдской народности), опубликованной в «Записках Восточного отделения императорского Русского Археологического общества», т. XX, вып. II—III, 1911. Однако если Леман-Гаупт исключает из своей концепции курдов, Марр, напротив, допускает, что «...с течением времени будет поддержано реальными переживаниями первоначальное тождество кардухов (курдов) и картов (грузин), ныне оторванных друг от друга тысячелетнюю историю», и там же добавляет: «Если бы такая точка зрения со временем оправдалась, то некоторые слова наличного курдского языка можно было бы рассматривать как переживания первоначального курдского языка картской группы яфетической ветви, как например, курд, *bav* (<i>*bam)—отец карт. *tam-a* — отец, курд, *de//da*, равно *diia* — мать, карт. *ded-a* — мать и *dia* (напр, *dia saqlisi* — мать дома, хозяйка, *di-atsi* — женщина, букв, мать-человек)»¹... Разу-

¹Любопытной проблемой грузинской палеонтологии является смешение мужского и женского рода; происхождение этого факта, вероятно, связано с матриархатом. Оно иллюстрируется транспозицией первичных слов, означающих отец и мать, имеющих в большинстве языков общую форму. Мала—по-грузински означает отец, деда — мать (Allen, *op. cit.*, p. 37). Это замечание, касающееся матриархата, следует учитывать, как мы увидим это из дальнейшего.

Отметим, впрочем, что в персидском языке также существует слово *dada*, употребляемое в значении мать в детской игре *sar-i-tatak*. (См. в обозрении «*Sukhan*», № 2, 1331, стр. 122; прим. 4.)

47

меется, в этом случае пришлось бы отказаться от и существующих объяснений. Само собою попятно и то, что решение задачи зависит от правильной постановки дела

сравнительного изучения всего комплекса культурно-этнографических явлений в жизни, с одной стороны; курдов, с другой — яфетических народов, а отнюдь не от более или менее остроумного сопоставления географических терминов, которое может навязываться случайным созвучием. В отношении этнических терминов при настоящем девственном состоянии разработки их мы не можем утверждать, например, одного ли с основами *kard* (Καρδοῦχοί) и *kord* (> *gord*: Горδ+υ+ηνή) происхождения *kwrt* (Κύρτιος, *cyrtius*) или это случайное совпадение двух терминов. Мы, во всяком случае, пока не видим основания сближать с южными халдами-кардухами племя *хал* + *иб'ов* северо-западной Армении, с некоторого времени также называвшееся халтами, точнее — *хал* + т'ами или *хал* + *ти'ами*. Ниже мы еще будем говорить о теориях Марра¹). Возвращаясь к кардухам, родственные связи которых с курдами, по-видимому, почти полностью дезавуируются, отметим, вновь сославшись на Ксенофонта, что они не признавали ни власти царя Артаксеркса, ни Армении. Когда в I веке до н. э. Тигран II завоевал Кордуену, ее царь Зарбиен был казнен. В 115 году н. э. царем Кордуены был Манисар, Арменизация провинции Кордуена была лишь поверхностной².

Невзирая на то, позволительно или нет с точки зрения законов лингвистики сопоставлять кардухов и кур-

¹Яфетическая школа Марра сначала имела дело с языками! Кавказа. Дабы подчеркнуть, что эти языки не принадлежат ли к одной из известных языковых «семей», они были названы яфетиче-1 скимн. Затем, постепенно, в поле зрения школы оказались другие языки; халдский (доарийская Армения), шумерский, эламский, некоторые наречия Памира, а также баскский, берберский и т. д. На своей последней фазе развития яфетология стала именоваться «новым учением о языке» (см. В. Nikitine, *L'on'gine dii Ian-gage, la theorie japhetique du professciir N. J. MaiT et son application*, «Ethnographic», 1936, No 32).

²См. об этом у Дюмезиля (*Donicxil, Scnlaures*, p. 250, n. i): «Не исключена возможность, что восточная связь проявляется через героя Гордо, эпонима Гордиены, которого греки изображают преследующим корову Ио по морю и суше до границ Армении» (*Steph. J. Byz. s. v. Γορδοατα*; см. *S t r a b o*, XVI, 747—750, *О Гордо см. Ρ ε η η ε z, Demeter und Persephone*).

48

дов, следует все же отметить тот факт, что в местной топонимике засвидетельствован термин *Кард*. Арамейцы называли этот район Кордуены Бет-Карду, а современный город Джизре-ибн-Омар — Газарта д'Карду. Армяне пользовались названием *Кордух*, а арабы — *Бакарда*. У армян и арабов район собственно Карду был пространственно ограничен. Впрочем, точных границ провинции Кордуена не знали. Ее три города — Сарейза, Саталка и Пинака (современный Финик) — были расположены на Тигре. Но следует помнить, что, согласно Страбону, горы Кордуены, *Γορδοῦαίαδρη*, простирались между Диярбакыром и Мушем.

Однако гипотезы о происхождении курдов, построенные на изучении названий, которые нам сохранила история в этом районе, не ограничиваются кардухами Ксенофонта. Не следует забывать, что между IX и VI веками до н. э. нагорье, ставшее впоследствии армянским, служило территорией Халдского царства, или Урарту (первое местное название и второе ассирийское эквивалентны библейскому Арарату). Эти халды, которых не следует смешивать с халдеями-семитами Вавилонии, одно время представляли силу, способную причинять серьезные неприятности Ассирии, с которой они вели частые, порою успешные войны. Итак, фонетические законы допускают сопоставление названий *халд* и *карду*, которые в свою очередь могут иметь какую-то связь с картвелами-грузинами. Тем не менее эти констатации не проливают более света на происхождение курдов, учитывая, что мы не знаем многого о халдах, этнические характеристики которых также спорны¹).

¹Как говорит Сэйс (*Sayce, The Races of the Old Testament*), расовый тип первых насельников Арарата, или Армении, каким он представлен в изображениях на стенах царского дворца в Ассирии, сходен с типом современного населения страны. Послы Арарата, прибывшие в Ниневию к Ашишурбатипалу, были долихоцефалами, с высоким лбом, прямым толстым носом с горбинкой, тонкими губами, правильным

подбородком, довольно низкого роста. На бронзовых дверях в Балаваре воины Арарата изображены в греческой форме — касках с гребнем, одетыми в короткие туники до колен, на ногах сапоги с согнутыми носками, в руках — небольшой круглый щит. Но среди них представлены два этнических типа: одни похожи на послов к Ашишурбанипалу, но на этот раз с усами и бородой, другие — с лицами без растительности, с прогнатическими чертами лица и профилем, как у хеттов. Ни в одном из этих типов невозможно обнаружить арийца. Сэйс добавляет здесь же, в примечании, что это единичный случай, когда послы к Ашишурбанипалу были изображены долихоцефалами, тогда как современный армянский тип отличается явной брахицефалией со средним индексом 85,7. Брахицефалия вообще характерна для кавказских народов, как это показали измерения фон Эркerta.

49

Известно только, что их язык не был индоевропейским и имеет некоторое сходство с языками картвельской группы. Между тем курды, по крайней мере в настоящее время, говорят, бесспорно, на языке иранской группы, следовательно, индоевропейском.

Профессор А. Смешек¹⁾ приводит все возможные ономастические параллели, подкрепляя их весьма разумными фонетическими доводами. В заключение он делает замечание, несомненно заставляющее призадуматься, что, например, название кельты нам также известно в трех различных формах: Κέλται, Γάλάται- и *Galli* (*Galat-oi* → **Galt-o i* → *Gald-oi* → **galli*).

Мы только что предупредили читателя, что не следует смешивать доармянских халдов с вавилонскими халдеями. Но это необходимое различие было установлено и принято в востоковедении относительно недавно (ср., между прочим, уже цитированную нами статью Леман-Гаупта, в которой этот вопрос подробно излагается). До этого доминирующей была как раз гипотеза, основывающаяся на их родстве с халдеями. Согласно Библии, последние действительно размещались в восточном Курдистане. В этом же смысле высказывался и Марко Поло. Кроме того, он говорил о курдах-христианах в горах Мосула. Для средневековой западноевропейской науки этого было достаточно, чтобы увидеть в курдах потомков халдейских волхвов, упомянутых в Новом завете. Видные историки и филологи конца XVIII века Михаэлис и Шлецер, настаивая на необходимости собирать точные сведения о языке и культуре курдов, тем не менее поддерживали гипотезу средневековой науки о халдейском происхождении курдов. Между тем уже в то время практические работы миссионеров-доминиканцев Гарзони (курдская грамматика которого проявилась в 1787 году), Сольдини и других, основанные на отличном (для своего времени) знании

¹⁾ См. его статью в польском журнале о названии «хетты»: A.S. mieszek, «Rocznik Orientalystyczny», т. II, 1925.

50

нескольких курдских диалектов, показали прямую связь курдского языка с современным иранским. Эта связь была такова, что Гарзони, например, счел возможным использовать для печатания на курдском языке переводов церковных книг латинизированный иранский алфавит, созданный для этих целей уже в конце XVII века конгрегацией «Пропаганда веры». Таким образом, признанием близкого родства курдов с иранцами, а их языка диалектом иранского была выдвинута проблема иранского происхождения курдов.

Появление большого числа работ о Курдистане, курдах, их языке в первой половине XIX века, первые конкретные сведения об истории курдов, их диалектах, племенах, размещении, о доисламских верованиях курдов и прочем, так же как и переворот в научных представлениях, происшедший в результате открытия и дешифровки памятников древних культур Переднего Востока, часть которых была найдена на территории собственно Курдистана, — все это способствовало пересмотру устаревших суждений первых курдологов. Наукой вновь была поставлена проблема происхождения курдов и их

языка. Известные лингвисты Е. Редигер и А. Ф. Потт, опираясь на сравнительное языкознание, решительно отвергли вероятность халдейского происхождения курдского языка, установив его связи с современным персидским и зендским, их общим материнским языком. Гипотеза об иранском происхождении курдского языка, таким образом, окончательно утвердилась в науке.

Русский ученый Куник, устанавливая с помощью исторических данных неоспоримую связь древних культурных народов Передней Азии с курдами, утверждает на основании материалов о родстве курдского языка с персидским иранское, а затем и арийское происхождение не только библейских халдеев, но и всей культуры Малой Азии¹). Эти мысли Куника были развиты и популяризованы Репаном². Не без влияния Дорна они послу-

¹A. Kunik. *Essai, pour cclaircir au moyen de l'histoire comparee la question de l'influence des Iraniens sur les destinees de la race semitique*, «*Melanges asiatiques*», t. I, p. 540.

²E. R e n a n, *Histoire generale et systeme comparee des langues semitiques*, t. I, p. 27—33, 54—62? 433 et suiv. *Этот обзор первых выступлений курдоведов принадлежит Вильчевскому (О. Вильчевский, Мэпп и курдоведение. Язык и мышление, VIII, 1937).*

51

жили основой для незавершенной монографии П. Лерха «Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях». Последний уже а priori видит в курдах «потомков тех воинственных и сильных иранских халдеев, которые уже в III тысячелетии до н. э. в виде горцев, полных воинского духа, спустились в Тигро-Евфратскую низменность и покорили здесь слабые семитические племена Вавилонии, оживляя новыми силами это государство»².

3. Концепция В. Минорского о мидийско-скифском происхождении курдов

Теперь известно, что, основываясь главным образом на созвучии названий кардухов, картвелов, халдов и халдейцев с курдами, а также на совпадении ареалов их размещения с территорией современного Курдистана, в этих народах пытались увидеть предков курдов (не лучше ли было бы сказать тезок?)³. Известно также, что; в отношении курдского языка в настоящее время наиболее распространено мнение, ассоциирующее его с персидским. Мы еще вернемся к этому вопросу при освещении взглядов яфетической школы, но прежде хотели бы изложить здесь концепцию происхождения «курдов, выдвинутую профессором В. Минорским на XX Международном конгрессе востоковедов в Брюсселе в 1938 году, поскольку она дает нам в новом освещении тщательно отобранный материал.

В. Минорский [начинает с нескольких предварительных замечаний. Так, он отмечает, что если бы вознамерились искать для курдов локальных предков, то ими

¹ П. Лерх. *Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях*. СПб, 1856, кн. I.

² Там же, стр. 2.

³ Упомянем еще кутиев (гутии), так как речь идет о племени горцев-несемитов. Именно династия Саргонидов к концу 2622 года до н. э. прекратила свое существование под ударами спустившихся с северных гор варваров-кутиев, которые господствовали в стране до 2498 года до н.э. Этих варваров называют белыми, что свидетельствует об их северном происхождении. Их язык, к сожалению, неизвестен, а в царских именах нет подлинных индоевропейских признаков. Профессор Пенсильванского университета Е. А. Шнейзер в своей работе «*Mesopotamian Origins*», Philadelphia, 1930, высказывает мнение, что курды, вероятно, той же расы, что и гутии и лулубеи Загроса.

52

скорее окажутся Πάρθυοις (а не кардухи), которых следовало бы принять во внимание. Действительно, это название можно проследить от упоминания его Геродотом на

пространстве до Бохтана, северного притока Тигра. Приток этот находится именно в Бет-Карду и должен был произноситься в прошлом «Бокх-тан». Согласно Геродоту, армяне и пактии (Πάχτυες = Бокхт-ане) населяли 13-ю сатрапию Персидской империи. Следует отметить также, что Бохтану (древний Бокхтан) отводится очень важная роль в курдском предании, изложенном в «Шереф-наме»: в нем говорится, что все курды будто бы являются потомками двух братьев Бохта и Бачана. Однако, повторно исследовав различные названия, которые можно сопоставить с названием курды, Минорский делает замечание, что «в принципе рискованно основывать происхождение народов на этимологических данных. Последние должны опираться на исторические и географические факты». Лучше >не скажешь. Затем он упоминает, что в очень раннее время в арабских источниках название «курды» стало синонимом «кочевников». Чтобы избежать путаницы, Минорский оставляет в стороне этих «кочевников» и рассматривает лишь курдов, говорящих именно на курдском языке.

«Для курдов, разбросанных на столь значительном пространстве и обладающих столь заметными различиями в соматическом облике, существенными факторами (для их национальной характеристики) являются образ жизни, а также язык».

Несмотря на то, что курдский язык имеет несколько диалектов, он обнаруживает большое постоянство отличительных черт и, без всякого сомнения, принадлежит к северо-западной группе иранских языков. Различия, которые устанавливают между курдским и персидским языками, встречаются во всех диалектах. Минорский справедливо делает из этого вывод, что в основе курдского язмка лежит язык какой-то значительной группы и что основные его характерные черты сформировались до экспансии курдов и их рассеяния в горах. Хотя от первоначального мидинского языка нам известно лишь несколько собственных имен, невозможно представить себе формирование северо-западных диалектов иранских областей без 'участия индийского фактора. Приняв во вин-

53

мание соображения исторического и географического порядка, следует допустить, что экспансия курдов могла произойти только из Малой Мидии, то есть Атропатены, или современного Азербайджана.

Установив это, Минорский переходит к историко-этническому анализу района, расположенного к югу от озера Урмия, который служил объектом распрей между Ассирией и Урарту, где впервые (в IX веке до н. э.) иранцы упомянуты на Западе.

Сначала на юге от озера имелись неиндоевропейские княжества (Аллабрия, Хархар, Эллипи и др.), затем на юго-западе — область Парсуа (впервые упомянута в 844 году до н. э.), которую считают древним местом обитания персов; на юго-востоке от Парсуа — мидийцы (матай, мада), упоминаемые с 836 года. Несколько позднее 714 года название Парсуа исчезает (персы эмигрируют к югу) и мидийцы постепенно становятся хозяевами всего района. Наконец приходит загадочный народ, по имени маннай, или манией, непосредственные соседи Парсуа с востока, известные примерно, с 856—830 годов. Об этнической принадлежности маннейцев не известно ничего определенного, но, во всяком, случаи, они

¹Н. Я. Марр (Избранные работы, т. V, М.—Л., 1935, стр. 17-18) связывает корень «ман», означающий в яфетических языках «вода», «озеро», с элементом «ван», который составляет название Венского озера и входят в названия двух других озер: Се-ван-ского и Топар-ского (Топора-ван). Он указывает также, что слово «голубой», примененное к озеру Урмия в греческом языке — ἡ Μαυτιανί, — было перенесено на озеро Севан, называемое по-турецки Гёк-ча — «голубая вода», что, вероятно, явилось позднейшим переводом названия, известного с древнейших времен местному населению. Эти параллели ассоциируются им с этническими миграциями народов с коренным названием «ман». Со своей стороны Штрек (Streck, Z.A., XV, p. 372—373), анализируя, название «мидийцы», замечает, что клинообразные надписи дают три его варианта: амадай, матай и мадай. Соответствие между формой амадай и мадай, а также матай объясняется большим числом аналогий. Что касается народа матай, то его сразу сопоставляют с матиенамп, которые населяли прибрежные районы озера Урмия и в глубокой древности распространились

от Галиса до Сузианы (T. h. R. ejnach, *Les Matienes*, «Revue des Etudes grecques», 1894, VII, p. 313 et suiv.). Если между мадаями и матаями не может идти речи о различии, то против сближения матеев с матиенами говорит тот факт, что Страбон и Птолемей приводят параллельную форму *Μαυιανοί*. Однако Смешек (R.O., II, p.162) указывает, что в кавказо-каспийских языках «н» перед согласными произносится очень слабо и легко выпадает. По его мнению, в таких названиях, как манда//мада, мидийцы, или *ματιανοί/ματιενοί*, имеются лишь кажущиеся различия. Прашек (цитируемый Штреком, стр. 355, примечание) — ассоциирует мандай//манда с манненцами. Во всяком случае, любопытно в мантианах и матиенах вновь обнаружить тот же корень «ман», который мы здесь рассматриваем, тем более что, географически налицо неоспоримое совпадение области их расселений.

Ср. также Y. G. odard, *L'aventureux art scythe*, «L'ame de l'Iran», 1951, p. 39 et suiv.

54

основательно смешались с мидийцами. Маннейцы, кроме того, не избегли иранизации, в особенности после того как среди них обосновались скифы, иранизм которых больше не вызывает сомнений.

Эта этническая картина изменяется в VIII веке до н. э. Сильный удар Ванскому царству наносится прежде всего вторжением киммерийцев, за ними следуют по пятам скифы, которые частично оседают среди маннейцев. Скифы господствуют в Азии около 28 лет (между 642 и 615 гг. до н. э.), но в конце концов мидийцы восстают. Их царю Киаксару удается истребить скифских вождей, и он тотчас же выступает против ослабевших ассирийцев. В 612 году до н. э. пала Ниневия. Среди союзников мидийцев рядом с царем Вавилона упоминается Уммаи Манда — «орды племен Манда», как ассирийцы обычно называли киммерийцев и скифов. Сходство названий мада, манда и маннай к тому же дает повод к недоразумениям. Крушение Ассирии все-таки оставило пустоту, которая должна была быть кем-то заполнена. Как раз в это время и должна была происходить экспансия иранских племен на Запад. Киаксар выступает против Лидии. Продвижение индийских племен было полностью обеспечено поддержкой его войск.

Тем временем армяне заняли место халдов в бассейне озера Ван, и зона, свободная для экспансии иранцев и примкнувших к ним племен, определилась территориями к югу от озера, расположенными вдоль левых притоков Тигра, то есть долинами, которые образуют сердцевину нынешнего Курдистана.

После истребления скифских вождей маннейцы не могли «е постараться вернуть свое влияние. С начала VII века они осуществляют несколько вторжений в Ассирию. Позднее, в V веке, их название, по-видимому, находит свое отражение в *Ματινή* Геродота, описывающего большую «царскую дорогу» персов, затем в назва

55

нии *Μαυτιανή*, которым Страбон в начале нашей эры называет озеро Урмию, тогда как Птолемей дает ему название *Μαδτιανή*, или *Μαδυιανή*, добавляя, что этот район «простирается вдоль всей границы Ассирии». Таким образом, ясно, что территория древних Маргианы—Матиены — Матиены — Маннай была лимитрофом Ассирии. После падения Ассирии наибольшими выгодами, следовательно, должны были воспользоваться маннейцы.

К этому перечню этнических названий, почерпнутому из ассирийских источников, Минорский добавляет мардов, *Μαρδοί*, которые встречаются у греческих авторов. Итак, после переправы через Кентрит десятитысячный отряд Ксенофонта был атакован соединением персов, в которое входили марды и армяне. Среди племен Атропатены Страбон упоминает наряду с киртиями мардов. У Птолемея марды тоже соседи киртиев. Минорский, таким образом, допускает, что это были родственные мидийские племена и что, возможно, марды продолжают предание о маннейцах. «Формы *Μαυτιανή*, *Μαδτιανή* подсказывают возможность варианта названия с δ вместо ν. Сама природа этого ν указывается ассирийской транскрипцией маннай, со сдвоенным ν».

Что касается киртиев, то мы не располагаем прямыми свидетельствами об их родстве. Их название, местная форма которого представляется как *корт*, не имеет достоверной этимологии. В ассирийских источниках, казалось, находили народ, называющийся *куртии*, но в настоящее время это название читается как *кур-хи-и*.

Как бы там «и было, киртии впервые упомянуты Полибием в 220 году до н.э.; они являлись пращниками в войсках правителя Мидии, сражавшихся с селевкидским царем Антиохом III. 30 лет спустя Тит Ливий упоминает их как наемников в Малой Азии у того же

Исм., R e i n a s h, Les Kyrtiens, «Revue archeologique», t. XIII. p. 115—119. Курды были известны своим военным искусством. Любопытно отметить, что жители Гордиены слыли несравненными строителями и военными инженерами: Тигран, царь Великой Армении, завоевав курдов, вывел 35 тысяч их вслед за своим войском, «чтобы провести дороги, перекинуть мосты, очистить реки, вырубить леса и произвести иные военные работы». Что касается античных классиков, то я сошлюсь на слова Плутарха о том, что Лукулл встретил в Антиохии вождя курдов.

56

Антиоха, а в 171 году — на службе у царя Пергама. Следовательно, во II веке до н.э. они легко перемещались, и можно представить себе, что их предки не преминули заполнить собой пустоту, образовавшуюся после падения Ассирии¹).

Если, как это делает затем Минорский, рассмотреть еще и некоторые географические названия, особенно такое, как *Κόρτια*, которое Птолемей относит к востоку от Гордиены (Бет-Карду) и которым может быть только **Кортаία*, а также то обстоятельство, что в географии Армении находятся соответствующие названия (Корчек, Кордух, Кордик), содержащие элемент *корт*, то допустимо прийти к заключению, что киртии-курды в своей экспансии следовали направлению от берегов озера Урмия к Бохтану, где с IV века было известно курдское княжество Махкерт.

В связи с этим Минорский предлагает весьма остроумную гипотезу, объясняющую название «курмандж», которое курды сами дали себе. Отделяя начальный суффикс «дж», он видит в остающихся составных частях первый элемент кур(д) и второй, соответствующий Мидии или маннейцам-матианам.

«Если марды были потомками маннейцев, эта гипотеза, вероятно, найдет подтверждение в генеалогии курдского эпонима, который приводится Масуди в X веке: Курд-бин-Мард-бин-Са'са'а-бин-Гарб-бин-Хавазин».

«Имея в виду исторические и географические данные, представляется весьма правдоподобным, что курдская нация сформировалась из слияния двух однородных племен мардов и киртиев, которые говорили на очень близ-

¹В качестве примера большой подвижности иранских племен приводят также перемещения асагартиев (в названии которых тоже содержится элемент *гарт*, который, по-видимому, можно сравнивать с подобными корнями, анализированными выше). Е. Херцфельд сообщил мне в 1928 году в Оксфорде, что, асагартиев можно рассматривать как предков курдов; он полагал, что их название отразилось в названии города Са'ерд, Сирт на Тигре. Асагартии, или сагартии, населяли сначала Сеистан. Затем, в ассирийское время, их находят в Мидии под названием *зикирту* или *закруты* (ср. Streck Z. A., XIV, p. 146). Со времен Дария (ср. Бехистунскую надпись) их столица уже находилась на равнине Арбелы, где Дарий казнил их царя Читрантахму, изображение которого на Бехистунской скале близко к курдскому типу (ср. L. W. King, *The Sculptures of Behistan*).

57

ких мадийских диалектах. С другой стороны, несомненно, что в своей экспансии на запад курды включали в свой состав некоторые местные элементы.

Аргументы, собранные Минорским, кажутся весьма убедительными, и, по мере того как в курдском языке и их истории находят элементы, подтверждающие автохтонный характер курдов, тезис об их иммиграции с востока будет утверждаться.

4. Яфетодологическая концепция автохтонного происхождения курдов

Концепцию автохтонного происхождения курдов защищал Н. Я. Марр и его яфетическая школа. Выше мы цитировали сформулированное им в 1911 году мнение о вероятном первоначальном тождестве кардухов (курдов) и картов (грузин), оторванных друг от друга тысячелетней историей. В противоположность Мннорскому, который в своих заключениях старается следовать как можно ближе за известными нам историко-этническими связями, Марр избирает своей отправной точкой негативное утверждение о разрыве исторических связей между курдо-картвелами, то есть определяет лауну, которую необходимо прежде всего заполнить. Правда, значение этой лауны, если допустить трехчленное уравнение — кардухи-кارتвелы-курды — заметно уменьшится хотя бы потому, что такое допущение основывается только на интерпретации одной этимологии, без опоры на достоверно установленные историко-географические факты и, кроме того, оно совершенно не принимает во внимание возражения, высказанные против сближения названий кардухи и курды. Следовательно, лишенная пока что историко-географической базы, яфетическая концепция сталкивается с еще одной трудностью. В самом деле, отрицать, что курдский язык, каковым мы его знаем, в настоящее время, является языком персидским, невозможно. Марр, стало быть, вынужден предположить, что «язык курдский, очевидно, подвергся коренному изменению, полной замене яфетического арийским»; в связи с этим он цитирует предание, по которому курды отказались от своего самобытного языка и усвоили язык, близкий к персидскому. Однако согласно этому

58

преданию, упомянутому Масуди¹), они первоначально говорили на арабском языке.

Марр, следовательно, допускает, что курды сменили свой язык (факт сам по себе возможный, как это видно на примере болгар), но в то же время он подчеркивает образное выражение Кер Портера, что «нравы курдов так же незыблемы, как скалы их края». Он делает как раз намек на езидизм (одно из верований курдов, имеющий отношение, с одной стороны, к сабеизму, а с другой — к различным неправомерным течениям, которые обнаруживались в Армении, и к фактам религиозной жизни, наблюдаемым в более отдаленных районах вплоть до Грузии. Для Марра имеет значение совокупность черт, которые способствуют формированию национального или, скорее, социального типа.

Так как Марр и его школа в своих лингвистических теориях ставят задачей исследование социальных факторов, за которыми признается решающая роль в формировании и развитии языка, концепция языковых семей ими отбрасывается. Что принимается во внимание — так это формирование внутри человеческих групп, начиная с наиболее ранних стадий развития, соответствующего мышления, определяемого отношением человека к роде и к своему племени, а также условиями его труда и существования. Миграции народов, обладающих сформировавшимся языком, способным оказать решающее влияние на язык покоренных народов, следовательно, уделяется мало внимания. Скорее, последовательное скрещение языков между группами, втянутыми и совместную деятельность, определяет изменения в их речи и т. д.

Проблеме курдов Марр посвятил только одну (упомянутую выше) работу. Но позднее, в других работах, он попутно говорит о курдах так, что эти его высказывания составляют определенную совокупность взглядов²). По мнению Марра, курды — автохтоны горных районов Ма-

¹См. *Quatremere. Notice sur le Kurdes*, « *Notices et extraits des Manuscrits de la bibliotheque du Roi et autres bibliotheque* », p. 303.

²См. также очерк О.Л. Вильчевского «Н. Я. Марр и курдоведение», 1936, на который мы уже ссылались.

59

лой Азии, и курдский язык сформировался именно здесь, а не в какой-то другой точке земного шара. В соответствии с изменением социально-экономического фактора у говорящего на этом языке народа, а также под несомненным влиянием сменявшихся очагов культур, когда курды играли довольно активную роль, курдский язык претерпел коренные изменения от яфетического состояния, которым он обладал у грузин и у халдов, до индоевропейского, что связало его с иранскими языками, языками Армении и, возможно, с «индоевропейскими» элементами хеттских языков. В конечном счете в феодальном Курдистане он испытывал на себе и турецкое влияние. Таким образом, индоевропейские черты обнаруживаются в курдском языке только на определенных этапах его развития, которые не являются ни началом, «и завершением его формирования. Каковы же причины этих изменений? «Это не внешние массовые миграции, а революционные перемещения социальных слоев, вызванные новыми ресурсами материальной жизни, качественно новой техникой И качественно новым социальным строем. В результате — новое мышление, а с ним новая идеология в структуре языка и, естественно, его новая техника».

Что касается самого названия курды, то Марр считает, что совпадение его с армянским словом *курт* (*kurt*) — «евнух» не случайно и имеет параллели [*гур-ан* (*gur-an*), означающее в курдском языке своеобразный класс у этого народа; *кор-чай* (*kor-tchai*) в армянском языке — «армянское племя»; *кор-ду* (*gor-du*) — «грузин» по-мингрельски сближается с *кар-д* — «грузин, кардух»]. Это соприкосновение социальных и этнических терминов свидетельствует, что все народы, все племена, по правде сказать, все социально-экономические формации... в общем прошли через матриархат и, более того, через особый строй, при котором рождение и вскармливание детей регулировалось специальной организацией, в которой евнухи играли культовую роль. Курдское слово *хе-ву* (*he-vu*)=*хе-еи* (*he-vi*) — «женщина», по Марру — пережиток этой организации; его первоначальное значение — «наложница», «гаремная женщина» — эволюционировало от коллективного к индивидуальному.

Сравнивая термин *кур-т* с аналогичным армянским мард-пет, также означающим «евнух», Марр приходит к

60

следующему заключению: «Само название *мард-пет* чисто так называемое племенное: так, арм. *кур-т* — тотем и название особого племени, раньше социально-экономического образования — куртов или курдов; так, *мард-пет* — глава (*пет*) такого же по структуре племени мар-дов, то есть мидян, ибо название мидян *mada* с долгим *a* восходит к *inard*, как архетипу, а в свою очередь армянское название мидян, именно *mag*, — это первая часть скрещенного племенного названия мидян (*ma-da* <- *mar-da*// = *do*)¹).

Весьма любопытно к тому же отметить, что Минор-ский и Марр, идя различными путями, приходят к почти схожим заключениям. По крайней мере для обеих доля участия индийцев в этническом генезисе курдов кажется достоверной. При этом, исследуя халдский, а также язык 2-й категории (не персидский) ахеменидских надписей, Марр обнаружил очень близкие связи между курдским и мидийским языками². В какой-то мере курдский язык предстал перед ним как прямой наследник мидийского. Между тем этническое название *курмандж*, которое лежит в основе остроумной гипотезы Минорского, объясняется Марром иначе. Он то сближает его с названием «армянин» (*harmen*, **kar-mentch*, *kar-mendj* — *kur-mandj*), то хочет видеть в нем киммерийца³.

Итак, по проблеме происхождения курдов имеется две концепции. Согласно одной из них, курды — иранского происхождения (индоевропейского) и переселились в VII веке до н.э. из района озера Урмия к Бохтану (Кентриту), по другой — они автохтоны, родственные другим азиатским народам, таким, как халды, грузины,

¹Н.Я. Марр, *Избранные работы*, т. V, М.—Л., 1935, стр. 487. V.

²В своем сообщении «*Zur Dialectologie Nordirans*», Zurich, E. Баер, между прочим, отмечает: «Докладчик, сравнивая в трех случаях курдские, индийские у фарсидские элементы, противоречит себе. По-видимому, здесь нужно установить древние особые связи между курдами и мидийцами, которые основаны не на заимствованиях, как во множестве новоперсидских производных слов, которые переняли курды. К тому же надо в каждом случае делать разграничения, которые при лексикологических совпадениях могут быть отнесены только к непосредственно соседнему диаметру» (см. *Акты XX Международного конгресса востоковедов*, стр. 157).

³См. Н. Я. Марр, *Избранные работы*, т. V, М.—Л., 1935, стр. 206.

61

армяне, на языке которых они говорили в прошлом, а позднее сменили его на персидский. Следует отметить к тому же, что обе концепции не исключают полностью друг друга. В самом деле, с одной стороны, Минорский допускает возможность азиатских влияний на курдский язык; в заключение изложенного выше сообщения он говорит: «Существование двух r ($r + r$) и t ($t + t$) является общей чертой в армянском и курдском языках и может восходить к древнему местному субстрату. Нам остается упомянуть суффикс множественного числа — *te(kelesete* — «разбойник»), который встречается в курдских диалектах на Севере, то есть в районах, где, по нашим предположениям, более вероятно обнаружить следы языка мардов. В южных говорах нет этого суффикса. В этом факте заманчиво увидеть след поселения части скифов среди маннейцев, предполагаемых предков мардов.²

С другой стороны, Марр, утверждая автохтонный характер курдов, не может удержаться от идеи их родства с индийцами и признает, что яфетический слой в курдском языке проявляется менее четко, в то время как в своей индоевропейской части курдский язык отлично определяется как персидский.

Обе концепции к тому же не обязательно противоречат друг другу хронологически. Курды появились на левом притоке Тигра в середине VII века до н. э. Довольно длительное время они, следовательно, были там соседями кардухов, название которых в 400—401 годах

1. Что касается этого древнего местного субстрата, будет, пожалуй, интересным указать на пример, в котором курдская морфология совпадает с морфологией курритского языка, который до II тысячелетия до н. э. был распространен в Северо-Западной Месопотамии и Северной Сирии. Речь идет о так называемом исключении суффикса, которое встречается как в курдском, так и в хурритском языках. Ср. сообщение проф. Я. Фридриха (Лейпциг): «Что нам известно о хурритских языках? Для именной флексии характерен прием так называемого исключения суффикса, состоящий в том, что управляемое ими принимает, кроме своих собственных окончаний, еще и окончание управляющего имени» (*Акты XX Международного конгресса востоковедов*, стр. 130.).

По поводу суффикса множественного числа—*te* ср. мой очерк в «*L'Ethnographie*». В грузинском: *teret tere* — «цар царей».

²Впрочем, Минорский отмечает, что пориход *d* в *t* свойствен курдскому языку и в качестве примера приводит *Mamtan < Muhammad*. Я приведу другой случай: *hola < hoda*.

62

до н. э. засвидетельствовано Ксенофонтom. По Леман Гаупту, кардухи эмигрировали из этой местности в Грузию-Иберию лишь при Александре Македонском, а возможно, даже позднее, в I веке до н. э. Это значительный промежуток времени, в течение которого киртии и кардухи, горные соседские племена, могли вступить в контакт и во всех отношениях оказывать друг на друга влияние. Я позволю себе привести пример, близкий к нашему времени. Горцы-несториане, переселившиеся с равнин Мосула в горы верховья Большого Заба, во многих отношениях ассимилировались со своими соседями курдами. Курдские сказки и песни также популярны у несториан. В настоящее время

имеются курдские племена, в прошлом исповедовавшие христианство. В словаре тех и других имеются обоюдные заимствования; многие говорят на двух языках.

Не печальтесь относительно расхождений в исследованиях о происхождении курдов, следует, напротив, пожелать, чтобы каждый в своей области исследования продолжал накапливать и анализировать исторические, социальные и лингвистические факты. Было бы очень интересно более глубоко изучить вопрос о матриархате. Говорят, что для народов Малой Азии характерны существование этого института, двадцатиричной системы исчисления и оргиастическая практика в религиозной жизни. В своем анализе термина «евнух» Марр уже показал нам направление, по которому следует идти при изучении матриархата. Мы полагаем, что по меньшей мере среди некоторых курдских племен еще существует обычай давать детям родовое имя по их матери. Этот знаменательный пережиток требует более тщательного изучения. Двадцатиричная система исчисления также, по-видимому, оставила следы в курдском языке, что подтверждается Вильчевским в его исследовании, посвященном этому вопросу. Наконец, оргиастическая практика (очень умеренная в действительности) приписывается курдам — езидам и дерсимаам (кызылбашам). Все отмеченное заслуживает внимания. Если удастся

¹В одном из рассказов, имеющемся в моем распоряжении, я также обнаружил упоминание о том, что среди некоторых племен счет ведется только до 20; 30 обозначается как 20+10, 40 — как дважды 20, 100 — как пятью двадцать и 1000 — как десятью сто.

63

Найти этим данным большее подтверждение и собрать вполне достоверные факты, концепция автохтонности курдов весьма усилится. Она усилится также, если ей удастся показать в фонетике, морфологии или словарном составе курдского языка его неиранские компоненты. В качестве скромного вклада мы попытались изложить наши мысли по этому поводу и позволяли себе привести несколько этимологических курдо-яфетических параллелей (см «le Kurde»; «Le Kurde est-il Iranien?» в «Oriental Studies in honour of Dasturji Saheb Cursetji Erachji Pavry», 1934.

5. Курды о своем происхождении

Теперь нам известна сущность споров, в которых ломают копья востоковеды, выступающие «за» или «против» индоевропейского происхождения курдов. Что думают о своем происхождении сами курды, можно представить себе при чтении курдского исторического произведения «Шереф-наме», написавшего в 1596 году (на персидском языке) эмиром Шереф-ханом Битлиси. В своем предисловии этот автор рассказывает легенду о тиране Зоухаке, сменившем Джемшида на троне Пишдадидов и ставшем пятым царем этой династии. Зоухак был поражен странной болезнью: на каждом его плече была опухоль в виде змеи. Самым искусным врачам не удавалось вылечить Зоухака. Чтобы избавиться от болезни, дьявол посоветовал ему лечиться мозгами молодого человека. Каждый день в жертву Зоухаку приносили двух молодых людей. Между тем человек, который должен был осуществлять эти ежедневные «азни, был добр и преисполнен чувства жалости к своим жертвам¹.

¹По другой версии, эту скорбную обязанность выполняли два человека, называвшиеся Курмаил и Армаил. Является ли простым совпадением, что первое имя наводит нас на мысль об интерпретации термина Курмандж? В нем в самом деле встречаются два элемента — кур и ма. Сопоставьте эти курдские данные с замечанием Павсания, что в жертвоприношениях Дионису в Беотии дети заменялись козлятами. В религиозной символике Передней Азии, с другой стороны (ср. гл. XI, в конце), змея иногда сопоставляется с Дионисом. Зоухак — баран, Дионис (змея) — козленок, в обоих случаях замена человеческой жертвы. Приведем мнение Дюмезиля по угову поводу: «В истории Аздахака появление и фатальный поцелуй дьявола-фаворита... вмешательство чудесного повара Армаила-Курмаила, спасающего ежедневно людей от

смерти и обучающего их разведению скота, вероятно, локальный (курдский?) образец амвросианских легенд о двух архангелах кормильцах Хордад-Амердад (Иран), Харут-Марут (арабский мир)». См. «Centaures», p.66.

-
64

Вместо двух человек он убивал одного, а мозги второго заменял мозгами барана. Те, которые спаслись таким образом, должны были скрываться в диком и недоступном горном районе. Со временем число их умножилось и от них произошел курдский народ, который стал заниматься земледелием и скотоводством. Они были известны своей дерзкой храбростью, и поэтому некоторые арабские авторы называли их племенем злых духов — «ал-акрад таифатун мин ал-джинн». По этому поводу курдский издатель нового выпуска «Шереф-наме», появившегося десятком лет назад в Каире, Фараджулла Заки в специальном примечании рассматривает вопрос о злых духах мусульманских авторов и приходит к заключению, что курды не имеют к ним никакого отношения. «Если мы обратимся к истории,— пишет он,— мы отметим, что среди курдов было много справедливых царей, как, пример, султан Салах-эд-дин (Саладин), ученых мужей и благочестивых людей, перечисление которых заняли бы много места. Что же касается происхождения курдов, то об этом говорится во введении». Во введении упомянутых издателей другой курд, Мухаммед Али Авни, ставит своей задачей доказать индоевропейское происхождение своих соотечественников, опираясь на лингвистическую аргументацию. В том же смысле этот вопрос рассматривает и другой современный курдский писатель Сейид Хусейн Хузни в своем небольшом труде «Гонче-е-Бехар» («Весенняя почка»), посвященном истории курдов.

Во всяком случае, о Зоухаке любопытно отметить еще следующее: Мориер (Morier, Second voyage 1812) сообщает, что ежегодно 31 августа в Демавене празднуется освобождение Ирана от тирана и что этот праздник называется «айд-и-курди» (курдский праздник).

Существует также другая легенда, по которой курды якобы были потомками изгнанных Соломоном наложниц и демона Джасада. Легенда эта основывается на этимоло-

65

логии арабского глагола *каррада* — изгонять. Чаще всего народная этимология связывает название *курд* с персидским словом *гурд*, означающим «герой».

Согласно армянской легенде, курды появились, вероятно, только в X веке н. э.

«Когда (в X в.) арабское владычество стало колебаться и умножились эмиры в различных странах, скифы, бывшие по ту сторону Каспийского моря, называемые турками, устремились во множестве в Персию и Мидию, овладели многими местностями, обратилась в их веру и сделались ими (персами и индийцами) по религии и языку. Многие из них, соединившись с мидийскими князьями, вторглись в Армению в пределы кардухов и моков, овладели этими странами и осели в них. Они-то и называются теперь курдами. Некоторые из них двинулись в Месопотамию армянскую и сирийскую, где и поселились. Позднее с ними постепенно слились и многие из христиан, обратившись в их веру»¹).

6. Антропологические доводы

Если сделанный нами обзор в области истории и лингвистики оставляет еще несколько неясных вопросов и не позволяет сформулировать определенную гипотезу происхождения курдов, то и антропология не окажется для нас более полезной. В самом деле попытка антропологической классификации была проделана лишь недавно. Восточные курды, сфотографированные Штольцем, все представлены темным типом с крайней брахицефалией, в полной аналогии с персидским населением этого района. Совсем другими выглядят западные курды, тщательное антропологическое обследование которых было

произведено фон Лушаном в Коммагене (близ Каракуша), у Немруд-Дага и в Зенджирли. Значительная часть их представлена светлым типом долихоцефалов (индексы от 74 до 76). Из этого обследования фон Лушан делает вывод: «Курды по происхождению народ светлый, с голубыми глазами, долихоцефалы», так что

1. Цитируется по (Н. Я. Марру, «Еще раз о слове «челеби», стр. 121.

2. Ср. А. Baschmakoff, *Les peuples autour de la Mer Noire dans leur etat actuel*. «Bull de la Sec. d'Ethnogr, de Paris», 1930.

66

появление среди них в некоторых районах темных элементов с брахицефалией якобы является результатом скрещивания с турками, армянами или персами.¹

Фон Лушам предполагает, что эти исконные курды (светлые долихоцефалы), вероятно, пришли с Севера Европы, не утверждая, однако, что они обязательно германские элементы. Но эта гипотеза выводится им из факта, который он считает достоверным и который состоит в том, что «нигде, кроме как на Севере Европы, невозможно до сих пор установить место происхождения светлых долихоцефалов с голубыми глазами». Соотношение светлых типов по данным обследования фон Лушана следующее: в Каракуше (Черное море) — 71 индивидуум из 115, то есть 62%; в Немруд-Даге (озеро Ван) — 15 из 26, то есть 58%; в Зенджирли — 31 из 80, то есть 39%.

Впрочем, вероятно, что этот северный тип пришел в Переднюю Азию, владея другим языком, а не курдским, который ему, по-видимому, был навязан в результате контакта с иранскими элементами, которым он подчинился, как отмечает А. Башмаков.

Во всяком случае, вопрос, поставленный недавно в такой форме, остается неясным. А. Башмаков полагает, что его, по-видимому, уточнят тогда, когда разрешатся основные вопросы, связанные с проблемами киммерийцев, которые, вероятно, являются долихоцефалами и, возможно, представляют собой первоначальный облик курдов².

1. Миллинджец (*Millingen. Wild Life among the Koords, 1870*) отмечает разнообразие курдских типов на севере турецко-иранских рубежей: «Though a dark complexion, with black eyes and black hair, is predominant». Встречаются также блондины и шатены с голубыми глазами (с. 249).

2. Выше уже было ясно, что Марр иногда тоже думал о возможности сближения киммерийцев с курдами. Впрочем, можно предположить, что курды-долихоцефалы представляют иммигрировавшие элементы, ассимилированные туземным населением Анатолии. Эти элементы мнѳVIII даже быть следствием довольно поздней иммиграции в средние века с Кавказа или какого-либо другого берега Черного моря. Кстати, известно, что в Крыму еще в XVI веке существовали остатки готов. Вторжения из Крыма в Анатолию — факты, исторически достоверные. Теперь известно о перемещениях курдов с Востока на Запад уже и историческое время (ср. К. Mossyn. *Ski, Radania nad pochodzeniem I pierwotna kultura Slowian, Krakov, 1925*).

67

К этим соображениям антропологов позволим присоединить несколько строк из работы Е. Сова¹, который знал некоторые курдские племена и жил среди них.

«Если рассматривать физический облич курдов, то вряд ли в настоящее время можно найти более совершенный образец. Северные курды сухощавые, высокою роста (среди них совсем не встречаются тучные), с длинным, часто загнутым носом, небольшим ртом, овальным, продолговатым лицом. Мужчины обычно носят усы и все без исключения бреют бороду. Среди них много светловолосых, с голубыми глазами [между тем здесь речь идет о восточных курдах.— В. Н.]. У южан лица шире, а походка тяжелей. Из 40 человек южных племен, выбранных наугад, 9 были выше 1,8 м, хотя среди некоторых племен средний рост составляет 1,75 м. Походка медлительная, с широким шагом, выносливость в труде большая. Держатся все они,— горцы это знают,— гордо и прямой выглядят теми, кем являются,— современными мидийцами, способными стать при условии объединения новой большой воинственной нацией. Я видел среди них большое число людей, которые могли бы позировать в качестве образца норманна²».

Чтобы понять, однако, до какой степени могут быть изменчивы антропологические оценки в отношении одного и того же народа, приведем другое определение, пытающееся представить нам курдов скорее семитами: «...особенно ясно было продемонстрировано доктором Хами, опубликовавшим параллельно профили древнейшего халдейского царя Ур Нина и курда Буруки из Верхней Месопотамии»³. Впрочем, бесспорно, что каким бы поразительным ни было это сходство, оно не может считаться доказательством. Для того чтобы иметь приблизительное представление об антропологи-

1. E. S o a n e, *To Mesopotamia and Kurdistan in disguise*, London, 1913.

² Аллен также отмечает (op. cit., p. 22): «Люди северной расы, которые прочесали древний мир от Атлантики до Гималаев, господствовали в Западной Азии, но, как и в Северной Африке, их тип не сохранился в значительной пропорции. Они были повелителями в древних Хеттском и Урартском царствах, а позднее и Армении. Но их физический тип в настоящее время сохранился лишь среди высших классов у курдов, кое-где в турецких деревнях и среди осетин Дарьяльского ущелья».

³ L. H e u z e y, *Stele des Vautours*.

68

ческой характеристике курдов, необходимо произвести большое число обмеров среди всех племен. В настоящее время у нас нет таких данных. Единственное, что можно себе позволить,— это констатировать смешанный характер этнического типа курдов.

«Достаточно сравнить фотографии курдов племени милли («арабский» тип), гуирди («мукринский» тип), шемдинан («несторианский» и «хаккярийский» типы), изображения которых имеются у М. Сайкса¹, или северные курдские типы, имеющиеся у Линча², рис. 109 — «туркменский» тип и рис. 114 — резко выраженный тип, чтобы заявить, сколь иллюзорно всякое стремление найти общую формулу для «курдского» типа».³

Автор этих строк, которому довелось видеть немало курдов во время своего трехлетнего пребывания в Урмии, полностью разделяет это мнение.

Впрочем, антропология, говорит Питтар (Pittard, op. cit., p.388), «...очень мало знакома с соматическим обликом живого народонаселения Азии. Что же касается народонаселения, которое создавало древнюю историю, мы, собственно говоря, почти ничего не знаем о нем... Ежеминутно возникает вопрос к какой расе принадлежали те, кто строил Вавилон и Ниневию. К какой этнической группе принадлежали Саргон, Ашшурбанипал, Кир? Можно думать, что современные иранцы, курды и армяне, некоторая часть турок являются оставшимися на месте потомками этих древних царств. Но кто нам докажет, что эти потомки всегда оставались на земле, на которой их предки развили эти удивительные культуры?».

Следовательно, нам приходится, по крайней мере при современном состоянии наших знаний, ограничиться общим, довольно-таки неопределенным типом и присоединиться к мнению Питтара (op. cit. p.458) который говорит: «От Поита Эвксинского до Персидского залива, то есть от верховий Аракса и истоков рек Месопотамии до гор древней Персии, обитало, вероятно, с

¹ M. S y k e s, *The Caliph's last heritage*, London, 1915, pp. 321, 343, 373, 425—429.

² H. F. V. Lynch, *Armenia, Travels and Studies*, v, II, London, 1901.

³ Статья В. Минорского «Курды» в «L'Encyclopedie de l'Islam»

69

исконных времен азиатского мира кочевое и охотничье население ясно выраженного этнического типа: высокого роста, брахицефалы, с темной пигментацией глаз и волос, с длинным, часто крупным, прямым или с горбинкой носом, нередко с загнутым его концом столь характерной формы, что скульпторы древности всегда хорошо ее воспроизводили. Его правнуки значительно позднее, в течение длительного исторического времени, получают различные наименования; они будут вести друг против друга жестокие войны.

Иногда, чтобы узаконить свои действия, будут доказывать иноплеменность одних и других. Но стоило бы им присмотреться

70

к себе поближе, как они удостоверились бы в идентичности своих важнейших черт, показателей общности крови».1

Происхождение курдов, таким образом представляет очень спорную проблему², для разрешения которой предстоит еще очень много сделать, чтобы прийти к более удовлетворительным выводам, чем те, которые мы только что изложили. То немногое, что можно сказать по этому поводу, стремясь избежать подробностей, интересных лишь специалистам этого вопроса, показывает нам, что курдоведение представляет очень обширное поле для исследований, открывающее малоизвестные и очень привлекательные исторические и этнологические перспективы. В последующих главах будет сделана попытка осветить этот вопрос и дать его изложение в различных аспектах.

1. Проф. Пинтар, впрочем, но был знаком со светлыми курдами. В 1935 году в Бельгии во время конгресса я представил ему блондина-принца Бедр хан Сурейя-бека.

² Араб Фарис Химаде в своем письме в тегеранскую газету «Иран» называет курдов семитами и приводит в подтверждение своей концепции выдержку из арабского автора Масуди. См. также по этому поводу ниже, в гл. XI, высказывания Менцеля об антропологическом типе езидов, которые, по крайней мере в том, что касается религии, кажутся вполне курдами. Добавим, наконец, что недавним обследованием, проведенным бесспорно научным методом голландским ученым А. А. Капперсом, у курдов по существу обнаружено смешение с другими расами. Это не удивительно, так как курды вступали в брак с черкесами; выводы А. Капперса основаны, кроме того, на изучении курдов Дамаска. Однако он не колеблясь признает, что курды составляют действительно отличную расу (см. *A z i e n s K a p p e s s. Contributions to the Anthropology of the Near East, V; Kurds, Circassians and Persians (Koninklijke Akad. van Wetenschap te Amsterdam)*, «Proceedings», vol. XXXIV, 1931, №4, p. 531—537). Цитируется по очерку Рондо (*Rondot, Tribus montagnardes...*, p. 29).

71

ГЛАВА II

КУРДИСТАН: УСЛОВНОСТЬ ТЕРМИНА И ЕГО РЕАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ

1. Название Курдистан в истории Востока

Название Курдистан, то есть страна курдов, не относится к независимому государству с определенными политическими границами, в пределах которых живет население если и не полностью однородное, то по крайней мере в большинстве своем того же этнического происхождения. Это название к тому же появляется только в XII веке, в царствование Санджара, последнего из великих Сельджукидов, который создал эту провинцию с главным городом, крепостью Бахар, к северо-западу от Хамадана. Провинция включала вилайеты Хамадан, Динавар и Керманшахан, расположенные к востоку от Загроса, а также Шехризур и Синдjar — к западу от этой горной цепи. До XII века этот район был известен только как Джибаль эль-Джизре (или Диярбакыр). Первым автором, упомянувшим в своем сочинении «Ноузат-ул-Коулоуб» (740 год Хиджры) название Курдистан, был Хамдулла Мустаофи Казвини (XIV век). На востоке с провинцией граничил Ирак-е Аджем, на севере — Азербайджан, на западе — Ирак-е Араб и на юге — Хузистан. Она состояла из 16 различных по значимости округов, а именно: 1. Алани, с одноименным городом, имеющим определенное значение, обладающим хорошим климатом и угодьями для охоты. 2. Алиштер, в котором в прошлом находилось *атешкеде* (культовое место зороастрийцев), именуемое Арухш, или Ардехш. 3. Бахар, упомянутый выше. 4. Хуфтиан, крепость на реке Заб, с несколькими посадками вокруг. 5. Дербенд-е Тадж Хатун, небольшой город. 6. Дербенд-е Зенге, также небольшой город с

хорошим климатом. 7. Дезбиль. 8. Динавар, крупный город, славящийся своим виноградом. 9. Султан Абад-е Джем-
72

джемаль, у подножия горы Бехистун, основан Мухаммедом Ходабенде Олджайту (XIV век). 10. Шехризур, *vide supra* (по Якуту, его основателем якобы был некий Зурбем-Зоххак). 11. Кермапшах, называвшийся ранее Кармисин. 12. Керенд и Хошан, две деревни, 13. Кенгевер, называемый также Каср эль-Лесус, или «твердыней разбойников». 14. Махидешт, или Маидешт, насчитывающий 50 населенных пунктов. 15. Херсин, крепость. 16. Вестам, большая деревня.

Сравнивая различные восточные источники, приходят к заключению, что персидский Курдистан, включая Луристан, до XIII века составлял часть провинции, которую арабы называли Джибаль¹. Что касается тех частей Курдистана, которые позднее отошли к Турции и Ираку арабскому (Месопотамии), то они входили в Джизре, или, в более узком смысле, в Диярбакыр. Во время вторжения монголов персидский Курдистан занимал горный район Загроса. Его главный город Бахар утратил свое значение при преемниках Чингисхана и уступил свое место Султан Абад-е Джемджемалю, который стал, таким образом, резиденцией правителей Персидского Курдистана. Различные местные курдские вожди, впрочем, пользовались некоторой независимостью. Однако к XV веку, ко времени воцарения персидской династии Сефевидов, эта большая провинция Курдистан постепенно уменьшилась. От нее отторгли Хамадан и Луристан, в то время как террито –

1. В «Историко-географическом обзоре Ирана» проф. В. Бартольд пишет (стр. 138), что арабские географы включали в границы горного района аль-Джибаль, где находились Рей, Исфахан, Хамадан и другие города, расположенные к северу от Хамадана, горы вплоть до границ Азербайджана. Преобладающим населением этих гор, как и в настоящее время, были курды. Провинция, расположенная между Керманишаханом и Азербайджаном, называется теперь Арделан, с главным городом Синие, точнее Сенне. В средние века главным городом был Динавар. Руины Динавара находятся на берегу реки, впадающей в Джамас-аб у Бехистунской горы и называющейся еще Аб-и-Динавар. От Динавара четыре дня пути до Шехризур, находящегося на юго-востоке от нынешней Сулеймание, неподалеку от ирано-иракской границы. Шехризур также называется у персов Нимрахом, так как находится на полпути между Мадаином, древней столицей, и Шизом, главным храмом огнепоклонников в южной части Азербайджана, где в настоящее время видны руины Тахт-и-Сулеймана. В эпоху Сасанидов Арделан и Нихавенд составляли провинцию Мах.

73

рии к западу от Загроса были завоеваны османами. Так что в конце концов в Иране название Курдистан стало относиться к одному району Арделана с главным городом Сенне (или Сенендедж).

Что касается турецкого Курдистана, который появился много позднее, к концу XVII века, то османская административная география знала под названием «элайет Курдистан» три ливы: Дерснм, Муш и Дияр-бакыр. Впрочем, в настоящее время в Турецкой республике игнорируются названия Курдистан и курды и последнее заменяется названием «горные турки».

Так что единственные провинции, носившие как в Иране, так и Турции название Курдистан, совершенно не соответствовали намного более обширной области этнической экспансии курдов. Из этого следует, что если хотят знать страну, населенную курдами, то нельзя исходить из названия Курдистан, термина условного и менявшегося со временем и в пространстве, а следует искать другое определение. Найти его окажется возможным, лишь обратившись к физической географии Передней Азии и принять за основу бесспорно установленный факт, что курды по преимуществу горцы.

2. Физическая география Курдистана

Чтобы хорошо разобраться в географии этой части Азии, нужно взять в качестве ориентиров две основные точки: гору Арарат и Александреттский залив (Искендерон). К югу от Арарата на расстояние более 2000 км простирается непрерывная горная цепь. Сначала она тянется прямо с севера на юг, а затем разветвляется и сворачивает на юго-восток, к Персидскому заливу.

Арарат составляет центр обширной горной системы в форме ромба с четырьмя вершинами: у Гори — на севере, Джуламерга — на юге, Шуши — на востоке и Байбурга — на западе. Несмотря на некоторые локальные нарушения (впадина Аракса), в горных цепях, образующих массив, нельзя не выделить два основных

¹См. В. Ф. Минсмирский, *Курды. Заметки и впечатления, Петроград, 1915.*

74

направления, которые почти совпадают с направлениями осей ромба. Малый Кавказ и горы Лазистана образуют ось, параллельную экватору, тогда как горы, спускающиеся от Сурами близ Гори до Джуламерга, проходят через Арарат перпендикулярно к первой оси. Горы, расположенные между Араратом и ущельем Кель-и-Шин, как бы защищают Армянское нагорье выше Ирана. В самом деле, если сравнить две впадины, в которые стекают воды Армении, с одной стороны, и воды Азербайджана -- с другой, то окажется, что уровень озера Ван (высота 1650 м) намного выше уровня озера Урмия (высота 1220 м), а, следовательно, курдские горы (поперечная ось ромба) у озера Урмия представляют собой то же, что и цепь Эльбруса по отношению к Каспийскому морю. Впрочем, соразмерность здесь не та. Различие в уровне в первом случае 1100 м (Каспий — Иранское плато), тогда как во втором (Ван — Урмия) — оно всего лишь 450 метров. Как бы там ни было, эта цепь Северного Курдистана представляет барьер, не менее труднодоступный для перехода через него из Турции; его перевалы очень высокие, а вершины покрыты снегом значительную часть года¹).

Следовательно, между Араратом и Джуламергом курдистанский хребет образует край очень приподнятой страны (Армения) по сравнению с ниже расположенной местностью (Азербайджан). К югу от Джуламерга, напротив, курдистанский хребет как бы защищает Иранское плато от равнин Ассирии. Замкнутый бассейн озера Урмия характеризуется следующими высотами: Миандоаб—1280 м; Мехабад—1300 м; Ушнуйе—1400 м; Урмия (Резайе) — 1320 м; озеро Урмия— 1220 м.

Горы, разделяющие бассейны озер Ван и Урмия, не имеют общего названия. Окаймляющие Месопотамию горы известны под древним названием Загрос, кажется, греческого происхождения, которое, впрочем, незнакомо восточным народам.

¹«Масса кристаллических пород, поднятая до высоты 4400 м альпийскими отдаленными [Курдистан,—В. Я.], возвышающаяся над Месопотамией своими оГфинистымн склонами, фантастическими формами, недоступными ландшафтами, с разницей в уровнях, нередко достигающей 3000 -и» (Clerget, *La Turquie*, p. 16).

75

Если мы обратимся к Александреттскому заливу (Искендерону), то отметим, что несколько севернее этой точки начинается цепь Антитавра, образующая водораздел между Черным морем и Месопотамией. Эта горная цепь в целом простирается в северо-восточном направлении тремя ветвями: Северным, Центральным и Южным (Армянским) Тавром¹.

Главные источники, питающие Евфрат, находятся в долинах между этими разветвлениями Тавра. Они представлены двумя реками: Мурад-чай, берущей начало почти у подножия Арарата в долине Алашкерт, и Карасу, или Фурат, начинающейся в окрестностях Эрзурума. На плато Бингэль, расположенном между этими двумя реками, находятся истоки Аракса, текущего на север, тогда как Мурад-чай и Фурат вначале текут

на юго-запад. В одном месте Мурад-чай течет вблизи истоков Тигра. Однако ему не удается прорвать разделяющий Их небольшой порог, и судьба его решается на подходе к Харпуру, где он сливается с Карасу и образует Евфрат, самую мощную речную артерию Передней Азии (2670 км). Кажется, будто Евфрат, продолжая течение на юго-запад, намеревается отдать свои воды Средиземному морю, но затем, отброшенный Тавром, он поворачивает в сторону Персидского залива.

Вторая горная цепь начинается на юго-восток от Александреттского залива. В целом она является лишь продолжением гор Северной Сирии. Эта цепь называется Тавр и простирается прямо на Восток². Доходя до озера Ван, один из ее отрогов ответвляется на север, другой, обогнув озеро с юга и востока, примыкает к иранской границе у Котура. К востоку от озера Ван этот отрог отделяет бассейн от верховий Большого Заба. Юго-восточный отрог Тавра в свою очередь разделяется на два новых ответвления, имеющих южное направление и как бы гигантскими клещами охватываю-

¹Горная система Тавра состоит из Западного Тавра, Центрального Тавра (в который входит Антитавр) и Восточного Тавра, о котором, собственно, и ведет речь автор и который состоит из цепей Северного, Внутреннего (а не Центрального) и Восточного (Южного), или Армянского, Тавра.— Прим ред.

²Речь идет о цепи Армянского (Восточного), или, как его называет выше автор, Южного, Тавра.— Прим. ред.

76

щих бассейн Верхнего Тигра, который прокладывает себе дорогу на юго-восток. Прежде чем выйти на равнину, Тигр преодолевает гораздо меньшее расстояние, чем Евфрат, по в отместку, оправдывая свое название, полученное в древности¹, он стрелой низвергается с высот, питающих его течение. На левом берегу Тигра возвышается гора Джуди-даг, у которой, согласно восточной легенде, потерпел крушение Ноев ковчег.

Еще выше массив Джуламерг (Джилодаг), поднимающийся над левым притоком Тигра, Большим Забом (который не относится к бассейну верхнего течения Тигра и впадает в Тигр уже в среднем течении). Некоторые вершины этого массива, достигающие 4000 м (Большой Арарат — 5000 м), как уже было видно, служат ориентирами рассматриваемой здесь орографии.

Итак, становится понятной конфигурация орографической системы с сочленениями, с одной стороны, у Арарата, с другой — у Александретты. Эти горные цепи, как видно, господствуют на востоке от озера Урмия, а на юге образуют склон, у подножия которого кончаются сирийско-аравийские пустынные пространства. Прежде чем перейти к изучению цепи Загрос, которая является продолжением этих гор на юге и юго-востоке, остановимся, чтобы сделать несколько уточнений, которые позволят нам лучше ориентироваться в этой весьма сложной горной сети.

3. Характеристика Армянского нагорья

Начнем с того, что установим пределы Армянского нагорья, центром которого *grosso modo* является озеро Ван. На юге его пределы совпадают, как мы уже сказали, с северным краем степей Сирии и Месопотамии, где скрещиваются пути кочевий бедуинов и курдов. Эта линия начинается на Евфрате и, пройдя через Сиверек и Мардин, достигает Джезирет-ибн-Омара (Джизре), от которого этот южный рубеж продолжается современной границей между Турцией и Ираком, проходящей по стране с чисто курдским населе-

¹Вавилонское название Диглат означает по существу «высокий берег», однако греки полагали, что это слово персидское (Тигра, совр. иранское тиг), означающее «стрела».

77

иим. На востоке граница определяется горном цепью, отделяющей Турцию от Ирана, той самой, которая образует продольную ось упомянутого выше ромба. К северу от Арарата эта цепь доходит до восточного берега озера Гокча, или Севан (эти три более или менее соленых озера — Севан, Ван и Урмия — особенность обозреваемой страны). Северная граница Армении выражена линией водораздела бассейнов Куры и Чороха, с одной стороны, и Аракса и Фурата (Карасу) — с другой. Впрочем, труднее всего определить естественные границы на западе, в переходном районе, не имеющем ясно выраженных ориентиров. Кое-как условились считать за демаркационную линию течение Фурата от Эрзинджана и далее, после его впадения в Евфрат, по последнему.

Армянское нагорье, так делимитированное, характеризуется значительными высотами над уровнем моря. Одни только впадины и равнины достигают высоты 1500 и 2000 м, тогда как горные хребты превышают 4000 м (Арарат, как уже отмечалось, превышает 5000 м). По сравнению с Малой Азией, Ираном и Месопотамией Армения возвышается как мощный бастион. Мы уже описывали ее восточный уступ, но еще более крутым откосом она обрывается к Черному морю и к впадине Куры и Риони. Однако ландшафт Армении еще менее представляет собой плато, чем это имеет место в Иране и Малой¹ Азии. Многочисленные долины, реки которых питают своими водами Араке, Фурат, Мурад и далее на юг Евфрат, в самом деле расчленяют армянское плато на такие участки, которые не имеют ничего сходного ни в Иране, ни в Малой Азии, характерной чертой которых являются внутренние бессточные бассейны, покрытые солеными пустынями и болотами. Даже в Армении немногочисленные бессточные области, без выноса вод реками, совершенно несравнимы с Ираном и Малой Азией. Их изолированность смягчается наличием большого бассейна озера Ван, в который стекают реки. В центре Армянского нагорья, на больших пространствах поднятия и складки имеют форму высоких холмов, в изобилии покрытых травами. Обширные плодородные равнины располагаются между холмами. Они сложены либо аллювием, либо вулканическими материалами. Таковы, например,

78

равнины Эрзурума, Вана, Гюявера [в Иране — равнины Урмии (Резайе), Сулдуза, Лахиджана].

Климат Армении из-за высоты ее положения отличается от того типа, который следовало бы ожидать на такой широте. Характер его континентальный. Сезонные различия резко выражены. Зимой Армения покрывается глубоким снегом, а летом долины и равнины страдают от сильной засухи¹. В некоторых районах Тавра совсем не выпадает дождей. Как только прекращаются зимние холода и сходит снег, устанавливается засуха. Если зимой, под глубоким снегом, Армения выглядит повсюду одинаково, то летом она, напротив, поражает контрастами своих горных черт. В этом отношении наиболее характерна Северная Армения, где над Ереванской равниной возвышается большой Арарат. Каждый путешественник, попадающий на эту равнину с севера, оказывается во власти открывающегося перед ним ландшафта. На первом плане простирается обширная равнина с легким уклоном; летом, иссушенная солнечным зноем, она представляется монотонным серовато-желтым пространством, которое оживляют лишь несколько поселений, сгрудившихся у берегов Аракса. Еще дальше возвышается Армянское нагорье с мощными контурами Большого Арарата, вершина которого покрыта вечным снегом и льдами, отливающими серебром, а почти на середине его высоты легкие облака образуют как бы венец вокруг гиганта. Здесь на небольшом пространстве перепад высот около 4500 м создает ансамбль зон: от снежных и ледяных пустынь па вершинах до культуры риса в болотистой впадине Аракса и раскаленной пыльной равнины. Это соединение климатических крайностей неблагоприятно сказывается на образе жизни человека в районе, расположенном на

средних высотах. С весны и до лета и с наступлением осени посевам зерновых и насаждениям фруктовых деревьев нередко наносится

¹М. Клерже (M. Clerget, *La Turquie*, p. 25) пишет: «Нужно взобраться на склон Курдистана [то есть Армении.— В. Н.], чтобы обнаружить осадки на 1 м и более, тучные пастбища, еще лесистые склоны, покрытый березой, орехом, кедром и теми видами дуба, которые дают дубильный орешек и манну. Однако в целом вследствие рельефа температуры зимой еще очень низкие (Диярбакыр: — среднегодовая +16°, января —0,6°, июля +30,8°; Урфа соответственно»: 18,1°; 3,8° и +31,6°)».

79

ущерб неожиданными ночными заморозками или градом.

Единственное исключение в этом общем облике Армянского нагорья можно отметить на его южном крае. Отроги Тавра образуют здесь холмистый ландшафт со значительно меньшими высотами и более умеренным климатом. В этой местности нет также впадин и равнин, столь характерных для Армении в целом. Многочисленные речные долины этой части Тавра представляют собой узкие ступенчатые ущелья. И только вблизи холмов, расположенных у подножий горных цепей, ландшафт расширяется и становится более открытым.

Для Армении в целом характерна высотная зональность, которая выражается различиями в ландшафтах. Если весной и осенью низкие участки покрыты ковром трав и различных культур, то летом, в зной, они становятся пустынными, а расцветают освободившиеся от снега склоны и вершины. Нам еще предстоит случай сказать о том, что здесь направление кочевий в известном смысле вертикальное, а не горизонтальное, как это имеет место в пустынях и соленых степях. Благодаря большей продуктивности пастбищ в Армении потенциальная и фактическая плотность населения этой страны выше, чем в других районах кочевого скотоводства.

Между Армянским нагорьем и горной системой Загрос находится особенно труднодоступная область Харки-Орамар (Джилодаг), сильно пересеченная конфигурация которой объясняется тем, что общее западно-восточное направление горных цепей здесь резко меняет свое направление. Район Харки-Орамар можно рассматривать как главный узел, в котором орографическая ось резко изгибается к югу. Описанные выше округлые, пологие склоны, покрытые травяной растительностью, уступают место альпийским скалам с оврагами и глубокими ущельями. Наконец, к равнине Месопотамии эта складчатость спускается гигантскими ступенями, которые постепенно сглаживаются и, достигнув 900 м, исчезают на подходе к Мосулу.

Прежде чем покинуть Армянское нагорье, отметим еще, что с точки зрения гидрографической реки, орошающие расположенные в широтном направлении долины, сливаются с крупными притоками Тигра (Большой

80

и Малый Заб, Бохтан-су). Эти крупные притоки прокладывают проходы к югу по направлению наименьшего сопротивления. Течение их извилистое, они то стекают к востоку по пологим склонам, то низвергаются к югу по скалистым ущельям, приоткрывающимся в мощных горных цепях, или, наконец, после поворота на запад в поиске более глубоких долин они вновь направляются на юг, чтобы слиться с Тигром.. Таковы Лола, Хрена, Хумару, Рубари-шин и другие бурные реки малогостеприимных областей Нав-Чийя (Шемдинан) и упомянутой Орамар, в конце концов впадающие в Большой Заб. Таков же и Малый Заб, который под названием Лавен, а затем Киалви сначала течет в Иране вдоль горных цепей Загрос, на юг от Ушнуйе, и далее у деревни Алот (округ Алан), прорвав Загрос, покидает Иран и низвергается дикими каскадами с головокругительных уступов на равнину Месопотамии, где впадает в Тигр ниже Мосула.

4. Загрос. Иранский Курдистан

Итак, обозрев Армянское нагорье и бросив взгляд на переходный район Харки-Орамар (Джилодаг), мы возвращаемся к горным цепям Загрос, которые нам осталось рассмотреть в курдской орографической системе.

Между ущельем Кель-и-Шин (почти на высоте Ушнуйе) и проходом Алана цепь Загроса, образующая границу между Ираном и Ираком, отличается большой регулярностью. Простирание ее прямолинейное, с заметным направлением с северо-запада на юго-восток. Она представляет собой последнее проявление на севере большой системы параллельных горных складок юга Ирана и образует переход между отличающимися большой иррегулярностью горными образованиями Арарата и Армении и сложенными осадочными породами — цепями Зохаба и Луристана, которые простираются далее к югу.

В том, что касается орографической системы Ирана в целом, следует отметить, что главные пики там не только находятся несколько в стороне от линии водораздела— явление, почти обычное в крупных горных цепях, но, более того, они расположены вне иранского

81

плато, и Демавенд является частью внешнего склона. Горы Савалан и Сахенд представляют как бы связующее звено между вулканическими массивами Армении и Эльбурса. К первым числам ноября снег покрывает Сахенд, Савалан и курдские горы. Позднее он покрывает и равнины, где остается до марта.

Склоны гор, расположенных между Кель-и-Шином и Аланом, круто обрываются па западе, к Месопотамии. Эрбиль находится на высоте 430 м, тогда как на иранской стороне поднятия превышают 1000 м, горы нередко достигают 3200 м. Перевал Кель-и-Шин находится на высоте 2860 м.

На высоте Мосула происходит инверсия уровней двух отрогов горных цепей Загроса и воды Ирана прорывают главный хребет, чтобы вступить в Ирак. Именно Малый Заб, собрав в свое ложе воды части Мукрин-ской области (район М.ехабада) и области Бане, пересекает проходы Алан у Сердешта.

От Арарата до этих ущелий пики сложены более или менее древними изверженными породами. За Аланом горная цепь Загрос уже сложена морскими осадочными породами и все более изгибается на юго-восток. К востоку от Загроса, представляющего западный край иранского плато, как мы уже говорили, находится Иранский Курдистан. Современные иранские географы делят этот район на три части, которые мы и рассмотрим последовательно. Первую часть они называют Мукрин-ский Курдистан и Геррус (или Биджар). Основные горные цепи имеют там то же направление, что и в Загро-се,—с северо-запада на юго-восток. Наиболее высокие вершины достигают 3200 м. Между небольшим городом Ушнуйе и проходами Алана расположены следующие горы: Чийя-Реш, Кух-е-Сефид, Берзен, Кани-Кула, Кан-дил, Багер, Хаджи-Ибрагим. Далее к востоку вытягиваются параллельные горные цепи Бердечира и Мукри,

1См. Б. Диксон, op. cit.: «На высоких плато несколько крупных гор представляют потухшие вулканы. Некоторые из них могут служить отличными образцами, например Немруддаг с хорошо очерченным кратером окружностью 4880 м и высотой 3000 м. Или Сипаядаг, 4300 м, на котором, согласно местной легенде, остановился ковчег и Ной провозгласил «Субхаи-Аллах» (то есть «хвала богу»; случай, вероятно, исключительный, когда капитан корабля благодарит всемогущего за кораблекрушение)».

82

разделенные долиной роки Джагату. Первая цепь, впрочем, рассечена рекой Тахату, и ее отрезок, называющийся Куртек, доходит до Мехабада и далее к южной оконечности озера Урмия. Цепь Бердечира имеет направление с северо-запада на юго-восток, слегка изгибаясь к востоку. Она служит восточной границей Мукринского Курдистана и

водоразделом. Ее более высокий восточный склон плавно спускается к долине Джагату, тогда как западный окаймляет Малый Заб. Главные вершины носят следующие названия: Шеван-Бориан, Палан-Сер, Ширипестан, Куртек, Кух-е-Якуб Ага. Перевал Кель-и-Шнн (его не следует смешивать с одноименным пунктом на границе близ Ушнуйе) в горной цепи Бердечир. Среди отрогов Бердечира, расходящихся в различных направлениях, называют: Текелу, разделяющий долины рек Саккыза (приток Джагату) и Джагату; Венефше (Бенефше) между реками Халу и Татаю, так же как и Парчакух, а Сурметан-кух — на севере истоков Татаю. Следовательно, орографическая система Мукринского Курдистана характеризуется правильностью массивов, имеющих направление с севера и северо-запада на юг и юго-восток, и вторичными ответвлениями неправильной ориентации вследствие воздействия соседнего вулкана Сахенд, изменяющего западное направление на восточное.

Гидрографическая сеть этой части Иранского Курдистана принадлежит двум бассейнам: на северо-востоке бассейну озера Урмия, на юго-западе — бассейну Тигра. Реки первого бассейна начинаются в горах Бердечир и Чехель-Чешме, покрытых значительную часть года снегом, который таким образом обеспечивает их питание. В то же время их ложа находятся в грунтах, не содержащих соли, и вода в них мягкая и пригодная для питья. Джагату, или Зеринех (Зерринеруд), течет от своих истоков в Чехель-Чешме до озера на протяжении 240 км в направлении с юга на север. В своем верхнем течении он называется Хорхорех. Среди его левых притоков главным является Саккыз (Чеме-Саккыз). Он начинается в горной цепи Бердечир, дренирует одноименный с ним округ и впадает в Джагату, образуя широкое устье. Правые притоки — это прежде всего реки, стекающие с гор Куда и Сару, а ближе к месту впадения Джагату в озеро это Лейлан и Сарук, текущие из Сахен-

83

да и земель племени афшаров (Сани-кала). Высокие берега Джагату не позволяют использовать ее поды для орошения, которое практикуется лишь в округе Саин-кала. Татаю короче Джагату, и объем воды в иен значительно меньше. Она протекает и глубоком ущелье, отделяющем Куртек от Бердечира, как об этом говорилось выше. Ее правый приток Чум-и-Халу, а левый — Мехабад, не считая многочисленных ручьев, впадающих в нее около устья. Эти две крупные реки, Джагату и Татаю, изобилуют рыбой, но прибрежные жители не ловят ее.

Что касается бассейна Тигра, то в Мукрииском Курдистане ему принадлежит Малый Заб, о котором мы уже упоминали. От истока на перевале Мейдап (высота 2140 гез) он стекает до горы Ликин (высота 1560 гез) в западном направлении и носит одноименное с горой название. Сделав поворот на юг, он под названием Ки-алви течет до округа Сердешт, где течение его становится еще более стремительным (разница уровней достигает 560 гез на 16 фарсахов¹). Ниже Сердешта он вновь течет на запад, выходит на равнину Месопотамии через Аланские проходы и ниже Эрбиля (Хавлер — по-курдски) впадает в Тигр. Его правые притоки — Паса-ва, Лавен, Месин, а также небольшие речки, стекающие с Загроса. Слева в Малый Заб у Сердешта впадает Бане, который дренирует одноименный округ. Малый Заб, пробивающийся в своем верхнем течении через скалы, несет много аллювия, который откладывается ниже, в расширяющихся долинах, и тем самым превращает Мукринский Курдистан в плодородный округ. Речная система Малого Заба более полно описана Ми-норским в его статье «Sawdj-bulak» в «Encyclopedic de l'Islam».

Керманшаханский Курдистан, к которому мы теперь переходим, ограничен: на севере — цепью гор, которая разделяет бассейн реки Дияла и долину Гамасеба; на востоке — горами Кенгавер и правым берегом Гамасеба; на юге — горами, разделяющими округа Кельхор и Пош-те-кух, и на западе — долиной Тигра².

¹1 гез соответствует 1,04 м; фарсах — около 7 км.

² Географическая сущность района изложена в книге Ф. Старк (*Freya Stark, The Valleys of the Assassins and other Persian Travels, N. Y., 1934*). См., например, стр. 51, посвященную долине Кен-ганера, богатой кремнием, ее густому населению в эпоху неолита, и стр. 79: «Весь район Поште-куха разделен почти непрерывной цепью Кебр-куха, подобно стене, протянувшейся с северо-запада на юго-восток; ее две главные вершины—Валантар и Варзарин — соответственно несколько ниже и несколько выше 2750 м».

84

Для орографической системы этой части Иранского Курдистана характерно регулярное простирание гор с северо-запада на юго-восток; небольшие геологические толчки она испытала лишь в Мукринском Курдистане. Основные вершины с востока на запад: Дех-Лаканикух, Духе-Перу, Хуланех (на юге соединяющийся с Кухе-Сефидом), Келлех-кух, Кухе-Пор-Гермез. После этого ряда умеренных высот идут горы Далаху и Бехлул, которые, видимо, и назывались большей частью Загрос и пользовались большой известностью как у греков, так и в античной Персии. Через них и проходила большая царская дорога Дария, по которой следовал также и Александр Македонский. Наконец, у границы с Месопотамией можно еще отметить менее значительные горы, такие, как Киалу, Нева-Кули, Кухе-Сонболах и Шах-кух.

Там, где горы менее стиснуты, Керманшах обладает плодородием почв благодаря водам Гамасеба и Карасу. Равнина Махидешта, в особенности там, где расположен город Керманшах, густо заселена процветающими оседлыми жителями. Но в западных округах, имеющих более выраженный горный характер, полукочевое население живет преимущественно скотоводством.

Нам осталось теперь сделать обзор Арделана, или собственно Иранского Курдистана, единственной провинции, которая носит это имя. Протянувшись на 200 километров с севера на юг, она расположена между округами: на севере внутри областей афшаров Саин-Кала, на западе — Сулеймание и Киркук, на юге долина Диялы и на востоке округа Геррус и Хамадан.

Для орографии провинции характерно регулярное простирание гор, за исключением северной ее части, где гора Чехель-Чешме еще относится к беспорядочной структуре Мукринского Курдистана. На юго-западе от Чехель-Чешме горные цепи Гурмиан, Дани-Кашан и Келлех-Сер тянутся параллельно с востока на запад. На границе с Ираком, между Киркуком и Сулеймание, на-

85

ходятся параллельные друг другу горы Али-Дагхи, Карадаг, Сегирмедаг и Эзмирдаг. Эта последняя, вытяги-ваясь к югу, соединяется с западной горной системой Керманшахана, отделенной от нее лишь рекой Дияла. Наконец, на севере от Чехель-Чешме находится горная цепь Телеку, упомянутая выше в Мукринском Курдистане, которая простирается с юго-запада на юго-восток и имеет пологий склон к долине Кызылузена.

На горе Чехель-Чешме, как уже было сказано, находятся истоки Джагату, а также Кызылузена и других рек Курдистана. Как показывает название последней — «сорок источников», — она может рассматриваться в качестве настоящей «водонапорной башни» этой части Курдистана.

Арделан со всех сторон, кроме северо-восточной, где находится проход Кызылузеп, окружен высокими горами. Центральная часть этого замкнутого пространства расположена на относительно небольшой высоте и заполнена между горами плодородным аллювием. Здесь и концентрируется население; большая часть населенных пунктов расположена в этой центральной впадине или в речных долинах. По своей высоте Арделан может быть разделен на две зоны. Первая, на севере, представлена обширным аллювиальным плато, по которому течет Кызылузен. Климат континентальный, сухой. На

западе плато граничит с горами Чехель-Чешме, на юге — Сенне и Пендже-Али. Южный и западный горные барьеры заставляют Кызылузен (который в нижнем своем течении называется Сефидруд) повернуть и северо-восточном направлении. Это обширное плато изборозжено расщелинами, прорытыми водами и заполненными плодородным аллювием. Реки, стекающие с восточных и северных склонов Чехель-Чешме и гор Дербенд и Тахухан (средняя высота 4000 м), выходя на равнину, заполняют все эти овраги, которые, местами соединяясь между собой, образуют истоки Кызылузена. Эти многочисленные потоки разделяются горами Талванту-Дагхи (умеренной высоты) на два рукава — восточный и западный. За этим первым участком своего течения по гальке и аллювию Кызылузен входит в соседний округ Геррус. Вторая, южная, зона Иранского Курдистана сплошь гористая, рассеченная узкими и дикими ущельями. Значительную часть года она скрывается под

86

белым снежным покровом. Ни одна мощная водная артерия не прорывает ее параллельные горные цепи. Пути сообщения и сельское хозяйство встречаются тут с труднопреодолимыми естественными препятствиями. Кочевое, население использует ресурсы лесов, покрывающих западные склоны гор.

Гидрографическую сеть Иранского Курдистана образует в первую очередь уже названный Кызылузен. Рукава его верхнего течения последовательно называются Сарал, Хубату, с одной стороны, и Хорхорех и Кара-Турех — с другой, именуемые так по населенным пунктам, расположенным вдоль их течения. Пройдя Талванту-Дагхи, они сливаются и образуют собственно Кызылузен. Немного ниже последний принимает справа приток Лейларуд, истоки которого находятся на горе Пендже-Али, к востоку от Сенне. Напомним здесь, что истоки рек Саккыз (приток Джагату) и Бане (приток Малого Заба) находятся на горе Тельхан, в Иранском Курдистане, а их основное течение — в Мукринском Курдистане. После Кызылузена важным элементом гидрографии Иранского Курдистана является Дияла. Эта река, известная также под названием Гаверуд, или Сирванруд (Абе-Сирван), начинается на горе Шериш-Кан, на западе от Эльвенда у Эседабада и до иракской границы течет с востока на запад, прорывая проход через параллельные цепи керманшаханского Курдистана, особенно через цепи Шалу и Келлесер, где образует узкие и извилистые ущелья. Выйдя из гор Келлесер, Дияла отклоняется на юго-запад, пересекает в этом же направлении последнюю пограничную цепь и продолжает течение до впадения в Тигр. Все ее правые притоки стекают с гор Арделана; Это в первую очередь Сенне, или Миабу-Реван, который течет через город Сенне (Сенендедж) в направлении с северо-запада на юго-восток и, прежде чем слиться с Диялой, принимает тремя километрами ниже Кешлак, а затем Авроман, называемый в верхнем течении Резав. Сенне собирает воды с одноименного округа, а затем, приняв воды Джеванруда и Меривана (последний представляет маленькую речку, длиной около пятидесяти километров, вытекающую из озера Зерибар), уже довольно большой рекой впадает в Диялу. Левыми притоками Диялы на территории Арделана являются: Лехлесу (ее истоки находятся на Шах-кухе), Рейган

87

(стекающий с гор Далаху) и небольшая речка, называемая Заб, или Чоме-Зиришк. Последняя начинается между горами Далаху и Даруджан и прорезает своим течением горные цепи Ахенгеран и Безниан. В пределах керманшаханского Курдистана нельзя не отметить, наконец, и еще один приток Диялы, известный под названием Абе-Хольван (или Абе-Эльвен). Его источники находятся на горе Герра на высоте 1900 *гез*. По очень крутому склону Хольван пересекает округа Джельге-е-Али, Серпол и Каср-е-Ширин и впадает в Диялу.

Климат Иранского Курдистана (Арделан) строго континентальный, с очень холодными зимами. Снег выпадает там в продолжение четырех месяцев в году. На высоких вершинах снег сохраняется круглый год, особенно в затененных местах, и, как говорилось выше, служит источником питания нескольких важных речных артерий. Но даже на равнине и на более низких участках района снег удерживается до середины весны; глубина снега иногда достигает двух мез. Эта суровость климата особенно ощущается в западной части Ардела-на (Авроман), где зимой путешественник нередко обнаруживает заваленные снегом населенные пункты лишь по поднимающемуся вверх дыму. Пути, следовательно, становятся очень труднопроходимыми, иначе говоря, сообщение прерывается; основной заботой жителей является создание на зиму запасов продовольствия, топлива и одежды, ибо часто от этого зависит их жизнь. Достаточно, чтобы в одном из этих отдаленных уголков урожай оказался плохим, как там начали свирепствовать голод и смерть. В особенности это касается оседлого населения. Кочевники же благодаря своему обычаю перемещаться с летних на зимние пастбища более приспособлены и привычны как к чрезмерным зимним холодам, так и к сильному летнему зною.

Как общее правило, высокие плато и горные склоны более подвержены переменам погоды, в то время как некоторые долины, особенно в восточной и юго-восточной части, которая составляет собственно Арделаи, хорошо от нее укрыты и благодаря влажности воздуха имеют более умеренный климат, благоприятный для земледелия. Таким образом, в климате Иранского Курдистана имеется два различных режима. В одной части (плато и склоны гор в широких долинах) господствует сухой

88

континентальный климат с разницей температур, колеблющейся от +32° до —22°, в то время как в более укрытых долинах влажность воздуха выше, растительность обильнее, а леса обеспечивают топливом. Это климатическое подразделение на зоны не должно, однако, пониматься буквально, ибо почти каждый округ, учитывая его расположение, конфигурацию поверхности и гидрографию, обладает свойственным лишь ему климатическим режимом. Так, например, в округе города Сепне теплее, чем в округах Авромаи и Мериван, так как здесь больше солнечных дней. Вообще восточные склоны Загроса более теплые, чем западные.

5. Современная зона расселения курдов

Пусть читатель не посетует на нас за подробное изложение физической географии Курдистана, но пусть иного способа дать живое представление об основных чертах этой разделенной политическими границами страны, которая составляет определенное целое благодаря своему главным образом горному характеру, хотя и состоит из различных горных и речных систем. В этом природном окружении с чередующимися между собой горными вершинами, высокими плато, глубокими ущельями и радующими глаз долинами с самого начала своего появления предпочли обосноваться курды. Хотя в районах верхнего течения Евфрата и бассейна озера Ван (Урарту, а затем Армения) курды и поселились довольно рано (см. гл. I), однако основной их очаг в историческое время, по-видимому, следует все же искать в отрогах южного Тавра и горных областях левобережья Тигра (вдоль Бохтана, Хабура и Большого Заба). Еще на заре истории первоначальная родина курдов находилась далее к востоку и югу. Эти три периода во времени соответствуют трем районам расселения курдов: высокие нагорья Армении, собственно турецкий Курдистан и западные горы Ирана.

Короче, в настоящее время курды населяют широкую полосу, протягивающуюся с юга на север сначала по обе стороны ирано-иракской границы, от городка Мандали (к востоку

от Багдада), затем ирано-турецкой границы до Арарата и входящую на севере в пределы Закав-

89

казья (советские Армения и Азербайджан). На Армянском нагорье до первой мировой войны они жили попеременно с армянами¹, однако параллель Эрзурума является северной границей их расселения в Турции. На юге курды спускаются до пределов месопотамской равнины. На западе границей распространения курдов обычно служит Евфрат (точнее, Карасу), но они глубоко проникли в Малую Азию и обитают в районе к юго-востоку от Сиваса, а также мелкими изолированными островками разбросаны у Коньи и в Киликии, просачиваясь почти до Средиземного моря. На востоке разрозненное курдское население можно обнаружить главным образом в Хорасане (куда они были перемещены шахом Аббасом Великим), в окрестностях Казвина и в провинции Фарс (у Кялун-Абду, переселенные Надир-шахом, 1736—1747 гг.), а также в Мазандеране.

В поэзии курдов (ср. стр. 587—588 «Шереф-наме», каирское издание Фараджулла Зеки) границы Курдистана определяются таким образом: «Ты хочешь знать, о курд, каковы места, где живут твои близкие? Я скажу тебе об этом. На западе границы Курдистана протягиваются от Александреттского залива и гор Тавра к Черному морю; на севере это Ардаган и Араке; на востоке — от гор Эльвенд до Аракса и на юге — от Ахваза до Евфрата. Южная граница тянется через Хамрип и Синджар и по Нусайбинской дороге».

Мысленно представив себе горную и речную сеть, которую мы попытались нарисовать, позволим себе набросать картину размещения курдского населения, следуя географическим, политическим и административным данным.

¹ Известно, что во время первой мировой войны турки депортировали армян и их почти нет, по крайней мере сельского населения, в турецкой Армении. Курды также, об этом известно меньше, были переселены на запад в принудительном порядке. Зимой 1926/27 г., как раз после подавления восстания шейха Сайда Пираи, турецкие военные власти переселили около миллиона курдов (мужчин, женщин и детей) в западную Анатолию, применив грубое насилие, как и при депортации армян в первую мировую войну. Список разрушенных в то время деревень и число жертв приведены в брошюре «The Case of Kurdistan against Turkey», опубликованной курдским национальным комитетом «Хойбун». Кроме того, 5 мая 1932 года был обнародован закон о депортации курдов. Исполнение его вызвало вооруженное сопротивление последних.

90

В Турции курды жили компактной массой в горной части вилайета Мосул (которая в настоящее время составляет часть Ирака)², вдоль Загроса и среди его отрогов. В вилайетах Ван и Битлис армяне составляли большинство лишь вокруг озера Ван, но санджак Хакьяри, примыкающий к иранской границе, так же как горные части этих двух вилайетов, населен главным образом курдами. На юге (Джуламерг) до первой мировой войны жили горцы-несториане, составляющие 90% населения. Известно, что с тех пор они были вынуждены оставить свои очаги. Их потомки живут теперь в Сирии (район «Утиный нос» в Джизре). В вилайетах Диярба-кыр и Харпут курды составляют большинство населения. В вилайете Диярбакыр (ныне вилайет Мардине.— *Ред.*) на Тигре находится небольшой город Джизре, центр территории Бохтан (именуемый на древних картах района Imperium Bohtanogum), которая считается колыбелью курдов. Оттуда в прошлом начинались все наиболее известные движения курдов. В вилайете Харпут следует отметить компактное население округа Дерсим, расположенного между двумя верхними притоками Евфрата, в котором курдов в восемь раз больше, чем других этнических элементов. Эти курды говорят на особом диа-

² Турецкие вилайеты, перечисленные ниже, соответствуют старому административному делению Османской империи. При теперешнем режиме число их увеличилось, а площадь каждого из них уменьшилась. В настоящее время в следующих вилайетах курдское население составляет большинство или значительную часть населения: Эрзурум — 7 каза (волость), 386428 чел.; Эрзинджан — 5 каза, 158383 чел.;

Сивас —10 каза, 435629 чел.; Каре —9 каза, 306444 чел.; Агры—5 каза, 106729 чел.; Ван—9 каза, 142672 чел.; Муш — 9 каза, 143527 чел.; Сирт — 7 каза, 127728 чел.; Диярбакыр—5 каза, 214871 чел.; Мардин—7 каза, 226030 чел.; Урфа —7 каза, 229201 чел.; Элязиг (Эль-Азиз) — 10 каза, 253 693 чел. (Харпут — подразделение этого вилайета).

² Официальное издание «Iraq Directory» (1936) насчитывает 640 тыс. курдов (то есть 16% всего населения в 4 млн. человек), которые живут главным образом на северо-востоке страны в ливах Мосул, Эрбиль, Киркук и Сулеймание. Племена имеют следующие названия: Хеурман Бельбас, Давудах Дизи, Ал-Хамаванд, Ал-Джаф, Пешдер, Барвари-Бала, Барварпзир, Берзан, Хереки, Сурд-жи, Сейди и Гелли. В Багдаде живет около 5 тысяч курдов. Несколько племен (Зенгене, Дело и др.) живет к востоку от дороги, ведущей из Багдада в Иран.

92

лекте (заза) и исповедуют особый культ (али-илахи)¹), но из этого не следует, что их нужно исключить из числа курдов. В вилайете Халеб (часть которого в настоящее время входит в Сирию) курды уступают арабам, но они населяют по меньшей мере тысячу деревень, с населением 125000 человек. В вилайете Сивас курды составляют меньшинство — около 30000 человек (казы Кан-гал, Коч-Хисар, Заза и Дивриг). В восточной части вилайета Эрзурум курдов было больше, чем других национальностей (300 тыс. курдов, 200 тыс. армян, 210 тыс. турок; в настоящее время соотношение неизвестно), в санджаке Баязит в особенности (мы о нем упомянем еще раз, когда перейдем к курдской литературе) курдов в пять раз больше, чем других народностей.

В Сирии имеются рассеянные курдские колонии. В Дамаске курды занимают целый квартал.

В Иране курды занимают полностью крупные провинции Керманшах и Курдистан (Сенне), округ Геррус и некоторые части Азербайджана: 1. Округ Мехабад (Мукринский Курдистан) к югу от озера Урмия и к западу от Татаю (Татаочем). 2. Зону шириной от 20 до 40 км вдоль ирано-турецкой границы к западу от Урмии (ныне Резайе), Сальмаса, Хоя и Маку. Ханат Айваджик является единственным местом, где турки (племя ай-румли) вклиниваются в эту сплошную полосу курдского населения. На юге иранские курды являются автохтонами и (см. гл. I) занимают, вероятно, западную периферию страны древних мидийцев. Можно ли считать их прямыми предками последних? По языку, в некоторых других отношениях, по религии (шииты, али-илахи) эти курды юго-востока отличаются от основной массы себе подобных, но они считают себя принадлежащими к той же расе. Что касается Северного Ирана, то, например, Сальмас еще в начале нашей эры был включен в состав той пограничной и почти независимой страны, которую армяне называли Корчя (то есть Курдистан). Напро-

¹В очень обстоятельной работе об этом районе, «Курдистан тарихин-де дерсим», не упоминаются али-илахи, а говорится только об алеви или кызылбашах (стр. 25, 26); «дервиш Ахл-е-Хакк сказал мне — в Турции нас называют алеви» (ср. Minorsky, Notes sur les Ahl-é Haqq. p. 40).

93

тив, дальше на юг от озера Урмии курды продвинули относительно позднее. До настоящего времени вокруг Мехабада сохраняются следы турецкой топонимии. К тому же курдская хроника «Шереф-наме»¹) ясно говорит, что племя мукри (родственное бабанам Сулеймание) появилось только при династии Белых и Черных Баранов, то есть около XV века до н. э. Подобные поздние перемещения с запада на восток происходили не редко, и местами можно ясно видеть, как курдская основа перекрывает другую.

В России курдов встречают в районах бывшей Эриванской губернии (в настоящее время Советская Армения), соседних с Араратом; в Ардаганском и Кагызманском округах Карсской области (обратно уступленных СССР Турции), в Зангезурском и Джеванширском уездах, менее в Арешском и Джебраильском уездах бывшей Елисаветпольской губернии (в настоящее время [Кировобад.— Ред.] в Советском Азербайджане).

Считая, что до первой мировой войны в Турции 1,7 млн. курдов, в Иране около 1 млн., их общее число определялось в 2,5—3 млн. человек. Сами курды (см. цитированное выше издание «Шереф-наме», примерно 1930 год) приводят следующие цифры:

В Иране.....	1 500 000 челе
В СССР.....	250 000
В Турции.....	4 500 000
В Ираке.....	250 000
	7 000 000

1. Некоторые авторы (например, Binder, *Voyage au Kurdistan*, 1887) понимают под турецким Курдистаном «горный район, тянувшийся с юго-востока на северо-запад между 33 и 40' широты и 39—46° восточной долготы» (стр. 145) и отмечают, что «вся территория до границы (турецко-иранской), ограниченная на севере, западе и юге вилайетами Эрзурум, Сивас и Халеб, в прошлом называлась Арменией; турки же называют ее теперь Курдистаном» (стр. 152).

Из картографических работ о Курдистане полезно ствовать как старыми работами Кер Портера (маршрут Багдад — Тавр) или Лайярда (маршрут Мосул — Равандуз — Шамдинан), так и более близкой нам работой: Thureau-Dangin, «Relation de la huitieme campagne de Sargon», 714 an J. C.), а также отчетом, представленным в июле 1925 года Лиге Наций Комиссией по делимитации турецко-иранской границы. Мною описана дорожная сеть Курдистана («Le syslerme routier du Kurdistan» «La Geographie», V, VI, 1935). С тех пор появилась колесная дорога от Мосула в Иран.

¹ Клерже (op. cit., p. 94) отмечает, что кровь, пролитая в последних войнах, и еще более эффективный правительственный контроль частично опустошили Курдистан. Однако, согласно самым последним сведениям, эти потери восполнены и Курдистан вновь заселен. Мой друг эмир Камуран Али полагает, что курдский народ должен насчитывать 8—9 млн. человек (см. его письмо от 6 февраля 1956 г.).

94

Нам кажется, что цифра, приведенная для Турции, явно преувеличена и ее следовало бы уменьшить почти наполовину, то есть довести до 5 млн. человек приблизительно во всех странах, где живут курды. Эта цифра соответствовала бы *grosso modo* той, которую также указывали сами курды, а именно: 2987960 чел. в Турции, 289940 в Сирии; 749380 в Ираке, 1300 тыс. в Иране, 60 тыс. в Армении, а всего 5387280 (см. цитированную выше брошюру «The Case of Kurdistan»). Цифра эта, конечно, относится ко времени до первой мировой войны, по потери, понесенные курдами с того времени, не компенсировались приростом их населения¹).

95

ГЛАВА III

ОБРАЗ ЖИЗНИ, ЗАНЯТИЯ, ПРАВЫ И ОБЫЧАИ

Курды делятся на оседлых и полукочевников. Число кочевников постоянно сокращается, так как курды все более переходят к почти оседлому образу жизни. Они зимуют в долинах, в глинобитных хижинах, весной засевают поля, а затем, оставив часть людей ухаживать за ними, поднимаются вместе со стадами в горы на летние пастбища. Иногда эти пастбища находятся неподалеку от зимнего жилья, но чаще всего перевалы скота, всегда по одним и тем же маршрутам, проложенным поколениями, делаются на большие расстояния; так, например, племена, зимующие на западных склонах Загроса в Месопотамии, поднимаются летом в горы к границе с Ираном, а иногда и переходят эту границу.

1. Перевалы скота на летние пастбища у курдов

Диксон рассказывает о передвижении на летние пастбища племени харки, которое зимует на севере Месопотамии: «Они переходят Большой Заб около Зибара, где каждый год заново наводят мост. На это у них уходит определенное время; при этом они стараются поддерживать хорошие отношения с местными курдами, с людьми шейха Барзани (см. гл. X), которые в противном случае могут помешать их переходу. Дальше курды двигаются по высокогорной дороге через Тенги-Былинда на восток, по тропам долины реки Шемдинан-Су, впадающей в Большой Заб.

Тянется длинная вереница людей, навьюченных мулов, лошадей и скота. Стада баранов в 300—400 голов пасутся вокруг на склонах под охраной вооруженных

96

пастухов. В устье реки Орамар-Су курды разделяются. Одни идут через долину Сат, другие движутся по долине Херки и Беиткар; идут они медленно, делая небольшие переходы, совершая зигзагообразный путь, чтобы достичь высокогорных перевалов на севере Сат-Дага. Курды передвигаются очень свободно, каждый направляется туда, куда ему хочется, без всякого плана. Кажется, будто две или три семьи идут вместе, навьючив на лошадей и скот все свое имущество: мешки с зерном, палатки, ковры, войлок, одежду и т. д. То здесь, то там видно, как_ сверху поклажи привьючена большая овца. Женщины, одетые в лохмотья, с трудом передвигая ноги, несут на спине какое-то невообразимое сооружение: тут и люлька, и кувшины, курительные трубки, подносы, бурдюки для сбивания масла, тыквы, самовары, приспособления для тканья и прядения и как обязательное приложение—ребенок. Иногда внимание привлекают разноцветные сундуки ага, где лежат его лучшие одежды и чайный прибор. Все, за исключением тех, у кого больные ноги, идут пешком, ибо и скот и лошади навьючены.

Охрану несут вооруженные с мог до головы люди. Их можно встретить в деревне, на дорогах, разговаривающими с жителями. Один или двое таких людей сопровождают подростков, которые выше на склонах пасут стада. Передвижение кочевников доставляет много беспокойств "окружающим. Крестьяне стараются не выходить из домов, закрытых на засовы. Вооруженные люди занимают все стратегические пункты вокруг деревни. Все настроены нервно и подозрительно. Время от времени слышится беспорядочная стрельба. Вот нам повстречалось стадо в живописном месте на вершине хребта, и, желая сфотографировать его, я попросил пастуха задержаться на минуту на скале, куда он карабкался. Как заяц, он, прыгая, кинулся вниз, зовя на помощь и заряжая на ходу ружье, не замедлив своего бега, пока не промчался метров около четырехсот. Когда он очутился внизу, то хотел даже стрелять в нас. Животные устают и болеют в пути, при этом многие из них погибают; их преследуют к тому же стаи орлов и ястребов. Кочевники не снимают груз на ночь, свои привалы они устраивают подле навьюченных животных, закутываясь на ночь в войлок «(guetchi)».

97

Обратимся теперь к курдам Закавказья. Вот как рассказывает нам о своей юности Араб Шамо¹), ставший впоследствии писателем, в своей книге «Курдский пастух»².

«Как только стает снег, появится зелень и начнут распускаться деревья, курдская деревня приходит в движение.

С раннего утра начинается суматоха: курды со своими стадами собираются переходить в так называемые «долга» — места, где происходит отел мелкого рогатого скота.

В «долга» курды заботливо ухаживают за ягнятами, подкармливают их как можно лучше, чтобы они скорее подросли, окрепли и с наступлением жары были в состоянии выдержать утомительный переход в горы.

На летних кочевках курды объединяются в своеобразные коллективы («оба») — небольшие общины от сорока до восьмидесяти хозяйств для совместной пастьбы скота на

горных пастбищах. Во главе оба стоит «оба-баши», самый богатый и влиятельный член общины; он ведает всеми делами, распределяет налоги, указывает место пастьбы и время перехода скота с одной кочевки на другую. Должность эта выборная и считается почетной: оба-баши беспрекословно подчинялись все. Оба-баши — почти всегда глава рода и кулак... Поэтому от пастухов требуется, чтобы они, кроме своих прямых обязанностей, выполняли бесплатно всю работу по пастьбе и уходу за скотом оба-баши: пригонять скот к кочевкам, пересчитывать каждый вечер скотину и сообщать об этом хозяину; по утрам убирать «аглы» — огороженные места для овец, — относить мусор и навоз подальше от кочевки».

2. Обряды сельской жизни

«По местному обычаю по прибытии в «долга» после первого приплода каждый богатый курд режет барана,

¹ *Имеется в виду курдский писатель Араб Шамилов, книга которого на русском языке была издана в Тбилиси в 1935 году. — Прим. перев.*

² *Эта книга, написанная на курдском наречии Закавказья, была издана по-русски. Я перевел ее на французский, и с моего перевода она была издана на курдском языке в Бейруте: «Habent sua fata libelli».*

98

устраивает обед и приглашает на него своих соседей. И пастухов. Хозяин и хозяйка усердно угощают всех. После обеда, который устраивается всегда на воздухе, убирают столы и молодежь поет народные песни и пляшет вместе с пастухами. По окончании праздника все благодарят хозяина за угощение и выражают ему пожелания, чтобы его хозяйка получила за лето много масла и сыра, чтобы чума не пристала к скоту и летняя пастьба закончилась благополучно.

Праздник этот называется по-курдски «саре-пэз», что значит «начало приплода». Я был на нем первый раз в жизни и восхищался им, но отец и мать улыбались и говорили, что саре-пэз — еще не очень большой праздник, а вот скоро будет «Баро-дан», лучший день в году. И я стал ждать «Баро-дана» с великим нетерпением.

Как только ягнята подросли и окрепли, а снег в горах начал таять сильнее, оба-баши назначил день «Баро-дана» — выступления из «долга» на горные пастбища. Приготовления начались за неделю, и вот наконец наступил торжественный день. С раннего утра все начали наряжаться в лучшие праздничные одежды. Девушки, одетые в яркие, богатые платья, украшали головы венками из свежих полевых цветов и продевали через нос «карафилы» — круглые золотые пластинки величиной в пятирублевые, — к которым прикреплено раздвижное золотое колечко. Для этого богатые курды еще в детстве прокалывают своим дочерям нос. Своих овец, баранов и коз курды украшали пучками крашеной шерсти, а к ошейникам лучших баранов подвешивали медные колокольчики с разноцветными украшениями. Потом пускали овец и ягнят в общее стадо и устанавливали порядок шествия.

К тому времени, когда приготовления были закончены, солнце уже успело довольно высоко подняться над горизонтом.

Небо было чисто и безоблачно, в воздухе разлиты приятная теплота весеннего дня, запах цветов и распутившихся почек.

Наконец наступил торжественный момент; все было готово; оба-баши дал сигнал к отправлению. Во главе «Баро-даиа» стал главный пастух, одетый в свой лучший пастуший костюм, со свирелью в руках. Он исполнял роль командира: давал молодежи указания, как посту-

99

пять с молодыми барашками или с овцами, не принимающими своих ягнят. За главным пастухом поставили самого высокого-и красивого козла, по-курдски — «мери»; на шее у него висел колокольчик, который, как мне объяснили, хорош тем, что звонит на самой высокой ноте. В последний момент перед отправкой каждый хозяин... произносил, обращаясь к пастухам, следующее заклинание: «Поручая тебе свое стадо, я обязываю тебя честно и добросовестно исполнять свое дело и хорошо охранять мое стадо».

Когда все заклинания были произнесены, главный пастух заиграл на свирели и шествие тронулось. Стадо в полном порядке шло за пастухом в сопровождении молодежи; подпаски и дети бежали по бокам и зорко наблюдали, чтобы порядок шествия ничем не нарушался; ударами палки или особым свистком подпаски указывали каждому барану его место в стаде.

Прошло много лет с той поры, когда я впервые увидел шествие «Баро-дана», но впечатления того дня еще памятны мне. Как сейчас, вижу перед собой сияющие лица детей, молодежи и пастухов, слышу их песнь. Ярко пестрят архалуки, ойма и бешметы, нарядные костюмы девушек и цветочные венки на их головах, украшения на овцах и баранах. Всюду — яркий солнечный свет. Вся долина покрыта зеленью, а вдали виднеются горы еще под снегом. Блеяние овец и баранов, песни пастухов и молодежи далеко разносятся по долине, и жители выбегают из своих жилищ, чтобы полюбоваться веселым шествием.

Такие шествия бывают только два раза в году: весной, когда стада уходят на летние кочевки, и глубокой осенью, когда возвращаются домой. Не надо забывать, что все богатство курдов — в стадах. Хороший удой не только обеспечивает курда на весь год запасом масла и сыра, но дает ему возможность продать в городе излишки этих продуктов, а также и шерсть и некоторую часть своего стада на мясо. Он может уплатить налоги и обеспечить свою семью городскими товарами. Не удивительно поэтому, что передвижение скота на летние кочевки и возвращение его на зиму — важные события в жизни курдской деревни и дни «Баро-дана» — самые торжественные дни в году.

Путь до первой кочевки был неблизкий. Молодежь,

100

пройдя шумной гурьбой несколько километров, повернула обратно и разошлась по домам, а пастухи и подпаски, нагруженные съестными припасами, медленно продолжали свой путь. В первый день ограничивались обыкновенно небольшим переходом, постепенно увеличивая его с каждым днем, чтобы молодые барашки не очень уставали и привыкали к передвижению.

Стада следовали друг за другом на небольшом расстоянии. На первом привале скоту дали отдохнуть и подкормиться. В это время мой отец, как старший, начал делить поровну подаренные хозяевами продукты: хлеб, мясо, халву, сушеные фрукты. Отец исполнял обязанности Старшины всю дорогу и на первой кочевке, до прихода хозяев. В пути пастухи по вечерам приходили к отцу за советом. Вопросов было много. Сколько делать остановок для отдыха баранов, и главным образом молодняка, сколько раз останавливаться для водопоя, делать дневки для отдыха овец и молодых барашков.

На первой кочевке мы недолго оставались одни: дня через четыре прибыли наши хозяева с семьями и тотчас же занялись устройством своих черных шатров. Кон — большая палатка, ее полотнища сотканы из козьей шерсти. У богатых курдов конь были большие, разделенные на несколько комнат, убранные коврами и кошмами; имелась особая комната для гостей и отдельная кладовая для молочных припасов: масла, сыра и творога. У менее состоятельных конь был гораздо меньше и состоял из одной комнаты для жилья и отдельной кладовки.

Палатки стояли отдельно или небольшими группами по склонам гор или же в ложбинах и ущельях, где громоздились скалы и с шумом стекали горные потоки и ручьи. Издали группы коней можно было принять за военный лагерь» 1.

3. Роль скотоводства

Итак, животные обеспечивают курда всем необходимым для существования. Этими домашними животными являются лошади, ослы, козы, курдючные овцы и

1. Араб Шамилей, Курдский пастух. Курды Алагеца. Повести. Перев. с курдского, Тифлис, Закавказ. гос. изд-во, 1935, стр. 28—32.

101

собаки, стерегущие их. Верблюды и буйволы встречаются у курдов реже. Лошадь— животное наиболее часто используется для верховой езды и как вьючное лишь в крайних случаях. Кобылье молоко иногда пьют, хотя гораздо реже, чем у кочевников Туркестана. В Армении коневодство не имеет столь большого значения. Неровный характер местности не способствует его развитию. Основным районом разведения лошадей можно считать местность, примыкающую к турецко-иранской границе, где условия для этого являются более подходящими и где племенам удается сохранить относительную независимость. Итак, коневодство в почете у племен, живущих в горах а также у курдов племени хейдеранли в Аладаге, на пространстве между озером Ван и Араратом. Высокогорные, покрытые травой плато с более жоступными путями больше способствуют развитию коневодства, чем районы ущелий и высокогорных равнин в других частях Курдистана. Курдская лошадь похожа на арабскую¹). Она мельче, но зато выносливее. Лошадь эта

¹О том, что родословная коня и его качество отражают у курдов традицию арабов, можно судить по тому, что в курдской поэзии среди лучших пород лошадей называются сиглави и кохейлан, то есть две из пяти легендарных арабских пород; танесси, манеги, кохейлан, сиглави и джульфе (L. Mercier, *Parure des Cavaliers*, перевод с арабского). В курдской поэме «Коч Осман» речь идет об известном скакуне, подвигам которого и посвящена поэма. Чтобы подчеркнуть достоинства этого коня, в поэме говорится, что его предок был жеребцом-производителем (O. Mann, *Die Mundart der Mukrikurden*, Teil II, S. 353). Эта тема весьма распространена в фольклоре, и ее можно встретить не только у курдов (см. гл. XII). Как указывает один иранский автор, только в одной провинции Арделан можно насчитать по крайней мере 60—70 тыс. лошадей. Немецкий путешественник пишет: «В Южном Курдистане лошади используются умеренно. Как указывает Рич, курды пашалыка Сулеймание являются наездниками смелыми, но плохими, которые в отличие от арабов плохо разбираются и лошадях и бешеной ездой по камням портят от природы хороших коней. Охотно объезжают лошадь после араба, иногда после турка, но почти никогда после курда». «Смешанная арабо-курдская порода лошадей,— пишет тот же путешественник,— быстро теряет свои хорошие качества». Напротив, полковник Чайл превозносит способ курдской верховой езды. «Только среди мукринских курдов на юге озера Урмии я видел искусных и опытных наездников, которые не уступают арабам в выезде лошадей* (M. Wagner, *Reise nach Persien mid Kurdistan*, S. 239). О лошадях породы кохейлау см. Moltke, *Briefe...*, S. 246.

102

приспособилась к характеру местности и уверенно скачет там, где человек едва может пройти. Почти все курды — искусные всадники. Путешественники, которые посещали районы коневодства, с большой похвалой отзываются о курдах как наездниках.

В «Шереф-наме» (указ, изд., стр. 377) рассказывается, что глава мукринских курдов эмир Бек бен шейх Хайдар вместе с турками напал зимою на персов в Марага. Он привел в качестве военных трофеев лошадей арабской породы из табунов, принадлежавших шаху Тахмаспу из Караджика. Это были скакуны, «быстроногие, как ветер» (bad-ra), и «благородные от рождения» (diw-zad). «Самые могущественные государи никогда не имели подобных...»

Ослы встречаются в хозяйстве курдов значительно реже, и их чаще можно встретить у армян. Овцы и козы — вот главное богатство курдов; они обеспечивают курда жильем,

пищей и всем прочим. Овцы — крупные, с двойным курдюком. Такая порода овец хорошо выживает в этом суровом, но здоровом климате, где восемь месяцев бывает холодно и снежно и только четыре месяца длится теплое лето. Эта порода овец очень вынослива. У них топкая шерсть и более нежное мясо, чем у овец Ирака и Сирии. На Армянском нагорье (район Эскишехир-Афьоп) разводится прежде всего порода белый караман (или ак-караман). Далее на восток, начиная с территории древней Армении, наряду с ак-караманом можно встретить и другую породу белых длинношерстных баранов — адемис. Однако черные бараны встречаются чаще — это кызыл-караман (красный караман) и другие виды черных баранов: тож, херик, мор, а также каркас (или каркаш).

Бело-черные бараны (от ак-карамана до кызыл-карамана) встречаются также в Сирии. Спрос на цветную шерсть этих баранов особенно велик в западных странах. С другой стороны, в разведении этих пород заинтересован и сам скотовод, поскольку пигментация защищает их от разрушающего влияния солнечных лучей (овечьей рожи)¹.

Из овечьей и козьей шерсти курдская женщина вы-

¹См. F. Balsan, *Chez les moutons de Turquie, «Union ovine», fevrier-mars, 1940.*

103

дельвает войлок¹ или прядет шерсть, идущие затем на изготовление одежды и палаток. Основу питания курдов составляет молоко в самых разных его видах. Мясо же, напротив, как это ни странно, встречается в меню курда редко. Стадо — это капитал кочевника, и молочный скот забивается лишь в особых случаях. Что касается самцов, то их обменивают на зерно. Мясо сохраняют и для особо торжественных случаев. Рогатый скот у кочевников встречается реже, так как буйволы плохо переносят длительные переходы, к которым козы и овцы приспособлены лучше. Буйволы по большей части встречаются только у полукочевников, которые используют их как рабочий скот². Что касается собак, то они служат надежной охраной от диких зверей и от чужих людей. С лучше не сталкиваться. Они напоминают крупных волков с мощной шеей, подрезанными ушами, с длинным, очень густым хвостом; нередко они бывают или целиком белые, или совсем черные. Тип таких собак описан абсолютно точно.

Вся жизнь курда подчинена требованиям ухода за животными. Таяние снега и появление весенней растительности на Армянском нагорье означают освобождение людей и животных, которые взаперти проводят всю зиму. Ведь как только наступают холода, курд загоняет свое стадо в тесный хлев, примыкающий к землянке. Хлев — это темный, грязный загон без воздуха, где животные содержатся совсем в иных условиях, чем

¹Перед нами единственный в своем роде способ выделки грубого войлока для курдских ковров, для шатров и зимней одежды. Остатки шерсти, разложенные на земле, наматываются на палку длиной около полутора метров. К обоим концам палки привязывается довольно длинная веревка, а другие концы веревки привязываются к шее лошади, которая под присмотром подростков несколько дней скачет с этим рулоном по полям (Binder, *op. cit.*, p. 155).

²Скотоводство играет в Восточном Иране такую же роль, как и земледелие, по трем следующим причинам: 1) скот дает естественное удобрение — навоз; 2) молочные продукты являются большим подспорьем в питании и идут на продажу; 3) козья шерсть идет на производство материи для шатров и изготовление веревок, а овечья шерсть — на выделку ковров (A.K.S. Lambton, *Landlord and Peasant in Persia, 1954, Oxford Univ. Press, p. 350.*

104

в летние месяцы. Скученные животные теряют наполовину свой вес, который они набирают за лето. Их кормят запасенным на зиму сеном и дубовыми листьями. Санитарные условия, в которых содержится скот, очень плохие. Животные страдают худосочием. Часто вспыхивают эпидемии. Такие подземные хлевы называются «агыл», их строят равно и в Армении и в Иранском Курдистане, где они, правда, не примыкают к жилью¹).

С наступлением весны не следует медлить с выгоном животных на пастбища, ведь корма подходят уже к концу. Если весна запаздывает, стада несут большие потери. Как только снег начинает таять, курды — по крайней мере в Армении—покидают свои землянки и, хотя ночью бывает еще холодно, устанавливают свои шатры на южных склонах холмов. Такой весенний сезон длится не более шести недель. Под жаркими лучами солнца почва быстро иссушается, растительность вянет, и курды отправляются выше, как уже говорилось, на альпийские пастбища. Предоставим еще раз слово курдскому писателю Арабу Шамилову.

«Мы кочевали со стадами по горам, а паши хозяева в это время были заняты переработкой молока в продукты, способные выдержать продолжительное хранение и перевозку. Делалось это, конечно, самым первобытным способом. Приготовление масла у курдов — тяжелый, мучительный труд, который выпадает на долю женщины. Хозяйки сливают все надоенное за день молоко от коров, овец и коз в большие медные котлы — казаны вместимостью от двух до десяти ведер. Казан ставят па огонь, а когда молоко вскипит,

¹*Существует точный порядок выпаса животных на летнем пастбище. После вечернего доения животных оставляют пастись еще на один час (это вечерний корм — «шивхор»). Затем животных загоняют в так называемый «хавсз», где их держат до часа ночи, когда их снова выпускают на два часа на пастбище (ночной выпас — «шепни») и опять загоняют в «хавез» до рассвета. На рассвете животных снова пасут в течение двух-трех часов (это называется «таштхор») до водопоя; каждое стадо пасется на своем определенном месте. За водопоем начинается утреннее доение в специально отведенном месте — «данега». После доения животных вновь закрывают в загоне, который носит название «пыштерож», где их оставляют до вечернего водопоя. Такого рода подробности могут показаться скучными, но мы хотим тем самым показать читателю, до какой степени жизнь курда подчинена уходу за стадом.*

105

дают немного остыть. Приблизительно каждые десять минут хозяйка определяет пальцем температуру молока; когда молоко остынет до температуры, требуемой для закваски, хозяйка вливает в каждый казан по столовой ложке кислого молока и тщательно покрывает казан джелопом¹. К утру все готово, и хозяйки сливают кислое молоко в кожаные бурдюки — мэшк, которые плотно завязываются. Затем начинается самая тяжелая работа: бурдюки надо толкать то в одну, то в другую сторону, подливая время от времени холодной воды, до тех пор пока не собьется масло. Когда этот момент наступит — а наступает он нескоро, и много уходит сил на эту утомительно однообразную работу, — все содержимое из бурдюков выливают в особые конические холщовые мешки, в которых масло отжимается. Затем готовое масло вынимают из метка, промывают свежей водой, солят и складывают в особую посуду.

Остаток от масла, по-курдски — дау (что значит — пахтанье), идет па приготовление творога; его солят, приправляют разными травами и, когда он совершенно створожится, выливают в холщовые мешки и отжимают под грузом. Сыворотка идет телятам, а отжатый творог плотно укладывается в бурдюк. Творог у курдов — основной продукт питания. Богачи запасают его в большом количестве, по десять-пятнадцать бурдюков, а бедные — один-два бурдюка на-семью.

Сыр готовится не менее примитивным способом. Женщины сливают в казаны выдоенное за день молоко, обязательно цельное: по понятиям курдов, приготовить сыр из снятого молока — большой грех. Затем молоко кипятят и заквашивают последом. Для этой цели курды при ягнении овец собирают последы, тщательно промывают его с квасцами и сушат. Высушенный послед разрезается на кусочки величиною приблизительно с медный пятак и кладется в казаны при приготовлении сыра. Закваска идет быстро: молоко свертывается через пятнадцать-двадцать минут. Затем содержимое выливают из казанов в специально приготовленные холщовые мешочки, которые завязываются и укладываются на гладкую каменную плиту. Боль-

шой, тяжёлый камень заменяет пресс. Спрессованный сыр вынимают из мешков в виде плоских кружков и подсушивают на вольном воздухе.

Летние кочевки курдов, передвижение их стад с места па место отнюдь не случайны. Весною снег раньше всего начинает таять в долинах; в горах он тает медленнее, начиная с нижних склонов, понемногу освобождая каждую неделю часть пространства, которое благодаря обилию влаги и жаркому солнцу быстро покрывается растительностью. Следуя за отступающим снегом, кочевники со своими стадами забираются все выше в горы. Осенью, приблизительно со второй половины октября, начинается обратное движение. В долинах идут дожди, высоко в горах выпадает снег, и курды со своими стадами начинают спускаться с гор, уходя от наступающего снега; так они доходят до места своих прежних кочевок, где успела за лето вырасти новая трава. Наконец глубокой осенью стада спускаются в долины, где еще нет снега, а если он иногда и выпадает, то быстро тает за день. Однако в конце концов спет выпадает и в долинах, и тогда стада со своими хозяевами возвращаются в зимние кочевки.

Курды отмечают это осеннее возвращение стад как радостное событие, потому что миновали хотя и привольные, но вместе с тем и опасные дни летних кочевок, стада вернулись в целости, для пастухов близится время получения расчета за летнюю работу, а для хозяев — крупных прибылей. Однако этот праздник никак нельзя сравнить с весенним «Баро-даном»: в нем меньше оживления и непосредственности. Смена времен года сильно отражается на настроении курдов. Это особенно заметно, когда наступает осень с пасмурными днями, дождями и туманами. Кажется, что и животные чувствуют предстоящую перемену. Когда я гнал вниз в долины своих баранов, которые так хорошо отъелись и окрепли за лето, мне всегда казалось, что животные, уныло понутив головы, словно сожалеют, что окончилось летнее приволье и нается длительное, тоскливое стояние в тесных загонах.

Но, конечно, жизнь, с ее нуждами и хлопотами берет свое. Каждая хозяйка, возвращаясь домой, уже в пути начинает обсуждать со своими приятельницами,

удачное ли было лето. Они подсчитывают, сколько каждая из них заготовила масла, творогу и сыра... Мужчины рассчитывают, сколько можно без ущерба для своего хозяйства продать масла, сыра, шерсти и сколько пшеницы и ячменя они купят на вырученные деньги. Кочевники-курды, занимаясь главным образом скотоводством, сами ничего не сеют и вынуждены покупать хлеб; поэтому вопрос о ценах на зерно имеет для них большое значение. Обсуждается также вопрос об организации зимней пастбы, так как курды не заготавливают сена, а в зимнее время выгоняют каждый день свой скот на подножный корм. Молодые хозяйки хвастают друг перед дружкой, рассказывая, какие вещи они успели выменять у проезжего купца: платки, иголки, нитки, пуговицы, спички, украшения для головных уборов.

Юноши и девушки поверяют друг другу свои тайны: кто и кого наметил себе в женихи или невесты и договорились ли окончательно о женитьбе. Влюбленные говорят о том, как счастливо прошло для них лето, вспоминают места, где они сживали вместе, родники, из которых пили вместе холодную и прозрачную воду, лунные ночи, под покровом которых они проводили самые счастливые минуты своей жизни среди гор и цветов; вспоминают места, где на свободе, вдали от зорких глаз родителей смеялись и играли, плясали, пели любимые песни и где, наконец, в решительную минуту поклялись именем «ходэ»¹) всю жизнь оставаться верными друг другу.

Девушки показывают подругам подарки жениха или возлюбленного: серебряные и медные кольца, позолоченное зеркальце или разноцветные бусы. Молодые люди в свою очередь показывают полученные ими подарки: носовые платки, шитые бисером кошельки и рубахи, вышитые разноцветными шелками, вязаные шерстяные носки, перчатки. А кругом — поблекшая трава, засохшие цветы, на деревьях желтые листья; небо хмурится, и резкие порывы ветра заставляют ускорять шаги.

Так медленно подвигаются курды со своими семьями, добром и стадами по размякшим от осенних до-

«Ходэ» (курдск.) — бог.— Прим. ред.

108

ждей грядаым грунтовым дорогам, пока наконец не доберутся до зимних жилищ. Здесь хозяйки па скорую руку устраиваются опять па зиму, убирают привезенные с гор припасы, пересчитывают скот и приводят а порядок хозяйство.

Наступает праздник «Бэран-бэрдан», которому больше всех рады пастухи и подпаски, потому что в этот день кончается срок их службы и они получают вознаграждение за свой летний труд. В день «Бэран-бэрдан» овец отделяют. в особый загон и пускают к ним племенных баранов, которые все лето паслись отдельным стадом; это делается для того, чтобы весной следующего года все овны принесли молодых барашков одновременно.

В тот момент, когда баранов пускают к овцам, курды стреляют пз ружей и винтовок, как бы праздную свадьбу своих овец. В этот день готовят разные кушанья: «мртоха» — халва, «гата» — сдобные сладкие лепешки, «каурма» — жаркое, и приглашают гостей на обед, а затем собирают бедняков, которым раздают кушанья.

Девушки снимают с головного убора свои шелковые платки и накидывают их на шею своим любимым баранам, а молодые люди подходят и снимают эти платки в знак того, что они любят этих девушек и желают взять их в жены. Отцы и матери следят, кто из юношей снял платок их дочери: они знают, что молодые люди стоваривались летом и что дочь их согласна выйти замуж за того, кто берет ее платок. Если пет препятствий со стороны родных, то совершается помолвка, а спустя некоторое время устраивается и свадьба. Конечно, родители обычно отдают предпочтение богатым женихам, и в прежнее время мало кто из богатых хозяев согласился бы отдать свою дочь за пастуха.

После, праздника «Бэран-бэрдан» хозяева производят расчет со своими пастухами. Взрослый пастух получал за летнюю работу от восьми до двенадцати барашков, а подпасок — от трех до пяти. По местному обычаю, с каждых двадцати овец пастух получал одну; по этому расчету, если у кулака-хозяина было стадо в двести—двести пятьдесят голов, он давал пастуху десять-двенадцать голов, что представляло собой более

109

чем скромную плату за тяжелый л опасный труд пастуха. Но, кроме того, курдский кулак ухитрялся обманывать еще и другим, окольным путем: он входил в соглашение с менее состоятельными соседями и брал за плату их небольшие стада па летнюю кочевку; так незаметно набиралось еще двести-триста овец, которые паслись вместе с его стадом. Пастух же, отвечавший за целость этого добавочного стада, не получал никакой дополнительной платы»¹.

3. Земледелие, сбор (плодов), охота

До сих пор речь шла о тех курдах, которые в большинстве своем добывают средства к существованию скотоводством. Иногда можно наблюдать, например в Армении, как курды весной сеют ячмень в полях, расположенных по склонам над долиной, выжигаемой летним солнцем. Они собирают очень умеренный урожай, так как земля обрабатывается с

помощью примитивной деревянной сохи. Ячмень для курда одновременно и хлебный злак, и корм для лошадей, поскольку овес в Армении не культивируется. Земледелие больше всего развито на южных склонах Тавра в сторону месопотамской низменности, где животные пасутся зимой.

Было бы неправильным, однако, видеть в курде только пастуха, полукочевника или кочевника. Имеются районы, например в Иранском Курдистане, где оседлые курды известны как очень хорошие земледельцы. И даже в отдаленных уголках Центрального Курдистана (район Харки-Орамар) нам случалось встречать заботливо обработанную землю, где каждый участок тщательно возделан, а поля идут террасами с хорошо продуманной ирригационной системой. Иногда кажется даже, что подводка питьевой воды восходит к высокоцивилизированной эпохе, как об этом, например, писал П. Лерх: «В устройстве водопроводов для орошения почвы курды, подобно древним халдеям² весь-

¹Араб Ш а м и л о в, цит. соч., стр. 37—43.

²К тому же находят иногда следы древних сооружений Курдистана: «...правый берег р. Белатсу окаймлен вертикальной стеной огромной высоты, на расстоянии пятидесяти метров видны руины древнего виадука с остатками пяти или шести арок. Спрашивается, как могут быть так нелепо забыты подобные сооружения? К какой эпохе они относятся? На этот вопрос можно бы дать сотню различных ответов. Отсутствие письменных свидетельств препятствует воссозданию истории страны» (Binder, op. cit., S. 187).

110

ма ловки и не боятся труда. Однако ж земледелие, как почти у всех обитателей гор, и у них занятие второстепенное; но все-таки они им более занимаются, нежели аравитяне. Они занимаются хлебопашеством столько, сколько нужно для собственного продовольствования и для соломы на продовольствие его скота, и сеют преимущественно кукурузу, пшеницу, ячмень и рис. Но главное богатство курдов состоит в его стадах...»¹.

Курдская поговорка гласит: «Ne ereb u rez, ne fileh и rez» («Нельзя себе представить араба, занимающегося виноградарством, как и армянина, занимающегося овцеводством»). Следует отметить очевидное противоречие; ведь курд превосходный скотовод².

В целом все наблюдатели отмечают, что главным препятствием на пути развития земледелия у курдов является налоговая система, которая сковывает всякую инициативу. Известны случаи перехода к оседлой жизни вследствие падежа животных, который опустошал стада. Следует также коснуться значения для курдской экономики охоты и сбора некоторых плодов земных. В Армении, например, где мало лесов³, серьезной заботой является заготовка топлива. Во многих районах встречается лишь разновидность колючего астрагала, который срезают специальным ножом. Курды часто доставляют астрагал на ослах в город для продажи на рынке. Астрагал также жгут на древесный уголь. Однако основное топливо готовится из коровьего навоза, смешанного с соломой или сухими листьями. Что касается астрагала, то из его корня

¹П. Л е р х, цит. соч., т. I, стр. 23—24.

²См. Р. R o n d o t, *Tribus montagnardes...*, «Bull. d'Et. or.», Damas, 1936, t. VI, p. 3.

³Наоборот, западная часть Иранского Курдистана покрыта лесами. Курд выделывает всю домашнюю посуду из дерена. Она легче и удобнее для пользования при переходах. Лесные массивы охватывают площадь около 300 км — от Сердешта, через перевал Кель-и-Хап на северо-восток Сенне, далее районы Явруда, Гаи-руда, Соурсура, Ревашипра, Джэнвапруды, Лесуна, Авромапа, Ме-ривана и Бане.

111

извлекают адрагант. Карликовые дубы в Южном Тавре и в Иранском Курдистане¹) дают чернильный орешек, который содержит дубильное вещество, а также род манны², белой,

как сахар, употребляемой при изготовлении восточных сладостей. Курды собирают также травы, часть которых является съедобными (spynk, trcho, mendyk, pekask³ — дикий щавель, дикий шпинат и т. д.), а часть является средством для истребления насекомых, что очень необходимо, учитывая плохие гигиенические условия зимнего жилья. Курдам известны также красящие свойства некоторых ягод и растений, которые они собирают и используют затем при выделке ковров. Отметим также специальный сбор снега (заменяющего искусственный лед), который курды привозят в Амадию и Мосул для продажи летом населению городов.

Что касается охоты, то она «е принадлежит к основным источникам существования, ло крайней мере в Армении, где крупная дичь попадает редко. В Тавре встречаются козероги, олени, волки, кабаны, лисицы, медведи; курды уничтожают последних во время переходов, если они нападают на стада, и поэтому количество хищников значительно уменьшается. Результаты методического истребления являются, как известно, более губительными, нежели массовое уничтожение спорадической дичи⁴.

1. В Иранском Курдистане насчитывается около 14 различных видов дуба: мазу (mazou), балут (belout), дануке (denoukeh), ситшеле (sitcheleh), харнук (kharnouk), келькаф (kelkaf), бера мазу (bera mazou), келе шинке (keleh chinkeh), хемзе (hemzeh), бегун (begui), таскал (teskel), каваль (kewel), панке (pankeh), гарке (garkeh), пузе (rouzeh), хуке (khoukeh). Разновидности мазу и келькафа дают самый лучший чернильный орешек.

2. Имеется огромное количество разновидностей дуба, его листья и желуди имеют тысячи форм. Дубы и поныне выделяют манну, как и в библейские времена; она проступает на листьях и желудях, подобно розовой камеди. До сих пор не известно, является ли это эксудацией растения или росой, поскольку точно такое же явление наблюдается на скалах в пустыне и в дубовых лесах (Binder, op. cit., p. 195).

³ «Сыпынк» — шпинат, «тыришо» — щавель, «мендик» — род травы, «пекаск» — лебеда. — Прим. ред.

⁴ Встречается и соболь. Миллинджен (около 1870 года) отмечал, что в Армении водится много леопардов.

112

5. Ремесло и торговля

Что касается домашних ремесел, то следует отметить работу женщин, которые ткут ткани и ковры, проявляя при этом много вкуса в выборе рисунка одежды и шатров. Следует также учитывать степень зависимости курдов по отношению к администрации, и особенно налоговый гнет. Там, где налоги наиболее высоки, население быстро нищает и мало заботится о красочном орнаменте, выделке ценных тканей, в которых проявляется врожденный, но, конечно, примитивный эстетический вкус курдов, а также изящество в искусстве подбора цветов и т. д. Курдские, коврики для моления - *седжаде* из района Сене ценятся в Иране. Это искусство заметно также и в отделке предметов быта - рукояток курдских кинжалов, вырезанных из кости, серебряных пряжек, вышивок. Следует учитывать, что Курдистан - это не только страна кочевников или земледельцев, в Курдистане имеется много городов и местечек, где сложились известные традиции ремесла, умение выделывать разнообразные изделия. Достаточно, например, назвать Ван, Битлис, Эрбиль, Сенне, Мехабад и другие города, которые, будучи чисто городскими курдскими центрами, благоприятствуют развитию самых различных видов ремесла (чеканка меди, работа с металлом, резьба по дереву¹).

А. Саркисян в своей статье «Абдал-хан - курдский господин из Битлиса в XVII веке, и его богатства»² опубликованной в «Journal asiatique», т. CCXXIX, апрель-июнь 1937 г. рассказывает любопытные подробности о предметах искусства, об оружии, об украшениях и рукописях Абдал-хана. Этот перечень позволяет утверждать, что среди курдских правителей были знающие коллекционеры, которые обладали изысканным вкусом и способствовали развитию ремесла. В Сенне, в частности, есть искусные мастера; они изготовляют портсигары, шкатулки, трости, шахматы, а также

¹П. Рендо, который в основном обследовал сирийских курдов, пишет: «Ремеслом занимаются либо женщины, которое прядут и ткать шерсть, либо армяне и евреи. Последние, живя среди курдов или вблизи от них, являются мастерами красильного дела, дубления кож и обработки металлов».

113

занимаются производством гончарных изделий, сырье для которых добывается в аллювиальных почвах. Ван славится ювелирными изделиями: кубками и серебряными «наргиле», «...горшечное искусство на юге Ванского озера возведено до высокой степени совершенства и изящества. В особенности славится своими гончарными изделиями полуразваленная деревня Зорк»¹.

Если, основываясь на вышесказанном, курда можно считать ремесленником, то причислить его к купцам, живущим за счет торговли, нельзя. Однако даже он, с его укладом простой жизни, нуждается в приобретении тех товаров, которыми не может обеспечить его натуральное хозяйство. В первую очередь это относится к оружию, его покупают у армянских или иранских мастеров. Даже в те времена, когда огнестрельное оружие не было распространено, курд вынужден был покупать бамбук² для изготовления копья, холодного оружия и т. д. После оружия, необходимого курду, поскольку его жизнь постоянно подвергается опасности, и для приобретения которого он готов на любые лишения, следуют предметы украшения и предметы роскоши, которые курды очень любят; им нравится красивая одежда, и носят они ее с завидным умением. До того как копьё уступило место винтовке, оно всегда было украшено страусовыми перьями. Небольшие щиты, которыми в то время пользовались, почти всегда раскрашивались или их отделявали инкрустацией соответственно материалу, из которого они изготовлялись. Шелк для тюрбанов или широких поясов — постоянный предмет спроса у курдов. Как и конь, оружие и одежда с любовью описаны и воспеты курдской народной поэзией. Для курда-кочевника большое значение имеет обмен. Кроме своего скота, он привозит на базар шерсть, кожи, масло и сыр, войлок и ковры, чернильный орешек, топливо. Деньги при этом фигурируют редко. Монетами курды по существу пользуются в качестве женских украшений для волос или одежды.

¹ П. Лерх, цит. соч., т. I, стр. 24.

³ Бамбук привозили из Индии иранские купцы; самым лучшим считался бамбук с семью узлами: длина — 4,1 м (F. Millingen, *Wild life among the koords*, London, 1870, p. 249).

114

Обмен происходит, как правило, осенью, после возвращения с пастбищ. При этом курды не всегда остаются в выигрыше от обмена.

Экономический аспект жизни курдов редко привлекал внимание иностранных наблюдателей. Лишь очень немногие касаются этого вопроса, да и свидетельства эти относятся к давним временам. Поскольку экономика Курдистана претерпела незначительные изменения за это время, то на указанные свидетельства можно сослаться, ибо они отражают общие тенденции, которые не претерпели существенных изменений¹.

«О том, насколько значительных размеров достигли капиталистические отношения даже в относительно глухих углах Курдистана, можно привести достаточно обильный материал. Курдистан был основным центром, снабжавшим скотом Багдад, Константинополь, Сирию; попутно из Курдистана шла шерсть и шерстяные изделия, шелк, мед, чернильный орешек, камедь, некоторые сорта красок; ввозилось в Курдистан оружие, бумажные и шелковые ткани, сахар и ряд других товаров. По-видимому, можно предполагать, что в основном вывоз превалировал над ввозом и значительное количество капитала оседало в Курдистане не только у оседлого населения, бывшего главным (за исключением оружия) потребителем импортных товаров, но и у кочевников...

Число ежегодно прогоняемого в Константинополь отсюда скота ценится в полтора миллиона (голов). Вероятно, посылается туда еще более, но длинный и трудный путь убивает множество. Каждое стадо состоит из 1,5—2 тыс. штук и гонится пастухами, которые сколько можно отдаляются от пути, по которому следуют караваны. Для прогона скота из Вана в Константинополь необходимо 17 или 18 месяцев.

...Из растительных продуктов самое важное место занимают чернильный орешек, камедевый драгант, ко-

1. Об этих изменениях говорится в статье О. Вильчевского (см. «Советская этнография», 1936, № 4—5, стр. 135—161), где речь идет об экономике сельскохозяйственной общины у курдов. Д-р Г. Кристов («Kurden und Armenien», 1935) приводит также некоторые экономические данные, которые мы используем в этой главе. Наконец, иранский автор (Chemim-e-Namadani, Kordeslan, стр. 79—80) тоже говорит об этом.

115

рень марены и плод фисташкового терпентинного дерева, из которого туземцы гонят особого рода масло (идущее на делание мыла). Одно чернильного орешка вывозится отсюда ежегодно на сумму свыше 35 тыс. ф. ст...»¹). Вывозилось также много шерсти; особенно ценится мохэр из окрестностей Джизре.

«...Выделка туземных шалей из мохэра и шерстяных плащей продолжается деятельно; из них шали, отличающиеся отделкой и разнообразием цветов и узоров, свидетельствуют о необыкновенном врожденном вкусе курдских женщин. Собственно Диярбакыр известен своими шелковыми материями, продаваемыми в кусках, подобно Алеппо и другим частям Сирии, но с тою только разницей, что диярбакырские материи по своей большей дешевизне покупаются... на всем пространстве между Диярбакыром и Черным морем». Таким образом, к середине XIX века высказывалось мнение, что турецкий Курдистан ежегодно продавал товаров на общую сумму более 700 тыс. ф. ст. Другой путешественник, живший в то же время, пишет об экономике казы Джуламерг Ванского вилайета. «В казе Джу-ламерк... добывают чернильные орешки и вывозят в Мосул и Иран на продажу. В год приблизительно считают в продаже орешков до 30 тыс. кантаров (кан-тар = приблизительно 250 кг). Батман (= 2,9 кг) продается по 50 пиастров... Меду продается в год до 15 тыс. батманов по цене за батман от 25 до 30 пиастров... Воск продают... по 40—50 пиастров за батман... Табак вывозят на продажу... по 10, 12 и 15 пиастров за батман... Из красильных растений есть дерево, называемое аладжагри, из плодов которого приготавливают желтую краску для окраски сафьяна... продают много в Алеппо и Иран. Шерсть овечья идет в продажу по 20—25 пиастров за батман, а мытая — по 30 пиастров;.. Продают и овец большими партиями до 10 тыс. голов, преимущественно в Мосул, Алеппо, Дамаск, Кайсери. Цена барана — от 10 до 50 пиастров. Крбме шерсти... приготавливают жители шерстяную ткань на одежды и ткнут на продажу паласы... масла коровьего и овечьего отпускают на продажу в Мосул и Гевер по 35—40 пиастров за батман... Продажа всех сказанных продуктов

1. О. Вильчевски и, указ, ст., стр. 150.

116

производится на месте приезжающими купцами, потому что сами жители, боясь таможен, не решаются выезжать из деревень... товары на продажу привозят евреи, армяне и турки из Тавриза, Урмии, Кашана... Железо и свинец разрабатываются жителями скрытно от турецкого правительства. Железо идет... частью на изделия, а частью продается... Копи... находятся в Зер-нех-Майдан... Руда, добываемая здесь... служит как желтая краска и, кроме того, употребляется мусульманами как средство, уничтожающее волосы. Руды ежегодно до 30 тыс. кантаров вывозят в Константинополь, Багдад и Индию. Рудники

находятся в глинистых горах и принадлежат правительству, которое и производит раскопку»¹).

Весь комплекс этих сведений позволяет О. Вильчевскому прийти к выводу, что «торговля носила в XIX веке в Курдистане довольно оживленный характер, и притом это была своя, местная торговля, не связанная с проникновением империализма в эти районы»². Можно предположить, что хозяйство в Курдистане не носит чисто натурального характера, но что с некоторых пор уже известен денежный обмен. Что касается современного турецкого Курдистана, то во время кемалистского республиканского режима можно отметить некоторую экономическую активность. Железная дорога доходит уже до Диярбакыра и Эрзурума, появились проекты провести железную дорогу до иранской границы, вдоль озера Ван, а из Диярбакыра — дорогу на север Месопотамии. Строительство железной дороги, несомненно, окажет свое влияние на развитие края, сделав более доступным передвижение и обмен. В районе Диярбакыра, в Эргани, добывается медь. Из других месторождений в Курдистане известны и разрабатываются железо, уголь, нефть. Однако результаты всех этих мероприятий будут зависеть от политики в целом, которая проводится в отношении курдов, о чем речь еще впереди. Одно из основных положений экономической географии гласит, что только природных богатств, наличие которых в Курдистане нельзя отрицать, по существу недостаточно для прогресса и процветания

¹О. Вильчевский, указ, ст., стр. 150—151.

²Там же, стр. 151.

117

страны, нуждающейся для своего развития в создании той «общей атмосферы, которая обуславливается прежде всего политическим режимом и его методами».

Беджер уверен, что курды Турции, если бы они находились в ведении справедливой администрации, были бы послушными и полезными подданными¹). Земледельцы очень много терпят от падишахских наместников. На вопрос Беджера, отчего курды так часто восстают, ему отвечали: «Что же нам делать? Если мы поселимся в равнине, выстроим селения, разведем виноград, поседем хлеб, станем возделывать бесплодную почву, на нас наложат столь тяжелую подать, что мы не будем иметь никакой пользы от наших трудов... Что же тут станешь делать? Поневоле оставляем мы наши жилища и ищем убежища у наших братьев в горах, которые там не подвержены никакому угнетению. Такова наша участь. Но бог милостив!»².

Конечно, с того времени, как Беджер писал эти строки (около 1840 года), произошли изменения. Об этом уже говорилось. Однако недоверие курдов к властям остается, а чтобы его устранить, сделано еще недостаточно.

6. Программа экономических реформ

То же самое можно сказать и в отношении Иранского Курдистана. Там во времена правления Реза шаха Пехлеви произошли глубокие изменения: укрепилась центральная власть, стала более современной организация общественных финансов, повысилась активность земледельческого банка, расширилась железнодорожная сеть, имели место попытки перевести кочевников на оседлую жизнь³. Перевод кочевников к оседлости — процесс длительный, и в настоящее время имеются результаты лишь в более развитых провинциях. Иранский же Курдистан, расположенный между Керманшахом и озером Урмия, не вышел еще из со-

¹Badger, *The Nestorians*, I, p. 46—47.

²П. Лерх, цит. соч., стр. 61.

³Методы, к которым прибегали, чтобы приучить кочевников к оседлой жизни, критиковала мисс Лэмбтон в своей уже цитированной выше книге.

118

стояния изоляции, и, следовательно, о каком-либо прогрессе пока не может быть и речи.

В этой связи небезынтересно привести здесь предлагаемую уже упоминавшимся персидским автором Шемим-э-Хамадани программу реформ в Иранском Курдистане. Вот как формулируются некоторые статьи этой программы:

1.Курдские кочевые племена должны быть переселены в долины и обучены земледелию. Во главе каждого племени надо поставить тщательно отобранного кандидата из министерства сельского хозяйства, который будет заботиться о внедрении и обработке земледельческих культур.

2.Должно быть увеличено число разъездных учителей в соответствии с количеством племен, которые они обслуживают. Исходя из числа детей школьного возраста обоего пола, должны быть построены школы. Обучение в этих школах будет вестись на персидском языке. Следует избежать перегрузки программ, в частности курс истории Ирана должен быть сокращен.

3.По выбору правительства будут открыты профессиональные школы в Керманшахе и Сенне или в каком-либо другом городе для обучения в них столярному, плотничному, кузнечному и другим ремеслам.

4.Сельскохозяйственный банк должен иметь свое отделение в Курдистане для выдачи ссуд и авансов деньгами и натурой с целью освобождения сельского населения от гнета собственников и поднятия, таким образом, их уровня жизни.

5.Под руководством специалистов должно быть основано несколько ковровых и красильных фабрик, что позволит развить ковровую промышленность, внедрив в производство образцы, которые пользуются спросом на иностранных рынках.

6.Должны быть приняты эффективные меры по ликвидации контрабанды в районе между Мериваном и Авроманом, которая наносит ущерб торговле.

7.Из-за отсутствия необходимых технических знаний товары, экспортируемые из Курдистана, несмотря на их превосходное качество, не отвечают требованиям иностранных рынков. Чтобы устранить такое положение, необходимо открыть сельскохозяйственные школы или в крайнем случае направить в Курдистан специа-

119

листов, которые обучили бы население современным способам сушки фруктов и т. д.

8.Вырубая беспорядочно леса, кочевники наносят ущерб лесным богатствам Иранского Курдистана. Правительству надлежит организовать соответствующие службы, которые могли бы обеспечить рациональную эксплуатацию лесов.

9.Чтобы урегулировать отношения между собственниками и крестьянами, должен быть выработан и обнародован закон, закрепляющий права и обязанности обеих сторон. Крестьянин, в настоящее время уплачивающий землевладельцам большие налоги, должен получить в собственность землю. [В настоящее время крестьянин в большинстве случаев является лишь арендатором. — В. Н.]

10.Курдистан нуждается в строительстве проезжих дорог, которые могли бы связать его с соседними провинциями: Керманшахом, Азербайджаном, Ираком и Месопотамией.

11.Необходимо принять надлежащие меры в целях борьбы со смертностью среди кочевников, являющихся одним из производительных элементов иранской нации¹.

7. Обзор курдского хозяйства и перспективы его улучшения

Образ жизни курдов, их занятия, их обычаи определяются природными условиями страны. Именно в климатических условиях и характере местности следует искать ответ на вопрос, почему курд является испокон веков скорее скотоводом и кочевником или полукочевником, нежели оседлым земледельцем. Наиболее характерной для курда является пастушья среда. Он становится земледельцем лишь в силу обстоятельств. Это, например, наблюдалось сразу же после первой мировой войны, когда некоторые племена, отделенные от своих пастбищ линией русско-турецкого фронта, став свидетелями того, как погибли их стада, вынуждены были менять свой образ жизни. Аналогичные по-

¹Эти мероприятия, как и многие другие, касающиеся улучшения положения курдов, остались на бумаге,— Прим. ред.

120

следствия может иметь и падеж скота. Что касается попыток правительства заставить курдов вести оседлую жизнь, то такого рода попытки всегда будут наталкиваться на сопротивление курдов, исконных горцев; они могут привести к какому-то успеху лишь при условии, что будут осуществляться с большим тактом и терпением и сопровождаться затратами необходимых финансовых и технических средств. До сих пор курды всегда с недоверием относились, причем вполне обоснованно, ко всем мероприятиям властей, будучи убеждены в том, что они могут нанести им лишь вред. Поэтому необходима длительная разъяснительная работа среди них, если хотят мирными средствами добиться некоторых результатов. Необходимо прежде всего завоевать доверие вождя племени («ага»), власть которого остается непререкаемой в племени. Итак, лучшим путем сближения будет сближение курдов при посредстве самих курдов в рамках племени. Всякое принуждение, всякая попытка прибегнуть к силе сопряжена с риском вызвать серьезные осложнения. Разумеется, это только общие замечания. Действительность чревата самыми разнообразными обстоятельствами, каждый отдельный случай потребует серьезного и внимательного изучения всех аспектов вопроса.

Приобщение курдов к производительному труду могло бы постепенно привить им понятия, могущие подмять их над нынешним уровнем. Обучение на родном языке, школы, больницы, оказание медицинской и ветеринарной помощи — вот те этапы, которые им надлежит пройти и которые соответствуют — за исключением попыток заставить курдов вести оседлую жизнь — п р о г р а м м е Ш е м и м -э-Х а м а д а н и.

Что касается курдов Ирака, то сведений об их экономическом положении нет. Нам кажется, что из того значительного количества овец, которое Ирак экспортирует, какая-то часть, несомненно, должна принадлежать курдам. Курды в качестве рабочей силы используются на разработке нефтеносных пластов в районе Киркука. В связи с этим еще перед первой мировой войной Сон отмечал в своей книге (гл. I), что оседлые курды, живущие в южной части Загроса (кельхор, баджлян, джафф), доказали свою способность освоить технику. Их наняла Англо-Иранская нефтяная компа-

121

Надпись под картой на стр. 123

Расселение курдских племен в зависимости от их образа жизни. Стрелки показывают общее направление кочевий. В целом карта дает представление о размещении значительных групп курдов в Турции и на севере Ирака. Что касается Ирана, то данные расселения курдов между р. Аракс и оз. Резайе не точны. Население этого района не является курдским. Курды живут вдоль турецко-иранской границы, вдоль цепи гор и далее на запад. На территории между Мехабадом и Сенне живут в большинстве оседлые курды.

122

ния, которая бурила скважины в районе Каср-е-Ши-рин. Компания использовала курдов на монтажных работах при сооружении нефтяных скважин и на работе в механической мастерской. Курды проявили такие способности, что, когда компания перенесла свои работы на юго-восток Ирана, многие из них были приглашены туда на работу. До настоящего времени, пишет Сон, курды проявили себя наилучшим образом, это рабочая сила с наибольшей потенциальной способностью; некоторые из них добились больших результатов на технических и механических работах. Как рабочие курды неутомимы, послушны и спокойны, проявляют интерес ко всякого рода технике.

У нас есть все основания предполагать, что курды, работавшие в Киркуке, также проявили себя с самой лучшей стороны.

Разумеется, существует большая разница между положением пастуха-кочевника и рабочего-механика. Курд является в этом смысле примером. Итак, заканчивая эту главу о курдском homo oeconomicus, мы выражаем надежду, что в один прекрасный день при благоприятных обстоятельствах курд достигнет степени благополучия, соответствующего его врожденным способностям.

124

ГЛАВА IV

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ КУРДА, ЕГО ХАРАКТЕР

1. Дать представление о моральном облике народа не так легко

При изучении народа нельзя обойти молчанием психологическую сторону вопроса. Известно, что каждый народ обладает тем, что именуется «духом нации» — комплексом черт, отличающих один народ от другого или их сближающих. Не отрицая наличия некоторых «постоянных величин» в характере народа, которые определяются всем его прошлым, а также условиями его существования, мы должны все же отметить, что обобщения в этом вопросе, очень часто плохо обоснованные, приводят иногда к штампам и навешиванию ярлыков, от коих отказаться и опровергнуть которые весьма трудно¹).

Было бы утомительно

¹Если подойти к этому вопросу с научных позиций, то он не вызывает сомнений. Разумеется, есть нечто общее, что присуще всем индивидам каждого народа; это объясняется историей, естественной средой и множеством социальных или даже биологических факторов. Будучи перемещен в другую среду, индивид может приобрести другие черты и стать иным человеком. Тем не менее эта трансформация будет искусственной, и первоначальная индивидуальность человека вновь проявится, едва только он вернется в родную среду. О чем бы ни шла речь — о физических или психических особенностях организма, — все они развиваются или атрофируются под влиянием среды, в которой живет индивид, и передаются наследственным путем. Дарвинизм выдвигает на первое место естественный отбор в ходе борьбы за существование; неоламаркизм же придает решающую роль среде, которая определяет появление или исчезновение той или иной черты. Нам представляется, что на современной стадии эволюции имеют место попытки согласовать эти две точки зрения. См., между прочим, E. Rignano, *Sur la transmissibilité des caractères acquis*. Известно, что в этом вопросе советская наука в лице проф. Т. Д. Лысенко расходится с западной наукой.

125

долго рассуждать на эту тему, поэтому мы не будем вдаваться в подробности, поскольку в наши намерения входило лишь напомнить, сколь необъятна эта область психологии народов и какими неожиданностями она изобилует. Впрочем, душа того народа, о котором здесь идет речь, не столь уж непонятна. Но говоря о курдах, общее правило, по-видимому, осталось неизменным — право выносить поспешные суждения, сделанные иногда случайно, а иногда даже основанные на слухах...

Чтобы прийти к чему-то более или менее определенному, обратимся вначале к некоторым суждениям иностранных наблюдателей, а затем приведем некоторые курдские народные легенды, в которых курды сами говорят о себе.

2. Психологические типы курдов по схеме Г. Кривога

А. Кочевники-скотоводы из Тавра (контакты с бедуинами)

Самое глубокое изучение характера курдов, насколько нам известно, сделано Гельмутом Кривога; он написал книгу, на которую мы ссылались выше, где он сравнивает курдов и армян. По политико-социальным признакам автор установил четыре группы курдов:

1. Скотоводы с высокогорного турецко-армянского плато и верхнего течения р. Куры, то есть Верхнего Аракса, Мурада, Фурата и бассейна озера Ван.
2. Скотоводы, населяющие южные склоны Тавра.
3. Курдские кочевники-воины пограничных районов.
4. Полукочевники.

Автор считает, что скотоводы с южного Тавра, которые зимой спускаются в долины Сирии и Месопотамии, представляют собой оригинальный и наиболее сохранившийся тип, по отношению к которому все другие типы курдов являются лишь производными. Их характер формировался почти исключительно под влиянием борьбы с силами природы, а также недругами. На формирование характера человека здесь оказывали влияние и климатические условия. Холод и жара сменяются через короткие промежутки времени. В глубоких долинах Тавра жара иногда бывает невыносимой, в то время

126

как в горах дует холодный ветер, а в ущельях еще лежит снег. Зимой снежные бури свирепствуют даже у подножия гор, на равнинах, и вынуждают людей укрываться в хижинах или шатрах, которые их плохо защищают, а скот — уводить с пастбищ.

К этим суровым климатическим условиям прибавляются еще опасность и трудности, которые подстерегают курдов в горах на каждом шагу. Лишь ценою невероятных усилий курдам удается весной делать переходы и перегонять стада, минуя отвесные скалы и бурные потоки. Только упорство и сила воли позволяют курдам преодолевать эти трудности природных условий. Как правило, кочевника изображают фантазером и мечтателем, для которого мир населен духами и демонами. Однако это ни в коей мере не мешает курду поступать так, как он считает нужным. В силу закона гармонии контрастов у него развито чувство реальности. Однако не только враждебная природа влияет на характер кочевника. У него есть и враги, а чтобы их одолеть, надо быть храбрым — ведь курдам приходится охранять свои стада от налетов грабителей. Зимой, когда курды спускаются в сирийско-месопотамскую низменность, им приходится почти ежедневно сражаться с бедуинами. Как все кочевники, бедуины не считают кражу скота позором. Им известно также, что курды не могут их преследовать далеко, так как плохо знают местность. Однако в вооруженных столкновениях курды превосходят бедуинов храбростью и искусством боя настолько, что бедуины предпочитают обращаться в бегство, не вступая в бой. Курдо-арабские контакты — очень интересное этнологическое явление, но мы не можем остановиться на этом явлении более подробно. Приведем только высказывания такого внимательного французского наблюдателя, как П. Рондо: «Горный массив Армении и Курдистана довольно внезапно обрывается на юге за Меардином, Нусайбии и Джизре-ибн-Омаром, ведя к степям Джизре, которые населяют арабские кочевники. Это граница двух миров. Как у всех арабов, их существование связано с верблюдом; поэтому эти великие кочевники не смогли проникнуть в каменистые горы; они, как и курды, с

завистью глядят на степи, сравнительно хорошо орошенные и более поддающиеся обработке, нежели горные местно-
127

сти, где они могли бы пасти свои стада и выращивать некоторые культуры. Если только позволяет безопасность, то есть если правительство или оседлые вооруженные курды достаточно сильны, чтобы не позволить бедуину трогать засеянные поля, курды спускаются в долину. Однако время спокойствия непродолжительно, урожаи не всегда бывают хорошие, да и климат расслабляет горца; равнина «съедает» курда, и случаются приливы и отливы»¹).

Я присоединяюсь, между прочим, к мнению Рондо о расслабляющем влиянии (долины) на здоровье курда. Во время первой мировой войны, когда линия русско-турецкого фронта отделила курдов от их пастбищ, я сам имел случай видеть на примере племени бекзаде из Бе-нара (Мергевер), которому пришлось остаться па равнинах северной Месопотамии, в каком состоянии крайнего ослабления они находились.

Об этой стороне контактов между курдами и бедуинами пишет ряд авторов.² Бансе, в частности, говорит: «Итак, мы имеем дело с пограничной зоной между арабами и курдами. Это один из вызывающих наибольший интерес районов Востока, ибо там сталкиваются пути миграции двух народов. Арабские бедуины идут с юга, с бескрайних степных просторов, тогда как курды двигаются с севера, откуда идут и армяне, а также представители турецких властей. Чтобы лучше понять это столь важное явление, следует обратиться к карте. На ней можно проследить северную границу распространения арабского языка, передвижения арабских бедуинов и летом и зимой. Легко убедиться, что эти границы заметно отклоняются к югу, огибая горные массивы, в то время как долины далеко вклиниваются вглубь, значительно облегчая распространение черт арабского быта, как это особенно заметно между Тек-теком, Караджей и Тур Абдином. Арабы проникают только туда, где горы спускаются пологими склонами. Далее можно заметить, что передвижения бедуинов ле-

¹ P. Rondot, *Tribus...*, p. 9—10.

² См. O. Banse, *Auf den Spuren der Bagdadbahn*, Weimar, 1913, p. 62; «Grenzzone der Araber und Kurden»; см. также S o c i n, *Kurd.. Texte, II Abteilung*, S. 217, «Ahmedi Schang» et p. 228, «Bos Beg», где говорится о жизни курдско-арабских бедуинов.

128

том в большинстве случаев заходят на севере за крайнюю границу распространения арабского языка либо достигают ее и, наоборот, зимою они снова отступают па большое расстояние в пределы этой границы, то есть остаются на юге. Так, например, они явно удаляются из Хабура, района, богатого водными артериями.

Учитывая процесс исторического становления азиатского Востока, следует признать, что, как правило, для северных народов в гораздо большей степени характерна тенденция продвигаться на юг, чем для южных народов двигаться на север. В рассматриваемом случае эта тенденция усиливается у северных племен, которые склонны к оседлой жизни, так как в Курдистане они привыкли к пересеченной местности, где достаточное количество водных источников и довольно обильные дожди позволяют, как и в большей части Северной Месопотамии, выращивать обычные злаки, почти не прибегая к искусственному орошению. Тем не менее можно утверждать, что северные племена достигнут границы своих миграций тогда, когда попадут в зону, где земледелие возможно исключительно на основе орошения. За пределами этой границы возможно ведение лишь пастушьего хозяйства, которое во все времена будет уделом арабских бедуинов. С другой стороны, они почти никогда не сумеют проникнуть за южные ответвления горных складчатых образований Армении. Именно там им не хватало бы необъятных степных просторов, без которых араб не представляет себе жизни. Карта показывает нам

современные границы в том виде, в каком они существуют примерно в центре этой области соперничества племен. Между тем десятилетиями (Бансе писал это в 1913 г.) происходил переход армян и даже арабов к оседлости. Небольшие «кышла» (зимняя стоянка) с малым числом обитателей появляются преимущественно на месте бедуинских набегов (rezzou). Перемещение происходит медленно, приходится даже отметить постоянное отступление арабских кочевников. Если верить свидетельствам двух путешественников (кстати, малонадежным), то южная граница курдского заселения передвигалась, начиная от Туз Хурмати до Кара Тепе, в пределах от 60 до 70 км.1).

¹ O. Bans e, op. cit., S. 62—64.

129

Возвращаясь к нашему повествованию, отметим, что отчетливее всего у курда проявляются его черты воина. Свободная жизнь кочевников, постоянно занятых поисками хороших пастбищ, случая поохотиться или совершить набег, выработала у курда привычку жить без принуждения и обязанностей. «Мир принадлежит отважным» — таково правило поведения, которое у него выработала жизнь. Эти особенности курдского характера в конечном счете не привели бы ни к чему иному, кроме борьбы на уничтожение, если бы в то же время курдов не обуздывали в племени, где их учат владеть собой и выполнять свой долг в отношении коллектива¹. Именно под этим двойным влиянием — постоянной борьбы с природой и требованиями послушания в рамках племени — сформировался благородный характер курда, отмеченный тремя аристократическими чертами: гордостью, изысканностью поведения и рыцарским достоинством. В качестве наглядного примера, в частности, умения владеть собой можно отметить случаи, когда независимые вожди соглашались на посредника в конфликтах между ними только тогда, когда точно известно, что посредник отличается беспристрастием и справедливостью. Об этом, в частности, пишет Нельде в своем «Путешествии во внутреннюю Аравию, Курдистан и Армению», описывая случай, когда он сам во время своего путешествия по Курдистану во главе большого каравана был приглашен в качестве посредника.

Но так же, как природа непримирима по отношению к курду, так и курд жесток и неумолим по отношению к своему врагу. Он полон к нему чувства ненависти. В отношениях между племенами еще царит закон кровавой мести. Х. Л. Рабино² рассказывает в главе о городе Бане о том, как 18 зу-ль-хиджжа³ 1388 (1891) губернатор этого города Юнис-хан, пригласив к себе на обед своего дядю Хаджи Мустафу с семьей, убил одного из его сыновей. Его второй сын, пятнадцатилетний Абдулла-бег, несмотря на то что был ранен, бросился на

¹ Историк подмечает здесь момент переходов от того примитивного состояния, когда «bellum omnium contra» («война против всех») переходит в более высокую стадию.

² H. L. Rabino, Report on Kurdistan, p. 23.

³ Зу-ль-хиджжа — 12-й месяц лунного календаря. — Прим. ред.

130

Юнис-хана. Ударом кинжала он убил Юнис-хана и шесть его слуг прежде, чем был убит сам. «Враг отца другому сыну не станет», «Лучше иметь руки в крови, чем быть в долгу», — говорят курдские пословицы. Жажда крови у курдов выражена более, чем у других кочевников, о чем свидетельствуют путешественники. Курдов упрекают также в отсутствии чувства меры, в частности в присущей им невоздержанности в пище. Тем не менее курд хорошо понимает, какой вред может нанести ему эта невоздержанность, и доказательством этому может служить следующая поговорка: «Нитка лопнет, если она слишком тонка, а человек — если он слишком толст». Можно привести примеры его благоразумного отношения к армянским крестьянам в районах, где курды являются

единственными владельцами земли и скота. Но часто в силу того же самого закона о гармонии контрастов курд совершает поступки, которые никак не вяжутся с его повседневным поведением.

Ярость, жестокость, которые у курда ничем не сдерживаются, когда речь идет о враге, никак не вяжутся с умением владеть собой и чувством собственного достоинства, каким отличаются кочевники. Насколько курд храбр и смел как воин, настолько же он беспомощен, когда речь заходит о хозяйстве. У него начисто отсутствует сметка в торговле. Его открытая и честная натура, его наивная алчность и бесхитрость легко делают его жертвой купцов.

Как бы то ни было, те основные черты, которые обеспечивают устойчивость государства и культуры, развиты у курдских кочевников в высокой степени. Эти черты гарантируют курдам политическую независимость и позволяют им возвышаться над крестьянами и купцами, которые превосходят курдов экономически и духовно. Таким образом, есть все основания утверждать, что характер курдских племен Тавра приближается к оптимальному уровню. Причина заключается в том, что повседневная борьба за существование, которую они ведут, сколь она ни трудна, не ожесточает их, в то время как совместная жизнь в племени обязывает их к дисциплине и умению владеть собой. Характер курдов сближает их с северной расой, чей характер также формировался под влиянием климатических условий, местности, и возвышает курдов над южными расами.

131

Б. Кочевники-скотоводы Армении (контакты с армянами)

Характерной чертой второй группы — скотоводов с высокогорного плато Армении — является то, что они проводят суровую зиму вместе с армянскими крестьянами в их землянках. В то время как курдские племена с Тавра зимой воюют за пастбища с арабскими бедуинами из Сирии и Месопотамии, обитатели плато в силу климатических условий оказываются изолированными почти на полгода. Ни храбрость, ни сила воли ничего не могут изменить в существующем положении вещей. И разве не удивительно, что зимой они ведут жизнь более спокойную и более мирную, чем летом, когда они свободны?

За время вынужденной изоляции курды лучше узнают армян. Это общение оказывает влияние на характер курда. Именно кочевники армянского плато отличаются изворотливостью. Однако в их хитрости не следует видеть низкого коварства, и не надо высмеивать их, как это делают некоторые миссионеры в своих работах. Однако, ведя зимой совместную жизнь, курд отлично чувствует все то, что отличает его от армянина. Граф де Шоле пишет о самоуправстве беев, которые отнимают у армян землю и подчас заставляют их работать на их же прежних полях в качестве батраков¹). Он пишет и о случаях грабежа². Что касается избиения армян, то Л. Контенсон в своей работе³ считает султана Абдул Гамида великим убийцей, делая его ответственным за эти избиения. Сущность армянской проблемы изложена в классической работе проф. А. Мандельштама⁴.

В. Пограничные племена и полукочевники

Если у кочевников с высокогорных плато характер формируется под влиянием совместной жизни с армянскими земледельцами, то у воинственных племен погра-

¹Comte de Cholet, *Arménie, Kurdistan et Mesopotamie*, 1892, p. 172.

²Там же, стр. 204.

³L.de Contenson, *Chrétiens et Musulmans*, 1901.

⁴А. М а н д е л ь с т а м, *La Société des Nations et les Puissances devant le problème arménien*, 1925.

ничных районов, то есть третьей группы, по Г. Кристову, характер определяется их воинственным образом жизни; у них нет никаких иных постоянных занятий, которые могли бы обеспечить им средства к существованию, как, например, у курдов-кочевников или оседлых курдов. Эти племена почти всегда находятся в состоянии боевой готовности, что отразилось и на их характере, который уже приобрел законченность. У курдов этой группы нередко бывает, что самое удачное сочетание черт характера, о котором говорилось выше, переходит в свою противоположность. Как мы убедимся дальше, именно из этой группы выделяются курдские городские жители. Четвертая группа — это полукочевники, которым совершенно несвойственны наиболее распространенные черты курдского характера, наблюдаемые у кочевников Тавра. У четвертой группы заметно не усиление этих черт, но, напротив, известное их ослабление, так как нет условий для их развития. Борьба с врагом во многом утратила для них свое значение. Нет у них и такого желания властвовать и стремления проявить храбрость. Они безразличны и пассивны. Нет у них и столь суровой дисциплины, и, следовательно, существующие инстинкты ничем не сдерживаются. Хотя в целом курдов-полукочевников и нельзя смешивать с типом крестьянина (феллаха), их характер тем не менее развивается именно в этом направлении¹).

¹Уже упоминавшаяся выше работа Лэмбтон (*L a m b t o n, Landlord and Peasant in Persia, 1953*) подкрепляет это утверждение. Вот что говорится там на стр. 283: «Большой частью племена ведут только полукочевой образ жизни; в некоторых случаях — оседлый, сохраняя при этом и какой-то степени свою племенную организацию. Переходы племен отличаются как расстоянием, так и числом участвующих и переходах. Чаще всего несколько членов племени остаются в «кишлаках», или зимовках, когда идет переселение на «яйлаки», или летовки, чтобы ухаживать за посевами в кишлаке. Иногда встречаются в яйлаках немногочисленные постоянные или полупостоянные обитатели. Вожди племен являются нередко владельцами пахотной земли в кишлаке, а иногда и на яйлаке. Что касается района, в котором происходят переходы, то он не всегда принадлежит вождям племен. Когда переход длинный, обычно идут по территории, которая племенам не принадлежит.

В соответствии с обычаями племена следуют по раз навсегда установленному пути. По традиции каждая небольшая группа курдов (*tireh*) имеет право перехода через определенную территорию. Это право нередко не что иное, как обычай; утверждают иногда, что в данном случае действует достигнутое ранее соглашение.

Что касается ущерба, который племена могут нанести засеянному полям при отсутствии надлежащего контроля со стороны их вождей, то крестьяне получают известную компенсацию, имея возможность купить по сносной цене мясо и молочные продукты».

Приводимые мисс Лэмбтон сведения о земельном режиме оседлых курдов получают освещение в соответствующей главе.

Схема доктора Кристова, те или иные положения которой могут вызывать возражения (у нас еще будет случай к этому вернуться), не более чем весьма интересная попытка в соответствии с принципами географии расселения людей судить о курдах. Его классификация курдов на четыре группы в соответствии с их образом жизни, который и определяет их характер, позволит более правильно разобраться в мнениях некоторых путешественников (по-видимому, противоречивых), которые они высказывают в отношении курдов. Станет известно, в частности, что нет единого типа курда, но существуют четыре разновидности этого народа, оттенки характера которого оказываются в известной мере достаточно выраженными, чтобы вызывать столь различные суждения. Схема Кристова, вряд ли нужно это подчеркивать, не принимает в расчет современное демографическое положение Армении, где с армянским крестьянином со времен последней войны не считались. Из этого следует, что курд с высокогорных плато, вынужденный теперь сам обрабатывать землю и заготавливать продовольствие,

приближается к типу полукочевника и что число групп сводится теперь уже к трем вместо четырех.

Как было отмечено в предыдущей главе, наряду с курдами-кочевниками следует иметь в виду некоторое число курдов — жителей городов. У Кристова есть, таким образом, все основания посвятить им специальный параграф, который мы и рассмотрим.

Г. Городской элемент среди курдов

Турецкое и иранское правительства, как отмечает Кристов вначале, часто доверяли посты правителей вождям курдских пограничных племен. Тем самым они превращались как бы в своего рода гражданскую охра-

134

ну границ в пределах государства, а это отрывало их от традиционных занятий. Такие вожди-правители окружали себя своего рода преторианской гвардией, которая военную профессию почитала своим исключительным занятием, так что им оставалось сделать лишь один шаг до оседлой жизни. Городские резиденции таких правителей находились обычно в местах пересечения коммуникаций района, откуда было легче всего осуществлять контроль. Небольшое местечко было, кроме того, более удобным для жилья, нежели шатры. А главное, такой правитель избегал оставаться на зиму в деревне, где он был бы от всего изолирован и лишен необходимого комфорта. Итак, зимой правитель, не желая, чтобы его авторитет был подорван, оставался в городе. А его воинам, которые обычно следовали за ним всюду, приходилось вести, таким образом, оседлую жизнь. Такой переход к оседлости наблюдался главным образом в пограничных провинциях. Турция, например, охотно доверяла управление в Армении и в других местах курдским князьям, которые вместе с влиянием, о каком они мечтали, получали и власть над племенами. Должность паши часто становилась наследственной в курдских княжеских семьях, что приводило к возвышению мелких местных династий, история которых изложена в курдской хронике («*Tarikh el-Akrad*»), сочинении князя Битлиса XVI века, известной под названием «*Шереф-наме*». У этой курдской знати было двойственное положение. С одной стороны, они были вождями независимых курдских кочевых племен, а с другой — чиновниками и воинами султана. Двойственной была и их политическая позиция. При сильном правительстве они были исполнительными чиновниками, а при правительстве слабом чувствовали себя независимыми князьями и вели себя соответственно. Турецкое правительство нередко подавляло их попытки оказать сопротивление.

Курдские князья жили в своих резиденциях — крепостях или по крайней мере в укрепленных домах¹.

¹В Курдистане часто встречаются развалины замков. В «*Шереф-наме*» (каирское изд., стр. 441—442) говорится, что замок Битлиса был построен по приказу Александра Македонского его слугой, по имени Битлис. Замок должен был быть неприступным даже для самого Александра, и тот действительно не смог его взять, возвращаясь из Персии. На перевале же привале к нему явился Битлис с плащом и мечом и объяснил своему господину, что он действовал согласно его приказу. Битлис был прощен, а город был назван его именем. У Биндера (op. cit., p. 123—127) находят подробное описание укрепленного замка Махмудие в окрестностях Вана. Замок Дымдым в районе озера Урмиш послужил сюжетом для великопленной курдской поэмы. Мольтке (op. cit., S. 264) дает описание крепости Сеид-бея.

135

Они проводили время в охоте или в сражениях, воевали с непокорными, в большинстве случаев чужими кочевыми племенами, с соседом, который тоже мог быть пашой, назначенным султаном, или грабителями. В подобной обстановке особенно проявлялся воинственный характер курда. В городах Армении эти курды, которые жили как знатные люди или воины, являлись чистейшими «антисартами»¹. Этим термином

Кристов обозначает людей, которые добывают себе средства к жизни, занимаясь земледелием или торговлей. По мере того, как развивались воинственные черты курдов, их экономические позиции становились шаткими. Все свои денежные или торговые дела они поручали вести армянам. Если курд ни о чем другом и не помышлял, как стать пашой, то армянин желал стать банкиром этого паши.

Они взаимно дополняли друг друга. Однако в провинциальных городах положение было иным, нежели в крупных торговых центрах. Было редкостью, в частности, чтобы курдский вождь позволил подкупить себя армянину, как это бывало в других случаях. Поскольку по натуре своей курд был не чиновник, а независимый вождь, он постоянно, отстаивал свое положение. Он сам руководил военными действиями. Летом он нередко покидает город, чтобы жить в своем шатре и горах. Характер этих курдов в конечном счете отражает лишь развитую форму воинственного темперамента «чистых скотоводов». К тому же городские элементы, как правило, ведут свое происхождение от полукочевников. По мере того как они становятся оседлыми, уменьшается их экономическая независимость и возрастает их обнищание. Свободные кочевые племена забирают вперед часть урожая не только у армян, но и у курдов-полуко-

¹Сартами в Центральной Азии в дореволюционной России назывались оседлые элементы сельского или городского населения в противоположность киргизским или туркменским кочевникам.

136

чевников. Крестьянин-полукочевник, вынужденный, таким образом, удовлетворять одновременно требования кочевников, собственника (арендатором которого он являлся в большинстве случаев) и государственной казны, уходит в город, где пытается найти себе средства для жизни. Так он пополнял ряды пролетариата в городе. Его характер, складывавшийся под влиянием необходимости заниматься сельским хозяйством, все больше принимает черты человека оседлого; при этом он сохраняет все же некоторые черты своей кочевой природы. Во всех городах внутренней Азии встречается такой тип пролетария, кочевника или полукочевника, по происхождению курда, бедуина и т. д. «Их дети — уже настоящие городские жители. Такой способ пополнения городского населения имеет большое значение при формировании его общественного характера». В действительности же происходит в связи с таким пополнением постоянное обновление городского населения, которое также подвергается воздействию еще не ассимилированных характеров¹).

3. Свидетельства иностранных авторов о характере курдов

В порядке иллюстрации к тем основным принципам, которые установил Кристов, нам кажется небезынтересным привести сейчас несколько примеров, характеризующих курдов. Они взяты из сочинений, посвященных Курдистану².

Вот, например, что пишет Сон, который жил среди курдов и говорил по-курдски.

«Если мы хотим быть справедливыми, необходимо для сравнения поставить Курдистан рядом с Европой, какой она была шестьсот лет назад. И даже в наши дни сравнение европейца с курдом будет не в пользу европейца, если принять в качестве критерия нравственные

¹П. Рондо (op. cit., p. 40) отмечает у курдов своего рода отвращение к городу. Однако известны города, основанные курдами, например город Ахла.

²См., кроме того, сочинения В. Х. Хэй и А. М. Гамильтон, о которых говорится в издаваемой в Бейруте курдской газете «Новый день» за сентябрь и октябрь 1945 года.

137

идеалы и правила. Среди тысячи курдов независимо от того, где они обитают, вы найдете меньше позорных преступлений, нежели среди того же числа европейцев.

Разумеется, курдский характер представляет достаточную трудность для наблюдателя, поскольку черты отдельных племен столь различны, что нелегко дать оценку, общую для всей нации в целом [Сон подтверждает, таким образом, то, что говорит Кристов. — В. //]. У курдов очень развита феодальная иерархия. Путешественник начала XIX века Фразер отмечает близкое сходство между теперешними курдами и членами исландских кланов, жившими несколько веков назад.

Непоколебимость в делах чести, верность данному слову, благородная мягкость по отношению к близким родственникам, более человеческое отношение к жене (среди южных и центральных курдов), нежели у других мусульманских народов, любовь к живому слову и к поэзии, готовность пожертвовать собой во имя племени и высоко развитое чувство гордости за свою страну и свой народ. С какой гордостью курд заявляет (на диалекте): «Az Kourmandj-em» — или: «Mup Kourdym» — «Я курд».

Постоянная опасность сделала их легко возбудимыми, породила подозрительность, но и отвагу, чрезвычайное проворство, весьма развила наблюдательность и в то же время (среди южных курдов) чувство юмора. Они всегда готовы рассказывать о себе разные истории:

«Однажды хана из племени харки (Орамар) укусила муха. Он почесал укушенное место. Через пять минут начался зуд. Хан опять почесал. Тогда укус стал чувствоваться еще больше, и тут хан, вытащив свой револьвер, стал проклинать „отца мух“».

«Два курда спорили о том, с какой стороны неба покажется Сириус (что означает конец наиболее жаркого времени года). Разойдясь в мнениях на этот счет, они останавливаются на дороге и бросаются друг на друга. Один из них остается на дороге мертвым».

Приведем попутно высказывания одного французского путешественника (около 1887 г.).

«Курды наделены большим чувством собственного достоинства; они верны своему слову. Если курд пообещал доставить вас целым и невредимым в какое-либо место, вы можете спокойно ему довериться».

138

Биндер (op. cit., p. 109—110) повторяет легенду о том, что заблудившиеся крестоносцы смешались с курдами. Напомним, что такое же происхождение приписывают одному из племен Кавказа — хевсурам, которые до сих пор носят средневековые одежды. Языковое сходство, по Биндеру, между французским и курдским языками не имеет ничего общего с языком, на котором говорили крестоносцы, но объясняется тем, что оба языка принадлежат к одной и той же индоевропейской группе языков.

Сон, ссылаясь на Биндера (не называя, впрочем, его имени), использует это, желая подтвердить, что в некотором отношении курды стоят выше цивилизованных народов. Миллипджен не знал курдского языка, но мог наблюдать жизнь этого народа, так как был инструктором турецкого полка в Армении¹).

«Смешение хороших и плохих качеств в характере курдов наблюдается также у всех кочевых племен, будь то арабы, курды или киргизы».

Речь идет не о том, чтобы идеализировать курда, а о том, чтобы его понять.

Другой, более близкий к нам по времени наблюдатель, миссионер Вайгрэм, тоже высказывает свои суждения о курдах².

«Черты характера курдов, по-видимому, не изменились за период начиная с 1000 года до н. э. Они являют собой тип сильный и способный, со многих точек зрения привлекательный. Однако в силу ли характера родных гор или каких-либо других причин, которые не влияли на его формирование, курды представляют собой «тип неудачника». Они никогда не были способны перешагнуть через «племенную стадию» развития и находятся на этой стадии и по сей день». Наблюдения, сделанные Вайгрэмом, заслуживают, несомненно, нашего внимания; они соответствуют наблюдениям и

Кривоша, который полагает, что племя играет благотворную роль в политической и культурной жизни курдов. Если, однако, как замечает Вайгрэм, курд не перешагнул этой стадии,

¹F. Millingen, *Wild life among the Koords*, 1870.

²W. A. Wigram, *History of the Assyrian Church*, 1910; *нро же*, *The Assyrian and their neighbours*, p. 7.

139

то это все же мешает ему перейти к более высокой стадии развития.

Чтобы сделать наш обзор различных высказываний о курдах более полным, приведем здесь заметки Лерха, который начинает их с характеристики, данной курдам армянином Абовяном:

«Курдов, — говорит Абовян, — можно было бы назвать рыцарями Востока в полном смысле этого слова, если бы они вели жизнь более оседлую. Воинственность, прямотушие, честность и беспредельная преданность к своим князьям, строгое исполнение данного слова и гостеприимство, месть за кровь и родовая вражда даже между ближайшими родственниками, безграничное уважение к женщинам — вот добродетели и качества, общие всему «ароду». Не знаю, имел ли Абовян случай познакомиться также и с восточными племенами курдов, именно с многочисленными лурскими племенами, но я нахожу эту характеристику моральных качеств курдов вполне соответствующей тому, что повествуют о них все прочие путешественники, и поэтому не замедлил их процитировать. О гостеприимстве курдов свидетельствуют все путешественники, проживавшие много и часто с ними: Рич, Энсворт, Роулинсон, Лейярд, Брент и другие. Дж. Рич, как видно из следующих слов, находит у курдов вообще много общественных добродетелей. Он говорит: «The Koords appear to me to be a remarkably cheerful social people, with no kind of pride or ceremony among them; and they are neither envious of one another, nor have I ever beared a Koord speak an ill natured word of another, however different they may be in party or interest...»¹*)).

«...С этим воинственным духом курдов связана и их сильная любовь к свободе и редкая твердость характера... Взятый в плен во время похода Гафиз-паши в 1837 году тридцатилетний бей, отличавшийся своей красотой, твердо отвергал все предлагаемые ему выгоды и почести за открытие численности и позиций своих вос-

¹J. Rich, *Notes on Kurdistan*, London, 1836, I, p. 104.

* («Курды в моем представлении — весьма жизнерадостный и общительный народ, без какого-либо проявления гордости, чопорности или зависти в отношениях между собой; я никогда не слышал также, чтобы один курд дурно отзывался о другом, как бы они ни различались по своему положению или интересам...»).

140

ставших соплеменников. «Бывши беим курдским, я никогда не соглашусь быть начальником других людей», — отвечал он гордо на обольстительные предложения... Все возможные муки, продолжавшиеся два дня, не заставили его изменить своим единоплеменникам; он даже во время бастонады преспокойно курил трубку. На третий день жестокий паша велел его посадить в котел, наполненный кипятком, но мужественный курд остался твердым до смерти»¹).

В. Минорский ² также рассказывает историю, весьма характерную для курда. Ею мы и закончим наш обзор. «Лет 15 тому назад в районе Черика (Салмас) жил предводитель племени Джафар Ага, совершенно не считавшийся с иранскими властями. С гор своих он частенько спускался в долины для грабежа, но я впоследствии убедился, что бедное население относилось к нему скорее добродушно, так как нередко, обобрав какого-нибудь богатея, он раздавал часть добычи беднякам. Правительство прибегло к старому, испытанному средству, назначив Джафар Агу пограничным начальником. Сперва, гордый

своим официальным положением, он присмирел, но вскоре принялся за старое, и мне пришлось быть свидетелем письменной войны между Джафар Агой и представителями власти... У Джафар Аги не было хорошего иранского секретаря, а потому он тайно ночью вызвал старого иранца-поэта, служившего письмоводителем у губернатора; этот мирза (то есть умеющий писать по-персидски) и сочинял изрядные ответы на им же самим поутру писанные губернаторские послания. В конце концов пишкару (губернатор) Азербайджана клятвою на коране удалось уговорить Джафар Агу явиться с повинной в Тавриз...

Курды, сохраняя внешнее спокойствие, не спускали глаз со своего господина и, окружая его тесным кольцом, держали наготове свои винтовки. Им не удалось уберечь Джафар Агу, который был предательски убит на лестнице у генерал-губернатора, вызвавшего его на прощальную аудиенцию... Потеряв своего предводителя,

¹П. Лерх, *цит. соч.*, I, стр. 28—31.

²В. Ф. М и н о р с к и и, *Курды. Заметки и впечатления. Петроград, 1915- О смерти Джафар Аги говорится в разделе о лирической поэзии (гл. XII).*

141

убитого наповал в сердце, оруженосцы подняли стрельбу и, сохранив присутствие духа, бросились не вон со двора, а внутрь здания, рассеивая испуганную толпу губернаторской челяди. Несколько человек отбились и засели в подвале, где были энергично обстреляны; тем не менее они вырвались и соединились с товарищами. В суматохе курды чуть не захватили генерал-губернатора, а затем заперлись в пустой комнате и до ночи вели перестрелку. Заметив, что высоко в стене имелось отверстие, куда зимой вставлялась труба железной печки, курды встали друг другу на плечи, разобрали кладку и, таща раненого товарища, пролезли через отверстие на кровлю; оттуда по другим соседним крышам и степам, через сады и переулки они прошли тайно от осаждавших и выбрались из громадного Тавриза. Утром за ними поскакала погоня, но курды, заметив, что преследователи спешили, искусно отвлекли их в сторону, а затем бросились к их коням и ускакали на них в свой Черик. Из восьми спаслось шестеро, а двое, убитых вместе с Джафар Агой, были... повешены «а воротах губернаторского дома в назидание, и местная газетка... восхваляла, торжество мудрой политики»¹). [Это было пятьдесят лет назад.— В. Я.]

4. Курды сами о себе

Теперь нам известно, что думают о курдах иностранцы. Посмотрим, что они рассказывают о себе сами.

Начнем с небольшой истории, из которой следует, что курд превыше всего ценит личную храбрость.

Речь идет о подвигах некоего Мам Рызго, известного в окрестностях Диярбакыра. Один из его слуг (houlam) рассказывает, что однажды, когда его молодчики сидели в засаде, на дороге появился молодой парень с ружьем на плече, опоясанный двумя патронташами. На нем были сандалии, какие носят в Диярбакыре, пестек², накидка и шальвары. На голове была чалма из муслина. Держась рукой за ухо (типичный для курда жест), парень громко распевал песню. И этот хорошо вооруженный парень сдался одному из людей Мам Рызго без малейшего сопротивления. Спустя какое-то время

¹В. Ф. М и н о р с к и и, *цит. соч.*, стр. 30—31. Пестек — войлочная безрукавка. — Прим. ред.

142

на этой же дороге показался маленького роста старик. Одета на нем абал¹) была в лохмотьях, он нес саблю и щит. Он шел по дороге, погоняя ослика. Мам Рызго приказал ограбить и старика. Один из молодчиков крикнул старику, чтобы он отдал все, что у него

было: Мам Кал (то было имя старика) ответил бранью. Тогда слуга зарядил ружье, собираясь выстрелить в старика. Однако старик не стал ждать, пока в него выстрелят, и напал на слугу с саблей. Последний бросился бежать. Мам Кал стал преследовать его до места засады. Короче говоря, после долгих пререканий старик согласился быть гостем главаря и съел «кебаб». Тогда Мам Рызго отдал ему одежду, снятую с парня, и в придачу отдал ему свой кинжал, сказав: «Добро пожаловать. Пусть эти вещи пригодятся тебе. Ты заслужил их».

Рассказ о ссоре Абди с Азизом, который мы приводим ниже, показывает, что горячий и вспыльчивый характер курда соответствует его храбрости и отваге. Герои нашего рассказа не только принадлежали к одному и тому же племени мизури-жури из деревни Аргош, но и приходились родственниками, происходя из одного и того же рода Мам-Харан. Абди был старшиной рода (*gyspi*) и братом Азиза, Ахмо был знатным в роду человеком (*rachmir*). Прошел год, как туркам с помощью воинских частей удалось обложить племя обременительным налогом. Вспыхнуло недовольство, и курды стали поговаривать, что следовало бы сместить своих правителей, виновных, по их мнению, в создавшемся положении. Абди, которому они угрожали, вспылил: «Посмотрим, удастся ли кому-нибудь сесть на мое место. А из того собачьего сына, который попытается это сделать, я сделаю мушку для своего ружья». Азиз принял вызов: «Если так, я тебя смещу». Прошло какое-то время, и они встретились. Надо сказать, что люди из племени мизури, встречаясь друг с другом, говорят в виде приветствия: «Бог в помощь» («*Knode kouta hango bedet*»). И вот однажды Абди, возвращаясь из своего летнего шатра, обогнал Ахмо и Азиза, которые молча гнали волов. При них были только кинжалы. «Взгляните на этого бесстыжего!» — вскричал разъяренный Азиз, оскорбив тем самым Абди. Абди выстрелил и ранил Ази-

1.Аба — род войлочной бурки. — Прим.

143

за, но Азиз «с еще дымящейся раной» успел дважды ударить Абди кинжалом. Азиз одной рукой держался за бок, а другой за то место, куда попала пуля, но не стонал, в то время как Абди уже звал на помощь. Ахмо подошел к нему, увидел льющуюся кровь, но, так как Азиз молчал, подумал, что выстрел Абди не попал в него, и стал браниться: «Чтоб твой дом превратился в пепел! Почему ты убил такого человека, как Абди, своего родственника?» Азиз все еще молчал, но когда Ахмо перестал браниться, застонал: «Не ругайся, брат, а вытащи скорее пулю». Ахмо развязал пояс и увидел рану Азиза. Он схватил кинжал, чтобы бежать за Абди, но Азиз прошептал: «Не уходи, брат, я нанес ему такой удар, что он не оправится. Возьми меня на спину и отнеси-ка лучше домой». Вечером и тот и другой умерли. Умиравший Азиз наказывал своему брату Ахмо, чтобы тот «не давал себе труда прикончить Абди, ибо тот свое получил!»

Храбрость курда, его презрение к смерти проявляются также и в его подвигах на охоте. Серны и козероги редко избегают пули курда 1).

Мне известна история, происшедшая с одним из отважных курдских охотников. Рассказывают, что однажды Слимман Базид из племени мизури спас медведя, на которого напала пантера. С тех пор медведь повсюду следовал за Слимманом. Однако в конце концов все получилось, как в известной басне Лафонтена: медведь убил своего спавшего хозяина, бросив в него тяжелый камень, чтобы отогнать мух.

Курд любит рассказывать также истории, героем которых является хитрый вор. Хитрость считается хорошим качеством. Я как-то рассказал историю Сулеймана, который украл ценности из мечети в Багдаде, проникнув туда под видом богомольца. Мелким воришкой был Кему из деревни Шагулурде в Гявере. Кему был известен как «медовый вор». Чтобы скрыть свои кражи, он поставил несколько ульев, спрятав туда украденные соты и ос. Однажды ночью его схватили на месте преступления; он бежал, заявив хозяину, что в Курдистане

¹О способности курдов к стрельбе см. у Вестарна (*W e s t a r n*, *Unter Halbmond und Sonne*, S. 220), который рассказывает, как пуля попала в цель на расстоянии сорока шагов.

144

существует такой обычай: чтобы пчелы давали много меда, надо одну пчелу купить, вторую выпросить, а третью украсть. Дела Кему шли хорошо до тех пор, пока сборщик налогов с меда (*matougi mech hejmarî*) не пришел в его деревню. Если он заявит, что пчел у него мало, то соседи скажут, откуда берется у него мед. А если сказать, что пчел у него много, сборщик проверит и увидит, что это не пчелы, а осы. Кончилось тем, что он сжег свои ульи.

Однако не надо думать, что курд рассказывает только о грабежах, убийствах, воровстве. Он любит также истории о мудрых и рассудительных людях. Вот, например, рассказ об Иссу из деревни Делян в нижнем течении реки Зе (Большой Заб). Иссу был бессменным советником губернатора Курдистана Ибрагима-паши, резиденция которого находилась в Амадии, Однажды паша отдыхал на охоте; Иссу остался подле него, чтобы отгонять мух. Вдруг Иссу увидел, как к паше ползет скорпион. Он вытащил кинжал, чтобы убить скорпиона, но тот уполз. Проснувшийся паша увидел Иссу с поднятым над ним кинжалом. «Что случилось?» — спросил паша. «Он уполз, паша», — проронил Иссу, понимая, что бесполезно объяснять что-либо паше, так как тот все равно ему не поверит. Оставив вскоре после этого жену и своего сына Али, Иссу удалился. После исчезновения Иссу дела паши пришли в расстройство. Паша позвал Али и приказал ему разыскать отца, чтобы попросить у него совета. Али так и сделал. Иссу сказал: «Пойдем в огород, а завтра я дам тебе совет». Придя в огород, Али заметил, что отец выкапывает хорошие плоды и оставляет на грядках плохие. «Ты погубишь свой огород», — сказал он отцу. «Нет, мой сын, так я соберу лучшие плоды». На следующий день он сказал, чтобы Али уезжал и рассказал паше все, что видел, прибавив такие слова: «Он уехал, но вернулся». Сын возвратился к паше и все ему рассказал. Паша воскликнул: «Вот мудрый ответ». Он собрал всех курдских вождей, известных заговорщиков, и велел их казнить. На их место он назначил честных людей. И в стране воцарился порядок. Паша послал за Иссу и встретил его в Амадии с почестями. Иссу поведал паше историю со скорпионом. «Когда он уполз, оправдываться было бесполезно, а когда приполз опять, можно было уже не беспокоиться».

145

Следовало бы рассказать также и о Хасан-бске, правителе Хаккяри, слава о мудрости которого была известна всему Курдистану. Каждое его слово звучало как совет и могло бы служить пословицей. Однажды зимним днем в его присутствии заговорили о верных и неверных друзьях, о цене верности и т. д. «Кто первый назовет мне нужную птицу, тот будет вознагражден», — сказал Хасан-бек. Все решили, что речь идет о птицах, которые прилетают в самом начале весны. Хасан-беку называли скворца, аиста, журавля и других птиц, но он не наградил никого. Некто Мам Тал назвал сороку и получил награду. Мудрый Хасан-бек объяснил: «В то время, как все весенние птицы остаются с нами только на время хорошей погоды, сорока — наш верный друг во все времена года».

Нередко хитрость заменяет ум.

Трое людей с навьюченными животными — лошадь, мулом и ослом — решили отдохнуть в саду на краю дороги. Протесты садовника не возымели никакого действия. Тогда садовник решил натравить одного на другого. «Помогите мне отправить отсюда этого погонщика осла, — прошептал он погонщику мула и владельцу коня, — я бы за это хорошо вас угостил и еще дал бы в придачу каждому по монете». И погонщику осла пришлось убраться. Хитрый садовник принялся затем за владельца коня, сделав вид, будто признал в нем сына одной из своих хороших знакомых. Вместе они выпроводили погонщика мула. Когда же остался один только мнимый приятель, садовник не преминул

расправиться и с ним. Диалог между садовником и тремя незнакомцами по-курдски сочен и колоритен.

Воспроизведем также несколько юмористических рассказов; курды знают их множество и охотно их передают.

Мелкий торговец из Аккры решил, что в курдских деревнях можно хорошо заработать. Набрав тканей, он отправился в путь. Он знал, что деревня Келе в уезде Гирди слывет самой нищей деревней, и отправился прямым путем туда, помня о курдской пословице: «Купля и продажа хороша для того, кто в ней нуждается». Прибыв в деревню, он увидел женщину, которая, стоя подле своего дома, сбивала в бурдюке масло. На ней не было почти ничего, кроме набедренной повязки, завязанной на

146

пояснице. При каждом толчке бурдюка открывалась ее нагота. Торговец обрадовался: «Не напрасно я сюда пришел. Если в этой деревне все так нуждаются, то я им иг распродам свой товар, его возьмут нарасхват».

Женщина его увидела: «Кто ты? Откуда и куда идешь?» Купец ответил: «Я торговец из Аккры, у меня много разной материн, покупай». Услышав его ответ, женщина отвернулась от него и с силой затрясла бурдюк: «Убирайся отсюда! У нас дома, хвала аллаху, есть все, что нужно, а что до других, то это их дело!» Бедный торговец растерялся: «Подумать только! Если у этих есть все и они ни в чем не нуждаются, то как же выглядят люди, которым что-нибудь нужно?» И поскорее повернул осла прочь из деревни. «Ну и ошибся я! Теперь уж никогда не полезу в такие дыры». Кое-как, за полцены, сбыв он свой товар и возвратился в Аккру. Курд охотно высмеивает глупость. Рассказывают, что Мам Бапир, богатый, но глупый ага из деревни Хаснекан, пожелал однажды, чтобы имам, состоявший у него па жалованье, при чтении «хутбы»¹ в пятницу упоминал его имя вместо имени султана, пообещав ему за это тридцать молочных овец. В следующую пятницу в мечети собрался народ на «невет» (молитву). В мечети находился мулла из соседней деревни, который ничего не знал о соглашении между имамом и Мам Бапиром. «Хутба» всегда читается по-арабски. Когда наступил момент произнести имя султана, имам вошел на «мимбер» (кафедру) и произнес по-арабски: «Эйу-ха Мам Бапир, инна-ка дуббон кабир такану-ка, дженнему уа би са-аль-масир» («О Мам Бапир, ты воистину толстый медведь, место твое в аду, ни дна тебе ни покрывки»). Мулла из соседней деревни, услышав такие слова, воскликнул: «Ла, ла!» («Нет, нет») — он подумал, что имам оговорился. Но имам не растерялся и, продолжая читать монотонным голосом молитву, произнес: «Ускут ускутуна аль ма'з саласуна ла-ка ашар у ли ашруна» («Замолчи! Он дает тридцать овец: десять для тебя и двадцать для меня»). Мулла понял и замолчал. Мам Бапир был очень доволен и вышел из мечети, «раздувшись от важности,

¹ «Хутба» — чтение Корана, моление в мечети о царствующем шахе султана.— Прим. ред.

147

как индюк». После молитвы он велел пастуху, чтобы тот отобрал тридцать лучших овец и отнес их имаму¹.

Наряду с юмористическими побасенками существует также целая серия рассказов о некоторых деревнях и даже племенах.

Обитатели деревни Тель (между Зибаром и Рекани) из племени мизури всегда служат предметом насмешек.

Однажды они пришли к деревенскому мудрецу Как Шасувару и стали жаловаться, что у них плохи дела с солью. «Нужно отправить караваны за солью в Урмию и Мосул. Животные переутомлены, не держатся на ногах и ничего не стоят в работе, — говорили они Шасувару.— Посоветуй, что нам делать».—«Ладно, это дело не сложное, — ответил

им Как Шасувар,— нужно, чтобы этой весной каждый из вас посеял по крайней мере хоть один «фитре» (мера веса) соли». Жители деревни и посеяли всю имеющуюся соль. Спустя какое-то время один из них отправился взглянуть, не взошла ли соль. Ничего не увидев на поверхности, он слегка разрыхлил землю в надежде что-нибудь увидеть. И действительно, показался какой-то росточек (то было жало скорпиона). «Вот наверняка росток. Надо попробовать». Он лизнул языком росток, и скорпион ужалил его. Бедняга подскочил, побежал домой, крича по дороге: «Как здорово прорастает! А это еще только

¹В настоящее время не производится взимание налога с урожая в пользу духовных лиц в большинство районов, за исключением восточного Ирана и Курдистана, где такого рода налоги взимаются регулярно. Существуют, кроме того, бродячие служители культа, которые всегда стараются подоспеть к сбору урожая, надеясь чем-нибудь поживиться. Их называют «муфтхворами» [то есть дармоедами.— В. Н.]. Эти люди—просто переодетые бродяги, которые пользуются доверием крестьян. В большинстве курдских деревень среднего достатка имеется свои мулла, которому землевладелец платит обычно от одного до пяти «хариар» [300 кг или вьюк осла.— Прим. ред.] и дарит подарки «энд аль-фитр» 1 шавваля [то есть на праздник разговения в 10-й месяц лунного календаря.— Ред.] и «эйд аль-курбан, 10 яуль-хиджжа [то есть на праздник пасхи в 12-й месяц лунного календаря.— Ред.] одежду, которая называется «хилат». Крестьянин также платит от 5 до 20 тавризских монет за покойник²; и виде «закнт» (обязательный мусульманский налог.— Ред.). Топливо для мечети, если в деревне есть мечеть, обычноставляет землевладелец. В некоторых местах на мечеть идет доход от мельниц. Так, например, в Хасана-баде (около Сенне) для этой цели взимается (здесь доход с одной мельницы и половина дохода с другой).

148

росток!» Дома он рассказал всем, что увидел. Язык его распух, но он все равно радовался. Захватив овцу и ягненка, он понес их Как Шасувару, чтобы отблагодарить его.

Рассказывают также, что люди из племени мизури не едят курдюка ягнят. И вот почему: однажды Смаил-паша из Амадии, возмущенный тем, что старейшины племени принесли ему ягненка, вместо более ценного подарка, как того требовал обычай, когда приходили выразить свое почтение, приказал подать старейшинам «савар»¹) — блюдо самое обыкновенное. По краям блюда были разложены куски ягненка и на них были сделаны надрез для стекания жира. Гости паши почувствовали себя глубоко оскорбленными и тут же взялись за кинжалы. Из тридцати гостей двадцать девять были убиты на месте, как и пятьдесят пять слуг паши. Того единственного, кто остался в живых, привели в деревню и когда родители спросили его: «Как могло случиться, что ты оказался трусом и остался в живых?» — он выхватил кинжал и убил себя. Эта история насчитывает уже более века, и все-таки о ней не следует рассказывать в присутствии людей из племени мизури.

Эти несколько рассказов, взятые наугад из собранных мною, позволили, я надеюсь, читателю уловить некоторые черты курдского характера: в курде сочетаются резкость, храбрость, наивность, великодушие, он не лишен рассудительности и врожденного ума. Не пытаясь приукрасить курда, мне приходится несколько смягчать эти выразительные рассказы. Народный язык не всегда изыскан. В главе, посвященной курдской литературе, читатель убедится, что в своих лирических и эпических произведениях курд иногда пользуется такими выражениями, которые оставляют желать лучшего; в них проскальзывает и сентиментальность, которой как будто трудно ожидать от народа, веками ведущего суровую жизнь и отнюдь не пользовавшегося заботами просвещенного правительства.

Поскольку моим постоянным желанием является при малейшей возможности рассказывать о курдах словами самих курдов, то, мне кажется, будет умест-

¹ «Савар»—зерно крупного помола.— Прим. Ред.

149

ным здесь привести беседу, которая имела место несколько лет назад в Париже с моим другом, принцем Сурея Бек Бадр-ханом из знатного дома Азизан из Бохтана, который правил некогда частью Курдистана в Джизре-ибн-Омаре па Тигре. Мне запомнилась часть этой беседы. Эмир Сурея подчеркивал, что бандиты сурово наказывались в Курдистане. Если они совершали убийства, то их приговаривали к сожжению. В этой связи он и рассказал следующий случай:

«Некоторое время бандит, по имени Дало, опустошал княжество Бохтан. Однажды его схватили и, так как на его совести было много убийств, приговорили к сожжению. Он смело взошел на костер.

Эмир, который присутствовал при казни, обратился к нему:

— Теперь, Дало, признайся, что твое положение — самое ужасное, какое только можно себе представить.

Дало, повернувшись к эмиру, ответил:

— Нет, мой эмир, бывают положения похуже моего. Это когда аллах пошлет вам гостя, а нам и вашей супруге придется опустить глаза, так как нечего будет гостю предложить.

Ответ Дало понравился эмиру, однако он уже не мог его спасти»¹).

Все, кто оказывался жертвами разбойников, получали возмещение.

Рассказывают, что однажды перед эмиром Джизре предстал пастух и сказал ему:

— Вчера вечером я перешел границу твоего княжества. Зная о твоей справедливости и безопасности на твоих землях, я прилег отдохнуть около своего стада. Проснувшись, я увидел, что волк унес пять моих баранов. У меня остались только их шкуры. Я прошу у тебя справедливости и возмещения.

Эмир попросил пастуха прийти на следующий день. Пастух был точен. Когда он пришел к эмиру, на земле лежали пять убитых волков, а около них — пять баранов. Эмир сказал пастуху:

— Вот пять баранов, чтобы возместить тебе понесенный тобой ущерб. Что касается волков, которые задрали твоих баранов, то они наказаны».

¹ См. P. Beidar, *Grammaire kurde*, Paris, 1925, p. 18—19.

ГЛАВА V

КУРДСКАЯ СЕМЬЯ: ЖИЛИЩЕ, ОДЕЖДА, ПИЩА, ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ, СЕМЕЙНЫЕ ОБРЯДЫ

1. Дом, деревня, шатер

Тип курдского жилища видоизменяется в зависимости от высоты над уровнем моря и климатических условий. Постройки из глины или камня на поверхности земли встречаются от 900 (Армянское нагорье) до 1000 м (южные отроги Тавра) над уровнем моря. Между 1000 и 2500 м над уровнем моря жилище строится в земле. Наконец, свыше 2500 и до 4000 м в летнее время встречается лишь шатер кочевников. Однако эта классификация не всегда строго соблюдается. Мы видели курдские дома, возведенные на поверхности земли и районе Орамар на высоте более чем 1000 м над уровнем моря. В Армении жилища в земле сооружаются не только в целях сохранения тепла в зависимости от климата, но, по-видимому, и из соображений наилучшего обеспечения безопасности. «Вся деревня состоит из группы стоящих вплотную хижин протяженностью от сорока до пятидесяти метров; общая крыша — площадка из земли, которую не отличишь от почвы, если это специально не предусмотрено, — покрывает все; внутри невообразимая путаница из коридоров и комнат, в них люди «животные спят вперемежку и живут почти одной жизнью»¹).

Там, где существует опасность нападения, жилища тесно примыкают друг к другу. И, наоборот, разбросаны в нескольких узких проходах или долинах с трудным доступом, где сама природа и земля служат защитой для обитателей. Встречаются и поселки, отделенные друг от друга, и одиночные дома, для устройства которых используются малейшие зацепки на крутых склонах

I. Binder, op. cit., p. 157.

151

гор. В других местах, например и Арделане, решающую роль в определении типа поселения играет плодородие. В плодородных долинах деревни очень сближены, тогда как в горных и лесных местностях встречаются преимущественно разбросанные поселки. Тип домов в Орамаре, по-видимому, наиболее совершенен. И действительно, дома построены из камня с применением в качестве связующего материала извести, что редко встречается в каком-нибудь ином месте; наличники из тесаного камня составляют внушительное сводчатое обрамление. Дома эти, наполовину вкопанные к склон горы, одноэтажные. Комнаты подвального этажа служат конюшней, стойлом, складом, кухней. Они не освещаются, несколько отдушин заменяют окна. Помещения эти обращены на юг, и зимой там складывают зерно. Летом в них живут. Крыша сделана при помощи нескольких необтесанных балок из тополя, положенных на стены. Сверху кладут жерди, потом траву, жидкую глину и землю, которую разравнивают катком. Такие крыши очень крепки и почти повсеместно служат как ровная поверхность для различных целей, между прочим и для молотьбы. Когда путешествуешь по Курдистану, нередко случается, что площадка крыши оказывается наиболее подходящим местом для стоянки. Кроме того, крыши — самое чистое место деревни. Во всяком случае, курдские деревни в горах выгодно отличаются от поселков на высоких плато с их грязными лачужками, лишенными света и воздуха.

Летом в этих глубоких долинах ночи очень теплые. Жители обычно поднимаются в свои зомы, или летнюю резиденцию, расположенную выше. Однако часть людей должна оставаться внизу, чтобы следить за виноградниками и обеспечивать поливку небольших полей кукурузы, риса, проса, табака, расположенных террасами. Они строят себе высокие подмости, которые часто достигают 6,1 м в высоту (*herzal*), и проводят на них ночь. Высокие сооружения имеют много преимуществ. Они предохраняют от миазмов, спасают от малярии, от диких животных. Воздух там более чистый для сна, и, наконец, они являются хорошими постами наблюдения,

Внутреннее устройство курдского жилища не везде одинаково. Описание, которое следует ниже, относится

152

к довольно распространенному типу. Дом делится обыкновенно на две основные части. Первая (*koulan*) — нечто вроде прихожей, где хранят воду, топливо, щетки и т. д. Там же находится запасной, или летний, очаг (*koutchik*). Вторая комната служит для жилья. Посередине виден очаг (*tendour*), который имеет форму глиняного сосуда, вкопанного в землю. Справа от входа вдоль стены тянется земляная завалинка (*douchki-rounychtyny*), накрытая войлоком или паласом (разновидность полосатого ковра). Напротив входа в глубине у стены стоят широкие козлы — доски, положенные на подставки (*kouline*). На этих козлах хранятся молочные продукты, покрытые кошмой, а под козлами ставят бурдюк, масло, кавурму (сушеное мясо), сыр и катык (сухой сыр)¹. Мужчины занимают обычно завалинку справа, женщины и дети держатся слева от очага, подле хозяйки дома, перед которой стоит таган (*sekoutche*) с чугуном. Из него она черпает большой ложкой (*hyskou*) и раздает всем пищу. Зимой на время сна ставят поверх очага нары (*kourst*), покрывают их одеялом, и все устраиваются здесь спать².

Что касается шатров кочевников, то они представляют собой очень портативные и легкие жилища, которые легко переносятся на спине одной вьючной лошади. Эта легкость переноски определяется необходимостью частых передвижений на летние пастбища скота в горы. Весной и осенью, когда стоит прохладная погода, а ночи холодные, шатры ставят на южных склонах, где теплее. Почти всегда кочевья располагаются на краю пастбища: это значит, что весной и летом, когда солнечный зной начинает выжигать зелень, а стада, как только стает снег, поднимаются на пастбища, выше в горы, шатры остаются как можно дольше внизу, в местах менее жарких. Напротив, осенью, когда стада спускаются в долину, шатры предшествуют стадам.

Курдские шатры напоминают юрты северных арабских бедуинов. Их покрытие сделано из черных длинных полотнищ (откуда они получили название *geh-mal* — «черный дом»), сшитых из козьих шкур. От

¹Точнее—обезвоженное кислое молоко.— Прим. ред.

²См. также рисунки у Рондо, изображающие курдское жи-

153

девяти до пятнадцати шестов различной длины вбиваются в землю под разными углами, чтобы удерживать покрытие, которое к тому же привязывается веревками и ремешками. Это покрытие очень прочно и плотно, а будучи натянутым — почти непромокаемо. К тому же оно не предназначено для защиты от ветра и дождя всего пространства до земли, так как для этого имеется специальный брезент. Внутри шатра ковры покрывают землю, и это иногда шикарное убранство нередко поражает путешественников. По этому поводу припоминается сказанное в гл. III о торговле курдов, которая в иных случаях может приносить, да и приносит, отдельным зажиточным скотоводам определенные доходы. Шатер кочевника свидетельствует о материальном положении его обитателя, отражая некоторые несомненные социальные различия. Размеры и устройство шатров очень разнообразны. Так, А. Ф. Макинтош (цитируемый Кохом, «Die Kaukasischen Lander und Armenian») видел в окрестностях Баязита шатер длиной 15,25 м и шириной 7,6 м; другой путешественник, Кислинг («Orient-fahrten»), видел в Северной Месопотамии шатер одного курдского вождя; длина этого шатра равнялась 30,5 м, а ширина — 15,25 м. Однако средние шатры обычно скромнее по размерам. Часто особенно большие шатры для прочности разделены на множество отделений. Почти всегда отдельное помещение предназначается для женщин. По словам Лаярда («Ninive and Babylon»), «в части, отведенной для женщин, есть еще маленькое помещение для главы семьи и его жен. Остальная часть женской половины (гарем) заполнена коврами, подушками, домашней утварью, кухонной посудой, бурдюками для масла и всем, что необходимо для жизни кочевника. Служанки готовят здесь пищу для хозяина и гостей». Перегородки из тростника переплетены шерстяными или шелковыми разноцветными нитями. Эти нити расположены таким образом, что создают впечатление коврового рисунка. Все подвижные части перегородок легко поднимаются. Они не мешают циркуляции воздуха, но умеряют ветер и служат преградой для дождя. Их размеры изменяются в зависимости от назначения—служат ли они для защиты извне или для разграничений внутренних помещений. Убранство шатров состоит в иных случаях из диванов, множества

154

шелковых подушек, ценных ковров и т. д. Количество шатров на летних пастбищах не превышает в одном месте 10—15, что приблизительно соответствует величине стада, которое не может превышать определенного количества голов для данного участка пастбища.

Наиболее значительные кочевья встречаются только в обширных долинах с большими пастбищами. Из-за угрозы нападения никогда не встречается отдельно стоящий шатер, о чем говорилось уже выше. Шатер курда, напомним еще раз об этом, не только летнее

жилище. На южных отрогах Тавра курды располагают, как правило, постоянно обитаемыми зимними жилищами. Впрочем, описание курдского шатра в сравнении с юртой киргизского кочевника (из войлока, положенного в несколько слоев на подвижные подставки, расположенные полукругом) показывает, что шатер не может защитить от холодов-и зимней непогоды. Наряду с этим распространенным типом курдского шатра иногда встречаются также хижины с двумя скатами, которые носят различные названия, (kouh, kerrouk, zoma и т. д.)¹.

2. Одежда

1. Мужская одежда

Одежда курдов, как и жилище, определяется природными условиями. Курды -с высокого плато, говорит Диксон, носят пригнанную одежду с расширяющимися книзу полами, узкие штаны и высокие сапоги. Они почти всегда па лошади и с оружием — винтовкой, патронташем и коротким кинжалом (khandjar). Это те курды, которых султан Абдул-Гамид сформировал по образцу русских казаков в милицейские верховые полки, именуемые *хамидийе*. Их одеяние дополняется конической шляпой из белого войлока, перевязанной черным бантом, с бахромой вокруг. В горах южного Курдистана лошади почти бесполезны и редко встречаются. Хорошо подогнанный костюм заменяется здесь свободной одеждой, лучше приспособленной к потребностям восхождения в горы. Широкие штаны образуют сзади нечто

¹См. описание курдского шатра у Мольтке (ор. cit., S. 220).

155

вроде мешка, короткая и толстая белая войлочная куртка, сандалии, коническая белая войлочная шляпа перевязана белым и голубым бантом с рисунком, изображающим «птичий глаз», цветной пояс элегантно стягивает талию. Большой с серебряной ручкой кинжал дополняет картину. Что касается настоящих кочевников, то их одежда имитирует одежду *арабов*. Однако кинжал для курда — обязательная принадлежность. Описание этой одежды — задача довольно сложная.

Мужская мода курдов в основном целиком подчинена требованиям их образа жизни, что видно из приведенного выше описания; она дает немало бесспорно живописных вариантов. Вот несколько примеров, приведенных путешественниками, подтверждающих это положение. Речь идет здесь о старинных одеяниях, но их можно увидеть и ныне. «Впереди на маленькой, худой, изнуренной лошади ехал высокий сухой человек, одетый со вкусом, по понятиям курдов, в пестрые одежды. Тюрбан невероятных размеров, казалось, поглотил и седока и лошадь, закрыл голову, которая чудом не ушла в плечи под непропорциональной для нее тяжестью. Посредине этой массы многоцветной материи возвышалась коническая белая войлочная шляпа. Такая тяжесть, можно сказать, с трудом выдерживаемая тощим телом, придавала ему неустойчивое, зыбкое положение. По бокам лошади раздувались огромные пестрые шаровары, простираясь в ширину почти от одного края дороги до другого. Все оттенки красного и желтого переливались на его куртке и бурке, на поясе висело оружие невообразимых размеров и причудливой формы». Далее идет описание одежды северных мукри, в южной части озера Урмия.

«Они носят на голове широкий шелковый платок — красный, белый и голубой,— обшитый бахромой и элегантно завязанный на красной ермолке. Широкие сгибы платка, собранные в перевязь, и длинная бахрома спадают в фантастическом беспорядке. У них чисто сарацинские черты, а черные блестящие глаза сверкают каким-то особенным блеском под таким головным убором. Их одежда состоит из жилета и просторного плаща

с широкими рукавами по-турецки, поверх которого часто носят куртку, богато расшитую и подбитую мехом в за-

156

висимости от имущественного положения ее владельца. Люди из низших слоев населения надевают широкие шаровары, похожие на штаны мамелюков, и которые на марше они засовывают полы своей развевающейся одежды. Вместо шали они носят пояс с большими серебряными пуговицами, который украшается по вкусу его хозяина. За поясом курд носит не только кинжалы, но и пару больших пистолетов, гравированных или инкрустированных серебром. За поясом же можно увидеть у курда и различные пороховницы, мешочки для пуль, патронташи и т. д. Поверх всего они надевают особое одеяние из верблюжьей кожи — аба, белое, черное или полосатое, белое с голубым и черным, которое застегивается на груди и живописно развевается сзади.

Описываемая здесь одежда, добавляет Сои, не претерпела никаких изменений в течение века, за исключением больших пистолетов, которые уступили место револьверам и карабину, перекидываемому через плечо. Всадник имеет также четыре-пять рядов патронташей, которые он носит один поверх другого.

Дж. Рич описал одежду мужчин с юга, из Сулейма-ние, и племени джаффов: «Его одежда была из богатой индийской ткани, расшитой золотом и украшенной цветами; на нем была прекрасная кашемировая шаль с золотой бахромой, свободно и небрежно накинутая на голову; верхняя одежда — нечто вроде куртки или плаща из венецианской ткани малинового цвета с красивым золотым рисунком». «Джаффы носят одежду, стянутую в талии, свободные штаны, кожаную недубленную обувь, хорошо предохраняющую ноги; на голове войлочная конической формы шляпа».

Мукри и курды Равандуза заменяют заостренную белую шляпу невысокой шляпой из зеленой ткани с тугим пучком сверху. Небольшой тюрбан повязан таким образом, что бахрома закрывает левую и правую части лица. Они носят персидскую кабба («kabba»), короткую, не доходящую до колен тунику, а сверху часто покрыты *сердари* (serdari), или плиссированной курткой из велюра ярких расцветок.

По мере продвижения к югу одежда их начинает походить на арабскую¹. Одежда северян, которая слу-

¹ См. Vans e, op. cit., p. 88.

157

жит и для работы — на севере мужчина, если можно так сказать, все время ходит «руки в рукава», — заменяется длинной туникой, доходящей до лодыжек, которая надевается на длинную белую рубашку, рукава которой, как у сутаны, почти касаются земли. Носят также *салта* (salta), разновидность куртки зуава из материи темных цветов, расшитой золотом. Тюрбаны бывают различных фасонов в зависимости от племени, а ермолка — обычно из вышитой хлопчатобумажной материи. В дополнение к этому одеянию все курдские племена юга носят довольно плотную безрукавку из войлока.

Можно сказать, что на юге одежда курдов не имеет никаких особенностей, за исключением довольно колоритного тюрбана. Нет необходимости говорить о том, что великолепные многокрасочные одежды носят только вожди и их военное окружение. Обычная одежда для всего населения Центрального Курдистана состоит из широких панталон и куртки (gani-berguz) из домотканой шерсти, войлочного жилета без рукавов (pestek) и войлочной конической шляпы (kolos, koum). Нижняя одежда включает рубашку (keras) и кальсоны (derpi) из хлопчатобумажной ткани. Обувь (pelaw) из сукна (rechik, zergal) или из недубленной кожи (kalek). Зимой для ходьбы по снегу пользуются короткими широкими лыжами (Lian)¹.

2. Женская одежда

Женская одежда (более устойчивая в отношении иностранного влияния, особенно от общения с бедуинами) также очень разнообразна. На севере она проста: длинная цветная рубашка, широкие штаны или широкая юбка, к которым в холодное время добавляются еще рубашки, может быть даже из войлока,— вот и весь костюм. Носят также большой тюрбан. Так его описал Сон. Что касается Диксона, то он говорит, что женский костюм трудно описать. Обычно он состоит из мешкообразных штанов, цветной длинной¹ рубашки и широкой блузы. Волосы заплетены в мелкие косички, на голову надевается маленькая круглая шапочка со стеклянными бусинками, обвязанная платком. Для торжественных

¹ Применительно к Сирии см. рис. 3 а исследовании Рондо.

158

случаев одежда дополняется серебряным ожерельем, бусами, браслетами, золотой или серебряной цепочкой вокруг головы.

В Центральном и Южном Курдистане, если снова судить по описанию Сона, женская одежда более сложна. Женщины мукри и из Сенне отличаются своими большими тюрбанами, представляющими массу шелковых цветных платков, завязанных сбоку узлом. Они любят носить кудри, а браслеты, ряды золотых монет на лбу являются обычными украшениями их одежды. У мукри женщины часто носят *сердара* (*serdari*) или *чарухише* (*tcharoukhiya*)—тяжелая одежда, которую надевают на одно плечо. Чадра у курдов не известна, женщины никогда не закрывают лица.

Одежда, принятая у женщин Сулеймание, хотя и имеет курдский характер, носит следы арабского влияния.

Нижняя одежда состоит из короткой рубашки и широких мешкообразных штанов, верхняя часть которых сшита из белой материи, а нижняя — из пестрой ткани. Поверх белья надевают длинную белую хлопчатобумажную рубашку до пят с короткими широкими рукавами и вырезом на шее. Затем надевают еще *кава* (*kava*), такой же длины кафтан без пуговиц, распахнутый спереди, из тяжелой ткани, с длинными рукавами, с краями, подшитыми изнутри. Головной убор состоит из маленькой расшитой тюбетейки, на нее надевают *джаману* (*djama*) — цветной, спадающий сзади платок, котч-рым часто обвязывают один раз шею. Курдский тюрбан уступает здесь место длинной веревке с пришитыми кусками черной материи, напоминающей больше всего боа. Эта «веревка» — *пушин* (*rouchine*)—завязана узлом сверху джаманы, и вся одежда сразу приобретает отпечаток элегантности и достоинства, особенно если ее носит высокая женщина, которых в Сулеймание большинство.

Позвольте дать здесь описание городского костюма богатой курдской женщины Мехабата, представленной моей женой во время пребывания в этом городе, находящемся у мукри. Этот поистине живописный костюм состоит из белой рубашки, широких штанов из парчи, на которые надевают другую шелковую цветную рубашку, доходящую до лодыжек, а поверх нее — блузу, также

159

из парчи, с длинными рукавами, с манжетами у кистей рук, придающими ей средневековый оттенок. На ноги надевают багдадские красные сафьяновые сапожки с помпонами, на голову повязывают шелковый пестрый платок.

3. Классификация одежды

Все эти детали одежды плохо поддаются строгой классификации, если бы ее захотел сделать этнограф, пытаясь зафиксировать определенный тип. Это возможно лишь в пределах какого-нибудь ограниченного района. Имеет ли место разнообразие во всем том, что можно было сказать в отношении курдов? Это определяется, без сомнения, тем, что они расселены на довольно обширном пространстве от севера к югу и от запада к востоку, что их образ жизни и занятия меняются в зависимости от местности, а также вследствие того, что в течение всей своей длительной истории курды не оставались наглухо отделенными и изолированными, напротив, они имели множество контактов со своими соседями.

Вполне объяснимы, таким образом, колебания доктора Г. Кристова, когда он затрагивает вопрос о курдской одежде, столь трудно поддающейся методической систематизации; именно это упомянутый автор добросовестно и вполне убедительно показал. Невозможно, говорит он, установить, какая одежда или ее особенности возникли по влиянию образа жизни и географических условий, а какая ее часть должна относиться за счет влияния торгового обмена и контактов с другими этническими элементами. На севере преобладает влияние народов Кавказа, на востоке — народов Ирана, на западе — турецкое влияние, на юге — арабское. Такое влияние больше всего чувствуется у армян, но и курдские кочевники его также не избежали, по крайней мере хотя бы частично. Кристов переходит тут к описанию курдской одежды, которую можно видеть на высоком Армянском нагорье, где она существенно отличается от одежды, описанной Соном у курдов Центрального и Южного Курдистана. Курд высокогорного плато изготавливает одежду, пользуясь собственными ресурсами, которые ему предоставляют его стада, мало прибегая к торговле. Дейст-

160

вительно, как было указано в гл. III, женщины сами ткут ткани, приготавливая войлок из шерсти овец и кожи из козлиных шкур. Эти товары очень прочны и лучше защищают тело, чем хлопчатобумажная ткань, которую можно встретить в продаже, надежнее служит пастухам-кочевникам, которым приходится часто страдать от непогоды. То же можно сказать и в отношении обуви Сапоги, вопреки тому что выше говорил Диксон, не пригодны для всех. Очень распространены обычные ботинки из шерстяной ткани, нечто вроде туфель; они хорошо прилегают к ноге, дают возможность лучше, чем сапоги, чувствовать неровности почвы, что очень ценно для ходьбы по горам, в чем автор этих строк мог лично убедиться. Данный случай к тому же служит поучительным примером приспособления предмета к его функции. Я также с успехом пользовался подобными ботинками, пересекая ледник Девдорак на Казбеке (Кавказ). Это были сандалии из толстой кожи, где вместо подметки была крепко сплетенная сетка. Перед тем как их обуть, в сандалии кладут мягкую сухую траву. Нога в них чувствует себя прекрасно, отличая все неровности почвы во время подъема. Впрочем, разве, пересекая ледник в Шамониксе, вам не предлагают надеть на обычные ботинки большие сандалии из материи? Тут один и тот же принцип.

Остается еще упомянуть прочный войлочный плащ, который носят пастухи, чтобы защитить себя от дождя. Он имеет почти квадратную форму мешка (*kvale cheva-nie*) в Закавказье'. Наконец, одна-единственная черта кажется общей для всех курдов — это их манера одеваться и носить обувь, а также богатство и разнообразие цветов. Курдская одежда никогда не бывает одноцветной, тусклой. Она всегда приятно поражает глаз контрастом своих оттенков. Возможно, что окружающая природа с ее зелеными пастбищами, усыпанными цветами, голубое прозрачное небо, водопады — весь этот богатый ансамбль живых красок развил в курдах вкус художника, который постоянно проявляется в его одежде и во многих предметах быта: коврах, кошмах, подушках, перегородках и т. д. Социальное значение

одежды также не должно ускользнуть от внимания читателя¹).

Мы не касались оружия курдов. Оно теперь столь же современное, как и везде. Копья со страусовыми перьями или хвостом лошади и щиты стали достоянием музеев. Традиции прошлого сохранились, по-видимому, лишь в резных и инкрустированных рукоятках кинжалов.

3. Пища курдов

Коснемся коротко пищи (*khordan khwarin*) курдов. В начале гл. II, говоря о кочевьях курдов, следовало упомянуть, что продукты животноводства (исключая редко употребляемое мясо) составляют пищу курда. Обычными курдскими яствами являются прежде всего плов, известный на всем мусульманском Востоке; непроцеженный рис (*chele-brindj*). Вареную пшеницу, затем высушенную, размолотую и поджаренную, едят с маслом (*sawar*). Очищенный рис, а также просо, сваренные в айране (сыворотка), называют *гердоль*: нечто вроде рулета, который требует тщательной готовки, с различными ароматическими травами, пряностями и орехами (*tyrchik*). Это изысканное блюдо, особенно благодаря своей приправе, сравнивается в одной курдской пословице с женщиной, некрасивой, но хорошо одетой, которая может понравиться. Так и это блюдо, не представляя само по себе ничего особенного, возбуждает аппетит благодаря приправе. Упомянем еще о мясных котлетах, сваренных в небольшом количестве айрана с добавкой риса или растертой пшеницы (эти зерна называют *мереке*, а само блюдо — *дугава*); рис или пшеница, сваренные в воде с *кюрри* (*curry*), подают с маринованным соусом и маслом (*turkhing*); размолотая и сваренная в воде пшеница подается также с маслом и *кавурмой* (консервированное мясо). Это блюдо называется *шеле-еним*; пшеница и ячмень, сваренные в айране с ароматическими

¹ Можно говорить также и о политическом значении, как об этом свидетельствуют реформы одежды в Турции, в Иране и Петра I в России

травами (*gueseng* и *roung*) и листьями репы (*doukhine*); рис, просо или чечевица, сваренные в воде, — блюдо бедняков (*chourava*); одна или две горсти растертой пшеницы на котелок воды — также пища для бедных (*ghermaw*); из пшеничной муки делают тесто (*rechte*), которое высушивают на солнце, затем жарят на вертеле и сохраняют в мешке из козьей шкуры; это блюдо служит для приготовления двух других — *rechte-pilaw* и *rechte-goun*. Первое — нечто вроде плова, без воды, второе варится в айране. Перечисленные выше кушанья готовятся в деревнях у оседлых и полукочевых курдов. Кочевники покупают злаки на стороне, которых часто не хватает. Тогда они довольствуются сыром и простоквашей. Среди молочных продуктов еще упомянем: *жажи* (вареное в сыворотке мясо); *люр* (субпродукт при сбивании масла); *серту* (крем) и *кешк* — шарики белого сыра, высушенные на солнце. Хлеб считается у кочевников лакомством, которое очень редко могут предложить путешественникам. Зимой, когда животные недоедают и дают мало молока, положение с пищей у курдов часто бывает критическим.

Обычно в больших курдских племенах вождь всегда держит стол открытым для всех. Подарки скотом и продуктами, подносимые многочисленными соплеменниками своему хану или беку, служат, таким образом, снова их благу. Как правило, нравы и образ жизни на Востоке препятствуют накоплению богатств. Знатный иранец, курд или турок обязаны по обычаю иметь много слуг и держать стол открытым, чтобы создавать впечатление

роскоши. Таким образом все полученные подарки или выколоченные ими средства, согласно обычаю держать открытый стол, возвращаются опять народу. В Иране, в Турции шах и султан, оберегая достояние от конфискации, имеют богатых фаворитов, чтобы большое богатство не сосредоточивалось в руках отдельных лиц. Абовян уверяет, что один такой курдский вождь, следуя обычаю гостеприимства, был вынужден закалывать ежедневно от 30 до 40 овец, готовить четыре-пять пудов плова и расходовать несколько фунтов кофе и табака для гостей¹.

¹ См. М. Wagner, *Reise nach Persien und dem Lande der Kurden*, Bd. II, S. 240.

163

В. Минорский, описав пышный прием, который ему дал сердар племени мукри в своей резиденции в Букане в 1911 году, добавляет: «Гостеприимство закончилось полным разорением сердара мукри. Соседи, горя вожделением к его богатствам, нашли оригинальный прикончить гостеприимный род: очень большой нией они отправились к нему, чтобы пробыть целые недели, зная, что не получают ни в чем Я не думаю, однако, что великодушные нравы применимы к большинству курдов в Турции». Мои друзья курды мне говорили, между прочим, что этот обычай очень распространен.

4. Место женщины

После этих заметок о материальной жизни курдской семьи перейдем к изучению положения женщины. Оно хорошо отражает характер народа. По этому поводу Минорский замечает, что курды, вероятно, самые либеральные среди мусульман. Конечно, всю тяжелую домашнюю работу делают женщины. Они ухаживают за скотиной, носят воду, карабкаются по горам к стаду, чтобы подоить животных, собирают и заготавливают топливо. Все это они делают, повсюду таская с собой пищу, привязанную к спине широким ремнем. Если женщина не в состоянии это выдержать, она быстро увядает и теряет всю прелесть своего пола. Лишь жены вождей (называемые ханум в отличие от ийя — простой женщины) могут вести беззаботную жизнь, беречь свою красоту и заботиться о нарядах. Однако все женщины, какое бы положение они ни занимали, великолепно ездят на лошади, не боясь при этом перещеголять мужчин. Они не страшатся также подъемов, и наиболее отчаянные из них поднимаются в горы с большой ловкостью. Женщины, как уже говорилось, не закрывают лица. В толпе они смешиваются с мужчинами и в общем разговоре всегда могут сказать свое слово. «Очень часто в деревнях,— свидетельствует Сон,— хозяйка дома меня принимала в отсутствие мужа, оставаясь сидеть и разговаривать со мной без напускной стыдливости или застенчивости турчанок или иранок, с удовольствием

164

разделяя со мной трапезу. Когда появлялся муж, женщина в знак внимания к своему гостю не покидала его, пока муж не привязывал лошадь и не входил в шатер». Не может быть, разумеется, речи о заточении женщины. Курдская женщина добродетельна, кокетлива и жизнерадостна. Проституция неизвестна среди курдов, так же как и некоторые другие пороки, столь распространенные на Востоке. Молодежь очень хорошо знакома между собой. Женитьбе предшествует настоящее ухаживание со стороны претендента. Романтические чувства царят в сердцах курдов. Лет двадцать назад (Минорский писал об этом в 1914 г.) около Мехабада имел место следующий странный случай: одна европейская молодая девушка влюбилась в курда, стала мусульманкой и, несмотря на вес увещевания консула и родителей, осталась со своим мужем. Поскольку мы заговорили о романтизме, позволительно будет упомянуть, что в моей курдской литературной коллекции есть маленький томик стихов («Диван-и-Адеб» поэта

Мирзба Мукри), посвященных прекрасной Нусрат, которая так и не стала женой поэта, выйдя замуж за другого. Следуя также романтической традиции, г-жа Поль Генри-Бордо в своем любопытном и очаровательном романе «Антарам Требизонда» рассказывает нам одиссею молодой армянской девушки, проданной одному курду жандармами, посланными проводить ее в изгнание.

Молодая армянка так рассказывает о своем рабстве: «Кто же я была на самом деле? Раба! Служанка! Чужеземка! Почему он меня купил? У этого варвара есть древнее примитивное благородство. Он имеет вкус к независимости, не держит гарема. Откуда берется у курда это уважение к женщине, неизвестное среди мусульманских народов ?

...Я любила этого человека, о котором я знала, не знала его языка и истории.

...Утром он меня разбудил и заставил медленно обойти вокруг огня. Нсть обычай: когда девушка выходит замуж, она говорит «прощай» очагу своего отца. Некоторое время спустя он позвал меня вместе с моей кормилицей в загон, куда собрал сотню баранов, пять буйволов и лошадь с новым седлом красной кожи. Он остановил нас: «Я должен бы заплатить твоему отцу калым, приданое моей невесты. В таком случае все, что

165

здесь есть, я даю твоей кормилице, которая тебя сюда привела». Он глядел на меня довольный. Ничто его не обязывало к такому поступку. Но он хотел показать всем, что не собирается держать чужеземку в шатре только для своих ночных удовольствий, дабы каждый уважал его жену. Я была взволнована. Неделью спустя я услышала на пороге топот ног, бляение; я вышла. Он меня поджидал. «Ты должна бы возвратиться к твоим родителям после свадьбы, чтобы они тебе дали корову, кобылу и козу, которые стали бы твоими, так делается это у нас. Но я не хочу, чтобы ты была менее богата, чем другие, и даю тебе их сам».

Я имела сына. Он вырос здесь же. Сын не знал ни слова по-курдски и был настоящим армянином. Его отец не жаловался на это. Но однажды он мне сказал: «Научи его хотя бы называть меня папа!» Я не захотела. Это счастье длилось четыре года».

Вернемся после этого отступления к нити нашего повествования. Развод очень легок у курдов. Курды в пылу ссоры клянутся иногда, что если ссора не уладится, то разведутся. И они разводятся. Это случается в действительности. Если потом раскаяние начинает мучить мужа и он был бы счастлив снова принять к себе свою бывшую жену, закон не позволяет этого, если только в период их разлуки жена не вышла замуж снова и не получила затем развода. В городах можно найти профессионалов (*мохаллель*), которые готовы за вознаграждение играть нужную роль, чтобы аннулировать действие первого развода. Обычно; в таких случаях происходит целая серия недоразумений, о которых существует немало курдских анекдотов. Все это, однако, применимо лишь к жизни горожан. У кочевников, разумеется, нравы проще и строже.

У курдов есть один особенный, именуемый *чопи*, танец в кругу с подпрыгиванием. Тот, кто ведет танец, держит в одной руке платок, а другой увлекает по кругу взявшихся за руки танцоров. Однажды этот танец был дан в честь Минорского у одного богатого курда. Как только раздались звуки зурны (кларнета) в сопровождении *барабана*, все женщины деревни за пять минут приоделись и заняли места среди мужчин, грузно, но с увлечением притоптывая до самого вечера. Вот еще одно свидетельство:

166

«Я торопился впервые подойти к месту сборища, где танцевали курдский танец, который мне показался любопытным и в то же время очень грациозным. Мужчины и женщины", держась за руки, образуя большой круг, под звуки плохого барабана двигались в ритм медленно и монотонно... Заметно, однако, что курдские женщины, хотя они и мусульманки, не стыдливы. Лицо их было не закрыто»1).

Женщина у курдов, бесспорно, обладает своей индивидуальностью. Не случайно, например, мать, отличаясь благородством или красотой, прибавляет свое имя к имени сына; например, именем Бапири Чачан (что означает «Бапир, сын Чачана») поддерживается репутация матери. Можно привести много примеров, когда женщине подчиняется целое племя, во главе которого ей пришлось стать. Известно, например, что во время заключительной оккупации Хаккяри турками этот округ управлялся женщиной (см. Гартманн). «Мы сами (Минорский) видели осенью 1914 года в маленьком городке Алепче (близ Сулеймание) прославленную Аделе-ханум, вдову Османа-паши из племени джафф². Несколько лет она действительно управляла всем округом, формально доверенным турками ее мужу, который почти всегда отсутствовал. Сон, переодетый в костюм иранского торговца, жил некоторое время при ее маленьком дворе и очень занятно описал, как она судит и управляет делами, не забывая своих чисто женских обязанностей, таких, как покупка различных тканей, заботы по хозяйству. Правительство назначило в Алепче турецкого чиновника. Аделе-ханум оказалась с тех лор в немилости;

¹Comte de Sercey, *La Perse en 1839—1840*, p. 104.

²К этому примеру, приведенному Минорским, я могу прибавить со своей стороны еще один, с Мариам-ханум, вдовой шейха Мохаммед Сиддика. Я имел удовольствие вести переговоры с этой знатной курдской женщиной, которая осталась одна со своими слугами в Нери, главной резиденции Шемдинана, в момент приближения русских войск в 1916 г. в этой небольшой части Курдистана. Миллинджен (указ, соч., стр. 25) называет также одну курдскую даму, вдову Омер-Ага, вождя племени милан. Ей было всего двадцать два года, когда она потеряла мужа, но ее уважали все старики племени и она пользовалась у них большим влиянием. Она вела дела племени с энергией мужчины. М. Массиньон обратил мое внимание на влияние эзидок среди знатных курдов. Красота этих женщин привлекает курдов, стремящихся взять их в жены.

167

отстраненная от дел, она держалась, однако, с большим достоинством. Она нас посетила в нашем лагере в сопровождении целой свиты родственниц и служанок и охотно согласилась сфотографироваться. Аделе-ханум поблагодарила за подарки ее сыну письмом, написанным по-французски одним молодым курдом, который учился у католических миссионеров в Сенне.

Курды, как правило, очень любят детей. Около каждого вождя можно видеть его любимого ребенка, десятого или двенадцатого отпрыска. Джан Фулад Бек, по данным «Шереф-наме» (стр. 292), имел 70 детей. И это не исключительный случай. Нередко в горах можно встретить молодца курда, несущего на руках ребенка — надежду своей старости. Минорский вспоминает одну сцену во время путешествия по Курдистану: «Мы взбирались с караваном по узкой тропинке вдоль пропасти, когда неожиданно сверху появились два человека. Впереди курд, легко одетый, с виду бедный крестьянин, нес больного ребенка, завернутого в лохмотья. Его жена, у которой было хорошее, но печальное лицо, следовала за ним, неся кинжал, чтобы мужу было удобнее. Ребенок упал с крыши и потерял сознание. Родители спешили показать его соседнему колдуну. Заметив европейцев, которые на Востоке все слышат за докторов, мать ухватилась за стремя, начала целовать ноги, плакать, умоляя спасти ребенка. Во всей этой сцене было много искренности и настоящей скорби. И, наоборот, вспоминается презрение к опасности и смерти у курдов и слова одного вождя: «Бесчестием было бы умереть только в кровати. Но если меня настигнет пуля и меня принесут домой, все будут радоваться, что я умру как подобает». Может быть, эта суровая философия и разделяется курдскими матерями, но скорбь бедной женщины красноречиво говорила, что имеются еще более крепкие узы в ее сердце».

Инфекционные болезни очень распространены. Однако тяжелые болезни редки у кочевников. Лечение состоит в том, что на больное место кладут талисман или больного заставляют проглотить кусок бумаги со стихом из корана или магической формулой.

Пользуются несколькими лекарственными растениями, но такой вид домашнего лечения еще в достаточной мере не изучен.

168

Напомним, что по этому поводу рассказывает М. Вагнер¹).

У племени билбас существует особый способ лечить раны. Они зашивают раненого в свежеснятую шкуру быка, оставляя свободной только голову. Шкура со временем сама спадает с туловища больного. Этим же способом лечат самые опасные раны от копья и удара сабли.

Курды с доверием относятся также к доктору или всякому европейцу, как об этом только что говорилось. Если дать кусок сахара или немного алкоголя, больной курд сразу говорит, что ему легче. Болезни дыхательных путей, несмотря на резкие перемены температуры, встречаются не часто. Ревматизм, наоборот, сильно распространен, вероятно, как следствие недостаточной защиты шатра от холода и соприкосновения с холодной землей. Наконец, малярия часто угрожает курдам. Чтобы от нее уберечься, строят высокие настилы, описанные в начале главы. Дети, предоставленные самим себе, плохо одетые, закаляются начиная с малых лет. Случаи долголетия очень часты в Курдистане.

Возвращаясь к курдской семье, отметим, как свидетельствовал Сон, что от севера к югу курд сохраняет моногамию и что средняя нормальная семья редко превышает три-четыре человека. Только вожди имеют более одной жены, и в некоторых случаях, приведенных в «Шереф-наме», имеется большое количество очень хорошо воспитанных жен (см. «Женщины без счета», стр. 336).

5. Как курды относятся к женщине

Следуя нашему свободному изложению, по мере возможности дадим курдам самим сказать о себе. Я с удовольствием воспроизведу здесь несколько отрывков из работы о курдской женщине (появившейся в «Восточном Бейруте» от 12 и 13 июля 1933 г.) доктора права Камуран Али Бедир-хана, младшего брата Сурейя-бека. Читатель сам увидит, что автор говорит о курдской женщине, относящейся к знати, а не к женщинам из народа.

M. Wagner, op. cit., S. 229.

169

Сначала автор обращает внимание на одну особенность, которая ему показалась характерной: отсутствие специальных женских покоев, что делает курдскую женщину свободной. Он пишет, что такие принципы римского права, как «*tutor optivus*», «*tutor cesticus*», «*tutor fiduciarus*» и «*coemptio*», предназначенные победить предрассудки, совершенно неизвестны в курдских обычаях. Курд никогда не стремился ограничить права женщины. Он ее считает достойной равного доверия, способной пользоваться теми же правами и обязанностями, что и мужчина. С психологической точки зрения женщина в его глазах обладает теми же наклонностями, теми же добродетелями и теми же пороками, что и мужчина.

Автор затем прослеживает жизнь женщины на всех этапах. Мать заботится о ее воспитании. Она учится петь национальные песни, танцевать, искусству верховой езды и письму, как все ее братья, а также различным рукоделиям. Она танцует в компании с молодыми людьми и может видеть своего будущего мужа.

Ниже мы подробно остановимся на жизни замужней женщины. Подчеркнем, однако, обычай курдов давать имя мужественной, воинственной женщины своему сыну, отец которого не может с ней сравниться. Так, например, указывает Эмир Камуран, сын вождя племени Реман носит имя своей матери Перихан, а не отца.

Лирическая поэзия курдов в большинстве своем навеяна женщиной. Большая часть песен — колыбельных, любовных и т. д. — создана женщинами.

Курдская женщина часто заменяет своего исчезнувшего мужа. В зоне Пишдер автор приводит примеры двух женщин-вождей, добрая память о которых осталась в народе: Пюра Халим из племени кафуруши и Каха Нерпиз из племени шуван. В течение многих лет они боролись против турецкого господства.

Именам Аделе-ханум (умершей в 1924 г.), которая в течение пятнадцати лет управляла делами племени джафф из своей резиденции в Алепче и в Хафсехан, и невестки шейха Махмуда также отведено почетное место в анналах курдов.

Автор кончает, свою интересную статью замечанием о том, что курдская женщина станет одним из факторов национального возрождения в будущем.

170

Дополним эту красноречивую защитительную речь интеллигентного, просвещенного курда лукавой шуткой, взятой из моего собрания народных рассказов, где мы найдем нашего старого знакомого Иссу Мудрого (см. гл. IX). «Какая жена лучше всех в мире?» Этот вопрос ему задал однажды Исмаил-паша¹). «Та, которая воровата, страстна и лжива», — ответил он. Так как паша не понял ответа, Иссу предложил пойти с ним. Они переоделись дервишами и отправились. Войдя в первый дом, дом младшего брата, они попросили приюта на ночь. «Вы желанные гости, отцы дервиши». Те сели и заметили, что борода хозяина дома была вся белая, а спина согнулась. «Как это могло случиться с человеком в сорок лет?» — удивились они. «Завтра вы пойдете к моему старшему брату, — сказал он, — и вы поймете». Он позвал жену. Та воскликнула: «Красного паука, яда змеи, чего ты от меня хочешь?» — «Нужно приготовить покусать для наших гостей, дервишей». — «Разве ты не знаешь, что в твоём разорившемся доме ничего нет? Где я могу что-то достать?» Короче, на все, что говорил ей муж, она отвечала бранью и наглостью. Когда пришло время ложиться спать, муж сказал: «У нас есть два одеяла и две циновки, возьмем одни для нас, другие дадим дервишам». — «Ты что, ослеп, разве не знаешь, что раз в месяц я не терплю, чтобы кто-то трогал мои бока, возьми себе одно одеяло, а я покроюсь другим». Паша и Иссу плохо провели ночь и наутро отправились к среднему брату. У того борода была наполовину черной, наполовину серой. Паша спросил: «Сколько тебе лет?» — «Мне шестьдесят». — «Однако, — заметил паша, — в таком возрасте борода бывает почти всегда белая, целиком. Почему этого не случилось с тобой?» — «Останьтесь на ночь у меня, будьте гостями. Завтра вы пойдете к моему старшему брату и вы поймете». Они остались. В его доме жена то выполняла приказы мужа, то не хотела ничего знать, она была то груба, то вежлива. На следующее утро они отправились к старшему брату. Здесь они заметили, что его борода была черной как смоль. Он сказал, что ему восемьдесят лет. «Не удивляй-

¹Исмаил-паша — последний из наследных вождей Амадии (см. A. S o c i n, *Kurdische Sammlungen, Erzählungen und Lieder im Dialekte von Botan*, S. 237).

171

тесь, дервиши, останьтесь у меня и вы поймете». Этот брат был беднее двух других, но его жена ему повиновалась во всем. Когда он обращался к ней со словом «жена», она отвечала: «Да, я твоя раба» [обычный вежливый ответ на мусульманском Востоке. — В. Я.] — «Не найдется ли чего у нас поесть?» — «Конечно, все есть: яйца, рис, масло, мед». Она приготовила такую пищу, которая была бы достойной дома самого паша. Когда стали готовиться ко сну, муж спросил: «У нас есть постельные принадлежности?» — «Я твоя тень [другое принятое почтительное выражение. — В. Н]. Всего хватит, как в доме паша». Она вышла и раздобыла все необходимое у соседей. «Жена, у нас сегодня гости, лучше нам спать с тобой раздельно». — «Нет, нет! Дервиши наши братья. Ты знаешь, если я проведу хотя бы одну ночь без тебя, лучше не жить».

Проснувшись на другой день, паша спросил у этого человека: «Какая самая лучшая жена?» — «Моя,— ответил он,— она не утаивает ничего; готовит так, что не стыдно перед гостями; у нас совсем нет постельных принадлежностей, но она одалживает их у соседей; она меня любит, разумеется, с подобной женой не состаришься».

Тогда паша понял смысл слов Иссy, воздал ему хвалу и наградил. Он сделал богатым самого старшего из троих братьев, заставил развестись младшего и нашел вторую жену для третьего. Я полагаю, что сказанное вполне дает читателю представление о том, что семья у курдов приближается больше всего к семье у иранцев и турок (до успехов феминизма в этих двух странах после первой мировой войны) благодаря месту, которое занимает в ней женщина. Курд имеет свою семью, и скорее моногамную¹, а его жена (kabani) пользуется большим авторитетом во всем, что касается внутренней жизни семьи. Это она руководит домочадцами и слугами, она во время еды распределяет порции, и без ее разрешения не садятся-кушать. В отсутствие своего мужа она принимает посетителей, угощает их и свободно с ними беседует. Она не закрывает лица, как другие женщины-мусульманки.

¹Если есть вторая жена (*berî*), ей обычно поручают всю работу, связанную с приготовлением молочных продуктов (доение, приготовление сыров, масла, крема, айрана и т. д.).

172

6. Глава Семьи

Примечательно то, что у курдов брак заключается по любви, а жених и невеста знают друг друга до свадьбы, тогда как у других мусульманских народов брак совершается помимо воли будущих супругов, через посредство третьих лиц. В курдской семье отец является ее главой (*malkhe mal*) и всем распоряжается. Ему принадлежит лучшее место, в его присутствии члены семьи не могут ни сесть, ни разговаривать без его разрешения.

Старший сын является наследником отца. И никто так не дорог курду, как его преемник. Этим объясняется тот факт, что во время переговоров с курдами в качестве заложников берут старших сыновей вождя. Это сильнее, чем клятва на коране.

Племя может взять обязательства в отсутствие вождя, если его преемник на месте; но курды не возьмут обязательства, если нет и наследника, ибо это угрожает междоусобной войной после смерти вождя.

«Соблюдение старшинства в семье глубоко укоренилось в обычаях курдов. На этот счет мы ежедневно имеем любопытные примеры. Хаджи Неджмеддин хотел зажечь свой чубук. Его старший сын, как верный слуга, пошел за огнем и услужливо его принес; в свою очередь, будучи всего на два года старше своего брата, он захотел тоже закурить. Младший брат бросился с такой же услужливостью за огнем, а после в свою очередь сам был обслужен братом поменьше, который обратился к своим племянникам и т. д., точно следуя иерархии возрастов и положения»¹).

«Молодые курды, так же как и сыновья вождя, не имеют права садиться в присутствии старших; они их обслуживают, принося кофе и трубки. Если молодой человек входит в шатер, он целует обычно руку у всех старших по порядку; старшие его целуют в лоб. Если тот, который входит, старше, он берет только руку вождя, а каждый присутствующий прикладывает руку ко лбу в знак уважения»².

¹ *Ch o let, op. cit., p. 229.*

³ *M, Wagner, op. cit., Bd. II, S. 240.*

173

Дети наследуют после отца. За неимением детей наследство переходит к брату или внукам; наследник мужского пола получает в два раза больше, чем наследница. После жены, если она не имела ни одного ребенка, половина переходит мужу, другая половина

— ее родственникам (братьям, сестрам, племянникам и племянницам). Если у нее есть дети, муж получает четвертую часть имущества, а дети — остальное. Жена после смерти мужа, если у нее нет детей, получает четверть наследства (если было больше одной жены, они делят между собой эту четвертую часть); если есть дети, жена получает только восьмую часть, остальное переходит детям. Опекунном назначают, если в том есть необходимость, старшего сына или брата за неимением прямого наследника.

К вопросу о курдской семье тесно примыкает и проблема родословной. Все старинные знатные семьи имеют хорошо уточненную родословную. Ничто не вызывает такого расположения курдского вождя, как разговор с ним о его предках. Вы можете знать многих из них. Но он вам назовет еще несколько поколений и расскажет об их смелых подвигах в борьбе с *руми* (турками) и *аджем* (иранцами). Чтобы чувствовать себя непринужденно среди курдов, не нужно досконально знать родословную, всегда можно найти несколько примеров в «Шереф-наме» (стр. 323, пятнадцать перечисленных поколений). Я имел удовольствие знать Хамди-бей Бабана, потратившего многие годы на генеалогические изыскания по арабским, турецким и иранским источникам, в которых имелись упоминания о его соплеменниках. Я сохраняю его генеалогическое древо как ценный документ для проникновения в психологию и мышление курда. Однако семейные традиции, гордость за отеческий очаг — достояние не одной только знати. Каждый курд, к каким бы социальным слоям он ни принадлежал, хорошо знает, к какому очагу (*буна-мал*) он принадлежит, точно знает свое происхождение. В Курдистане часто встречаются неграмотные люди, знающие наизусть десять-пятнадцать поколений своих предков с массой подробностей (Минорский). Для курдской истории племен генеалогические данные имеют реальное значение.

174

7. Семейные обряды

Мы приступаем теперь к последнему разделу этой главы — к семейным обрядам, с которыми связаны наиболее значительные этапы жизни курдской семьи¹). В первую очередь в этой связи уделяется внимание рождению. С него мы и начнем.

А. Роды

Роды происходят на земле, покрытой соломой. Муж покидает дом и возвращается только через день или два после родов. Роженица обслуживается женщинами, имеющими опыт, которым платят за их труд натурой. Перед рождением ребенка обращаются к мулле; он пишет талисман *доа* (*doqa*)², чтобы все обошлось благополучно. После рождения талисману придается новое предназначение — поддержание матери и новорожденного в полном здравии. Муллу вознаграждают, если могут, коровой, быком, бараном.

Если роды трудные, роженицу тянут за уши, произносят ее имя, крича в ухо, заклиная прийти в себя, говоря, что пришел ее брат, или гость и т. д. Если она в обмороке, стреляют из ружья, чтобы привести ее в сознание. Иногда идут к реке и кинжалом «разрезают» воду (магический прием — чтобы разрезать то, что связывает роженицу). По народному поверью, на женщину во время родов нападает существо, называемое *хал-анасы*³ (*hal-anassy*)—женщина огромного роста, худая, ужасная, с огромными грудями, закинутыми за плечи. Хал-анасы вырывает сердце и легкие у роженицы, несет их к реке и моет в воде. Если у нее хватает времени это сделать, роженица умирает. Чтобы прогнать хал-анасы, устраивают ружейную пальбу вокруг роженицы. Разрезая кинжалом воду реки, хотят также освободить сердце и легкие роженицы, которые хал-анасы могла бы прийти омыwać в реке⁴.

¹Речь пойдет о курдах Советского Азербайджана, по исследованиям Г. Ф. Чурсина (см. «Бюллетень Кавказского Историко-археологического института», № 3, 1928, Тифлис). Несколько уточнений сделаны мной на основе собственных наблюдений.

²Доа — молитва.— Прим. ред.

³У других курдов — алк.—Прим. ред.

⁴Хал или алк известны также в поверьях кашкайцев, турецкого племени из Фарса (Иран).

175

Если в доме умирают дети, идут к мулле. Мулла объясняет, что ребенок умер, потому что в дом приходила женщина с плохой молитвой доа. Но если его хорошо вознаградят, он даст такую доа, что колдовство в отношении других детей станет невозможным. Чтобы оградить новорожденного от влияния плохих доа, не позволяют женщинам, которых подозревают, не только входить в дом, но даже во двор. Если ребенок чего-либо испугался, берут уголь и бросают в воду, потом дают эту воду выпить ребенку.

Имя дается ребенку женщинами. Они собираются на совет у роженицы, только что разрешившейся, и выбирают имя. Этот обычай восходит к матриархату. Однако мулла, который имеет возможность извлечь из этого выгоду, присваивает себе также право давать имя ребенку. При этом он пользуется магической книгой, служащей ему для талисманов («Доаа-kitab», или «Djamei-davad»), и заявляет, что, если ребенку дадут другое имя, чем предлагает он, ребенок умрет. Напуганные родители торопятся сказать, что будут следовать приказу мุลлы, который получает дополнительное вознаграждение за свой умный совет.

Обрезание происходит тогда, когда родители ребенка приготовят хорошее угощение. По мере возможности ищут крестного отца (kirva-krvo) в какой-нибудь богатой и влиятельной семье. Приглашения делаются отцом ребенка. Отказ от приглашения расценивается как обидный, обесчещивающий поступок. Крестный отец пригоняет двух или трех овец, отец ребенка их режет и организует угощение, на котором присутствует вся деревня, по одному человеку от каждого дома. После угощения гости уходят, остаются только близкие родственники отца и крестник. Обрезание происходит в их присутствии. Его делает местный брадобрей с помощью бритвы и тростниковой палочки. Спустя три или четыре дня крестный отец приходит узнать о ребенке и приносит котелок плова, большой хлеб, молоко, мед, яйца и масло. Передавая крестнику котелок, в него бросают кусок материи для чохи¹ или архалука (род пальто или кафтана), иногда коврик; иногда его дарят вместе с

¹ Точнее, черкеска. — Прим. ред.

176

коровой. Во всяком случае, никогда не передают котелок пустым. Это было бы большим бесчестием.

Детей кормят грудью до двух или трех лет. Мальчик является объектом особых забот. К нему относятся очень нежно. К девочкам отношение менее заботливое. Если женщина рожает только девочек, на нее смотрят с состраданием.

Чтобы уберечь детей от дурного глаза, злых духов и других напастей, всякого рода талисманы считаются действенным средством. В качестве талисмана кладут хлеб под колыбель ребенка. Когда кто-нибудь ночью выходит из дома, ребенка либо выносят во двор, чтобы уберечь от злых духов, которые бродят в ночное время, либо дают ребенку в руку или кладут на грудь хлеб, который отпугивает дьявола.

Один малыш, которому исполнился год, в деревне Молла-Ахмедлу был сплошь покрыт талисманами. На плече у него была прикреплена молитва (доа), вышитая на черной квадратной тряпочке, раковина, стеклянная жемчужина, металлическая пластинка; на спине у него была вторая доа в виде треугольника и несколько жемчужин, перевязанных цветными шерстяными нитками. У другого ребенка, который держал на спине девочку, на

плечах развевались маленькие кисточки из красных и желтых шерстяных ниток. К одной кисточке на левом плече было привязано несколько жемчужин, подвесок и бубенчиков.

Обряды, описанные выше, соблюдались, как было сказано, у полукочевников — курдов Советского Азербайджана. Несколько по-иному обстоит дело у курдов Центрального Курдистана, где я имел возможность изучить этот вопрос.

Когда приближается момент родов, соседи собираются в дом роженицы. Чем она знатнее, тем больше присутствующих. Во всяком случае, присутствие повивальной бабки (*darirk*) всегда обязательно. Она стоит перед роженицей, тогда как другие, если они при этом присутствуют, располагаются позади или сбоку (у мукри женщина, стоящая впереди, называется *пешева*, а сзади — *пиштева*). По мере возможности роды происходят в стоячем положении. Иногда к потолку привязывают веревку, за которую цепляется роженица. Как только покажется ребенок, матери дают бутылку или какой-ли-

177

бо сосуд с узким горлышком, в который она дует, чтобы облегчить отделение плаценты (*haval boutchouk* или *avala* у мукри). Затем акушерка обрезает пуповину, причем замечают место, куда она ее бросит. Если пуповина упадет на оружие, ребенок будет военным, если на столовую посуду, то ребенок будет любить хорошо покушать, и т. д. На первые десять дней кладут хорошо запеленатого ребенка в решето (*brjing*). В течение этого времени ни повивальная бабка, ни другие женщины, которые присутствовали при родах, не должны покидать дом, уносить предметы, принесенные для родов, особенно ночью. Женщины могут отсутствовать только днем. Они должны обязательно возвращаться к концу дня, иначе злые духи *шеше* (*shechë*; это название происходит от *shech* — «шесть») могут убить мать и младенца. В этих же целях огонь или свет поддерживается в доме всю ночь. Его стерегут по очереди, чтобы не дать прийти злему духу. В обычае также в этот период прикреплять в доме тряпочку от одежды одного из трех шейхов (шейх Джемал Сурей, шейх Фархи Бероужи и шейх Баба Бабики), которые слынут пленителями злого духа, получившими от него клятву, что он не принесет их детям вреда. Сорокадневный период после родов называется для матери *зистани*¹ (*zystani* — зимний). Она получает подарки (*kouduk*), обычно пирожное с кремом и орехами (*kadë*). Кроме того, мулла пишет для новорожденного специальную молитву (*nevichti*), которую зашивают в треугольную ладанку и кладут на предплечье младенца.

Б. Свадьба

От описания родов перейдем к свадьбе. Женятся преимущественно внутри племени (эндогамия). Тем, кто женится на женщинах не из племени, делают следующий упрек: «Почему ты взял чужую, а не свою? Лучше взять кого-либо из племени, чем чужую»². В былые времена обручали детей с колыбели. В знак помолвки повязывали девочке на голову платок. К нему привязыва-

¹Правильнее — *земестани*. — Прим. ред.

²Билбасы никогда не отдают замуж своих девушек за мужчин из другого племени, но нередко девушек похищают (см. *M. Wagner, op. cit., Bd. II, S. 229*).

178

вались монеты. С этого момента и до брачного возраста жених все эти годы в день байрама (9 марта) приносил своей нареченной барана и ткань для одежды и т.д. При заключении брака отцу невесты дают калым, или выкуп (*gelend*) деньгами от 30 до 50 рублей, коров, овец и т.д. В свою очередь отец девушки дает жениху в качестве приданого *джехез* (*djihz*) — все необходимые вещи для зяйства. Обычно дается ковер, постельные принадлежности (подушки, матрацы, одеяло), мальфраш (коврик), *килим* (ковровая

дорожка), кувшин для воды, котел, поднос и т. д. Кроме того, отец дарит своей дочери лошадь или корову. Это приданое так же как и другие подарки, составляет, согласно курдскому обычаю, единственную собственность, которой располагает замужняя женщина.

Заметим в скобках, что у кочвников калым достигает иногда значительных размеров. Так за девушку племени милли, славящегося красотой своих женщин, дают 20 мешков серебра, примерно 100 фунтов стерлингов или 2500 франков¹).

Свадьба требует от родителей жениха больших расходов, им на помощь приходят родственники. Кто даст барана, кто зерно или другие продукты и деньги. Существует также обычай объединяться в братский союз (*brati* - от слова *bre* - брат) для организации свадьбы. Двое молодых людей договариваются между собой о таком союзе. Так как ничто не должно происходить без совета старших родственников, отец жениха идет к дяде молодого человека, которого брали для союза (либо идет к отцу при отсутствии дяди, или к матери), чтобы получить его согласие на то, чтобы племянник соединился с его сыном братским союзом *brati*. Обращение к дяде — пережиток матриархата. Партнер по братству, заключенный подобным образом, обязуется доставить все продукты для пиршества в доме невесты (корову, баран и т.д.) он же после свадьбы идет со своими родными к жениху, принося с собой различные продукты и подарки. Там их угощают, а перед уходом одевают подарками. Со своей стороны жених обязуется сделать все необходимые

¹По старому денежному курсу (см. *Layard, op. cit.*).

затраты и выполнить свои обязательства во время свадьбы своего кардаша.

В первую брачную ночь кардаш охраняет дверь новобрачных. Если девственность невесты не подтвердится, тотчас же зовут отца, предлагая ему взять обратно дочь. В положительном случае вещественные доказательства показываются матери жениха и матери невесты. В этой связи следует отметить, что все иностранные наблюдатели единодушны в оценке высокой нравственности курдской женщины. Слова *проститутка* не существует в их языке. В моей литературной коллекции я нахожу всего одну историю супружеской неверности. Красавица Перизада, молодая жена старого эмира Шемдинана Зейн-Еддина, влюбилась в одного из слуг эмира, по имени Исо. Старый муж, узнав это, приказал убить Исо. Тогда Перизада отравила эмира и приняла яд сама.

Чтобы привести невесту в дом жениха, друзья мужа отправляются ее искать. Когда они подходят к дому невесты, дверь дома закрывают, а как только ее откроют, кардаш должен дать выкуп подругам невесты. Начинают наряжать невесту.

Женщина, которая этим занимается, отказывается одеть невесту, требуя, чтобы кардаш оплатил ее труд. Он выполняет ее просьбу. Затем, когда повезут невесту из дома ее родителей в дом жениха, молодежь останавливает свадебный кортеж, преграждая дорогу при помощи веревки, и требует выкупа. Кардаш дает небольшую сумму, и кортеж пропускают. Во главе кортежа идут музыканты (*зурначи*), играя на кларнете (*зурне*). На лицо невесты наброшен красный платок, для того чтобы, как говорят курды, дни начинающейся семейной жизни были красными (то есть счастливыми).

По прибытии к дому жениха невеста не сходит с лошади до тех пор, пока отец жениха не предложит ей подарок. Он дает ей корову или кобылу (нельзя дарить быка или жеребца). Невеста ступает на порог дома. Одна из женщин от жениха бросает ей под ноги несколько лавашей (хлеб в виде лепешек). Невеста входит в дом, здороваясь и подбирая хлеб. Переступая порог, невеста обязательно его целует. Внутри дома женщины берут ее за руку, заставляют один-три раза обойти вокруг очага (*tandour*), устроенного, если при-

помним, посередине комнаты в земле, говоря при этом: «Мы тебя приняли сюда, и ты должна обслуживать этот дом до конца своих дней».

После этого невесту отводят к приготовленному для нее месту в углу комнаты, отгороженному красной материей. В окружении девушек своей семьи и семьи жениха она остается сидеть здесь на ковре, опершись на подушки. Во время всех брачных церемоний, которые длятся два-три дня, она никому не показывается, за исключением родственников мужа, не считая свекра, который не может ее видеть до того, как ей предложит подарок (барана, овцу, серебряную посуду).

Вывод невесты из своего угла также сопровождается некоторыми обрядами. Отец жениха приглашает своих родных и родных невесты. Подают кушанье; во время еды отец жениха или его родственник объявляет, что нужно «делать выход» невесты и предложить ей подарки. Каждый из присутствующих дает что может. Одна из женщин преподносит невесте собранные подарки, снимает с нее покрывало и выводит к гостям. Невеста обходит присутствующих, целуя у всех руку (иногда в этот момент ей дают еще деньги — кто двадцать копеек, кто рубль или три рубля, соответственно возможностям каждого) Начиная с этого момента невеста может уже свободно передвигаться. Однако ее лицо остается закрытым красным платком.

Приблизительно неделю спустя после «показа невесты» отец приглашает к себе ее с подругами, так же как и жениха с родными, и устраивает небольшое угощение человек на двадцать. Затем невеста остается у своего отца два-три дня и по возвращении в дом мужа получает от отца подарок. Этот обряд называется *аяг ачма* («открытие дороги» в дом своего отца).

Тут же невесту приглашают другие родственники, угощая ее и преподнося подарки, с тем чтобы отныне она свободно могла приходить в гости. Если этого не сделают, невеста ни за что на свете к ним не придет.

Не следует думать, будто положение молодой невестки в доме мужа тяжелое. Напротив, первое время ей оказывают особое внимание. Ее хорошо кормят, чтобы она стала сильной и чтобы не скучала по отцовскому дому. Молодая женщина 'служит объектом особой заботы до первых родов. Все это время на нее смотрят

181

как на гостью. После первых родов она окончательно становится членом семьи и теперь занимает равное положение с другими невестками. Среди отročих обязанностей младшая из невесток должна мыть ноги всем, кто в доме старше, а также и гостям. Эта процедура в некоторых семьях совершается ежедневно, в других — каждые два или три дня.

Как и у других народов, женщина у курдов не называет по именам своего мужа и членов семьи старше ее. Обращаясь к мужу, она говорит *э* или *ада* — «ты». Свою свекровь она зовет *хале* — «тетя», а свекра — *мамо* — «дядя»; старшего брата мужа называет *бра* — «брат». Тех, кто моложе, она зовет по именам. Со своей стороны муж также не называет ее по имени, а зовет ее *giz(e)* — «девушка». Несмотря на патриархальный строй современной курдской семьи, некоторые Обычаи явились наследием матриархата, существовавшего некогда у курдов (см. гл. I). Так, например, имя ребенку дается матерью совместно с другими женщинами. Запрещен брак между дядей и племянницей, между племянником и теткой (по отцовской или материнской линии), тогда как двоюродный брат может жениться на двоюродной сестре. Наиболее торжественная клятва — это клятва дяди племяннику. К дяде также обращаются за разрешением заключить братский союз — *кардашлык* — и в других случаях. Обычай, по которому молодая супруга, устроившись у мужа, несколько дней проводит в доме своих родителей, является также отголоском матриархата.

Отрывок из книги Араба Шамилова, курдского автора из Закавказья, уже цитированного в гл. III, позволит дополнить наше изложение несколькими деталями,

взятыми из описания настоящей курдской свадьбы в этой местности. Речь идет о женитьбе Бро (сокращенное имя от Ибрагим) и Майанэ. Бро беден, у него есть только мать Басе. Но его дядя приходит ему на помощь. Действуют втайне, так как у Майанэ имеется другой претендент из богатой семьи.

Следуя обычаю, Басе приглашает дядю своего сына. И калым вручается секретно. После договоренности и вручения калыма жених должен нести подарки родственникам невесты и откупиться не только дарами, но и показать свой ум. Басе, выполняя обязанности отца, села, поджав ноги, и, глядя на сына, сказала:

— Вот что, сын мой, завтра ты будешь иметь жену. Это то, что я могла сделать для тебя, исполняя завещание отца. Теперь ты сам себе хозяин, ты должен уметь хороша вести свое хозяйство и особенно ухаживать за овцами, которые кормят нас. Не будь легкомыслен. Не будь горд. Если идешь в какое-либо племя и видишь, что у людей только один глаз, ты тоже должен стать таким, приспособляясь к жизни этого племени.

— Хорошо, мать,— ответил Бро.

— А теперь подумаем о гостях. Всем послали топай¹)?

Обычай требует, чтобы каждому приглашенному на свадьбу жених послал топай — платок, кусок мыла и тому подобное. Желающий участвовать на свадьбе принимает подарок, не желающий — отклоняет.

— Да, мать, всем разослано. — Хватит ли подарков?

— Да, мать, хватит, дядя подарил мне на свадьбу семь баранов. Он знает, что нам не выдержать расходов.

На следующий день кишлак Бро трудно было узнать. Съехалось много гостей, протяжно гудели зурна и барабан. Прибыли родичи жениха. Курды, в пестрых праздничных архалуках, оймах и ярких чалмах, оживленно переходили из кона в кон, собирались группами на полянках, весело беседуя. Среди них смуглые, улыбающиеся женщины в пестрых тяжелых платьях.

На головах горных модниц красовались высокие, обшитые монетами и бусами кофи.

В другом конце кишлака тоже царило оживление. Здесь со своими лошадьми собрались участники джирида². Каждый старался показать преимущества своего скакуна, спорили, чей придет первым. Другие доказывали, что их лошади — чистокровки, и вынимали разные свидетельства о мастях своих коней.

Наконец скачки начались. Скакали на десять верст. Наездники, приближаясь мелкой рысью к месту, выполняли разные фигуры лихой джигитовки под протяжные звуки зурны...

¹Подарки.

²Джигитовка.

Так веселился народ. Бро в это время был, как говорят курды, «посажен на престол». Молодые парни, окружив его, веселились, пели песни, брили ему голову, готовили к одеванию. По обычаю курдов, голову жениха полагалось брить по частям. Каждый из товарищей подходил к цирюльнику, платил деньги и просил скорее побрить оплаченную часть головы. Деньги, собранные цирюльником, шли в общий котел молодежи.

А Майанэ сидела в коне, окруженная своими подругами, которые одевали ее и при этом плакали, потому что этого требует обычай.

Одна из девушек затянула песню одевания невесты:

Только я и ты — чужие,
На завалинках сидим,
И никто не знает, кто мы...
Эх, чужая я! Эх, несчастная!
Вижу домик твой, отцовский,

Крышу ветхую на нем.
Не горюй: жених твой молод...
Здесь чужая только я одна!
Вот пойду и не вернусь я
Никогда в свой дом родной.
Плача и прощаясь с домом...
Здесь чужая только я одна!
Я — как аленький платочек
На виду среди чужих.
Пусть же будет проклят хлеб тот,
Что давала мне родимая!
За калым меня, несчастную,
Продают такому старому!

По окончании куплета все плакали. Но каждая при этом думала про себя: «Какая ты счастливая. Твой муж молод и красив. А мы еще не знаем, что будет с нами. Может быть, нам придется быть вторыми или третьими женами у какого-нибудь злого старика. Тогда нам и вправду будет жаль расстаться с родными, и мы будем плакать не потому, что так полагается, а вправду, по-настоящему».

В полдень сутолока несколько улеглась. Майанэ посадили на лошадь и, окруженную всадниками, отвезли в дом Бро. При ее приближении было дано несколько выстрелов, а мать Бро с двумя тарелками в руках танцевала кочери¹).

1. Курдский национальный танец.

184

Когда Майанэ переступала порог палатки, ей под ноги поставили глиняную посуду; она разбила ее ногой и вошла в дом. Этим кончились торжества.

Утихло море людского шума, все разошлись по домам, воцарилась тишина.

Вот уж год, как Майанэ замужем. По счету Майанэ, сменилось тринадцать лун с того дня, как вступила она в дом Бро. И, только когда кончился положенный обычаем срок, Майанэ получила право раскрыть свое лицо, до сих пор закрытое хели¹), и разговаривать со своей свекровью².

Что касается курдской свадьбы в бассейне озера Урмия, то я записал следующие наблюдения.

Перед тем как отправить посредников к невесте, осведомляются, будет ли просьба принята³. Молодые люди тайком обычно знают друг друга. Посланцы приносят для невесты подарок от жениха (nichane), ее дядя принимает какое-нибудь оружие (tcheka halane), а ее родители получают одежду (khalatet — bouke). Цена выкупа родителям невесты называется так же, как и штраф за похищение (qalem⁴ или nakht).

Употребление одного и того же слова интересно в том смысле, "что оно отражает генезис брака, совершавшегося некогда путем похищения⁵.

В области Ушну, в небольшом курдском местечке на юго-западе от озера Урмия, всякий, кто похитит женщину или молодую девушку, должен предложить подарок вождю племени, в то время как отец девушки или муж похищенной женщины вносит начальству подать, называемую *давитане*. В этой же области в обычае

¹Кисейный платок, которым закрывают лицо невесты.

²А р а б Ш а м и л о в, Курдский пастух, стр. 136—139.

³Женитьба иногда дело довольно деликатное. Это, например, видно из рассказа, имеющегося в моей литературной коллекции. У Таир-ага, вождя племени зерзап, была очень красивая дочь Периханум, на которой остановил свой выбор Абдал-бек, эмир Шемдинана. Партия была выгодной, но Таир-ага был человек резкий и не умел «отличить белого молока от черной патоки». Он плохо принял посланцев

Абдал-бека, отослав их озадаченными к своему хозяину. Тогда Абдал-бек обратился к одному еврею, по имени Муши, который очень ловко обделал дело, получив согласие выдать замуж Пери-ханум за Абдал-бека. 4. Или калан.— Прим. ред.⁵

5. «Дзиа-буке» — по-курдски.

185

также платить по случаю свадьбы определенную сумму ага (здесь сказывается, видимо, влияние иранских обычаев; иранский крестьянин, если он женится, должен выполнить ту или иную повинность своему господину). Наряду с суммой, передаваемой отцу невесты, в соглашении о женитьбе упоминается еще сумма, которая остается невесте (*мара*; у мукри это слово обозначает замужество). Часто, однако, эта сумма только лишь упоминается.

Свадьба начинается трехдневным праздником в доме жениха (*зауа*) с пением, танцами, упражнениями в искусстве верховой езды. На богатую свадьбу стекается много «арода, часто издалека. Это случай для курдов покрасоваться нарядами, самым лучшим оружием, погарцевать на конях. Организуются военные игры. Всадники делятся на две группы и атакуют друг друга с криками *хо-хой*, пытаясь выбить противника из седла с помощью шеста, заменяющего оружие. Вся эта живописная и шумная толпа по истечении трех дней направляется в дом невесты (*бук*), а затем отводит ее в дом жениха, после чего праздник длится еще три или четыре дня.

Свадебная церемония совершается также муллой или перед прибытием невесты, или в день, когда она приезжает в дом жениха. Присутствие родственников при этом не обязательно. Будущие супруги могут быть заменены их представителями, в случае когда известно, что молодая девушка и ее родственники «а это согласны. Мулла говорит родным невесты: «Знайте, мы отдали в жены нашу дочь такому-то и мы получили столько-то (цена выкупа)». Родственники отвечают: «Мы согласны». В некоторых местечках в течение брачной ночи ждут у двери комнаты молодых супругов выстрела из ружья, которым муж извещает об осуществлении своих прав... Существует еще обычай, который все больше и больше исчезает, когда брачную кровать застилают белым бельем (*pyssiar*), которое позднее отправляют родственникам молодой супруги в знак ее девственности. По этому поводу же устраивают угощение, радуются. Наконец, некоторое время спустя после свадьбы родственники молодой супруги должны дать большой праздник, после чего жизнь вступает в свою нормальную колею.

186

В. Похороны

Но, наконец, жизненный путь заканчивается смертью. Нам надо описать теперь обряды погребения.

Умиравший покоится на своем ложе, лицо обращено к югу. Как только наступает смерть, раздаются плач и рыдания. Затем умершего переносят в особое помещение, где его обмывают и завертывают в саван из хлопчатобумажной материи. Рот, нос и уши затыкают ватой, вату кладут и под мышку. Если умершего не хоронят в тот же день, то на грудь ему кладут камень и зеркальце, обращенное к лицу покойника.

Гробов не употребляют. Покойника несут на кладбище на носилках (*tabout*), сделанных из кольев. Погребальная процессия состоит из близких и соседей; женщины плачут и бьют себя в грудь. Впереди покойника или позади ведут его лошадь. Если скончался молодой человек, его лошадь украшают яркой материей (обычно ей на шею вешают красную шаль), к седлу подвешивают его саблю и кинжал. Если покойник был в летах, его лошадь покрывают черной траурной тканью. После погребения лошадь отводят домой, где она остается среди имущества семьи покойного. Ее нельзя никому дарить, но пользоваться ею можно. Если умерший принадлежал к богатому роду или был вождем племени, вслед за носилками ведут множество оседланных лошадей с попонами и оружием на спине.

Миллинджен следующим образом описал похороны одного вождя¹): «Одним из обрядов курдов, во многом напоминающим таковые в Европе, является церемония похорон в честь воина или вождя. По этому поводу специальные приглашения направляются вождям дружественных племен, всем тем, с кем покойный был связан кровными узами. К назначенному часу весь народ торопится к дому, откуда должна начаться похоронная процессия. Всадники открывают процессию, выполняя впереди носилок ряд номеров и упражнений. Посередине процессии родственники и друзья несут на плечах носилки с покойником. За носилками медленно идет его конь, неся на пустом седле оружие и старинный воинский наряд. Процессия замыкается большой группой

¹ F. Millingen, *op. cit.*, p. 379—380.

187

кавалеристов. Женщины, родственницы, подруги скончавшегося носят черную вуаль в знак траура. Когда тело выносят из дома, женщины начинают плакать и дико кричать, разрывая на себе одежды, посыпая в знак горя головы землей и пеплом».

Этот курдский обычай тем более удивляет, замечает Миллинджен, что он противоречит основам корана, так же как и убеждению других мусульманских народов, которые считают, что смерть всех людей уравнивает и что, следовательно, едва ли уместно «воздать больше почести султану, чем грузчику...»

Возвратимся, однако, на кладбище. Доставив туда умершего, его кладут рядом с могилой, предварительно опустив и подняв три раза. После молитвы муллы тело опускают в могилу. В ней мертвого так обкладывают каменными плитами, что он остается свободно лежать под ними. На плиты кладут сено таким же образом, как на крышу курдского дома. При этом говорят, что делают покойнику подземное жилище. На сено насыпают землю. Сено не дает земле сыпаться на усопшего через щели между плитами. Под голову мертвеца подкладывают мугур (*muhur*) — глиняный отпечаток Кербелы (священный город шиитов) — для подтверждения, что умерший принадлежит к мусульманам — шиитам¹. Могилу засыпают землей. В этот момент мулла читает молитву и дает напутствия умершему. Присутствующие отступают на несколько шагов от могилы. Когда мулла кончает свои напутствия, они приближаются к могиле и касаются рукой земли. — По народному поверью, умерший в этот момент снова приходит в сознание и смотрит, кто принял участие в его погребении. Шесты, которые служили в качестве носилок, кладутся на могилу или рядом. Нести обратно их домой грешно. Затем возвращаются в дом умершего. Мулла произносит молитву, присутствующие говорят «аминь».

К исходу дня хозяин дома зажигает масляный светильник и ставит его «а то место, где обмывали умершего. Светильник должен гореть с вечера до утра чтобы у покойника был свет, иначе в могиле будет темно. Кроме того, курды зажигают всегда в канун пятницы свечу на могиле умершего молодого человека или

¹ Курды, однако, в большинстве своем сунниты.

188

молодой девушки и на могиле *сеида* (исходящего от Мухаммеда).

Вечером в день похорон не делается никакого угощения в память умершего. В доме усопшего и не готовят даже. Соседи приносят еду для семьи покойного. Первое угощение в память умершего (*хейрат*) организуется на третий день после смерти. Вся деревня принимает в нем участие — от каждой семьи присутствует один человек. Это угощение называется *se roj* (от *se* — «три и *roj* — «день»; *Triduum?*). Семь дней спустя после кончины имеет место второе угощение, *hefti* (от *heft* — «семь»), на которое приглашаются человек двадцать-сорок (согласно курдскому обычаю, на *hefti* приезжают без приглашения

все те, кто не успел по каким-то причинам присутствовать в день похорон усопшего и в этот день семье усопшего оказывают посильную материальную помощь – барана или деньгами — *www.kurdist.ru*). Сорок дней спустя устраивается угощение, называемое *çilî* (от *çыл* — «сорок»). Наконец, в годовщину смерти устраивают большой праздник для всей деревни, *xeýra sale(i)* (от *sal* — «год»). Все эти памятные праздники были бы слишком тяжелым бременем для семьи, если бы родственники и друзья не приходили на помощь. Обычно для каждого угощения зажиточные родственники, крестники и друзья доставляют семье, которая в трауре, по одному барану каждый; соседи приносят такие продукты, как масло, сыр, зерно, а иногда и деньги.

До самой годовщины со дня смерти семья умершего соблюдает обычно траур, который состоит в воздержании от развлечений и всех удовольствий и в запрещении говорить о радостях жизни. Точно так же в течение целого года все, что имеется в доме красного, находится под запретом: не надевают красной одежды, не окрашивают в этот цвет шерсть, яйца, волосы (хной). Сверх того, не готовят жареный рис (*каварга* — по-турецки, *бренджак* — по-курдски). Это блюдо в курдских семьях обычно готовится почти непременно один раз в неделю. Но когда умирает человек, прекращают его готовить не только в доме умершего, но и у родственников и даже у близких соседей. Если его продолжают готовить, то это держат в секрете от семьи умершего.

Перед прибытием на праздник байрам соседи приносят хозяйке семьи умершего хну, умоляя окрасить волосы по случаю большого праздника. Если она согласится и окрасит волосы, траур кончается, жизнь входит в нормальную колею. Новая одежда умершего хранится весь год, и в день годовщины ее отдают какому-либо

189

сеиду или мулле, чтобы тот помолился за умершего. На могилу кладут или просто необтесанный камень, или ставят каменный обелиск в виде небольшой колонны, на которой записано имя и дата смерти захороненного. На памятниках курильщиков иногда высекают трубку — кальян. Памятник ставят месяц или два спустя после смерти, иногда через год. Это зависит от средств семьи. В былые времена надгробие памятника имело форму барана или лошади. Подобные фигуры встречаются еще на курдских кладбищах (в деревне Бозлу, Дашлу, Кара-кишлак, Сеидлар). На левом боку лошади высекают несколько сцен из жизни.

Люди посостоятельней отмечают иногда память умершего полезными для народа делами: устройством колодца, строительством моста, или благотворительными актами: помощью бедным, содержанием детей, вручением подарка (материи) сеиду и т. д. Вдова вступает во второй брак, только по истечении года, причем нередко она выходит замуж за брата своего умершего мужа или за его отца, во всяком случае, за кого-либо из его рода. Считается 'бесчестием для семьи, если вдова выйдет замуж за человека из другого рода. Это и понятно, ведь в свое время за женщину платили калым; род теряет в таком случае свое имущество.

Относительно погребальных обрядов Центрального Курдистана мало что остается добавить. После того как тело умершего обмоют, его натирают ароматическими травами и завертывают в один или несколько саванов (до пяти). Носилки, на которые кладут затем усопшего, называют *дарбаст* (*darbest*). Могила роется глубиной в рост человека. Подле нее кладут специальное блюдо, называемое *гор-кол* (могильщик). Стенки могилы обкладываются камнем или необожженным кирпичом (такая отделка носит название *birazghe*). Тело кладется в могилу на правый бок, лицо обращено к Мекке. Могилу покрывают камнями (*saline*) и землей. Два камня кладутся сверху — один в голове, другой к ногам (*kelli*). Молитва муллы (*talqin*) такова: «Такой-то (такая-то), сын (дочь) такого-то, будь мудрым, два ангела тебя спросят: «Какую ты исповедуешь религию, какая у тебя *кибла* (*qiblash* — направление во время молитвы), кто твой бог и твой пророк, кто твои братья и сестры?» Ты

скажешь: «Аллах мой бог, и Мухаммед мой пророк, моя религия ислам, а кибла — Каа'ба (черный камень в Мекке), все верующие—мои братья и сестры». Курды считают большим бесчестьем не отдать умершему последние почести. Вот почему во время битв они всегда стремятся унести с собой раненых и убитых. Соответственно рангу и богатству умершего на его могиле читают коран три дня или в течение года. Первое чтение корана называется *хитм* (исход), и оно должно защитить умершего от огня ада. На третий день после похорон готовят специальный хлеб (*seminy*), (Который раздают соседям и бедным в память об усопшем. Случаи захоронения в гробу (*soundrouk*) очень редки.

ГЛАВА VI

КУРДСКИЕ ПЛЕМЕНА

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ (КЛАССЫ; ПРЕРОГАТИВЫ ПЛЕМЕННЫХ ВОЖДЕЙ; НАРОДНЫЕ УВЕСЕЛЕНИЯ) И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (ПОВИННОСТИ, ОРГАНИЗАЦИЯ ОБА)

1. Характер племенной организации

Когда семья перерастает рамки кровных связей и продолжает увеличиваться, она естественным образом превращается в племя. С расширением семейного круга связующие членов семьи узы привязанностей и привычек ослабевают и сменяются общностью традиций, религии и интересов. Многочисленные члены такой широко разросшейся семьи образуют группу, называемую племенем. В наши дни наиболее верное представление о том, что собой представляли племена древности, можно составить, наблюдая жизнь племен Аравии, Месопотамии и Курдистана.

Племена турецкого Курдистана состоят обычно из семьи главы племени и еще нескольких семей, связанных между собою более или менее тесными узами родства. Семья у курдов называется *хампа* (*hampa*), то есть шатер, и численность племени определяется количеством составляющих его шатров. В таком-то племени, говорят курды, насчитывается 1000 шатров — выражение, равнозначное в нашем понимании селению в 1000 домов. Следует, однако, отметить, что в курдском племени можно отметить две ясно различимые части: постоянную и непостоянную. Постоянный состав племени — его ядро—это семьи, состоящие в родстве с семейством главы племени, а непостоянный складывается из пришлых элементов, которые примыкают то к одному, то к другому племени.

Таким образом, зачастую невозможно дать точную оценку численности племени, поскольку она зависит от его общего положения в тот или иной момент. Так, например, когда племя милан процветало под предводительством Омера, в нем насчитывалось 1600 шатров. Два года неудач свели это число к 500.

Глава племени является настоящим патриархальным деспотом, обладающим неограниченной властью. Он распоряжается по своему усмотрению собственностью и жизнью любого члена племени. В подданных возможности избавиться от их власти путем бегства из племени. Члены племени не могут искать защиты от произвола вождей даже у турецкого правительства, поскольку его политика сводится к тому, чтобы предоставлять

племенным вождям полную свободу действий взамен уплаты ими определенных сумм в казну¹.

Власть передается по наследству, по праву старшинства. После смерти вождя самый старший из ближайших родственников считается его преемником, и все члены племени обязуются повиноваться ему. Узурпация власти, как и всеобщие выборы, представляется явлением исключительным, из ряда вон выходящим, совершенно так же, как и в других странах.

Шатер вождя отличается своими размерами от окружающих его нескольких рядов шатров прочих семейств племени. Он является местом собраний, к нему направляются чужестранцы, ищущие гостеприимства у племени. Здесь вершат суд, правый или неправый, смотря по обстоятельствам. Это одновременно и палата общин и палата лордов, где выносятся на общее обсуждение крупнейшие события дня. Здесь каждый может быть принят вождем, а тот беседует и шутит со своими соплеменниками, порицая тех, кто навлек на себя его немилость. У вождя всегда имеется достаточное количество плова и кусков жареной баранины, поэтому каждый может, опустившись па корточка, принять участие в общей трапезе. Курды рассказывали мне, что на столе Али-аги, вождя многочисленного племени хейдеранли, плов и куски жареной баранины высились, точно горы, а у стола суетилось четверо слуг [ср. с тем, что сказано по этому поводу в предыдущей главе.— В. Н.}. Мне, однако, ни разу не пришлось наблюдать подобной щед-

¹«Штрафы и выплаты за нанесение телесных повреждений, изыскиваемые с курдских племен, оплачиваются их беями» (R. Mantran et J. S a u v a g e t, *Reglements fiscaux ottomans*, 1951, Institut francais de Damas, A. Maisonneuve, p. 102).

193

рости, ибо вождей тех племен, с которыми я сталкивался, нельзя сравнивать с этими властителями.

Хотя вождю и принадлежит вся полнота власти, он осуществляет ее под известным контролем со стороны старейшин племени; их мнение имеет определенный вес, и с ним нельзя не считаться. Совет «седобородых» (*аксакалов* — по-турецки и *риспи* — по-курдски) собирается каждый вечер в шатре вождя, чтобы обсудить вопросы, интересующие племя в целом, а также все происшедшие за день события¹.

Набросанная беглыми штрихами, эта картина, принадлежащая перу человека, жившего среди курдов, знакомит читателя с некоторыми чертами племенного быта народа, с жизнью, людьми и обычаями которого мы познакомились в предыдущих главах. Миллинджен писал эти строки в 1870 году, и, хотя мы не вполне разделяем вышеприведенную концепцию Вайгрэма (см. гл. IV), полагающего, что курды и поныне те же, какими они были в I тысячелетии до н. э., нам кажется все же, что там, где у курдов еще сохранились племенные отношения, их образ жизни почти не изменился со времен Миллинджена. Нам следует теперь более подробно осветить основные моменты их жизненного уклада, которые были только намечены Миллиндженом.

Отметим, что, насколько нам известно, до сих пор курдским племенам не посвящено еще ни одного целостного социологического исследования и, по-видимому, нет еще даже единой точки зрения относительно генезиса племенной организации². Не всегда племя строится на основе кровных связей. Так, например, Лоуи³ считает, что «даже на низкой ступени общественного развития соседские отношения определяют в решающей степени и независимо от кровного родства солидарность

¹F. M i l l i n g e n, *op. cit.*, p. 282— 286.

²По словам П. Рондо (указ, соч., стр. 4), «курдское племя представляет собой маленький замкнутый мирок, являющийся защитной организацией. Оно строго придерживается традиций и весьма консервативно. Членам этого сообщества присуще чувство превосходства над всеми прочими группировками, не имеющими племенного характера». В. Р. Хей, английский мореплаватель, усматривает в племени «сообщество или объединение нескольких сообществ в целях защиты их членов,

созданное для обороны от внешних нападений и для поддержания древних расовых обычаев и образа жизни».

³Lowie, *Primitive Society*, London, 1921, p. 276—382.

194

членов общины». Петрушевский (см. его работу о феодальных отношениях в Армении и в Азербайджане в XVI — XIX вв.) в свою очередь отмечает, что «кочевые племена рассматриваемого периода, как и турко-мон-гольские кочевые племена XIII и XV веков, не являлись объединениями, основанными на кровном родстве, и их члены не происходили от общего предка. Это были искусственно созданные образования, сложившиеся из осколков различных семейных групп, существовавших в более ранний, дофеодальный период». К тому же нередко трудно даже отличить род от племени, ибо род может разрастись в племя, а племя может, сузившись, превратиться в род¹). Если какое-либо первобытное объединение, не став еще племенем, существует лишь как совокупность семей, в нем может не быть никаких «родов» в том смысле, какой римлянами вкладывался в понятие *gens*. «Род» есть понятие абстрактное, как его определяет римское право: «Род есть группа лиц, для которых ссыла на кровную связь по общности предка является лишь источником воспоминаний»². Еще в большей степени, чем в древнем Риме, это свойственно тотемному племени, где родство определяется не кровными узами, а поклонением общему предку — божеству, тотему. Поэтому род никогда не заменит семьи, являющейся основной ячейкой общества³. Напомним, наконец, слова еще одного антрополога, который писал: «Племя является политической единицей, а семья — часть-рода — представляет собой общественную единицу и составную часть этой политической организации. Племя соответствует... государству или нации. Род является чем-то вроде расширенной семьи»⁴. Уже беглое сравнение существующих точек зрения подтверждает отмеченную нами выше сложность рассматриваемой проблемы. Исследователям еще предстоит внести ясность в вопрос о том, является ли курдское племя родом, разросшимся в племя и происходящим от одной семьи, или же искусственно образованной политической единицей.

¹H o c a z t, *The Progress of Man*, 1933

²Ulpian D., 50,16; De V. S., 195,4.

³Ср. Lowie, *An Introduction to Cultural Anthropologie* London, ch. XIV, *The Clan*.

⁴См. Kroeber, *Anthropologie*, London — Calcutta — Sidney, 1923.

195

2. Состав племени, классы

Прежде всего необходимо сделать несколько замечаний относительно состава племени. Миллинджен абсолютно прав, рассматривая племя как большую семью, хотя и следовало бы в каждом отдельном случае уделить больше внимания роли отдельной семьи как первоначального ядра племени, а также анализу пришлых элементов, примкнувших впоследствии к этому ядру. Такое исследование оказалось бы весьма полезным для выяснения внутренней структуры племени. Добавим, что родственные связи не всегда служат основой объединения в одну большую группу, но, напротив, иногда приводят к разделению одного племени на несколько ответвлений. История курдов изобилует подобными случаями, но я ограничусь следующим примером, взятым из жизни племени харки. В одном из записанных мною рассказов фигурирует предок «правлящих» семей этого племени, прославившийся своей храбростью, бесстрашный Абу-Бекр, не боявшийся в одиночку потягаться силами с 20 воинами. Абу-Бекр враждовал с Зейн-Еддином, эмиром Шемдинана, и не раз нападал на его слуг и подданных с целью грабежа или попросту для того, чтобы отправить их к лраотцам. Однажды храбрость завела его слишком далеко. Он вступил в бой против двадцати телохранителей эмира,

пытавшихся завлечь его в засаду. Он завладел их оружием, погрузил все захваченное на двух мулов, составлявших все его имущество, и отправился прямо к самому эмиру. Хитрый эмир ничем не выдал своих подлинных чувств и намерений и приветствовал его следующими словами: «Добро пожаловать, Абу-Бекр! Слуги мои слабее женщин. Напрасно я кормлю их и плачу им, в то время как ты живешь в бедности. Я хотел бы иметь такого храбреца, как ты, у себя на службе». Абу-Бекр согласился провести ночь у эмира, намереваясь на следующий день отправиться за своей семьей и приступить к исполнению своих новых обязанностей. Эмиру удалось, усыпив таким образом его бдительность, захватить Абу-Бекра. Когда Абу-Бекра развязали, чтобы передать в руки палача, ему удалось выхватить кинжал у одного из стражников и нанести ему удар с такой силой, что лезвие, пронзив насквозь тело, глубоко засело в стволе

196

дерева. Абу-Бекр хотел выдернуть кинжал, но рукоять соскочила, и он остался безоружным. Перед смертью он попросил разрешения дать последнее наставление своим детям, и когда их привели, сказал: «Во-первых, дети мои, когда насаживаете рукоять на кинжал, не забывайте закрепить ее хорошенько. Во-вторых, женитесь каждый по крайней мере на четырех женах, чтобы ваше многочисленное потомство могло отомстить за меня, и, в-третьих, дети, никогда не верьте лживым и льстивым словам шемдинанских бекзаде (правящего рода)». У Абу-Бекра было четыре сына: Мендо, Сидо, Серхат и Мам Шер; трое из них дали свое имя трем ветвям племени харки: мипдани — самые многочисленные, си-дани — храбрейшие, а также серхати. Таков пример, показывающий, как возникают племена в результате расчленения одной семьи. Ясно, разумеется, что процесс этот не совершается повсюду одинаково; очевидно лишь, что всегда действуют две противоположные тенденции: объединяющая, обуславливающая возникновение племени вокруг одного кристаллизационного центра (мудрый и удачливый вождь), с одной стороны, а с другой — тенденция к распаду, рассеянию в неблагоприятных условиях (гибель вождя, эпизоотия, голод).

Как было отмечено Миллиндженом, пока тлемя процветает, его численность растет; в неблагоприятной же обстановке, напротив, оно сокращается и может исчезнуть совсем. В доказательство можно сослаться на составленные в разное время списки племен. В них неизменно присутствуют названия лишь нескольких крупных племен, тогда как большинство прочих, оказавшись в одном списке, уже не встречается в позднейших, где их сменяют новые названия. Эти вновь возникшие племена, возможно, образовались из остатков других, менее удачливых племен. В составе племен всегда имеются отмеченные Миллиндженом неустойчивые элементы, наличие которых позволяет нам объяснить механизм этого явления¹).

¹П. Рондо (*P. R o n d o t, Le tribus montagnardes, p. 4—5*) пишет, что племена обычно охотно принимают пришельцев и те могут добиться высокого положения в племени. Курды высоко ценят чужестранцев и, принимая их в свою среду, обычно твердо рассчитывают на их ассимиляцию. Племя уверено в своих силах; оно определяет весь ход общественной жизни и стремится воздействовать на все. Племенное чувство во многом определяет, например, отношение курдов к религии (см. гл. XI).

197

Помимо этих устойчивых и неустойчивых элементов, в некоторых племенах наблюдается определенное социальное расслоение. Все авторы, изучавшие жизнь курдского народа, единодушно отмечают существование по меньшей мере двух классовых групп: знатных воинов, собственников земли с их вооруженными слугами, противостоящих земледельцам, влачащим полурабское существование. Земледельцев обозначают либо общеупотребительным на мусульманском Востоке термином *райят*, или *райя* (крестьяне), либо, и это заслуживает особого внимания, их называют *гуранами*.

Гураны отличаются от курдов внешностью и языком (обычно они пользуются персидским). Это разделение курдов на две группы, естественно, наводит на мысль о том, что мы имеем дело с завоевателями и покоренными ими местными племенами. Такое мнение уже было высказано некоторыми авторами. Другие считают, что в название «гураны» вложен двоякий смысл, не давая, однако, объяснения причин этого раздвоения. По их мнению, слово гуран означает в более широком смысле, во-первых, определенный общественный класс у курдских племен и, во-вторых, в более узком смысле применяется как название одного из племен.

Вот высказывания некоторых авторов по этому вопросу.

«Курды подразделяются на живущих набегами воинов, все имущество которых состоит из стад, и крестьян, именуемых гуранами»¹). «Гураны не имеют возможности выдавать себя за курдов знатного происхождения, ибо они, эти крестьяне, отличаются и лицом и произношением от воинов»². «Каста земледельцев происходит от покоренных завоевателями коренных мидийских племен»³. «Среди бильбасов, к югу от озера Урмия, и во многих других местах Курдистана живет земледельческая каста; они происходят, по-видимому, от древнейшего коренного населения, как и в Шехризуре. Бильбасы называют их персидским словом *калоусту*, что

¹*M. Wagner, Reise nach Persian und dem Lande der Kur-den, Leipzig, 1852, Bd. II, S. 233.*

²*Ibid., S. 235.*

³*Ibid., S. 225.*

198

означает «белые шапки»¹. По свидетельству Рича², гураны и внешне и диалектально отличаются от касты воинов. Лицо гурана имеет более мягкие и правильные очертания, их профиль нередко весьма приближается к греческому. Рич отмечает, что гураны живут в нищете и их положение напоминает положение негритянских рабов в Вест-Индии. Сильвестр де Саси, анализируя работу Рича в «Журналь де Саван» (1837, стр. 8—9), также высказывает предположение, что воины принадлежат к расе победителей и что земледельцы представляют собой потомков коренных жителей. Однако Н. Марр³ считает, что слово «гуран» может являться лишь вариантом слова курд, учитывая, что переход «к» в «г» в начале слова известен в курдской фонетике⁴. Там же объясняется и переход финального «рд» в «р»⁵. Один из цитированных Марром армянских авторов, а именно Миракорян (1885), подразделяет курдов на касту кочевников, управляемых торунами (вождями), что в переводе означает «знатного происхождения», живущих скотоводством, и на касту живущих оседло. Ширвандзтянц (1876) усматривает у курдов три сословия: знать (торуны), войско вождя (голамы), труженики (райя). А. Аракелян (1898) различает четыре курдских сословия: 1) плебс (райя — трудящиеся); 2) вооруженные слуги вождя; 3) вожди (ага) — военная каста; 4) служители культа.

Относительно термина голамы (*kholam, houlam*) следует заметить, что в некоторых случаях он может обозначать состояние, близкое к рабству или по меньшей мере характеризующееся некоторым ограничением свободы. Мы располагаем документом, из которого явствует обоснованность такой гипотезы. Речь идет о челобитной, представленной в 1768 году Керим-хану райями и кочевниками Нахичеванского ханства. Его просили запретить *бек-заде* превращать райев в голамов (домашних рабов). «Пусть будет голамом тот, кто

¹*Ibid., S. 229.*

²*Rich, Narrative of a Residence in Koordistan.*

³*Н. Я. Марр, Еще о слове «челеби». К вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии: см. примечание к стр. 137. Записки Восточного отделения Русского археологического общества, XX, 1910.*

⁴*Just i, Kurdische Grammatik, S. 21 c.*

⁵*Ibid., S. 38 c.*

рожден от отца голама, или куплен за деньги, или чужеземец. Но нельзя допускать, чтобы в голамов превращали крестьян (райятов) и кочевников (платов) Нахичеванского ханства»¹).

Минорский (1914) в свою очередь указывает на существование у курдов двух классов: знати с ее воинами-слугами и полукрепостных земледельцев. Он подчеркивает при этом, что положение земледельцев облегчается наличием родовых связей с агой. Отношения между ними и агой носят зачастую патриархальный характер, и чувство родовой солидарности бывает весьма сильно. Минорский рассказывает, что, когда турки оккупировали спорные пограничные районы Ирана (1904—1910), ими была предпринята попытка улучшить положение райятов путем ограничения власти аги над крестьянами. Ему приходилось не раз слышать, как крестьяне говорили с огорчением: «Мы лишились аги».

Минорский примыкает к тем, кто считает, что ага являются завоевателями, а райяты принадлежат к другой расе. (Следует, впрочем, указать, что спутать эти два расовых типа невозможно). Исторически это можно считать доказанным для Котура, области Сомаи и др., где шеккаки явились пришельцами, подчинившими коренное население.

По мнению Роулинсона, племя гуранов происходит от племени келхоров, которых курды Баджилана, переселенные султаном Мурадом IV, вытеснили из западного Зохаба около 1635 года. Однако эта точка зрения не находит подтверждения в языке гуранов, отличающемся от келхорского диалекта.

Минорский очень тщательно изучил вопрос о значении самого названия гуран (существующего уже около двух тысячелетий!) и вопрос об их происхождении. В своих работах он использует литературные источники и тексты гуранских документов, показывая, что, строго говоря, название гурани применяется для обозначения крупнейшего племени, обитающего в горах севернее дороги Багдад — Керманшах, в области, простирающейся на север до реки Ширван (Диала) и охватывающей возвышенные области Авромана. Наряду с этим кое-где имеются ограниченные зоны распространения диа-

¹См. статью Н. Богдановой, указанную на стр. 223.

200

лекта гурани, на котором говорят, в частности, представители племени заза (Димли), живущие в Дерсиме. По мнению Минорского, само название гурани происходит от архетипа гавбарак [Ga (v) bara (k)], и место первоначального расселения этого народа следует искать в Прикаспии, где под этим именем известна правившая с 645 по 660 год династия¹). Все эти источники убедительно свидетельствуют о том, что у курдов имеется социальное деление, что у них, несомненно, существуют касты или классы. Читатель, может быть, задаст вопрос, нет ли в вышесказанном некоторой опасности смешения различных племен, делящихся на оседлые, кочевые и полукочевые, с социальными группами, имеющимися внутри каждого племени. Это замечание может на первый взгляд показаться обоснованным, но следует учесть, что многие племена - в частности, неоднократно упоминавшиеся харки, а также артуши, сурчи, милан — разделяются на две части: кочевую, соответствующую классу воинов (принадлежащих к одному расовому типу и представленному именно кочевниками-животноводами, как об этом говорилось в гл. IV), и оседлую, соответствующую классу земледельцев, остающемуся так или иначе прикрепленным к земле. Это позволяет предположить, что ныне оседлые племена в древности являлись ответвлениями кочевых племен. Однако со временем их связи с ними ослабевали и группы эти обретали самостоятельное существование. Такое предположение кажется тем более вероятным, что воины-кочевники, живущие исключительно скотоводством, ведут менее обеспеченный образ жизни, чем оседлые земледельцы,

располагающие более или менее постоянными источниками средств существования. Неблагоприятное стечение обстоятельств значительно быстрее приводит к исчезновению кочевого племени, чем оседлого, и там, где племя делилось надвое, выживала обычно лишь его оседлая ветвь, бывшая первоначально лишь частью единого племени, лишь классом.

Общая тенденция, впрочем, как мы уже имели случай убедиться в гл. IV, сводится к отказу от кочевого образа жизни и переходу к оседлости через промежуточную, полукочевую стадию. Таким образом, опасность

1. См. ст. «Гураны» В. Минорского, БОАН, т. XI, ч. I, 1943.

201

спутать племя и общественный класс представляется лишь кажущейся.

Процесс перехода к оседлости армянских курдов в период, последовавший за исчезновением армян, был описан Клерже¹). П. Рондо² рассматривает ход этого процесса в Сирии, где курды превращаются в сезонных рабочих. Правительство поощряет это оседание на землю, полностью отвечающее интересам землевладельцев. Марк Сайке некогда выступил с осуждением этой политики, практическое осуществление которой он наблюдал в районах, расположенных к югу от Эрзурума. Мольтке³ описал предпринятые в более ранний период (1838) попытки прикрепить курдов к земле, не увенчавшиеся, однако, успехом.

3. Прерогативы вождя

Обрисовав социальный состав курдского племени, перейдем к рассмотрению его организационной структуры и прерогатив вождя. Вождь приходит к власти различными путями, которые сводятся в основном к наследованию, избранию племенем и назначению властями. Однако приход к власти по этим основаниям далеко не бесспорен и совершается обычно с применением насилия, интриг, как мы это увидим ниже на взятых из жизни примерах. Приобретение ранга вождя по наследству опирается на силу привычек и традиций, питаемых приверженностью племен к наследственным вождям. В «Шереф-наме» мы находим тому подтверждение в истории князей Битлиса. Попав в немилость к иранскому шаху, княжеская семья была сослана далеко от родного Курдистана, в городок Кум. Из всех членов семьи остались в живых лишь два мальчика. Однако один из слуг, сохранивший верность семье, приложил много усилий к тому, чтобы вернуть к власти этих отпрысков старых вождей. Неудачи не смогли сломить его упорства, и при поддержке племени, к которому принадлежал князь, наследственное начало восторжествовало и к племени Битлис после долгого перерыва вернулся наследственный вождь. В той же самой «Шереф-наме» мы находим

¹ *Clerget, op. cit., p. 94—95.*

² *P. Ron dot. op. rit., p. 40-41.*

³ *Moltke, Verrnischte Schriflcn zur orieitalischen Frage: Das Land und Volk der Kurden.*

202

случай избрания вождя. Речь идет о племени рожеки, род вождя в котором угас (стр. 468—469). Собравшись на совет, старейшины предложили призвать к власти двух князей королевской крови. Все племя, от мала до велика, выразило свое согласие с этим предложением, и князей признали вождями, причем каждому досталось в удел одно из двух ответвлений племени. В той же «Шереф-наме» воспроизведены ярлыки на власть в племени, которые иранское и турецкое правительства выдавали представителям знатных курдских семей (стр. 531—551, 563, 581).

Все вышеприведенные примеры взяты из истории одного лишь рода, к которому принадлежал автор «Шереф-наме» — эмир Шереф-хан Битлиси. То же самое происходило и в других областях Турецкого и Иранского Курдистана с другими знатными семьями. При этом «Шереф-наме», лучший источник для изучения Курдистана XVI века, изобилует подробностями, иллюстрирующими борьбу между племенами и вождями за власть. Иногда вождем племени становятся исключительно по воле благоприятного случая.

Так, в одной деревне жили три брата. Старший был известен своей набожностью. Однажды во время пира младший брат должен был на время покинуть стол. Вернувшись, он потребовал свою долю угощения, но тут средний брат признался, что съел ее, не дождавшись младшего. Тогда самый старший из трех воскликнул: «Чтобы желудок твой лопнул!», — и обжора тут же скончался. Столь сильное действие возымели слова угодного богу человека. Это чудесное происшествие послужило к возвышению старшего брата, ставшего вождем племени «Шереф-наме» (стр. 330—331)¹).

¹По словам П. Рондо (op. cit., p. 15—16), вождь пользуется непререкаемым авторитетом в племени, особенно в военное и вообще в критическое для племени время. При этом достаточно бывает одной неудачи, чтобы подорвать авторитет вождя. Материалы, которыми мы располагаем, недостаточны, чтобы дать систематизированное освещение этой проблемы. Положение, по-видимому, менялось со временем и в каждом племени, и по отношению одного племени к другому. У езидов (согласно исследованию Р. Леско, стр. 163) судебная власть изъята из ведения вождя и осуществляется особым лицом, судьей. Принцип наследования не пользуется у них всеобщей поддержкой. Известна езидская пословица, гласящая: «Благодаря могилам глупцы становятся вождями».

Говоря о выборах по воле случая, упомянем об общеизвестной народной поговорке: «Птица, гадящаяся на голову избранника» («Der Vogel der Herrschaft», in ZOMG, S. 30. 241).

203

Поскольку это замечательное произведение переведено на французский язык, мы ограничимся заимствованием из него вышеприведенных примеров, характеризующих те методы, при помощи которых вождь приходит к власти; читателю же, пожелавшему составить более полное представление о предмете, можем порекомендовать обратиться к первоисточнику¹. В дополнение укажем, что курдская знать делится на пять следующих категорий:

- 1) молла-заде — потомки известных своей ученостью и праведной жизнью мулл (в Эрбиле это хейдери, потомки моллы Хейдера, в Равандузе хилани-заде — потомки моллы Омар-Эфенди из племени хилани; муллы, не принадлежащие к этим потомкам, получили остроумное название нив-молла, то есть «полумолла»;
- 2) шейх-заде — потомки шейхов (о шейхах, религиозных вождях, подробнее смотри главу, посвященную религии);
- 3) бек-заде — могущественные знатные семьи, такие, например, как род эмиров Бохтана и Равандуза, сардаров мукри (Баба-мири), паша Бебе из Сулейманне и т. д.;
- 4) ага-заде — главы мелких племен, и, наконец,
- 5) зевех-дар, принадлежащие к семьям святых.

Присмотримся теперь к действию этой системы на примере Шемдинана, небольшого и малоизученного района Центрального Курдистана.

Одним из самых известных в этой местности является род бек-заде Аббаси, который, как показывает само имя, претендует на родство с династией Аббасидов. Основателем рода был, по преданию, некто эмир Шемс-Эддин, давший свое имя всей этой области. Как это часто бывает у курдской знати, эмиру Шемс-Эддину приписывается арабское происхождение. Его род, по преданию, кочевал между Багдадом и Мосулом. Вступив в конфликт с сильным арабским племенем Шаммаров², он потерпел поражение и укрылся в курдских горах к северу от Мосула. Первоначально он обосновался в поселении Стуни - Харкийского аширета, в западной части Шемдинана, где через Амадию проходит

¹«Шереф-наме», перевод с персидского и комментарии Ф. Е. Шармуа, СПб, 1873.

²См. Moltke, *op. cit.*, S. 2-10.

204

дорога на Мосул. Благодаря своему уму в безупречной жизни он снискал уважение и поддержку племен харки и их соседей. Иго сын и наследник эмир Из-Эддин подчинил себе всю округу, включая Мергевер, Гергевер, Гирди, Барадост, Дускан, Орамар и Рекан. На протяжении шести или семи поколений род оставался в Стуни, а при эмире Наср-Эддине обосновался на новом месте, в поселении Беткар, расположенном в том же аширете харки. В Нери, ставшем ныне административным центром Шемдинана, есть мечеть, носящая имя этого эмира. Позднее, еще три или четыре поколения спустя, при эмире Зейн-Эддине, род перенес свою резиденцию в поселение Харонан, расположенное в Хумару (северная часть Шемдинана). Зейн-Эддин возвел там мощные укрепления, развалины которых можно видеть и поныне. У него было двое сыновей. Один из них, эмир Эмад-Эддин, поссорился с отцом и, уйдя от него, поселился в Урмии, где афшарское правительство дало ему в удел Бердезур и Тергевер. Развалины крепости, построенной им в Бердезуре, существуют и поныне. Второй сын, эмир Сейф-Эддин, наследовал своему отцу и первым в роду стал именоваться эмиром Шемдинана. Род продолжал жить в Харонане еще на протяжении двух или трех поколений, а затем, при эмире Бехрам-беке, переселился в Нери¹), ставшем с тех пор их постоянной резиденцией. На месте древней христианской церкви, на центральном холме Нери, была построена родовая крепость (*кала*). Эмиры Шемдинана правили этой областью до середины XIX века, когда власть перешла к шейху Обейдулле из рода, известного под именем Садат-е-Нери (то есть нерийские сеиды — потомки пророка). Шейхи первоначально являлись духовными вождями в Курдистане, но со временем многие из них захватывали и светскую власть. Мы подробнее остановимся на этом вопросе в главе, посвященной курдской религии. Здесь же мы упоминаем о шейхах только для того, чтобы указать их место в аристократической иерархии Шемдинана. Помимо этих двух главных семейств (бек-заде Аббаси и сеид Нери), Шем-

1. Минорский сопоставляет это название с наименованием Наури, употребляющемся иногда для обозначения халдейского царства Урарту. Озера Ван и Урмия в ту эпоху назывались Верхнее и Нижнее озера Наури.

205

динан насчитывает немало других знатных семейств: прежде всего это так называемые ага, возглавляющие различные племена этого района, и в первую очередь агават-е-зерзан (*агават* — множественное число от ага). Племя зерзан имеет две ветви, одна из которых обосновалась в Ушни у (Иран), а другая — в Шемдинане. Обе ветви ведут род своих вождей от Халид-ибн Валида, прозванного «мечом аллаха» и покорившего Месопотамию и Сирию в VII веке. До прихода к власти шейхов Ага-Зерзани пользовались большим влиянием, но шейхи сумели скомпрометировать их в глазах турецких властей, и уже в период первой мировой войны это семейство лишилось своего имущества и утратило свое положение. Члены его рассеялись. Следующим по значению после Ага-Зерзани был род Тайфе-ей-пашмири. По курдской терминологии, слово пашмир обозначает заместителя эмира, своего рода «вице-эмира». Родоначальник пашмиров остался неизвестным. Знают только, что он происходил из священнослужителей (*молла-заде*). Впрочем, ныне этот род угас.

В племени гирди за власть боролись несколько семейств. Главный род, располагающий титулом эмира, имеет довольно спорное происхождение. Иногда ему приписывают родоначальником самого халифа Омара, иногда Халида, о котором речь шла выше, а

иногда указывают на некоего христианина, жившего в селении Зиринак, неподалеку от озера Ван. Бывает, что предком этого рода называют некоего езида, выходца из Синджара. Так или иначе, эмиры гирди вот уже пять веков правят племенем. Единый некогда род их разделился со временем на две ветви: бек-заде Зерин и бек-заде Бын-чия. Первая из них примерно 100 лет назад вышла победительницей из соперничества со второй, утратившей ныне свое значение. Кроме этих эмиров, в племени гирди есть и свои пашмиры (семейство Кучбеган). Между этими родами нередко вспыхивают кровавые столкновения, ибо пашмиры утверждают, что их род древнее.

В одном из ответвлений племени гирди, среди так называемых гирди Барожа, известна семья эмиров Лешкери, члены которой издавна возглавляют эту часть племени, находясь при этом в зависимости от верховного эмира, властвующего над всем племенем.

206

Среди священнослужителей племени гирди три семейства пользуются особым уважением: род шейха Исса, давший немало ученых, род моллы Неби из деревни Келит, получивший особую известность своей властью над джинами (злыми духами), а также род шейха Ферах. Шемдинанские курды считают, что джины подразделяются на три категории, каждая из которых подчиняется членам одного из трех родов, и что при необходимости изгнать злого духа, получить талисман и т. д. следует обращаться к членам соответствующего священнослужительского рода: роду шейха Джемаля из поселения Сури, упоминавшемуся выше роду моллы Неби и роду шейха Бабики-Пирани из племени ширван. Остается отметить, что в племени харки Бенеджи (оседлая часть племени харки) наибольшим влиянием некогда пользовался род, прозванный Мала-Шабэ Ага. Даже и сейчас этот род весьма уважаем; несмотря на нынешнюю свою бедность, члены его пользуются большим почетом, чем все прочие «ага». Племя харки не имеет в своем составе ни одной сколько-нибудь известной священнослужительской семьи: все они в свое время растворились в общей массе.

4. Предания, характеризующие отношения между вождями племен

Уже беглый взгляд на влиятельные семейства Шемдинана, одного из самых глухих уголков Центрального Курдистана, позволяет увидеть, как в миниатюре действие сложного механизма племенных отношений между духовными и религиозными вождями, карьера которых в благоприятных условиях идет по восходящей линии, а затем сталкивается с честолюбием других, терпит крах и приводит их к растворению в общей массе простых смертных. Вся история Курдистана, если рассматривать ее во всех ее аспектах, представляется как множество весьма сходных между собой локальных событий. Иногда, впрочем, на первый план курдской истории выступает особо одаренная и энергичная личность. Так, Шемдинан достиг большой известности во времена шейха Обейдуллы Нерийского, который в 1885 году возглавил движение курдских племен, занял прилегающие иранские области и причинил немало хлоп-

207

пот как турецкому, так и иранскому правительствам. Ниже мы вернемся к этому вопросу, а сейчас, перед тем как окончательно оставить Шемдинан, нам хотелось бы рассказать несколько преданий, относящихся к этому географическому району.

Два вождя, шемдинанский эмир Бедр-Эддин и шемдинанский Ибрагим-бек, поспорили о сравнительных достоинствах деревень подвластных им областей. «Ничего нет в мире лучше, чем Шуше и Шермини», — утверждал Ибрагим. «И Шуше и Шермини, да и Сиани и Ергени, вместе взятые, не стоят одного моего Авлиана», — отвечал Бедр-Эддин. Летом, в июле, он пригласил Ибрагим-бека посетить его и, когда тот приехал в Авлиан, позвал

троих слуг и приказал одному из них принести ячменя, второму — ягод ежевики, а третьему — виноградных гроздьев. Слуги выполнили приказание, и Бедр-Эддин объяснил изумленному Ибрагим-беку, что это возможно только в Авлиане: внизу, в долине, снег начинает таять очень рано, повыше таяние начинается в конце весны, а на вершину горы Кури Мизгефтан весна приходит лишь в середине лета. Таким образом, в июле, когда в нижней части селения созревает виноград, немного выше поспевают ягоды ежевики, а на горе только-только пробивается щавель. Именно в Авлиане выращивают лучшие турецкие табаки.

В повествовании о «Гуза келаван», старом ореховом дереве, стоявшем у деревни Бенавук, на границе между гирдийскими и шемдинанскими племенами, соперничество курдских вождей предстает пред нами в гораздо менее безобидном свете. Шемдинанский Хасан-бек и гирдийский Селим-бек враждовали из-за селений Руйян, Бенавук и Бесосин. Хасан-бек, человек чрезвычайно крутого нрава, несмотря на предостережения своего советника, написал своему сопернику письмо следующего содержания: «Селимок (уничжительная форма обращения), пожиратель желудей, не пытайся протягивать лапу к моим селениям, иначе я разорю всех гирди, п т. д...». В ответ Селим-бек написал, что «...лучше погибнуть с честью, чем жить в бесчестье. Пока среди гирди останется хотя бы одна девушка, я не откажусь от моих селений». С тремя сотнями смельчаков он напал на Бенавук за полчаса до восхода солнца, обстрелял его, а затем, обнажив кинжалы,

208

соратники Селима бросились на врага и так быстро обратили его в бегство, что те не успели даже забрать своих развешанных на ореховом дереве шапок. На следующий день, получив подкрепление численностью 500 человек, Селим пошел на Авлиан и вытеснил врага и оттуда. Разгромленный Хасан-бек вернулся в Нери. В конце концов при посредничестве шейхов и улемов мир был заключен. Авлиан остался за эмиром Шемдинана, а Руйян, Бенавук и Бесосин отошли к племени гирди. Рассказчик, который поведал мне эту историю, произнес в заключение: «Любой гирди стоит шести шемдинанцев. Никогда Шемдинан не мог восторжествовать над гирди...». А старое ореховое дерево носит с тех пор название «шапочного» ореха...

Приведем в заключение, чтобы впредь уже больше не возвращаться к нескончаемым распрям между честолюбивыми вождями, историю эмира Мамада и эмира Яхьи. Мы уже видели выше, что у племени гирди правящий род имел две основные ветви: Зерин и Бынчия. Эмир Мамад принадлежал к первой ветви, а эмир Яхья — ко второй. Официальной резиденцией эмира гирди считался замок (*каср*) Зерин, и никто другой не имел права там жить. Эмиру Мамаду было 12 лет, когда умер его отец Миран-бек. В зеринский замок ввели эмира Яхью, ставшего, таким образом, эмиром всех гирди. Семейство покойного эмира было переведено в Бесосин. Прошло несколько лет, эмир Мамад стал взрослым человеком, известным своей храбростью и умом. Всем были очевидны его достоинства, и стало ясно, что трудно найти лучшего вождя, чем он. Эмир Яхья почувствовал перемену в умонастроениях своих соплеменников и стал искать способа избавиться от соперника. Со своей стороны эмир Мамад держался настороже. Яхья решил устроить пир, пригласил множество гостей, и том числе и эмира Мамада с намерением его убить. Эмир Мамад призвал на совет трех своих братьев: Джангира, Зейнала и Хасана — и посвятил их в коварные намерения эмира Яхьи. «Мы не можем отказаться от его приглашения, это принесло бы нам бесчестье; но, если мы туда пойдем, мы рискуем нашими жизнями. Как нам быть?» Братья отвечали: «Ты у нас старший, и мы поступим так, как ты сочтешь нужным». — «В таком случае отправимся туда вчетвером и

209

возьмем еще пятерых слуг. Эмир Яхья не знает, что мы разгадали его план, и не будет остерегаться. Если на то будет воля аллаха, мы сами сможем его погубить. Будем

соблюдать осторожность в пути и в гостях у Яхьи. За столом, во время пира, и в помещении, где нам придется провести ночь, будем постоянно вместе». В одно время с ними в Зерин приехал Шир-ага, пашмир племени гирди. Отведя в сторону Мамада, он предупредил его о замысле Яхьи. «Я был другом твоего отца и не хочу, чтобы с тобой случилось несчастье». Они решили действовать сообща, Эмир Яхья принял эмира Мамада в Селямлыке (комната для приемов). Принесли угощение, завязался общий разговор, и вскоре эмир Яхья сказал Мамаду, что ему надо поговорить с ним наедине, что он просит всех, за исключением Шир-аги, покинуть комнату. Тогда эмир Мамад попросил Яхью закончить разговор с ним пораньше, до наступления ночи, поскольку он намеревается заночевать у Шир-аги, селение которого, Шепатан, расположено неподалеку от Зерина. Эмир Яхья сообразил, что «дичь почуяла западню», но не понял, что сам подвергается опасности. Он отпустил гостей и, оставшись один с эмиром Мамадом, его братьями и Шир-агой, сказал, что, не имея достойного наследника, он решил назначить эмира Мамада своим преемником. «Раз так, воскликнул эмир Мамад, — и ты меня считаешь достойным сменить тебя, зачем тебе дольше жить?» — и с силой ударил его в сердце кинжалом, убив наповал. Дальнейшее уже не представляло труда. Эмир Мамад с братьями и Шир-агой с помощью своих вооруженных слуг с легкостью захватили врасплох слуг и сторонников эмира Яхьи, и таким образом в племени гирди зеринская ветвь утвердила свое превосходство над ветвью Бын-чия. Эмир Мамад правил племенем около тридцати лет и погиб в свою очередь от руки Юсуф-бека, эмира Барадоста. Но об этом речь пойдет в другом повествовании.

5. Судебная власть вождя

Независимо от того, пришел ли курдский ага к власти по праву наследования (be hesb-ê ers), в результате выборов (be esteswab-ê achair we akwam) или путем

210

захвата власти силов (ba zoug-ê bazou), как в только что описанном случае, раз уж претенденту удалось захватить власть, он продолжает оставаться ее бесспорным носителем и все его решения являются окончательными. Мы располагаем, однако, слишком скудными сведениями о курдском обычном праве, о круге вопросов, относящихся к компетенции вождя, и о курдском правосудии. В настоящее время от всего этого осталось очень немного, особенно после того, как иранское и турецкое правительства дали курдам почувствовать свою власть. Как рассказывают, около четверти века назад одним из самых тяжелых наказаний, применяемых, например, при умыкании девушки или замужней женщины без ее согласия, было разграбление (talan) имущества виновного. За другие преступления жилище преступника подвергали сожжению (mal-soti) и вырубали деревья в его саду (raz-byri). Но самое страшное наказание по курдским понятиям — это изгнание из племени (kir'ia der). Впрочем, естественно, что для людей, которые сильны лишь своей принадлежностью к определенной племенной группировке, изгнание равносильно лишению всех прав. Поэтому инстинкт самосохранения сливается в данном случае с племенным инстинктом.

О том, насколько курды дорожат своей принадлежностью к племени, говорит следующий факт: захваченные турками участники одного из восстаний были сосланы в Африку, в Триполи. Однако они ухитрились бежать оттуда и вернулись в родные горы на иранской границе! Менее существенные правонарушения караются не столь сурово. Например, за похищение девушки с ее согласия полагается штраф (nacht) размером от 10 до 100 турецких лир. При уводе скота полагается вернуть владельцу эквивалент и уплатить четыре монеты вождю племени. Равным образом возмещается и кража птицы, с той лишь разницей, что вождю выплачивают лишь две монеты, иначе говоря, счет идет по числу ног. Компенсация пострадавшему носит название тола (tola), а сумма,

выплачиваемая аге, называется *гунха* или *керуети*. Высшим залогом правосудия является сама личность главы племени. Рассказывают, например, что шемдинанский эмир Абдальбек пользовался особой известностью в этом отношении. Ежегодно он разбивал свой огород на склоне горы Шехидан рядом с летними пастбищами

211

племени харки, причем не трудился даже обнести его изгородью. «Моя слава, — говорил он, — послужит ему изгородью». И в самом деле, при нем не было замечено ни одной кражи вплоть до того дня, когда некто Юнис, сорвиголова из селения Таре, украл лучшего барана из стада, принадлежащего христианам селения Хатуна-Иекхари. Все розыски оставались тщетными, и владелец приписал исчезновение барана волкам. Однако известие об этой краже дошло до ушей Абдальбека, который пришел в ярость и приказал разыскать виновного. Юниса доставили в Нери, и дело его передали на рассмотрение суда племени. Были предложены различные наказания. Одни считали, что следует сжечь дом Юниса, другие предлагали отрубить ему руку, ногу либо изгнать вора из страны. Ни одна из этих мер не была одобрена эмиром. «Поскольку в мое правление кража и нарушение порядка являются делом несслыханным, наказание должно быть таким же». И он приказал оскопить Юниса, что и было сделано. И года не прошло, как борода и усы Юниса вылезли, лицо его покрылось морщинами и стало похоже на старушечье. Люди поняли тогда, сколь мудрым было решение эмира, и до сих пор история Юниса жива в памяти народной.

Можно было бы также привести пример равандузского паши Махмуда, при котором кражи стали чем-то несслыханным. Как-то торговец, потерявший свой кошель с деньгами, получил его обратно в целостности и сохранности — так велик был авторитет паши¹. Другие примеры, характеризующие правосудие, как его понимают курдские родоплеменные вожди, мы приводили в гл. IV. Приведем еще несколько высказываний Сурейябека. Кражи, жульничество, грабеж были и остаются неизвестными в Курдистане. Среди купцов объявление о банкротстве, подлинном или ложном, никогда не имело места.

Когда коммерсанту нужно переправить крупную денежную сумму из одного города в другой, он частенько поручает доставку этих денег какому-нибудь старику, а не почте.

Опираясь на посох, старики, переносящие на себе большие деньги, спокойно идут своим путем, через горы

M. Billner, Der Kurdengau Uschnuje, Wien, 1895.

212

и ущелья, и всегда беспрепятственно доходят до места назначения.

Минорский справедливо отмечает, что там, где курды живут, не смешиваясь с инородцами, у них несомненно наличие определенного представления об общественном порядке. Все члены племени подчиняются общему для всех порядку и поддерживают его сами, без какого-бы то ни было вмешательства властей. В городке Саккыз Минорский был поражен картиной оживленнейшей жизни, бьющей ключом повсюду, на улицах и на рынке, при полнейшем отсутствии представителей власти. В таких чисто курдских районах, как Сулеймание, Мехабад, курды вызывают еще большую симпатию, добавляет он.

Споры иногда завершаются полюбовным соглашением; это нередко является поводом для проявления курдского остроумия, как о том свидетельствует следующий юмористический рассказ о размежевании селений Бесосин и Бенавук. Оба селения издавна вели между собой спор относительно межи, и все усилия аксакалов и мудрецов (улемов) примирить их оставались тщетными. Однажды живший в селении Бесосин христианин Шабо, большой шутник, предложил способ разрешения спора, получивший немедленно всеобщее одобрение. Он предложил, чтобы жители обоих селений

приготовили плов, положив в него, как водится, масло. Затем с тарелками в руках они должны бежать по направлению к спорному пункту и остановиться в тот момент, когда масло в тарелке растопится. И тут останется лишь поделить пополам расстояние между двумя группами. При этом Шабо посоветовал бесосинцам заправить плов не маслом, а медвежьим жиром, который распускается очень медленно. Жители Бенавука, ни о чем не догадываясь, положили в свой плов быстротающее масло. Когда настал решающий день, бесосинцы со своим медвежьим жиром успели добежать почти до того места, откуда начали свой бег жители Бенавука, естественно, не успевшие далеко уйти. Чтобы торжественно закрепить новую границу, было решено, встав по обе стороны от пограничной линии, дать клятву. Шабо и тут пришел па помощь своим землякам, посоветовав им насыпать в обувь понемногу бесосинской земли, и они получили возможность со спокойной совестью поклясться аллахом,

213

пророком и кораном, что земля, на которой они стоят, принадлежит Бесосину и что жители Бенавука не имеют на нее никакого права. Аналогичная клятва была произнесена бинавукцами, и с тех пор оба селения живут в мире.

Нам остается добавить несколько слов о кровной мести.

Убийство карается по законам кровной мести (tola). Родственники убитого получают право мстить убийце, которого изгоняют из племени на пять и более лет. Если до истечения этого срока облеченные своим правом мстители убивают убийцу, вопрос считается исчерпанным; в противном случае с разрешения старейшин, подтвержденного вождем, убийца может вернуться в племя, но право мщения при этом остается в силе. Правда, может быть заключено соглашение с внесением «выкупа за кровь»: уплата выкупа (никогда не превышающего установленной шариатом суммы в «сто верблюдов») имеет, по курдским поверьям, свойство останавливать кровь (khouin bastyn), ибо в силу тех же поверий кровь убитого продолжает течь, пока он не будет отмщен. Если виновный явится к лицу, имеющему право на мщение, одетый в саван и с приставленным к горлу клинком сабли, отдавая себя тем самым на его милость, любовное соглашение не может быть отклонено. Супружеская неверность женщины наказывается исключительно преданием смерти виновной. Выше уже говорилось, что проституция неизвестна курдам, и чтобы определить это понятие, они вынуждены пользоваться турецкими или персидскими словами.

Имеется специальное исследование, посвященное курдскому правосудию¹), автор которого отмечает, что курды предпочитают обращаться к своим племенным судьям, ведущим дела на основе обычного права (irf), и избегают мусульманских судей, применяющих религиозное право (char), хотя иранское правительство признает только свое fkaзи)².

¹Мурза Мохаммед Джеват аль-Казу, *Studien aus dem Rechtsleben in Kurdistan*, «Zeitschrift für vergl. Rechtswissenschaft», Bd. 22, 1909.

²В Мехабате известно большое курдское семейство Кузат (множественное число от кази), главой которого являлся во время первой мировой войны Казу Феттах.

214

6. Коллективные развлечения: песни и пляски

Картина жизни курдов была бы неполной без упоминания об их развлечениях, и в первую очередь об их песнях. Как отмечено Марром¹), все путешественники, побывавшие в Курдистане, отзываются о курдском песенном искусстве с неизменным восторгом. Многие песни исполняются хором. Песня жнецов о Фархад и Ширин вызвала в памяти Рича стансы венецианских гондольеров Тассо. По словам армянского писателя Абовяна², курдская народная поэзия развивалась удивительно быстро и достигла совершенства. По

его мнению, каждый курд рождается с душой поэта. Абовяну вторит Морис Вагнер, очень высоко оценивший курдское песенное искусство в своих путевых записках.

Блау³, исследовавший северо-восточный Курдистан, подробно пишет о замечательных курдских песнях и о том месте, которое они занимают в жизни курдов: «Самое нищее племя богато песнями и мелодиями. Их короткие песни о битвах и победах раздаются не только вдоль дорог сезонных перегонов скота, на стоянках в скалистых ущельях, но и среди курдов, оседло живущих в долинах. Бродячие певцы собирают по вечерам вокруг себя народ и поют о героях-воинах древности или же воспевают любовь, сетуют на горечь разлуки... Переливы голоса певца Омер-аги из Диадина, быстрая смена ритмов и выражений, сопровождавших слова, и в то же время выразительные жесты убеждали даже тех, кто не мог понять содержания песен, в его высоком исполнительском искусстве».

Любопытно свидетельство Лаярда⁴) о поэзии и музыке курдов-езидов. Ему довелось слышать надгробную песнь, в которой курды оплакивали смерть шейха Ади. Мелодия была торжественна и печальна. «Мне никогда не приходилось слышать ничего столь же патетического, как и благозвучного», — пишет он. Звуки флейты гармонически сливались с голосами мужчин и женщин, ритмичным звоном цимбал и тамбуринов.

¹Н. Я. Марр, *Еще о слове «челебн»*, стр. 127—129.

²См. П. -Л е р х, *цит. соч.*, кн. I, стр. 44.

³О. Blau, *Die Stamme des nordostlichen Kurdistan*,—ZDMG, XII, S. 598.

⁴Н. L a y a r d, *Nineveh and its remains*, London, 1850.

215

Курдские песни¹) нерелигиозного характера посвящаются лирической или героической тематике. Важно отметить, подчеркивает Марр, что со временем обновляются не столько сюжеты, сколько богатый мелодический репертуар. Тот факт, что курдская песня в большом почете у армянских христиан, сам по себе достаточно убедителен, он свидетельствует о необыкновенной притягательной силе курдской народной поэзии. М. Вагнер утверждает, что многие курдские и езидские песни получили распространение на Ближнем Востоке в переводе на турецкий язык.

Исследователи этого района склонны видеть истоки высоких качеств курдских песен в рыцарских чертах характера, присущих курдскому народу. Н. Я. Марр говорит, что никто еще не задавался вопросом, нельзя ли объяснить сложившееся о курдах представление как о народе героическом и романтическом наличием у них унаследованной ими от предков очень древней по своим нормам и мотивам поэзии. Богатство курдского поэтического фольклора, полагает Марр, тесно связано с тем преимуществом, которым курды располагают-то сравнению со своими соседями: турками-мусульманами и армянами-христианами. Эти народы порвали с укоренившимися народными религиозными традициями, тогда как курды, равно как и иранцы, оставаясь курдами и по языку, не отказались окончательно от своих народных религиозных традиций, даже приняв ислам.

Связь между богатством сюжетов и мотивов курдских народных песен и язычеством — явление довольно распространенное. Курдские песни по своим основным нормам и мотивам представляются нам наследием, оставленным язычеством — религией, к числу последователей которой относились и многие курдские племена, ныне исповедующие ислам.

Как мы видим, курдское народное поэтическое творчество даст Марру повод выйти за рамки рассматриваемой темы. Мы используем его соображения в том месте нашего исследования, где разбирается курдская

1. Несколько образчиков курдских мелодий мы находим у Комитаса в его Эминском сборнике, опубликованном под редакцией проф. Халатянца в 1904 г. в Москве Лазаревским институтом восточных языков.

религия, а здесь пока отметим лишь, что хоровое пение и слушание песен героического и лирического характера, исполняемых бродячими певцами-сказителями, являются, излюбленным времяпрепровождением курдов всех сословий.

После ужина часть присутствующих села в круг внутри шатра, а остальные разместились снаружи. Старые воины и молодежь — все перемешалось; все уселись рядышком, поджав под себя скрещенные ноги. Большинство присутствующих было настроено весело и расположено к разговорам, но внезапно, не сговариваясь, несколько голосов в разных местах затянули курдскую песню, затем другую, третью... Песни эти были исполнены патетических чувств и глубоко сентиментальны. Постепенно, по мере того как поющие воодушевлялись, выражение их глаз, лиц и сама их поза менялись, придавая им весьма разнеженный и даже комичный вид. Некоторые суровые лица были особенно примечательны контрастом между их мужественными и серьезными очертаниями и выражением нежности, возникшим под действием музыки. Другие же выглядели просто гротескно, пытаясь походить на томных трубадуров.

Пение длилось добрых два часа, и я должен сказать, что в нем не было ничего неприятного. Мало-помалу эта музыка стала казаться мне мелодичной и приятной, гораздо приятней, чем турецкая. Лучшим доказательством высоких достоинств курдской музыки может служить то, что одна из исполнявшихся в тот вечер мелодий так сильно воздействовала на мой слух, что я долго хранил ее в памяти и напевать ее стало для меня приятной привычкой. К сожалению, ныне я уже забыл эту мелодию, иначе не преминул бы привести ее здесь в форме нотной записи¹).

О танцах курдскою парода мы уже говорили в предыдущей главе. Послушаем, что рассказывает о них Миллинджен². «В тот вечер наша лагерная стоянка превратилась в арену настоящего музыкального праздника. Солдаты рады были развлечься, да и милане были полны самого заразительного веселья. Все окрест было залито ярким лунным светом, а огни лагерных костров

1. F. Millingen, *op. cit.*, p. 313-314.

2. *Ibid.*, p. 378-379.

отбрасывали веселые блики на смешанные группы солдат и курдов. Полковой оркестр принялся наигрывать военные мелодии, и его тотчас окружили плотной толпой те и другие. Вот зазвучали курдские мелодии, и курды немедленно встали в круг и принялись исполнять национальный танец. Курдские народные танцы заслуживают подробного описания, поскольку они резко отличаются от танцев других восточных народов. Одна из их особенностей состоит в том, что курды никогда не танцуют ни в одиночку, ни парами, ни вчетвером.

Они образуют круг, в котором каждый танцующий тесно соприкасается плечами с двумя другими. Главная особенность танца заключается в том, что если у других народов танцующий двигает более или менее энергично всем телом, курд остается почти неподвижным, едва заметно шевеля коленями. Курдский танец не представляет собой чего-нибудь необычного, но мягкие, колеблющиеся в такт музыке движения всего круга создают впечатление, будто это волнуется море хлебов от набежавшего ветерка. Во время танца курдские воины принимают столь романтически-томный вид, какого отнюдь не ждешь от них. Глядя на них, можно подумать, что они вот-вот лишатся чувств под воздействием охватившей их страсти. Но когда танец закончен, они приходят в себя и весь их облик выражает ничуть не больше чувства, чем обычно.

Особенно примечательны танцы курдов тем, что в них могут принимать участие и женщины. Курды даже, видимо, испытывают особое удовольствие, танцуя с ними. Когда курды танцуют без посторонних, каждый мужчина становится рядом с девушкой, тесно

касаясь своим плечом ее плеча. Круг в этом случае состоит из равного числа мужчин и женщин. Я очень сожалею, что мне никогда не доводилось видеть этого, но курды исполняют этот танец лишь в своем кругу, когда нет поблизости турок или солдат».

Помимо пения и танцев, развлечения курдов не слишком разнообразны. Можно упомянуть еще борьбу, метание камней, верховую езду, о которой мы рассказали при описании курдской свадьбы, и, наконец, буйволиные бои. Впрочем, такие бои возникают и стихийно, когда вечером буйволы направляются на водопой. Это нельзя сравнивать ни с боем быков в Испании, ни даже

218

с теми боями быков, которые я видел в иранской провинции Гилян (verzo-djeng), где специально с этой целью тренируют животных, схватки которых служат поводом для народных празднеств.

В дополнение к сказанному приведем еще описание курдских пастушеских игр, заимствуя их описание у Араба Шамилова.

«Время от времени пастушата пригоняли свои стада поближе друг к другу и с увлечением играли. Некоторые из этих игр были знакомы нам с детства, а другие мы выдумали сами. Они заключались преимущественно в танцах и пении. Например, мы брались за руки и становились в круг; один из участников был запевалой, а другие хором подпевали одну из любимых наших песен, двигаясь по кругу. Вот отрывок из одной песни:

Эй,эй пастушок!
Пальцы золотые!
На свирели он играет
Песни непростые.
Эй, мама! Пастушок
Плохо смотрит стадо.
Эй, мама! Пастушка
Мне любить отрада.
Ты меня за пастушка,
Мама, выдай замуж.
Ты меня за пастушка,
Папа, выдай замуж.
Пуду счастлива всегда
С ним.
Отработаю у вас
За калым...

Мы пели также старинные народные песни о героях, которые храбро бились, чтобы захватить для своего племени лучшие пастбища и кочевки, и сложили свои головы в неравном бою.

Играли мы еще в особую, чисто пастушескую игру «зезе», она заключалась в следующем: каждый ставил вертикально на носок нож или палку и изо всей силы отбрасывал этот предмет далеко в сторону; один из играющих должен был, повторяя все время «зе-зе-зе...»

219

и не дыша, быстро собрать все брошенные предметы, если же он переводил дыхание, не успев их собрать, то считался проигравшим.

Иногда мы устраивали бой баранов. Выбрав из каждого стада самых крепких, драчливых молодых баранов, сталкивали их друг с другом и начиналась драка. Выигравшим считался тот из нас, чей баран выходил победителем.

Эти совместные игры устраивались тайно от хозяев, которые не позволяли нам собираться со своими стадами, чтобы овцы имели больше травы, быстрее откармливались и жирели»¹).

6. Экономические отношения и племена

Рассмотрим теперь экономическую сторону жизни курдского племени. Некоторые ее аспекты уже затрагивались в предыдущих главах (III, IV), посвященных образу жизни и семейному укладу курдов; рассматривая жизнь племени, необходимо, однако, знать, какие экономические отношения существуют между вождем и его соплеменниками. Эта сторона курдской жизни до сих пор привлекала к себе меньше всего внимания. Авторы лишь мимоходом упоминали о натуральном хозяйстве кочевников, о патриархальном характере нравов, но никаких фактических данных мы у них не находим. Курдское общество ждет еще своего социологического исследования, которое показало бы нам, какую роль в нем играют и как переплетаются экономические, социальные и политические факторы.

А. Племенные повинности

За неимением такого анализа мы попытаемся здесь обрисовать в общих чертах экономические отношения в курдском племени, пользуясь трудами О. Л. Вильчевского и Г. Кристова. Первый из этих авторов, анализируя общественный и экономический строй курдов Закавказья и районов, лежащих на границе между Ираном и Турцией в XIX веке, констатирует, что в на-

¹Араб Ш а м и л о в, *Курдский пастух*, Тифлис, 1935, стр. 35—36.

чале рассматриваемого периода курды указанных районов имели высокоразвитую систему феодальных отношений. Ага и беки, возглавлявшие полукочевые племена, составляли часть феодальной системы Передней Азии и находились в вассальных отношениях с иранским и турецким правительствами либо с полунезависимыми княжествами, существовавшими на территории Ирана и Турции.

Курдские племена обязаны были не только платить своим феодальным властителям налоги, работать на них, но и поставлять в их распоряжение вооруженные отряды, которые служили военной силой в пограничных районах и являлись важным фактором внеэкономического принуждения феодалов по отношению к окрестному населению.

Источниками доходов феодальных курдских властителей были прежде всего налоги, которыми они облагали оседлое население Курдистана, состоявшее в то время в большинстве своем из христиан армянского или несторианского исповедания и являвшееся, по свидетельству английского консула Тейлора, посетившего эти места около 1860 года, единственной рабочей и производительной силой страны.

Курдские вожди называли этих христиан *зир-хурли* (zir-khourli), то есть купленные на желтое (золото). Это выражение весьма точно, ибо они покупались и продавались, как скот. Такое положение могло создаться лишь при отсутствии какой-либо центральной правительственной власти, что способствовало произволу беков и ага, в руках которых находилась судьба христианского населения. Сначала христиане, ища защиты у курдских вождей, выплачивали им ежегодно денежную дань (нечто вроде arab-khwa), но в дальнейшем, по мере их обнищания в связи с ростом поборов в стране, регулярные платежи становились невозможны и христиане оказались в рабском положении. В настоящее время

их положение таково: они переходят из рук в руки целыми общинами, с землей, но их нельзя продавать каждого в отдельности. Что касается их властителя, он может присвоить себе из ежегодного продукта их труда деньгами или натурой все что ему заблагорассудится. Следующий факт, подтверждаемый турецкими властями, ярко характеризует это

221

положение вещей. Один курдский ага убил из ружья *зир-хурли*, принадлежавшего другому аге. Обиженный, вместо того чтобы отомстить убийце, застрелил двух *зир-хурли* — подданных обидчика, — не имевших никакого отношения к смерти их единовеца. Приводя этот пример, Вильчевский справедливо говорит, что нельзя представить себе более полную картину рабства. Таким образом, именно оседлое население Курдистана страдало от экономического гнета феодалов, оно же составляло основу их господства, установленного и поддерживаемого при помощи кочевых племен. Хотя положение курдского кочевника может показаться более благоприятным, на деле ему приходится нелегко. Иногда его положение, не говоря уже о личной зависимости, бывает даже более критическим, чем положение оседлого земледельца. Прежде всего на курдов распространяется сложная система феодальных повинностей и налогов, взимаемых либо самим феодалом, либо его представителем в курдской общине — *риспи* (*rys-pî* — белобородый)¹, *кетхудой* (*ketkhouda* — староста) и т. д.

Мы не располагаем точными сведениями обо всех налогах, выплачиваемых курдом своему господину, но даже разрозненные сведения по районам свидетельствуют о больших размерах этих доходов курдских феодалов, хотя на первый взгляд они и кажутся не столь значительными. Так, например, племя *езидов* выплачивает ежегодно эмиру в качестве добровольной дани не менее одной десятой своих доходов. Вожди племен и шейхи получают столько же, *пир*² (*pir*) получает несколько меньше; но при всех обстоятельствах прямые налоги на курда-езида, взимаемые в пользу духовных и светских властей, составляют не менее двух пятых всех его доходов.

Кроме того, ага имеет право на бесплатную перевозку шатра; за разрешение на брак ага требует быка, он же взимает штрафы деньгами или натурой. Шейхи получают за обрезание от 2 до 10 овец, за свадебный обряд — от 5 до 15, за изгнание злого духа — от 1 до 2 и т. д.

¹Точнее — почтенный человек пожилого возраста. — Прим. ред.

²Представитель рода священнослужителей. — Прим. ред.

222

Наконец, по свидетельству целого ряда путешественников, курд вообще не осмеливается предстать перед своим господином без соответствующего подарка. Когда идут к аге, захватывают с собой по меньшей мер овцу или козу, к шейху — ягненка или домашнюю птицу. Следовательно, племенная верхушка обращает в свою пользу не менее двух пятых доходов подвластного им населения, а иногда и более.

Кроме того, при помощи аги центральная власть собирает обычную мусульманскую десятину (*ашар*) (именуемую *агнам*, когда речь идет о скоте); взятые на военную службу курды обычно освобождаются от десятины, но нередко ага все же продолжает собирать ее в свою пользу, а это может привести к бунтам наподобие того, о котором рассказал Г. Друвиль в своей книге¹).

После появления труда О. Л. Вильчевского (1936) были опубликованы и другие работы², которые дают нам ясное представление о рассматриваемом здесь предмете. Речь идет о реестре налогов, составленном около 1828 года Мирза Исмаилом, везиром (налоговым чиновником) Хосейн-ханом Каджара, который в то время, то есть в момент русско-персидской войны, был сердаром (генерал-губернатором) провинции Эривань, присоединенной к России после ее победы над Ираном. Этот реестр подробно

перечисляет натуральные и денежные повинности курдских и турецких кочевых племен района. Мы, например, узнаем из него, что курды Зилан, насчитывавшие около 2000 семей и владевшие стадом в 100 тысяч овец, поставляли сердару ежегодно из каждой сотни голов двух овец либо одну взрослую овцу и одну ярку и пять *хальваров* масла с каждой отары (*khalvar*, или, точнее, *kharvar*, — вьюки одного осла — мера веса, колеблющаяся между 240 и 600 кг; отара — пастбище, на котором может пастись около 1000 овец). Кроме того, они поставляли ежегодно полное снаряжение (вьючное седло, сбруя, уздечка)

¹*Gaspared Drouville, Voyage en Perse (ait en 1812—1813, Paris, 1825.*

²*Н. Богданова, К вопросу о феодальной эксплуатации кочевников и Закавказском крае в первой трети XIX в., «Исторический архив», т. II, М.—Л., Институт истории АН СССР.*

223

для 50 верблюдов и передавали в распоряжение сердара 1000 быков для перевозки грузов, а также 1000 вооруженных воинов. В другом случае род (Закенлу из племени джалали)—община, насчитывающая 102 семьи,— выплачивала ежегодно 219 туманов, 6 миналтун (туман равнялся в то время 10 серебряным рублям, миналтун составляет десятую часть тумана). У Закеулу было 8 отар плюс 750 баранов (отара соответствует 1000 овец). Они платили пять с половиной туманов с отары, то есть 48 туманов, и 1 миналтун с четвертью, плюс 12 батманов овечьего масла, и, наконец, 25 пар тюков шерсти с каждой отары. Кроме того, сердар передавал кочевникам свой скот на двух следующих условиях.

Согласно первому, называемому *дишпедиши* (*dich-pedich*), община, получавшая этот скот, должна была возратить через любое количество лет первоначальное число овец и баранов того же возраста; сверх того за каждую полученную овцу община ежегодно отдавала полбатмана масла и сыра и один *стал* (*stil*) шерсти ягненка (батман — непостоянная мера веса, которая в Эривани равнялась 5 кг; стил = 1/3 батмана). Новорожденный скот оставался в общине.

По другому условию, называемому *амани* (*amani*), приплод скота и шерсть принадлежали сердару; кроме того, ему отдавали 7,5 стила масла с овцы, 6 батманов с каждой буйволицы и 4 батмана с каждой коровы. И наконец, раз в год община предоставляла в распоряжение сердара весь свой скот в качестве гужевого транспорта¹).

¹*О налоговом режиме азербайджанских илатов можно найти подробные сведения в работе И. П. Пструшевского «Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XX в.», Л., 19<19, стр. 315. Можно также обратиться к работе Лэмбтон (op. cit.,- p. 350), где она говорит о режиме, существующем ныне в Иране. Собственник заключает арендный договор с пастухом. Имеется два типа договоров: дандани и тараз. Согласно первому договору, по истечении контракта пастух возвращает собственнику то количество голов, которое ему было передано, и оставляет у себя приплод. Что касается договора тараз, собственник получает ежегодно от 4 до 6 манн-и-табризи топленого масла (*rougan*) с головы крупного рогатого скота. По истечении контракта собственник получает обратно свое стадо, приплод которого делится поровну между ним и арендатором или же оценивается в деньгах, которые также делятся поровну. В хороший год пастух получает от 5 до 6 манн-и-табризи масла с головы скота. Он выплачивает собственнику половину стоимости животного, которое пало по его вине, но ничего не должен в случае естественной смерти. Пастбищная плата достигает 50 риалов (хакк-ол-мерте) в год с одной головы. В некоторых районах, например в Кермане, эта плата не взимается. В других (Саккызе, Курдистане) собственник берет эту плату, нанося, несомненно, ущерб скотоводству, поскольку крестьянин старается ограничиться небольшим количеством скота. Крестьяне договариваются между собой об объединении скота в одно стадо, не прибегая к помощи оба-баши, о котором мы будем говорить ниже, пользуясь советским источником.*

224

Б. Военные повинности при феодализме

Наряду с налогами курд-кочевник должен нести тяготы призыва на военную службу и терпит ущерб вследствие невозможности заниматься своими скотоводческими делами. Когда военные действия удачны, некоторые курды могут, конечно, обогатиться на войне,

но, как правило, война приводит к образованию целой категории лиц, лишенных собственного пастушеского хозяйства. Такие курды либо вступают в отряды феодальных правителей, увеличивая таким образом число живущих за счет эксплуатируемого населения и способствуя усилению феодальной эксплуатации, либо превращаются в нищих, которые просят милостыню у соседей или нанимаются в качестве батраков и пастухов (см. то, что сказано в начале этой главы о «непостоянном» элементе в племени). В 1840 году расходы кочевой общины, связанные с отправкой на военную службу одного вооруженного всадника, равнялись приблизительно 163 серебряным рублям.

К этому добавлялось его жалованье, равное 24 руб. 40 коп. в год, и фураж для лошади: два хальвара ячменя и 20 хальваров *самана* (соломы). Всадник получал от общины следующее снаряжение: два пистолета, саблю, кинжал, одежду с серебряными галунами и другими аксессуарами, отделанную серебром сбрую для лошади. Если всадник терял это снаряжение, община была обязана предоставить ему новое¹).

Вместе с тем скотоводческое хозяйство, даже если кочевое, не может быть изолированным и полно-

¹ Н. Богданова, *цит. соч.*

225

стью независимым от экономики района. Даже оставаясь натуральным, скотоводство, лишенное продуктов земледелия, нуждается в товарообмене, способствуя таким образом образованию небольших внутренних рынков. Оседлое население, которое испытывало наибольший экономический гнет феодалов, старалось в свою очередь возместить убытки, сдирая втридорога с кочевников, которые ощущали на себе последствия феодальной эксплуатации землевладельцев.

И наконец, в эту эпоху начался процесс перехода кочевников к оседлости; существовало уже немало полукочевых племен, испытывавших на себе все виды феодальной эксплуатации.

Короче говоря, курды-кочевники, несмотря на кажущуюся независимость и более легкие на первый взгляд налоги, дополнительные (от набегов) доходы (которые так часто подчеркивают), не избежали общего процесса феодализации и оказались в тяжелой зависимости от своих феодальных правителей. И все же Петрушевский считает, что участь кочевников была легче участи оседлого населения.

В конце XVIII и начале XIX века феодализация Курдистана не только завершилась, но и пришла к своему логическому концу: курдский феодализм разрушил курдский родовой строй, создал скотоводческое натуральное хозяйство на основе частной собственности на скот, защитил земледельца от набегов кочевых племен, сохранил Курдистан в качестве независимой единицы от притязаний захватнических империи кочевников, под ударами которых пали соседние страны, и, разделив судьбы феодализма во всей Передней Азии, сам превратился в серьезный тормоз дальнейшего развития производительных сил. Курдский феодализм подрывал благосостояние страны, поскольку он сохранял натуральные формы хозяйства, благоприятствующие системе внеэкономического принуждения; он мешал развитию внутреннего рынка, ставшего необходимостью в связи с отделением скотоводства от земледелия; он подрывал хозяйство кочевников, лишая его рабочих рук, которые отвлекались в армию; он подрывал и экономическую жизнь оседлого населения, влачившего жалкое существование, находясь в постоянном страхе перед разбойничьими набегами феодалов; в то же вре-

226

мя он тормозил также переход кочевников к оседлости, поскольку всегда нуждался в них как в вооруженной силе.

Поэтому О. Л. Вильчевский считает, что с начала XIX века курдский феодализм изжил себя и не отвечал больше задаче развития новых экономических сил, возникших отчасти под его влиянием в результате разложения рода и превращения его в племя. В свою очередь и племя претерпевает ряд изменений, причем феодально-племенные вожди постепенно уступают место новому хозяину — *оба-баши*, который, по мнению Вильчевского, ведет скотоводческое хозяйство «капиталистическими методами». Курдские восстания XIX века имели, по его мнению, антифеодальный характер и знаменовали новый этап в развитии этого народа. Мы вернемся ниже к роли *оба-баши*. Здесь же мы кратко рассмотрим вопрос об отношениях между племенным вождем и его подданными при феодальной системе.

В порядке натуральной повинности кочевники выделяют из своей среды в распоряжение вождя вооруженный отряд и за это получают право перегона скота по определенному маршруту, а также право пользования определенными территориями под выпас независимо от того, свободны эти земли или заняты (так, перегоняющие скот кочевники устраивают иногда стоянки на полях или лугах, которые обрабатывают оседлые жители).

Таковы факты, как их излагает Вильчевский; по мой взгляд, они могут быть истолкованы иначе. Правильнее было бы сказать, что, если кочевое племя достаточно велико и располагает серьезной вооруженной силой, находящейся в распоряжении вождя, оно в состоянии обеспечить себе переход на новое место и удовлетворить все свои нужды, связанные с перегоном скота.

Следовательно, это не повинность по отношению к феодалу, а просто жизненная необходимость, которой подчинено кочевое племя в борьбе за существование. Бесспорно, имеется различие между феодалом и племенным вождем.

Иногда их социальные функции могут совпадать, но в целом они различны. Феодалу нередко подвластно

227

несколько племен, и лишь в отношении тех из них, где он не является вождем наследственным, можно говорить о повинности, носящей обременительный характер и служащей целям, которые не являются целями данного племени.

В. Налоговая система

Это различие важно не упускать из виду и с методологической точки зрения, ибо, имея дело с феодальным властителем, мы отходим уже от племенных отношений в собственном смысле слова и вступаем в область государственности, хотя государство на Востоке и поныне представляет собой лишь более или менее устойчивую комбинацию племен, с которыми центральная власть соприкасается весьма слабо. Тем не менее и такое восточное государство осуществляет задачи и преследует цели, которые выходят за рамки задач и целей племени.

Психологический момент также заставляет нас проводить различие между вождем племени и феодальным сеньором. Какова бы ни была эксплуатация со стороны вождя (этого не следует отрицать), его интересы тесно связаны с интересами племени; его власть *не чужда* племени, а поэтому она более приемлема, даже если он ею злоупотребляет. К тому же эта власть имеет свои пределы, обусловленные возможностью низложения вождя и замены его другим.

Каждая кочевая община, занимающая определенное пастбище, выплачивает принадлежащего ей (см. перечень налогов, рассмотренный выше).

Помимо указанных налогов, существует пастбищный сбор (*hakk-oul merte*) и плата за водопой (*abkhor*), взимаемые собственником земель, по которым кочевники гонят свои стада.

Племенной вождь является посредником между правительством и кочевниками в осуществлении ими сюзеренных повинностей, которые, смотря по обстоятельствам, могут выражаться в службе (формирование вспомогательных военных отрядов), в поставках продукции производства (ach'ar; aghnam) или в упла-

228

те денег. Наиболее часты злоупотребления при взимании денежных налогов, размер которых устанавливается по усмотрению правительственного сборщика, кладущего разницу в свой карман. Нам кажется, однако, что фискальный аппарат правительства мало соприкасается непосредственно с курдским «налогоплательщиком». Я могу, например, в этой связи напомнить, что сбор налогов с кочевой части племени харки производился с переменным успехом при помощи засад, которые турецкие сборщики устраивали на подступах к месту, где, как было сказано в гл. III, эти кочевники ежегодно строили мост для перехода Зибара — Большого Заба. Можно упомянуть и о том, что в горном округе Тийяри (те же края) находилась скала, носящая многозначительное название «скала сборщика налогов»; это означало, что дальше этой скалы налоговые чиновники не рисковали проникать к налогоплательщикам¹).

¹Поэтому налоговые чиновники были безжалостны, когда им представлялся случай изыскать налог с неплательщиков курдов, как об этом свидетельствует, например, находящееся у меня письмо Суто-аги из Орамара Хейдер-паше, вали Мосула, написанное в 1915 г.: «Я имел честь предстать перед нашим превосходительством весной во время Великого Джихада, когда аскеры наступали на Тийяри и Тхуб. Вы тогда изволили приказать мне, чтобы орамарский аширет не оставался на месте, поэтому стада были переведены в каза Дехук, а я с людьми должен был остаться в Орамаре. Однако теперь представитель казны требует уплаты налога на скот с наших несчастных беженцев в Дехуке. Я прошу, чтобы правительство не взимало налога с беженцев, и надеюсь, что вы пойдете навстречу...»

Это письмо показывает также, что участие в священной войне не всегда освобождает верующих от налогов! Миллинджен (op. cit., p. 253) приводит случай с одним сборщиком, который вынужден был бежать без оглядки от разъяренных курдских женщин.

«В 1935 г. в одной парижской газете можно было прочесть следующие строки («Сан Филь», от 14 июня): «Недавно в районе Муша (Восточная Анатолия) произошла трагедия на почве взимания налоговой задолженности. Местность населена курдами. Они отказывались платить налоги и сборы, поэтому староста близлежащего селения в сопровождении двух жандармов, двух сборщиков налогов и муфтия (лицо духовного звания) решил поговорить с горцами из племени Сассун. Он начал увещевать их, доказывая необходимость налогов для современного цивилизованного государства. С первых слов горцы пришли в ярость и потребовали, чтобы пришельцы убирались подобру-поздорову, если им дорога жизнь. Те же продолжали призывать к благоразумию, и повинновению. Тогда горцы бросились на них и убили всех до единого».

229

При прежнем турецком режиме, как известно, сбор налогов осуществлялся путем откупа (ильтизама). Поэтому откупщику (мультазиму), который выплачивал казне на подрядных условиях обусловленную сумму, подлежащую сбору с того или иного округа, предоставлялось право возмещать ее себе любыми средствами. Для оседлого земледельческого населения «избежать налогов» было делом трудным, поскольку «предмет обложения» — урожай — не мог быть скрыт. Другое дело кочевники с их подвижными стадами. Здесь необходимо соглашение с племенными властями, которые этим, конечно, пользовались.

На основании добросовестного исследования г-жи Лэмбтон можно составить ясное представление о положении курдов в Иране, в большинстве своем оседлых; его можно сравнить с положением турецких крестьян, с той лишь разницей, что у курдов владелец земель является одновременно вождем племени. Его доля урожая, отбираемая у крестьянина, неодинакова в разных местностях (¹/₂ nisf-i-kari — испольщина); она равна ¹/₃, ¹/₅, ²/₅, ¹/₁₀, ¹/₁₅, ²/₁₅. По свидетельству Х.Л. Рейбино¹, большое распространение получила система дах-ду (dah-du). По договору этого типа урожай делится на 12 частей, из которых собственник берет 2, а производитель — 10. В этом случае крестьянин несет все

расходы, в то время как по системе *нисф-и-кари* он обязан обеспечить лишь семена и обработку, а собственник платит земельный налог (*малийят*) и несет расходы по уборке урожая.

Кроме того, землевладелец получает разного рода продукцию (масло, кур, яйца), взимает «гостевой сбор» (*qunaghlig*) и даже берет плату за разрешение на свадьбу (*suraneh*). Он взимает и плату за выпас, а как вождю племени ему дают еще по несколько овец. Сверх всего — и это самая тяжелая повинность! — крестьянин со своим ослом немало дней работает на землевладельца бесплатно (*bigari, dal*), не считая большого количества барщинных отработок (пахота, садовые работы, жатва)!

К сельской верхушке принадлежат *мубашир* (*mu-bachir*) —управляющий, *кедхуда* (*kedkhoda*) —старо-

H. L. R a b i n o, Report on Kurdistan, 1911, p. 1.

230

ста, *кухил* и *пакар* (*qukhil, rakar*)—охрана или надзиратели оросительных сооружений в районах, где применяется искусственное орошение, хотя в большинстве мест распространено богарное земледелие (*de-mat*). Земли, принадлежащие деревне, разделенные на *джуфты* (единица посева с определенным количеством семян), перераспределяются каждые 5-15 лет¹. Существенным пороком фискальной системы является то, что чаще всего правительство поручает взимание налогов самому землевладельцу, который, таким образом, получает и свою долю и налоги для казны, причем крестьянин-налогоплательщик лишен какой-либо возможности контролировать правильность обложения. Необходимо отметить², что закон от 24 азара 1313 года (декабрь 1934 г.), заменивший закон от 20 дея 1304 года (январь 1926 г.), которым вводились изменения в систему налогов на сельскохозяйственные продукты, устанавливал единый трехпроцентный натуральный налог на продукцию земледелия и скотоводства, поступающую в город или поселок городского типа или идущую на экспорт. Этот налог должен взиматься одновременно с каждой облагаемой единицы. На рассмотрение меджлиса с тех пор было представлено несколько законопроектов; ни один из них не был принят. В 1948 году налог на сельских владельцев был восстановлен в некоторых провинциях на основе кадастра, составление которого было начато еще в 1304 (1926) году.

* * *

Если мы обратимся к заметкам Кристова об экономических и социальных сторонах жизни курдского племени, то найдем у него лишь кое-какие сведения общего порядка, которые, однако, небезынтересно привести здесь, поскольку они частично подтверждают данные Вильчевского, хотя эти авторы стоят на различных точках зрения. Г. Кристов, рассматривая причины перехода кочевников к полукочевому образу жизни, ви-

¹*H. L. R a b i n o, op. cit.*

²*Ibid., p. 183—184.*

231

дит их в тяжелых налогах и военной повинности. Для уплаты налогов кочевники вынуждены продавать скот и заниматься земледелием, чтобы просуществовать, особенно когда возделывание земли облегчается хорошими естественными условиями.

По мнению Кристова, разорение кочевников есть следствие политики правительства; Вильчевский же объясняет его системой феодального гнета. Кристов добавляет, что полукочевые племена, почти не прибегающие к 'Набегам, разводят меньше лошадей и больше рогатого скота. Они более подвержены влиянию мусульманства, которое насаждает среди них школы по изучению корана и прививает нормы поведения согласно исламу, вытесняющие нормы обычного права. Отмечая, что

мало-помалу племенной строй разлагается и что на следующем этапе — этапе перехода к оседлости — курд рискует, если он не сохранит свой язык и фольклор, превратиться в «турецкого горца», как его теперь называют в Турции, или в простого иранского райята, от которого он действительно мало чем отличается, например в Керманшахе, Крестов утверждает также, что среди кочевников, занимающихся исключительно скотоводством, родовые и семейные связи преобладают над племенными и что для этого имеются свои экономические причины. Действительно, поскольку женщина является главной рабочей силой в овцеводстве и молочном хозяйстве и на пей же лежат заботы по поддержанию семьи, роль семьи возрастает. У мирных кочевников женщина в социальном отношении находится в более равных условиях, чем у пограничных племен, где заметна разница между женщиной из племенной верхушки и женщиной из простонародья (*ханум* и *айя*, см. гл. V). У пограничных племен вооруженная свита вождя нередко живет лишь на средства, полученные за счет «внеэкономического принуждения» (по выражению Вильчевского), в то время как остальная часть племени занимается скотоводством. Кроме того, воины живут за счет христианского населения (*zir-khourli* Тейлора, см. выше), которое и без того находится в большой зависимости от вождя племени, поскольку правительство нередко облакает его административной властью. В указанных племенах своя специфическая дисциплина берет верх над родо-

232

выми связями, экономическая роль которых ослаблена, поскольку имеются два источника существования: экономический и «внеэкономический». У таких племен разведению лошадей, необходимых воинам, придается большее значение.

Г. Организация *оба*

Посмотрим теперь, какое место занимает во всей этой племенной и феодальной системе организация *оба* и каково ее влияние на экономический строй курдов. *Оба*, как нам разъясняет Вильчевский, к работе которого мы обращаемся,— это добровольное объединение нескольких семей, стада которых летом образуют одно общее стадо под присмотром специально нанятых чабанов. Работы, связанные с переработкой молока, стрижкой овец и т. п., выполняются каждой семьей отдельно, и кооперация распространяется лишь на совместный выпас овец, причем пастбище и маршрут заранее обозначаются в соглашении *оба*. Величина стада зависит от размеров и качества пастбищ и числа нанятых чабанов. Количество голов колеблется между 500 и 10000, а число кооперирующихся семей зависит от размеров-общего стада и доли каждой семьи в нем. В среднем *оба* включает 8—15 шатров, хотя бывает, что *оба* соответствует всего одной семье, а иногда насчитывает 20—25 семей. В настоящее время типичный договор *оба* в Северном Курдистане объединяет 15—20 семей, обладающих сообща 1000—2000 голов овец. Вопрос о происхождении *оба* еще не исследован. Возможны две версии на этот счет:

1. *Оба* возникла под влиянием роста феодальных отношений в процессе образования индивидуальных натуральных хозяйств, при разложении предшествующего феодализму родового строя.

2. *Оба* возникла как результат слияния слабых натуральных хозяйств, испытывавших непомерный гнет феодала и оказавшихся не в состоянии в одиночку обеспечить выпас скота. О. Л. Вильчевский считает, что оба эти фактора способствовали одновременно созданию системы *оба*, в которой можно видеть и связь с родопле-меппоп организацией и попытку выйти из стадии натурального хозяйства при помощи найма квалифицированных пастухов.

233

Обычно, анализируя *оба*, исходят из того факта, что она объединяет на известном основании определенную часть пастбищ (*вар, зозан* или *юрт*) в одно владение. *Оба* характеризуют также как результат совместного владения пастбищами группой индивидуальных кочевых хозяйств. Однако, как указывалось выше, пастбища принадлежат всему племени в целом, и оно выплачивает за них феодалу определенную дань, взимаемую с каждого отдельного «очага», а *оба* является лишь кооперацией с целью лучшего использования части пастбищ путем коллективного выпаса. *Оба* формируются каждый год весной перед перегоном скота на летние пастбища, и действие договора длится до поздней осени, когда скот возвращается на зимовку. Впрочем, не следует забывать, что на практике любая принципиальная схема усложняется. Иногда *оба* может совпасть и совпадает с целым племенем или частью племени, если речь идет о кочевниках; она может совпасть с сельской общиной у оседлого или полуоседлого населения; наконец, не исключен и такой вариант, когда *оба* представляет собой неделимую экономическую единицу.

Во всех этих случаях *оба*, конечно, может совпасть с одной из соответствующих феодальных единиц, и речь тогда не может идти о добровольно-кооперативном характере ее, но Вильчевского *оба* интересует в чистой форме, вокруг которой и разворачивается «классовая борьба» в Курдистане.

Существуют два типа *оба*:

1. *Оба*, основанная на принципе абсолютного равенства вступивших членов (*djol*), которые сообща ведут переговоры с пастухами и несут все расходы пропорционально числу скота у каждого.

2. *Оба*, возникшая в результате допуска в свое стадо одним из членов (*оба bachi, serobe*) стад других членов, причем с пастухами договаривается только *оба-баши*, которому остальные выплачивают установленное вознаграждение. Вот в этой-то второй форме и действует обычно система *оба*.

Здесь мы можем опустить полемику Вильчевского с Егиазаровым, занимавшимся проблемой *оба* около 1885 года. Егиазаров считает *оба* родовым учреждением. «Курды объединены в патриархальные демократические общины, все члены которых, как богатые, так и бедные,

234

пользуются равными правами. Богатые и знатные семейства пользуются лишь большим влиянием и уважением».

Вильчевский, напротив, считает, что патриархальная родовая организация является для курдов пройденным этапом, изменившим свой характер под влиянием феодализма, что в недрах курдской общины уже идет социальное расслоение и имеются зачатки классовой борьбы.

Мы воздержимся от участия в этом споре. Нельзя отрицать, однако, тот факт, что наследственная власть *аги* сохраняет еще свое значение. Минорский, на которого мы уже ссылались в настоящей главе, признает, что эксплуатация агой его подданных (факт, который он не ставит под сомнение) смягчается патриархальными отношениями между ними. С другой стороны, молла Саид, обучавший меня курдскому языку, не скрывал от меня своего неодобрительного отношения к шейхам и ага. Он обвинял их в стремлении удерживать массы в невежестве, дабы было легче эксплуатировать их; он считал, что интриги и действия курдских вождей, продиктованные личными соображениями, задерживают развитие курдского народа и его эволюцию как нации. Молла Саид, сам курд по национальности, с горечью говорил и о том, что все правители его народа, «выйдя в большие люди» и захватив бразды правления, всеми силами стремятся доказать свое «знатное происхождение». Молла Саид говорил об этом с большой иронией, употребляя весьма образные выражения: «Каждый, кто становится беком, заявляет и стремится внушить всем, что он из рода Абасси, или Амери, или Халиди, или такой (*foulani*), или

сякой (bevani), или луковкин сын (pevaziî), или репкин сын (syłkî), или морковкин сын (guezerî), но только не курд!» Следовательно, заключал мой учитель, обладавший большой эрудицией и прекрасно знавший Хадит (слово пророка), к людям этим, упрочивающим свое положение эксплуатацией доброго курдского народа, вполне применимы слова Мухаммеда, сказавшего: «İttaki charra mann ahsanta ilaihi». «Опасайся больше всего того, кому ты сделал добро».

Бесспорно, однако (и сам Вильчевский отмечает это), что феодализм (а по моему мнению, племенной строй) предохранил Курдистан от иноземных захватчи-

235

ков. Ему же Курдистан обязан своей самобытностью, Но если Курдистан не покончит с племенным этапом своей истории, он никогда не сумеет стать национальным государством.

Возвращаясь к проблеме *оба*, отметим, что, согласно выкладкам Вильчевского, *оба-баши* никогда не платит за пастьбу своего скота, перекладывая все расходы по оплате труда пастухов на других членов *оба*, *джолов*, обращая, таким образом, в свою пользу все выгоды от коллективной пастьбы.

Поскольку наем пастухов требует значительных расходов, *оба-баши*, пользующийся монопольным правом найма, становился фактическим хозяином выпасов, принадлежавших селению в целом или всему племени. Став хозяином, *оба-баши* принимает в свое стадо на летний период скот окрестного оседлого населения, получая и тут значительную долю барышей. Чтобы сделать еще более прибыльной эту операцию, называемую *киасм* или *миширифти* (*kiasm* или *michrifti*), *оба-баши* постепенно вытесняет из *оба* часть ее членов, отказываясь принимать их скот в свое стадо.

Этот процесс роста влияния *оба-баши* тесно связан с постепенным разложением натурального хозяйства курдских скотоводов, развитием товарных отношений и возрастающей активностью местных внутренних рынков. При этом беднейшие слои курдского крестьянства оказывались не в состоянии безубыточно вести свое мелкое хозяйство и оказывались, таким образом, перед необходимостью продавать свою рабочую силу, что в свою очередь ускоряло развитие капиталистических отношений в Курдистане и ослабляло феодальные связи. Централизаторская политика иранского и турецкого правительств, таким образом, подрывает военную мощь курдских феодалов, опиравшихся на отряды, выставляемые вассальными племенами; на смену этой системе приходит регулярная армия центрального правительства. Та же причина лишает курдского феодала его основной экономической базы, заключающейся в эксплуатации оседлого населения окрестных деревень.

Так на протяжении XIX века постепенно распадается курдский племенной строй; социально-экономический уклад курдов претерпевает существенные изменения и Курдистан вступает на новые исторические пути, о ко-

236

торых речь пойдет ниже, в главе, посвященной курдскому национально-освободительному движению.

P. S. Настоящий труд был уже завершён, когда внимание автора привлекли две новые работы; первая из них написана на русском языке и принадлежит перу Петрушевского, который рассматривает историю феодальных отношений в Армении и Азербайджане с XVI века и до начала XIX века и затрагивает в своей работе вопросы налогового статуса курдских племен¹). В свою очередь Амер Лютфи Баркан опубликовал на турецком языке сборник законодательных актов, касающихся аграрно-экономических отношений, где мы находим немало указаний на положение курдских племен в XV—XVI веках (Стамбул, 1945). Я не смог использовать эти источники при подготовке своей книги

и ограничусь лишь их упоминанием. Впрочем, в общем и целом в них нет ничего противоречащего моим наблюдениям. Интересно отметить, что, по свидетельству Петрушевского, курдские кочевые племена в смысле налогов находились в более выгодных условиях, чем племена оседлые, но зато они чаще подвергались призыву па военную службу. У Петрушевского мы также находим упоминание о нескольких случаях курдских восстаний, вызванных налоговым бременем.

¹ И. П. Петрушевский, *цит. соч.*, стр. 291, 310, 315, 332, 335.

237

ГЛАВА VII

ИСТОРИЯ ПЛЕМЕН И ИХ РАССЕЛЕНИЕ

1. История возникновения племен

Желание познакомиться с историей курдских племен (гл. I дала нам представление о происхождении этого народа), вернее, узнать предысторию или по крайней мере историю возникновения племен уведет нас в глубокую древность истории этой части Азии. Если не считать сведений, уже полученных археологией относительно ассиро-вавилонян, эламитов и халдов, мы мало, вернее совершенно недостаточно, знаем о горных малодоступных районах этих территорий, которые, однако, известны как исконно курдские места обитания. Одна из обширных областей исследования выпадает из поля зрения. Немного стран имеет такое множество руин, старинных укреплений, крепостей, как Курдистан, восклицает Диксон, исколесивший его во всех направлениях. Это настоящий рай для археологии. Какое множество скал и головокружительных вершин, по выражению Саргона, «вонзающихся, словно кинжалы, в небо», Саргона, который стремительно вторгся со своими войсками в эти области. На большинстве этих вершин имеются различные следы обитателей предшествовавших эпох — древних курдов, ассирийцев, халдов (урарту).

Во многих местах можно наткнуться па циклопические глыбы, походящие на утесы. Однако они расположены таким образом, что не вызывают сомнений о вмешательстве человека, или гигантов, как говорят теперь местные жители. На всех зеленеющих долинах Нордуза, прямо на юг от массива Арност, имеется много руин такого же происхождения. По-видимому, это башни или укрепления. Самые южные из них, пишет Диксон,

238

находятся в деревне Сат, в области Харки-Орамар, а самые грандиозные расположены на одной из высоких шпор Джуди-дага. Эта гора и местность, именуемая Финек (древняя Пинака),— настоящие археологические музеи древностей, начиная от пещеры троглодитов до глинобитной курдской лачуги с промежуточными слоями ассирийцев, персов, греков, римлян, арабов и сельджуков. На южных утесах Джуди-дага и в небольших долинах юга имеется немало ассирийских руин, высеченных скал, барельефов и надписей. Местные жители все это приписывают Синнахерибу, потому, вероятно, что это единственный вавилонский царь, упомянутый в Библии. На вершине горы есть четыре каменные стелы в виде столбов с глинописными барельефами (см. гл. II), обращенными на четыре страны света. Они очень сильно повреждены и находятся в труднодоступном для фотографирования месте. Джизре и Мукус в эпоху Диоклетиана были римскими форпостами; для путешественника интересны обнаруживаемые следы оккупации, а также остатки дорог, укреплений и т. д. В живописной долине Хизан в хорошем состоянии сохранилась крепость, по-видимому, римская. Здесь, вероятно, была

столица римской провинции Моксена, расположенная между двумя сопредельными государствами — Арменией и Месопотамией. Эти развалины представляют собой крепость в 210 кв. м. Первоначально стены имели высоту 7,6 м, а толщину от 4,6 до 6,1 м. Наполовину вращающиеся квадратные башни расположены в 18,3 м друг от друга, возвышаясь над стеной. Вокруг видны руины, оставшиеся от сельджуков, подле которых курды строили свои лачуги.

Тщательное изучение циклопических сооружений Курдистана, упомянутых Диксоном, а также и другими авторами, позволит, разумеется, лучше познакомиться с предысторией и историей возникновения курдов. И действительно, такого рода остатки сооружений в Закавказье дали возможность русским археологам сделать определенные выводы относительно социального строя у обитателей этих районов в эпоху их завоевания халдами (VIII—VII вв. до п. э.). По аналогии можно сделать предположения относительно социального и политического строя у людей, живших в эпоху циклопических сооружений Урарту (часть современного Курдистана).

239

Археологические данные и клинописные халдскио надписи подтверждают присутствие в Закавказье отдельных независимых социальных групп во главе с вождем (*iran* и *ichan*). На надписях иногда встречаются названия племен, но обычно надписи сообщают о победах или пленении народа какой-либо страны или города. Предполагают, что в это время в Закавказье племен еще не было. Скотоводство играло ведущую роль в экономической жизни; халдские надписи упоминают только о людях и о скоте как военной добыче. Громадные крепости, точнее говоря, места обитания, расположенные довольно близко друг от друга, принадлежали пастушескому народу. Для защиты этих мест обитания от набегов соседей их окружали прочными каменными стенами. Резиденцию вождя часто находят внутри крепости. Вождь, опорой которого составляли воины, выделялся среди остального населения, не принадлежа, однако, к другому классу. Закавказские царские погребения действительно не отличаются от погребений остального населения, если сравнить их с погребениями скифов-кочевников. Но эти же погребения наводят на предположение о существовании рабства. Передвижение громадных каменных глыб свидетельствует о тяжелом труде, выполняемом, вероятно, рабами. Нет оснований говорить о частной собственности на скот. Это наводит на мысль, что установление частной собственности вождя на скот было решающей причиной, приведшей к разложению социальных групп. Короче, социальная структура тут напоминает структуру родового общества на стадии его перехода в феодальное¹.

Так, начиная с этой очень отдаленной эпохи благодаря проницательности археологов, основанной на толковании остатков материальной культуры, становятся яснее существовавшие тогда социальные отношения. И разве не таким путем мы почерпнули (между прочим, и из превосходной работы Глотца о доэллипской цивилизации) наши сведения о критском обществе, изучение которого было более трудным из-за невозможности прочесть критские письма [в данное время расшифрованные.— В. Н.]. Ныне археологи, более деятельно производя свои раскопки и поиски в Курдистане, должны дать

1. И. И. Мещанинов, *Циклопические сооружения Закавказья*, «Известия ГАИМК», т. XIII, вып. 4—7, 1932.

240

нам сведения о предках курдов именно в бассейне Верхнего Тигра и в южном Тавре, где, по единодушному мнению, находится место их зарождения¹).

Впрочем, одно лишь тщательное исследование современной материальной культуры приводит к любопытным выводам о неизменности некоторых обычаев. Так, например, Миллинджен² рассказывает нам, как он открыл в Курдистане точно такие же цементные

цистерны для хранения вина, какие описал Ксенофонт в своем «Анабазисе». Он прав, комментируя свое открытие следующими словами: «Фактом большой исторической важности является то, что в наши дни среди населения Курдистана и Армении обнаружены такие же обычаи и нравы, какие были характерны для их предков. Ведь на Востоке одна религия сменяла другую, один победитель подчинял другого; мидийцев, армян и кардухов прошлых времен нельзя усматривать в их потомках. Как в геологии элементы, известные под названием окаменелых остатков, испытывают разрушительное действие времени и подвергаются химическому разложению, так и в истории народов имеются обычаи и порядки, которые, подобно окаменелым остаткам материальной культуры, претерпевают социальные катастрофы и распад». Этот же автор ссылается, однако, на Ксенофонта и кардухов по другому поводу; он это делает, описывая, например, курдское жилище или выражая свое удивление по поводу быстроты, с какой курдские пастухи (подобно кардухам при приближении десятитысячного отряда Ксенофонта) устанавливают между собой связь и предупреждают друг друга об опасности.

Будем надеяться, что по мере новых археологических и этнологических исследований истории курдов мы восполним пробелы в хронологии, имеющиеся в данное время между существованием халдов (VIII—VII в. до н. э.), киртиев (VI в. до н. э.), кардухов (IV в. до н. э.), картеваев из сирийских хроник (IV в. н. э.), с одной стороны, и курдских племен, которые нам известны по мусульманским источникам, — с другой.

¹Археологические исследования Курдистана были объектом работ Леман-Гаупта, Белька, Штрека, Биллербека и других; юг изучался Дьяконовым.

²M i I I i n g e n, *op. cit.*, p. 129—134.

241

Немало перипетий сулит нам и обзор истории Курдистана на протяжении веков. Как указывает Шарм у а в предисловии к переводу «Шереф-наме», юго-восточная часть Центрального Курдистана последовательно находилась у армянской династии Хайкан, которая была зависима от Ахеменидов; у Александра Македонского; у армянских Аршакидов; у Александра — сына Марка Антония и Клеопатры; у Аршакидов — вассалов то парфян, то римлян; у Сасанидов Ардешира и Шаппура; у римских императоров от Галерия до Иовиана; снова у Сасанидов; византийского императора Феодосия, у армянских Аршакидов, зависимых от Сасанидов; еще раз у византийцев, наконец, у первых арабских завоевателей, у армянских князей Артцруни, которые были вассалами арабов и первой династии независимых курдов Мерванидов, господствовавшей от 990 до 1096 года; у династии Шахармен (1100—1207) в Хлате (Ахлате), Диярбакыре и Эрзуруме, тогда как Шеддаиды (951 — 1088), современники Мерванидов, были в Ани (Закавказье). Далее снова одни за другими следовали восточные завоеватели: в XI веке появились сельджуки. В 1049 году они продвинулись до лесных массивов Хордзена (позднее Дерсим), но были отброшены византийским правителем Филаретом Варайпури. Сельджуки распространили феодальные порядки (iqta) на курдских эмиров, которые стали их вассалами. Они вытеснили Шеддаидов из Гандже и уступили им Ани. Затем курды вели борьбу с монголами: сначала в XIII веке против хана Хулагу, позднее, около 1400 года, против Тимур Ленга (Тамерлана), который пережил весьма неприятный момент, когда проходил через Курдистан под Амадией. В XIV веке курды двинулись из северной Месопотамии по направлению к южной Армении и к горной цепи Загрос. В XV веке, во времена туркоманов Кара и Ак Коионлу, эмир Битлиса отдал свою дочь замуж за Кара Юсуфа и стал его союзником. Но при Узун Хассан Ак Коионлу между 1460 и 1470 годами Курдистан (Хисн-Кеиф, Битлис, Джизре, Сиирт и Хакяри) одержал победу. Наконец, в XVI веке новые завоеватели пришли с запада, это были турки-османы; начиная с 1514 года (победы турок над иранцами в Чилдиране, северо-западнее озера Урмия) судьбы Курдистана переплелись с Турцией. Этого краткого перечисления с упо-

минанием стольких имен и исторических эпох в Передней Азии достаточно, чтобы показать читателю, сколь разнообразна и увлекательна была история курдов, представляющая для нас, несомненно, большой интерес. Она ждет еще своего исследователя...

2. Территориальная экспансия курдов

Что касается территориального пространства курдов, то читатель уже познакомился с этим вопросом в гл. II пашей книги. Итак, от своего первоначального места обитания в Мидии курды на протяжении веков распространились во всех направлениях, и ныне их самая западная точка проходит в окрестностях Антиохии и Алеппо (Халеб); на востоке они обитают в Хорасане на границе с Афганистаном, куда они перекочевали при шахе Аббасе Великом и Надир-шахе; встречаются также отдельные группы курдов, еще мало известные среди туркмен Атрека. Самые северные курды живут в Советском Азербайджане. Эти курды ведут свое начало от племен, отряды которых принимали участие в турецко-иранской войне 1889 года; на юге, наконец, их крайней границей служит дорога на Керманшах.

Мы не будем называть все весьма многочисленные курдские племена, смешавшиеся и переместившиеся в ходе истории и осевшие в настоящее время в четырех государствах: Турции, Иране, Ираке и СССР (добавим: и в пятом, в Сирии). Названия и места обитания племен в течение веков претерпели большие изменения. К концу XVI века в «Шереф-наме» появились первые данные о курдских племенах в Турции и Иране. До этого в мусульманских исторических и географических работах имелись лишь случайные упоминания некоторых племен, игравших определенную роль в истории внутренней Азии. В «Шереф-наме» предпринята первая попытка систематизировать все сведения. Согласно этому источнику, курды делятся¹) на четыре основные ветви, а имен-

¹ Рондо в своем исследовании поднимает интересный вопрос об отождествлении мелких племенных кланов с двумя большими подразделениями курдского племени миллов и силивов (зилан). «Я не думаю, однако, чтобы эти деления были классическими,— говорит Рондо. — Известны и другие. Так, мне называли четыре основные группы: лур, келхор, соран и гуранн, которые, видимо, различаются главным образом по их диалекту». Остается сказать, что Рондо прав, привлекая наше внимание к этой проблеме курдологии. Он констатирует, что «в современном состоянии исследования о курдах нет еще на этот счет ведущей нити». «Однако можно,— продолжает он,— сослаться на сведения, данные Марком Сайксом и другими исследователями, относительно вождей племени мили, о миланах и силиванах (или зиланах); согласно этому источнику, нужно видеть в миланах и зиланах две основные группы, различающиеся с самого своего возникновения и по-иному развивавшиеся: зиланы пришли с Востока, остались кочевниками высоких гор, приверженными к древним курдским традициям; миланы мягче, интеллигентнее и благодаря этим качествам более поддаются влияниям. Эта последняя группа племен в результате междоусобной борьбы разделилась на две ветви: ганури и банури; первыми вышли племена хасенан, хейдеран и др. Верхнего Курдистана. Вторая— конфедерация племен мили.

Для курдов характерно также дробление и аналогичные объединения, в которых трудно разобраться при современном уровне наших знаний о курдах. Так, например, разделились ли на две ветви ботаны, принадлежа к группе зилан? Происхождение, природа и развитие курдских племен остаются довольно туманными. Следовало бы подчеркнуть тот интерес, который вызвала бы разработка этой трудной темы, позволив нам лучше познакомиться с курдскими племенами» (op. cit., p. 26—27).

но: 1) курманджи; 2) луры; 3) келхоры; 4) гуранн. Курманджи заселяют область от озера Ван до провинции Арделан в Иране. Гуранн — земледельческий народ в Арделане, так же как и несколько кочевых племен к югу от Арделана и на северо-западе Керманшаха. К югу от гуранн находятся келхоры и еще южнее луры. Последние, однако, говорят на

своем собственном диалекте, и востоковеды их не считают курдами. В 1856 году П. Лерх (см. его работу, которую мы цитировали и гл. I) составил путем очень добросовестной обработки всех европейских и восточных источников, которые он смог собрать в то время, список курдских племен в Турции, Иране и России, который занимает приблизительно 60 страниц его работы (стр. 63—121). После Лерха никто не предпринимал аналогичной попытки, однако следует упомянуть и работу англичанина Марка Сайкса¹), который путешествовал по Курдистану и составил список и карту этих племен. (Существует также русская карта полковника Карпова, см. «Бюллетень Кавказского отделения Русского географического императорского общества», 1897.) Следует, наконец, упомянуть моногра-

¹*M. Sykes, The Kurdish Tribes of the Ottoman Empire, «J. R. Anthropol. Inst.», XXXVIII, London, 1908.*

244

фии, посвященные изучению различных курдских районов, опубликованные Минорским в «Энциклопедии Ислама». Минорскому же принадлежат точные и ценные сведения о курдских племенах, живущих по обе стороны турецко-иранской границы, которую он имел случай изучать, будучи русским комиссаром в пограничной комиссии этих двух государств в 1914 году. Эти исследования были опубликованы в конфиденциальных «Материалах» русского министерства иностранных дел и поэтому не были доступны для всех¹. Вследствие невозможности рассмотреть здесь хотя бы кратко все обилие документации ограничимся изложением нескольких основных черт и очевидных фактов, следуя Сону, сведения которого будут в случае необходимости дополнены или прокорректированы данными, взятыми из других источников.

А. Племена Центрального Курдистана (Турция)

1. Хаккяри и Битлис

Обратившись сначала к центру древнего Курдистана, к Битлису и к области Хаккяри (верхнее течение Большого Заба, горы на юге озера Ван до Тигра и Джизре-ибп-Омар), мы найдем племя хаккяри, которое осведомленные люди считают распространившимся на север до Баязита, города, населенного большей частью людьми из этого племени; это же племя дало из своей среды князей Равандуза; оно продвинулось на юг. После взятия Диярбакыра Тамерланом в XIV веке в область Хаккяри был назначен правителем эмир Кара Осман. Понимая, что эта горная страна представляет трудности для завоевания, он искал возможности в нее проникнуть, желая путем брачного союза породниться с феодальным кланом Хаккяри. Действуя таким образом, он

¹*Рейбино (H. L. Rabin o, Report on Kurdistan, 1911) дает подробные списки племен Арделана. В бейрутском курдском журнале «Рожа Ноу». № 66 и 68 за 1946 год, под заголовком «Naskirina Kurdistan» есть полные списки племен как в Турции, так и в Ираке и Иране; наконец, они кратко перечислены в журнале «Бахтияр Тегерана» (см. «Восток-Запад», CCLXXX, от 15 июня 1954 г.).*

245

привлек к себе местные племена; когда слава Тамерлана померкла в Курдистане, эмир Кара Осман стал настоящим курдом, восприняв нравы и обычаи курдов, их стремления, передав это затем своим потомкам, которые привели древнее племя хаккяри к новому расцвету; они приняли титул князей и с большим блеском упрочили свою власть в Битлисе, где их правление длилось вплоть до XIX века.

Мы, таким образом, привели версию о племени хаккяри, данную Соном, однако следует заметить, что она в корне отличается от той, которая дается в «Шереф-наме» и которой мы отдаем предпочтение. Сон хорошо знал курдов Сулеймание и Арделана, а

также курдов, живущих южнее, но его сведения о курдах севера менее достоверны. Вожди племени хакяри, резиденция которых находилась в Джуламерге (после их изгнания из Амадии атабеками Зенгуи в XIII в., в 1218 г.), в верховьях Большого Заба, претендовали на происхождение от Аббасидов. Первым князем этой династии, упомянутым в «Шереф-наме», был Иззедин Шир. Он пытался оказать сопротивление Тамерлану в крепости Ван в 1387 году, но разве возникал вопрос о его замене каким-нибудь Кара Османом? Эта первая линия хакяри была вытеснена племенем домболи, однако другой местный княжеский род установил свою власть с помощью несторианцев, получив название Шембо.

На севере власть этого рода простиралась до округа Албак с главным городом Башкала. Последний представитель этого рода, Нуралла-бек, был смещен турками, и в 1545 году Башкала был передан турецкими властями некоей Халиме-ханум.

Что касается князей Битлиса, то их племя называлось *рузгои* и насчитывало 24 рода. Напомним (мы уже говорили об этом в гл. VI), что не следует отождествлять феодального правителя с племенем. Феодальный правитель в действительности управляет многими племенами, которые могут быть курдскими, курдоизированными и даже христианскими. Он является племенным вождем только по отношению к своему племени, которое его содержит и к тому же нередко предоставляет ему необходимую воинскую силу для поддержания его власти. Он может и не быть курдом, как мы это видели на примере сердара Еревана (см. гл. VI), кото-

246

рип был гаджаром. Что касается князей Битлиса, то они носили имя Сарасбеков. Они владели в Битлисе настоящим феодальным замком (см. гл. IV) и могли распорядиться армией от 20 до 25 тыс. всадников. Султану и шаху хотелось склонить их на свою сторону вследствие стратегического положения Битлиса, стоящего на пути от Халеба (Алеппо) к Тавру. Начиная с конца XVII века каждый новый князь этой династии, соблюдая форму, делал небольшой подарок Блистательной Порте¹). Эти князья стали столь могущественны, что сумели заключить очень мудрые соглашения с племенами в Джизре-ибн-Омаре, в Амадии, Джуламерге и Разандузе, а беки и князья принадлежали к племени хакяри. Возможно, Сон и прав относительно Амадии и Джуламерга, но Джизре и Равандуз имели своих собственных князей и были не зависимы в своей политике как внутри, так и вовне, не считаясь с притязаниями иранцев и турок на их неприступную территорию. Под властью этих князей Битлис стал важным центром. Это Идриси, блестящему министру султана Селима, курду из племени хакяри, следует поставить в заслугу распространение власти этого племени на другие курдские земли.

2. Курдские племена в Армении

Нет сомнения в том, что упадок феодального режима в Турции и ослабление власти турецких беев открыли новые возможности для курдов, но вследствие политической акции турецкого правительства большая часть их тяготела к Армении, где они и обосновались. После победы над иранцами на Чилдиранской равнине в 1514 году Идриси переселил племена хайдеранлу, а также племена, союзные с ними, на север, в Армению, вдоль новых турецких границ с Ираном и Грузией, с тем чтобы обезопасить свои границы. Эти племена были освобождены от налогов при условии создания ими своего рода постоянной милиции, находящейся на службе турецкого государства. Однако во время войны 1829 года, в 1854 и 1877 годах отношение курдов было

1. H.F. B. Lynch, *Armenia, Travels and Studies*, vol.II, p. 191 — 192.

247

двойственным, они не оправдали надежд, которые на них возлагали турки¹). Можно ли переселение курдов в Армении датировать только этим временем? Минорский полагает, однако, что курды распространились на север в более раннюю эпоху². Сначала это были кочевники, а затем часть курдов выступила в качестве приверженцев ислама, оказывавшего давление на христиан. Известно, например, что предки знаменитого Саладина, принадлежавшего к племени равенд, кочевали уже в IX веке около Двина (близ Еревана). Вспомним также, что, согласно «Шереф-наме», племя рузгои отняло Битлис и Хазо у известного грузинского князя Давида. Согласно этому же источнику, приход династии курдов в Битлис относится к 837 году. Допустим, эта дата могла быть более поздней, но это событие все же должно было произойти не позднее X—XI веков. Курды мало-помалу завладели таким образом некоторыми частями армянского царства, прекратившего свое существование в XI веке.

Согласно Линчу, основными курдскими племенами в Армении (Эрзурумский вилайет) были: зиреки, джибранли, зирканли, зиланли, хасананли, хаидеранли, адаманли, сипканли и мамаканли. П. И. Аверьянов называет те же племена, добавляя к ним следующее: джемаданли, джелали (они станут также армянскими курдами, разделенными на восемь родов: котанли, соранли, саганли, хасананли, кечананли, дутканли, капдеканли и джинанканли), касканли, шадели, бедели, кизылбаши Коруджана (чарекли, *балабан*, бал-ушаги, кечилан и лоланли).

Князья Битлиса достигли вершины своего могущества в XVI, XVII и XVIII веках, то пользуясь независимостью, то признавая верховенство Ирана или Турции, а иногда отказываясь от него под предлогом невмешательства во внутренние дела. Последний князь этого рода Шериф-бей оказывал туркам сопротивление в течение многих лет в первой половине XIX века, когда турки приложили все усилия, чтобы подчинить Курдистан своей власти. Попав в плен в 1849 году, Шериф-бей был перевезен в Константинополь, и с тех пор Битлисом стал править турок.

¹Н. F. B. Lynch, *op. cit.*, vol. II, p.541—542.

²Шахармены, как говорилось выше, сделали это в XII в.

248

Несмотря на то что хакяри, таким образом, лишились своей столицы, они и поныне (то есть вплоть до кемалистского режима) сохранили свою мощь и хорошо известны в горной части района своего обитания. Турки, по их мнению, заняли примирительную позицию, рассчитывая на лояльность этого племени в пограничной зоне. Откроем здесь скобку, заметив, что Сон придерживался такой же точки зрения и перед мировой войной 1914—1918 годов. С тех пор положение изменилось. Во время первой мировой войны эти пограничные племена принимали участие в священной войне на стороне турок, покорив и опустошив христианские племена несторианцев в этой местности. После первой мировой войны и перед турецко-иракским уточнением границ, осуществленным только после 1925 года, положение в этом районе было скорее неустойчивым. В итоге теперь политика Турции, видимо, не может более основываться на лояльности курдов, как об этом говорилось в свое время. Что касается хакяри, то следует напомнить один любопытный обычай, связанный с переходом власти. Если местный хан признается недостойным для передачи ему власти, созывают совет знати. Совет изучает ситуацию, и, если признает необходимым отстранение хана, перед ним ставят пару сапог. Это означает, что хан должен их надеть и покинуть собрание, согласившись, таким образом, на приход другого кандидата к власти. Однако земля и владение смещенного хана не конфискуются.

По соседству с хакяри в округе Дерсим (вилайет Харпут) находятся курды заза — обособленное племя, о котором известно только то, что оно обитает в этих горах много веков. Я очень сожалею, — говорит Сон, — что не смог у них побывать, так как их арийский диалект относясь к той же группе, что персидский и курдский не походит,

однако, ни на тот, ни на другой. Это племя живет на Верхнем Тигре. Путешественники говорят о нем как о «забавном, маленьком, малообщительном народе». Те, кого я встречал, были действительно

¹О Дерсиме теперь есть работа уроженца этой области, который просит извинения за то, что написал ее по-турецки. Работа называется: «*Kurdistan Tarihinde Dersim*», par le Dr Vet. M. Nuri Dersimi, Alep, 1952.

249

недоверчивы, но, судя по их внешности, это простой и чистый тип людей низкорослых, храбрых и работающих. У большинства из них голубые глаза и светлые волосы.

Б. Племена южного Курдистана (Ирак)

1. Б а б а н.

Та же система, которую Турция применила в отношении Армении, чтобы защитить свои границы на севере, была распространена позднее на южный Курдистан (входящий в настоящее время в Ирак), начиная с его захвата султаном Мурадом IV, где продолжали править по наследству курдские беки с согласия Константинополя. Однако в начале XVIII века эта область, именуемая иялет Шехризур (см. гл. II), была поставлена в прямую зависимость от вице-короля Ирака, который отныне назначал курдских беков в шести санджаках этого иялета: Киркуке, Эрбиле, Кой-Санджаке, Карачолане, Равандузе и Харире. Эти беки получали от Блистательной Порты звание *мириман*, а от паши знак власти и обязывались поддерживать в военном отношении турок, отражать нападение их врагов, равно как и снабжать фуражом и продовольствием турецкие войска в иракской провинции. За это они освобождались от всех других налогов и правительственных сборов. В этой части Курдистана упомянем о племени бебе, или бабан, которое происходит от исчезнувшего племени соран (о котором упоминается в «Шереф-наме»). Бабан получили это название от имени их вождя, Бебе Сулейман Пишдера, который около 1678 года оказал туркам большую услугу в их борьбе против Ирана. Один из беев этого рода, Ибрагим-паша, основал в 1786 году на месте поселка Мелик Хенди город, который назвал в честь Буйук Сулеймана, вице-короля Ирака, Сулеймание, ставшим резиденцией беев племени бабан. Исмаил Хакки, младотурок и член турецкого парламента, принадлежал к этому роду, так же как и Хамди-бей Бабан, упомянутый нами в гл. V, собравший великолепную документацию об истории своего рода и своего племени. В багдадском правительстве неоднократно имелись представители рода бабан в составе их кабинетов.

250

3. Х е м а в е н д

Назовем также в этой местности федерацию племени Демавенд. Это племя принимало активное участие в русско-турецкой войне 1877—1878 годов и было награждено пожалованием земли в области Базиан (Чамча-мал). Диксон говорит о них так: «Страна между Киркуком и Сулеймание — это область курдов хемавенд, кочевого племени в 2000 ружей». Несколько лет назад (Диксон писал это в 1910 году) турецкое правительство попыталось их наказать. После долгих поисков турецкому отряду удалось захватить несколько человек, которые были перевезены в Триполи. Один из их вождей сказал мне с гордостью, что три недели спустя после их прибытия туда они сбежали, проделав пешком всю обратную дорогу до самой иранской границы (см. л. VI). Они носят одежду полуарабского типа, ездят на кобылах, как арабы, и барышничают лошадьми. На высоком

нагорье курды, как известно, ездят только на жеребцах, считая кобыл непригодными для езды.

В. Племена Иранского Курдистана

1. М у к р и

Покинем теперь турецкую территорию и повернем к юго востоку, где в Иране обнаружим племена мукри и арделан. Племя мукри занимает местность, расположенную к югу от озера Урмия, и является южной ветвью северных курдов. Мукри говорят на курдском диалекте, фонетика и грамматика которого, вероятно, наиболее определившиеся. Мукри претендуют на то, что их диалект самый древний. Но его древность, вероятно, не превосходит другие курдские наречия, хотя прекрасно сохранившиеся старинные формы позволяют брать ее в качестве образца при сравнении с другими¹.

Племя мукри, породнившееся с Бебе Шехризур, появилось в области Мехабада в XV веке, возглавляемое вождем, по имени Сейф-Эддин. Оно одержало там

¹Аграрные отношения у мукри были описаны Роулинсоном «Notes on a journey...». J. R. G. S., 1841, X, p. 35—36). ¹/15 часть земель-принадлежит роду Баба-Эмире; ¹/10 — ага; ¹/5 — крестьянам.

251

победу над турками джабуклу, захватив округ Дерия (Шахриверан), затем оккупировало округа Дола Барик., Ахтечи, Ель Тамур и Сулдуз. В четвертом поколении после Сейф-Эддина Эмире-бек в 1583 году получил от султана Мурада III управление довольно обширной территорией, охватывающей Мосул, Шехризур, Эрбиль и т. д., до Мераге (на восток от озера Урмия). При его сыне Хейдер-хане мукри распространили свою власть еще на округа Мераге, Аджери и Леилан, на город Миандоаб и крепость Сару-Курган близ Мераге. Ханы мукри принадлежат к пяти семьям — Баба-Эмире, или Баба-Мири. С ними в мукринском Курдистане живет также давно осевшее здесь племя дебокри, представляющее собой, вероятно, коренных жителей, покоренных мукри, которые пришли позднее как завоеватели. Возможно, что название *дебокри* происходит от *демукри*. В настоящее время племя мукри немногочисленно, но объединено с другими соседями, особенно на западе и юго-западе. Оно пользуется большой известностью вследствие своей доблести и могущества своих сердаров, или правителей, которые на протяжении веков занимают свою небольшую, но любопытную столицу Мехабад. Шах Аббас, Надир-шах и Фатх Али-шах — все трое полагались на мукри в своих военных предприятиях. Первый из этих троих, и самый влиятельный, опирался на курдов, составлявших большую часть его вооруженных сил; он назначил множество курдов на высокие командные посты в своих войсках и, скажем прямо, одержал многочисленные победы, особенно на западе, благодаря курдам, которые были вместе с ним. Так было в 1624 году, когда курды-мукри составляли ядро армии Шах Аббаса, нанесшего поражение туркам в крупном сражении. Это племя держится в постоянной военной готовности из-за соседства племени билбас, с которым у мукри бывают частые стычки. Однако мукри и билбас имеют, конечно, общее происхождение и являются лишь двумя ветвями одного племени. Билбас действительно, так же как и мукри, принадлежат к бебе и говорят на том же диалекте. Билбас — очень могущественное племя, имеющее в Иране свои ответвления: мангур, пиран, мамаш и оджахка-хидри.

Среди вождей мукри Будах-хан имеет наряду с другими большое влияние. За справедливость его на-

252

зывают Второй Ануширван (этот сасанидский царь вошел в историю с эпитетом Справедливый). Он жил в конце XVIII — начале XIX века. Сначала он примкнул к курдскому роду Зенд, который дал Ирану шаха (Керим-хана), но под конец был побежден каджарами, которые при Фатх Али-шахе признали его в качестве эмира мукри. Другие знатные мукри поступили тогда также на службу к каджарам, например Меджид-хан, который имел чин серхенга, и Исмаил-ага Дебокри, который был есаулом при дворе иранского шаха, и др. Дважды Будах-хан принимал участие в карательных экспедициях против билбасов, объединяясь с правительственными войсками, посланными Аббас Мирзой, наследником трона и правителем Азербайджана.

Другой вождь мукри, о котором упоминается в истории каджаров, Азиз-хан, сердар из рода Баба-Мири, деятельность которого развернулась при Мохаммед-шахе и Насреддин-шахе. Он действовал в Тавре с несколькими другими знатными курдами, отправившимися туда в момент примирения Будах-хана с каджарами. Затем он с успехом выполнил несколько дипломатических миссий (переговоры в Герате), а также административных (волнения в Ширазе) и был произведен в *аджудан-баши*, то есть стал военным правителем Тегерана в начале правления Насреддина. В Зенджане он занялся восстанием бабидов, приняв для этого необходимые меры. Возвратившись оттуда, он перешел через Тавр, уладил военные дела, а затем, вернувшись в Тегеран, организовал по приказу шаха службу порядка в столице, несомую курдами-мукри из Мехабата, келхорами из Керенда и афшарами под командованием его сына Али-хана. За это он был произведен в генералиссимусы иранской армии. Позднее, однако, из-за интриг Садр-Азама, Мирзы Ага-хана, Азиз-хан был обвинен в заговоре с русскими и англичанами в целях объявления Курдистана независимым от Ирана. Он попал в немилость и возвратился в свое владение в Букане. Перекресток в Тегеране, именуемый «Чахар-рах-е Азиз-хан», сохраняет память о нем в столице.

Небезынтересно сообщить, говорит Сон, что на территории мукри родился великий пророк древней Персии Зороастр; здесь он прежде всего начал свои пропове-

253

ди¹. Здесь же в северной части территории мукри находятся руины, известные теперь под именем Тахте-Солейман, остатки древнего Шиза, столицы Мидии².

Эти развалины находятся в провинции Афшар и окрестностях Сайн-Кала. Их называют также Северным Экбатаном, где парфяне потерпели поражение от Антония.

Руины расположены на высоте 2743,2 м. Люди думают, что здесь находился дворец Соломона, окруженный *джиннами и дивами* (см. гл. I о восточных легендах, касающихся происхождения курдов). На ней вершине на высоте 3048 м, по преданию, был царицы Сабы, выстроенный из костей птиц и называемый Тахте-Балкис (другая версия о нахождении дворца Сабы: там, где теперь находится Ушну, на юго-западе озера Урмия, см. В и т н е г, op. cit., chap. VI). Исторически, однако, имя Тахте-Солейман может происходить от имени Солейман-шах Абу, который господствовал в Курдистане в XIII веке. Здесь некогда была столица Мидии, где Кир охранял сокровища Креза³).

Мукри, знающие множество легенд относительно этих мест, приводят их как доказательство утверждения, что они самые чистокровные курды по происхождению. У них есть, однако, и без того более очевидные доказательства их индийского происхождения (см. гл. I работы Минорского), так как говорят на том же языке, который больше всего приближается к языку авесты самого Зороастра,— считает Сон.

2. Б е н и - а р д е л а н

Южными соседями мукри является племя, ставшее в новейшее время общеизвестным и игравшее в иранской истории еще большую роль, чем мукри. Это так называемые бени-

арделан, столица которых маленький очаровательный город Сенне расположен в провинции, известен в Иране как собственно Курдистан (см. гл. II).

¹Ныне больше доверия внушает утверждение, что Зороастр происходил из восточного Ирана.

²V. Minorsky, *Roman and Byzantine Campaigns in Atropatene* (BSOAS, vol. XI, part 2, S. 4: *The fire-temple of Sliiz*).

³Wilson, *Persian Life and Customs*, p. 161; история этого округа обогатилась после недавнего открытия клада в Зивие, близ Саккыза (см. работу Годарда, цитированную в гл. I).

254

На этой провинции Арделан правил знатный и высокоодаренный род, который, скажем, восходит к XIV веку. До него там - господствовали старинные арделанские князья. Этот род претендует на происхождение от самого Саладина, который был курдом из рода Хассан-Кайфа, ответвлении племени хаккяри¹).

Сенне — очень древний город. Многочисленные надписи, относящиеся большей частью ко времени Сасанидов, встречающиеся в его окрестностях, свидетельствуют об этом. Область юго-западнее Сенне, то есть Холван, Зохаб и теперешний Касре-Ширина, была царской резиденцией Сасанидов. Руины древнего Холвана находится около Серполя в Зохабе. Этот округ расположен вдоль ирано-иракской границы, северным рубежом которого служит река Сирван, а южным — река Елвенд (см. гл. II). В эпоху Сасанидов, когда был воздвигнут Касре-Ширина, а Ферхад высекал надпись на скале Бехистун, здесь стоял большой город Холван. К 400 году до н. э. Холван и его провинция простирались до Шехризура.

Ханы Арделана, правившие несколько веков независимо, приняли звание *вали* Арделан, каковое им дали иранские шахи, по отношению к которым Арделан был всегда очень лояльным. Независимость ханов Сенне была несколько затронута этим изменением. Единственное свидетельство их подчинения выразилось в поставке ими военных контингентов, что они обязались неукоснительно выполнять. До времени Хосров-хана, сына Амануллы-хана, прославленного вождя, которого до сих пор помнят в этой местности, Арделан сохранил свою независимость почти целиком, сотрудничая с иранцами в их войнах скорее в качестве союзника, чем вассала.

Престиж этого вали, как мы об этом читаем в донесении Цицианова князю Чарторыйскому от 29 января 1805 года (приведенном Внльчевским, цит. соч., гл. VI), был довольно значителен в иранской монархии. Иран,

¹Здесь неточность. Племя саладин, равенд, или равади, происходит с севера, из окрестностей Аракса. Позднее оно передвинулось на юг. Брат Саладина жил в Тикрите, около Мосула. Минорский сделал последнее уточнение в этом вопросе в появившихся в издании Кембриджского университета его «*Studies in Caucasian History*», III, озаглавленных «*Prehistory of Saladin*».

255

помимо ханств и областей племени беклербек, его составляющих и подчиненных непосредственно доброй воле шахов, имеет четыре вице-королевства, называемых по-персидски вали, а именно: вали Арабистана, вали Гурджистана (царь Грузин), вали Луристана и вали Курдистана. Последнему принадлежат земли по соседству с турецкими владениями и Баязита, который некогда принадлежал вали Курдистана и теперь населен курдами. Четыре правителя вали имели при дворе шахов звания и обязанности, которые они обрели во время коронации шаха в Ардебиле. Это следующие обязанности: вали Арабистана должен был держать *джига* (djiga) или перья головного убора, вали Гурджистана — меч, вали Луристана — корону и вали Курдистана — украшение, состоящее из двух портупей, усыпанных алмазами.

Без признания хотя бы одним из этих сановников шах не мог быть коронован. Прерогативы вали состоят в том, что в отсутствие шаха они могут жаловать титул хана и учреждать ханства. Они выполняют эти права по старшинству, а именно: первый — вали

Арабистана; после него идет вали Гурджистана и затем вали Луристана и Курдистана. При жизни старшего более молодые не пользуются этим правом.

Это маленькое царство расширило свою власть в течение веков, присоединив все провинции и более слабые племена до границ с джафами, мукри и владения князей Равандуза. Оно включает следующие провинции: Джванруд, Авроман, Мериван, Бане, Саккыз и округа Хассанабад и Исфандабад. В настоящее время все они включены в Арделан и представляют собой округа (*булук*) провинции Сенне или Сенендедж. Иранский Авроман делится на две части: Авромане-Тахт, расположенный на востоке большой горной цепи, покрытой снегом, являясь продолжением гор Шаху, возвышающихся на востоке Зохаба, и Авромане-Локхун, который находится на западном (иракском) склоне горной цепи. Округ Мериван находится восточнее, по ту сторону под озера Зерибар. На востоке он образует две долины, разделенные горами Имам; на западе долины соединяются, образуя равнину вокруг озера Зерибар.

Среди этих округов Авроман самый интересный.

256

Эта в сущности крошечная независимая провинция оставалась в ведении своих собственных правителей, принадлежащих к гордому роду. Там говорят на особом языке и называют себя не курдами, а аврами. И действительно, судя по их языку и другим особенностям, аврами не должны как будто рассматриваться как курды.

Аврами живут в горной впадине, окруженные со всех сторон мощными скалистыми стенами. Вид этих стен и расположение так же исключительны, как и обитатели этой впадины. Согласно легенде, Дарий Мидийский прогнал их предка Аврама с его родины близ Демавенда в северную Персию; Аврам спасся со своим братом Кандулом в Мидии, нашел убежище в этих отдаленных горах, устроился там и стал родоначальником племени аврами.

Арделанские ханы во время своего владычества пытались изгнать и подчинить аврами, но безуспешно. Так или иначе, единственное из маленьких племен, стоящих на границе, аврами могут еще и поныне (1914) свободно оглядывать склоны гор, не заботясь ни о чем, так как их вождь Али-хан в своем дворе Аврам независим во всем, если не считать имени.

Маленькие округа Мериван и Бане на севере Авромана остались под властью их беев и ханов и никогда не причиняли столько беспокойств, сколько чисто курдский и малюсенький Авроман. Беки Меривана вели междоусобные войны обычно с правителями Авромана, как и в наши дни, но по отношению к роду Арделан, который, как обычно, держался уверенно, этот округ всегда оставался в покорности. Двор Сенне существовал до XIX века, и самым известным среди ханов был, по-видимому, Аманулла-хан, вали Арделана в течение двух первых десятилетий XIX века, который старался придать королевский вид своей небольшой столице.

Род Сенне связал свою судьбу с племенем каджаров, когда оно посягало на иранский трон и заключило с ним договор о дружбе и союзе. Продемонстрировав таким образом свое подчинение династии Каджаров, род Сенне остался верен своему слову, оказав военную помощь в сражениях с неудачливым Лютф Али-хай Зендом, после разгрома и смерти которого трон оказался в руках Каджаров.

257

Хосров-хан (сын Амануллы) женился на Валийе-ханум, дочери Фатх Али-шаха. Эта энергичная женщина продолжала держать в своих руках бразды правления и после смерти мужа. Ее наследником стал хан Голам-шах (1865), последний вали Арделана. После его смерти Насреддин-шах, используя права родителя и суверена, поставил наследников в неопределенное положение. В момент, когда молодые ханы ждали решения о наследстве, он неожиданно назначил в качестве правителя Курдистана своего дядю, очень энергичного человека Мотамед-эд-Доуле. Население Арделана оказало лишь слабое

сопротивление, свыкнувшись с тем, что оно очутилось под властью кадजारской княгини, а также в силу того, что местная династия утратила свое влияние и пришла в упадок. Мотамеду-эд-Доуле, таким образом, было легко укрепить свое положение в Сенне. Но когда он обратился к Авроману, то обнаружил там совсем иное положение вещей. Аврами, которые не хотели подчиниться династии Арделан, считали, что подчинение Ирану создает условия существования, несовместимые с их натурой. Мотамед-эд-Доуле пришлось вести продолжительную и трудную борьбу для подчинения Хасан-хана, султана Авромана, а когда он этого достиг, то племя это заставило его считаться с тем, что власть была передана сыну Хасан-хана и его брату.

Теперь (1914) Авроман расположен частично на турецкой территории (в настоящее время иракской), другая же, большая часть — на иранской территории. Хотя его правители тут и там номинально подчинены этим государствам, они остаются независимыми в своих планах и действиях, особенно Али-шах, Аврами Ирана, который никого не желает слушать. В момент, когда были написаны (Соном) эти строки, против Али-шаха была направлена экспедиция из Сенне, чтобы собрать налоги и попытаться навести там порядок. При режиме Пехлеви Авроман больше не проявляет стремления к неповиновению.

Род Арделан, хотя и лишен власти, не стал от этого менее известным и занимает достойное место под эгидой иранского правительства. Его старейшина, Фахр-ул-Мулк, пожилой, очень образованный и воспитанный человек, в 1917 году занимал пост правителя Шустера

258

и Дизфуля в Арабистане; у него был наследник в 25-летнем возрасте.

Небольшой исторический обзор Сенне, сделанный Соном, показывает, что, как и в Турции (Битлис, Джебзире, Амадия, Равандуз и т. д.), в Иране некоторые курдские племена поднимались до положения маленьких княжеств, зависимость которых от центральной власти была только номинальной. Благодаря «Шереф-наме» мы очень хорошо знаем о внутренней жизни и о военных подвигах княжества Битлис. Немало страниц там также посвящено Арделану, о котором я опубликовал хронологию на основе одной персидской рукописи («Revue du Monde musulman»). Этот же вопрос исследуется в одном иранском манускрипте, хранящемся в Национальной парижской библиотеке. Оба текста мало, однако, отличаются друг от друга в основных вопросах, как я смог в этом убедиться при их сравнении. Х. Л. Рейбино в своем секретном донесении, уже цитированном, дает также существенное резюме истории Сенне.

3. Дж а ф ф

Обратимся теперь к соседям Арделана — племени джафф, которое имеет во всем южном Курдистане репутацию свирепых и изворотливых вояк. До настоящего времени почти ничего не было известно об их истории, и то, что приводит здесь Сон, дается на основании авторитетных сведений одного члена этого правящего рода, Мохаммеда Али-бек Пуштамал из Кызыл Рубата на крайнем юге Курдистана.

Это племя, как предполагают, обитало в Джаванру, одной из провинций Арделана, упомянутых выше, вплоть до 1700 года, где оно находилось под властью вали Арделана. Итак, в то время как арделанцы бросали завистливые взгляды на очень (плодородную провинцию Джаванру, будучи обеспокоенными все возрастающей мощью джаффов, те старались укрепить свою власть в правительстве этой провинции. Как всегда, затем последовала борьба, и после одного из сражений, в котором вождь джаффов, его сын и брат были взяты в плен и убиты, другие вожди племени скрылись под защитой курдского паши Сулеймание;

259

исключение составили несколько маленьких племен, привязанность которых к родной земле была сильнее, чем ненависть по отношению к захватчикам. Но и среди них некоторые ответвления, а именно Кадир, Мир Вайси, Тайшай, Калкани, Юсуф Яр Ахмеди, Куйик, Нирджи и Гуркайч, не смогли вынести власти надменных вали Арделана, нашли себе убежище у гуран, приняли их имя и стали называться джаффы-гуран.

Курдский паша Сулеймание оказал покровительство вождям джаффов и предоставил их племенам право кочевать весной и осенью вдоль пути, который они теперь занимают, следовательно, на севере к Пенджвину и на юге до Кызыл Рубата и Ханекина. Они оказались также под началом турок (теперь Ирака). В этом большом племени (или конфедерации племен) насчитывается приблизительно 100 тыс. человек, и их руководитель в настоящее время (1914), Махмуд-паша, заявляет, что за несколько часов он может поставить иод ружье 4 тыс. всадников.

Джаффы живут зимой на западе от реки Сирван и от линии Ханекин-Кара-Тепе-Салахия до гор Карадага, так же как и в Шамиране и на равнине Шехризур. Часть (примерно 2 тыс. семей) ведет оседлый образ жизни, другая часть (примерно 8 тыс. семей) — полукочевой, продвигаясь весной на восток до Сенне и на север до Саккыза. Первый, кто среди них лет 300 назад эмигрировал из Джаванру в бассейн реки Сирван, был некий Захир-бек. За ним последовали другие, и к 1638 году джаффы помогли уже султану Мураду IV во взятии Багдада, получив в качестве награды за это звание *муради*, которое, однако, среди них малопопулярно. В провинции Джаванру их осталось приблизительно 4 тыс. семей, и около 1500 семей обосновались среди гуран.

В своих «Путешествиях и приключениях в Персии» Ж. П. Феррье (1845) дает нам несколько живых наблюдений, которые здесь будут к месту. Так, например, он описывает (стр. 13) караван-сарай Ханекина, «куда толпами всегда спешит население окружающих округов... Джаффы там толкают сенджаби, билбер находится рядом с бахтиари и луром». Феррье может ошибиться в названии и происхождении племен, но он делает одно очень точное замечание, говоря: «Нельзя не восхищаться-

260

ся благородством, с каким эти люди носят лохмотья в странном контрасте с роскошью и красотой их оружия. Такой удален, поношенная одежда которого не стоит и десяти су, обладатель дорогостоящего ружья».

Он рассказывает также о несправедливом нападении одного командира иранской конницы на племя джаффы «с целью обогатиться за их счет и дать понять шаху, отравив ему ложное донесение, что он храбрый, преданный и умный слуга». А джаффы сполна заплатили налог; «только, когда шах Абоас-хан хотел его удвоить и свою пользу, они отвергли его нелепые требования» (стр. 25- 28).

Один из последних вождей джаффов, Осман-паша, умер осенью 1909 года, укрепив племя и увеличив его благосостояние своей женитьбой на Аделе-ханум (см. гл. V) из старинного рода Арделан, из которого происходили придворные министры при дворе вали. Своей женитьбой он, хотя и вызвал недовольство турок, заслужил признательность иранцев, которые ему присвоили титул и наградили почетной саблей, одоблив тем самым выбор жены из «персианок».

Паши джаффов — люди гордые и надменные, они несколько многословны, но быстры в действии. В течение последних ста лет они приняли решительные меры, дабы после первого раскола племени пресечь повторные. Среди больших курдских племен джаффы, может быть, единственные, оказавшиеся способными поддерживать свою внутреннюю консолидацию так хорошо, что благодаря объединенным действиям вождей различных ветвей это племя развилось и стало богаче и могущественнее.

Действительно, характерная черта жизни курдов — это неспособность племен жить в мире между собой (она избавляет Турцию и Иран от опасности больших курдских

нашествий, что имело место в прошлом),— черта, однако, очень распространенная среди других горных народов во всех частях света.

Сон переходит теперь к гуранам (см. гл. VI). Возможно, что среди всех курдских племен гураны лучше всего известны, так как путешественники в западном Иране и южном Курдистане больше всего на них обращали внимание. Все гураны вместе с джаффами насчитывают приблизительно 10 тыс. семей. Зимой они живут

261

на равнине Зохаба, к западу от него, а летом растягиваются от Серпуля до Керенда, Риджаба и Махидеште. Вероятно также, что в образовании этого племени сыграли роль келхоры, принявшие название гуран, применяемое вообще к оседлому, занимающемуся сельским хозяйством населению. Вдоль границ, разделяющих Курдистан и Луристан, есть много племен, которые, не являясь ни курдами, ни лурами и говорят на диалекте, в котором можно обнаружить следы таджикского языка.

Существует в настоящее время мнение, согласно которому эта страна была заселена оседлым населением, называемым гуранами. Оно говорило на языке, на котором с некоторыми модификациями говорили оседлые племена Авромана, Кандуле и Рижо. Этот язык был и остается еще и теперь в какой-то степени классическим языком племени арделан, им пользовались и пользуются; в настоящее время в Сенне и в его окрестностях это язык обширной поэзии. Его называют теперь «аврами» или «шахризури». Этот язык был в последнее время исследован О. Манном и Бенедиксенем. Он как будто принадлежит к диалекту гуран. По древности он не превосходит современный персидский язык. Тот факт, что большинство оседлых гуран пользуется еще этим языком, тогда как кочевники говорят на чисто курдском языке, хорошо объясняется обстоятельствами, благодаря которым небольшие племена джафф и келхор были вынуждены искать приюта у гуран и принять их имя.

После 1639 года, когда Иран и Турция заключили договор о разграничении, не столь уточненном, и когда джафф и другие племена объединились с ними, гураны управляли, пользуясь большим авторитетом в своей столице в Гахваре (на северо-востоке Керенда и юго-восточнее гор Долаху), прославив свои баллады и поэмы, благодаря чему некоторые жанры курдских поэм носят название *гуран*.

В последнее время, однако, они утратили влияние из-за слабости своих вождей, целиком отстранившихся от всего, открыв поле действия для племени келхор, которое в настоящее время сильнее, чем когда-либо, объединив под своим названием большую группу маленьких разорившихся племен,

262

4. Келхор

В течение веков келхор обитают на крайнем юге Иранского Курдистана по направлению к границе и к Керманшаху. Оседлое и кочевое население келхор насчитывает 25 ветвей. Некоторые из них имеют постоянные центры обитания зимой и летом, другие, разорившись, потеряли и скот и землю, нанялись в пастухи или слуги (*нукер*), стали арендаторами и т. д. Большинство ветвей у келхор ведут кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством. Однако это им не мешает в нормальные годы производить хлеб в таком количестве, что они сбывают примерно одну треть в Керманшахе. Сверх того они извлекают средства, взимая налоги с караванов, которые пересекают их землю от Багдада в Керманшах. Келхор содержит 21 пост. На каждом из них постовые (*кара-суран*.) получают *кран* с поклажи. Перед первой мировой войной их вождь был Дауд-хан; человек, приобретший большой авторитет, простой торговец, он сумел стать главой племени и бесспорным хозяином всей территории от Керманшаха до границы после лишения гуран власти и полного покорения некоторых мелких племен,

например синджаби. При помощи женитьбы он породнился со знатными родами, между прочим, с родом вали Поштекух. Он украсил город Гилан прекрасными каменными зданиями и посадил фруктовые сады. Убит он был в июне 1919 года в Сенне, сражаясь на стороне князя Салара-эд-Доуле (претендент Каджаров) против правительственных войск Ферман Ферма.

Феррье (стр. 30—31) живописно рассказывает нам о перегоне скота на летние пастбища в Сенджаби и возмущается тем, как «лавина персов, нарушая эту компактную массу, столкнула немалое количество животных в пропасти». «Было жалко смотреть, — говорит он — как несколько молоденьких ягнят, лошадей, телят, связанных между собой, разбивались, падая в пропасть».

Что касается келхор, то их современное положение описано в одной статье «Дейли телеграф» (28 сентября 1946 г.) подполковником А. Р. Питтом. Там говорится, что «вследствие притеснений и вымогательств, практикуемых иранскими чиновниками в прошлом и настоя-

263

щем, интриг соперничающих родов и алчности крупных земельных собственников Керманшаха крестьянство разорено и его экономическое положение теперь исключительно тяжелое». В статье речь идет также и о вожде этого племени Аббас-хане. Как и много других вождей племен, он был взят в плен в 1926 году Реза-шахом, который хотел покончить с традиционной властью ханов в племени и заставить их признать власть центрального правительства. Освободившись в 1941 году, Аббас-хан так устроился, чтобы быть избранным в депутаты Керманшаха в 1944 г. Во время движения племен осенью 1946 года против Тегерана Аббас-хан играл некоторую роль (см. «Восток-Запад», № 722 от 15 октября 1946 г.).

Предшествующие страницы позволили читателю бросить беглый взгляд на судьбу нескольких больших курдских племен в Турции и Иране. В специальной главе, посвященной национальному движению курдов, я возвращусь к тем моментам, которых я здесь лишь слегка коснулся. Но уже сейчас я считаю долгом предупредить читателя, что вследствие быстрого изменения политического положения во внутренней Азии сразу же после первой мировой войны положение курдских племен подверглось также глубоким изменениям.

Именно в Турции и Иране правительственный нажим усилился в такой степени, что все попытки вернуться к независимости наталкивались на грубые репрессии. Это хорошо было видно в Иране, где по окончании первой мировой войны вождю племени шеккак Исмаилу-ага Симко удалось сначала в силу благоприятных обстоятельств распространить свою власть на всю область между озером Урмия и турецкой границей, но в конечном итоге он был побежден, бежал и в 1922 году был убит в окрестностях Ушну. Англичане, укрепляясь в Ираке, также вели борьбу с курдами, а именно с Махмудом-пашой, который провозгласил было себя «падишахом Курдистана». Эта попытка была подавлена, как и восстание шейха Барзана к северу от Мосула. В Турции шейх Сайд в 1925 году развязал освободительное движение, но потерпел неудачу, как терпели не-

264

удачу и другие курдские восстания в этой же стране. Я не хочу из этого делать никакого вывода, я констатирую только, что период племенных и феодальных отношений для курдов, по-видимому, подходит к своему концу, что амбиции, которая благоприятствовала этим отношениям в дряхлой Османской империи и в анархическом Иране Каджаров, больше не существует, что Восток модернизируется, изменяется и у нас на глазах вступает в новую фазу политического развития, которая потребует от всех нации большого и пристального внимания. Курды ничего не получили в 1914—1918 годах,

участвуя в священной войне. Их вожди должны теперь хорошо подумать, прежде чем что-то предпринять¹).

¹ В предыдущем изложении шла речь об эпохе, которую описал Сон,— эпохе 1914 года.

265

ГЛАВА VIII

КУРДЫ И ГОСУДАРСТВО; КУРДСКАЯ НАЦИЯ (?)

1. Государство и нация

В предыдущих главах мы рассмотрели язык и этническое происхождение курда, географическую среду, его окружающую, а также социальные, семейные и племенные отношения. Теперь попытаемся тюдонти к вопросу о положении курдов в государственном плане, в связи с проблемой национальной. То есть речь пойдет об истории курдов. Ее исследование, разумеется, могло бы составить целую книгу. Не умаляя значения этой истории, которым отнюдь нельзя пренебрегать, мы, стараясь описать все стороны жизни курдов, вынуждены все же ограничиться лишь беглым ее обзором.

Прежде всего изложим свою точку зрения. Государство— понятие политическое, основанное на юридическом принципе власти. Единство нации определяется общностью психологического склада. Государство как нация складывалось на Востоке и Западе по-разному. Его развитие определялось условиями, которые тут и там формировались под влиянием юридических и моральных концепций.

На Западе нации, основанные прежде всего на общности расы, языка, нравов и т. д., мало-помалу осознали свою индивидуальность. К концу XVIII века они окончательно сформировались как нации.

2. Понятие о государстве и нации в мире ислама

В начальный период ислама религиозное сознание преобладает над национальным. С одной стороны, Дар-уль-Ислам — мусульманское сообщество, с другой — Дар-уль-Харб, чуждая область, с которой надо бороться-

266

ся. Универсалистские идеи ислама отодвигают на задний план понятие о расе. Ислам устанавливает не только единый для всех арабский язык, язык богослужения, но и язык всех общественных актов, подобно тому как коран является одновременно священной книгой и сводом законов. Калиф, верховная власть, представляет волю аллаха. Что касается отдельной личности, то тут акцент делается прежде всего на ее обязанности в отношении аллаха, а не на ее права.

Основные черты этой мусульманской концепции государства претерпевали затем изменения по мере распространения ислама. Он вобрал в себя элементы (персидские, турецкие и монгольские), имеющие свои собственные традиции и особенности. Иран в XVI веке в конце концов предстал в качестве схизматического государства против ортодоксального ислама. Зато Турция подтвердила свой суннитский легитимизм. Селим I принял титул калифа.

Национальная идея по-прежнему отодвигается на второй план. Запоздалое ее появление относится ко второй половине XIX века, а ее взлет произошел после окончания первой мировой войны. Впрочем, в нашу задачу не входит исследование этапов ее развития. Нас интересует только курд.

Как уже говорилось, именно инстинкт «племени», то есть инстинкт самосохранения, определяет поведение и психологию курда как члена коллектива. Его формирование шло в рамках племени, правила которого для него — высший закон. Своими добродетелями, индивидуальностью, языком, нравами и обычаями курд обязан племени.

3. Курды в политической эволюции ислама

В истории ислама был период «зачатия». Это было время различных притязаний на власть со стороны турок и персов, а позднее, в XIII и XIV веках, со стороны монголов. Курдам это ничего не принесло. Конечно, они принимали активное участие в событиях, присоединяясь то к одним, то к другим соперникам и претендентам на власть, маневрируя между калифами, буидами, дайламиитами, сельджуками и т. д. Беда в том, что, к несчастью, курды никак не могут между собой договориться.

267

Восточная легенда по-своему объясняет неудачу курдов. Когда объявился пророк Мохаммед, гласит она, все владыки вселенной поспешили выразить ему свое повиновение. Огуз-хан, правивший Туркестаном, направил к пророку с этой миссией курдского князя из Багдада, по имени Земин. При виде этого угрюмого гиганта с пронзительным взглядом устрешенный Мохаммед осведомился о его национальности. Узнав, что это курд, пророк обратился к аллаху с просьбой не допустить, чтобы столь грозный враг стал когда-нибудь объединенным народом. Так объяснялись бесконечные раздоры курдов!¹).

В действительности курды упустили возможность, которую им предоставлял курд Саладин, основатель Эюбидской династии (1169—1250)². Такая возможность представилась им и тогда, когда другой курд, Керим-хан Зенд, взшел на трон Ирана (1760—1779). Каджары, противники Зендской династии, сломали ее сопротивление при поддержке некоторых курдских племен (арделан, мукри). Можно было бы, основываясь на «Шереф-наме», привести еще много примеров, когда курдские вожди присоединялись то к иранскому шаху, то к турецкому султану.

Будучи вассалами того или другого, они растрчивали свои силы во имя чужих интересов. Их можно сравнить разве только с ярыми суннитами, борющимися против шиитов. Курдский писатель и патриот Хуссейн Хузни в своем исследовании «Gontche-ye-behar» («Весенний бутон») сетует на злополучное влияние ислама на своих соотечественников, полагая, что история курдов пострадала от этого.

4. Курдское национальное самосознание

Однако наряду с курдской мусульманской элитой существует и другая. Достаточно назвать великого курдского поэта Ахмеда Хани, родившегося в 1061 году Хиджры (в XVII в.). В его главном произведении, поэ-

¹См. Н. Я. Марр, *Еще о слове «челеби»*, стр. 126.

²О Саладине последняя работа проф. В. Минорского «*Prehistory of Saladin*», «*Studies in Caucasian History*», в *Восточной серии Кембриджского университета*, 1953.

268

ме «Мам и Зин», фигурирует человек, оказавшийся в темнице, символизирующей Курдистан. Поэт указывает на пути и средства, необходимые для спасения плененной родины.

«Я поражаюсь судьбе, которую бог предназначил курдам... Курдам, которые саблей завоевали славу... Как это случилось, что они покорены другими?... Турки и персы ограждены курдскими стенами... Каждый раз, когда арабы и турки выступают с войском,

именно курды купаются в крови... По-прежнему разъединенные и страдающие от распрей, они не слушают друг друга».

Если бы Хани жил в XI веке, курдская история могла бы сложиться иначе. Проникнутые мыслью о необходимости создания национального государства, курды оказались лишенными его и оказались нацией без государства.

* * *

Мы только что отметили, что племенная раздробленность, а также нивелирующее национальные особенности воздействие ислама препятствовали образованию курдского государства. Приняв это во внимание, перейдем теперь к рассмотрению политической истории Курдистана, в которой, к сожалению, имеется пробел, отделяющий курда в древности от его потомка, принявшего ислам. Конечно, можно предположить, что этот воинственный народ поставлял воинские контингенты (см. гл. 1, «Курдские наемники в Пергаме») римским, византийским, сасанидским властителям, однако мы не можем документально подтвердить подвиги курдов. Весьма вероятно также, что курд исповедовал не зороастризм, хотя кое-какие пережитки последнего сохранились в народных верованиях. Наконец, быть может, как считает проф. Н. Марр (гл. I), именно на протяжении этого туманного периода курд изменил даже свой язык, который из азианического стал индоевропейским?

Впрочем, это только догадки. Но, даже говоря о мусульманском периоде, можно утверждать, что курдскую историю надо еще создавать. Она еще слишком фрагментарна. Мы располагаем пока только одной курдской

269

исторической работой, «Шереф-наме», написанной на персидском языке¹ в конце XVI века, дополненной недавно (1938) работой на курдском языке Мухаммеда Эмин Зеки, иракского государственного деятеля; эта работа переведена на арабский язык (в 1945 г.) Мухаммедом Али Авни. Перу того же автора принадлежит сборник о знаменитых курдских деятелях. Имеются также сведения по истории курдов отдельных местностей, но эти материалы в большинстве своем, по-видимому, не опубликованы. Современный курдский автор, Хуссейн Хузни из Равандуза, пользуется некоторыми из них в своих работах. Последние годы своей жизни он посвятил исследованию курдской истории и публикации монографий на основе материалов и рукописей, устных преданий, а также изучения арабских, турецких и персидских источников. Среди персидских авторов следует упомянуть С. А. Хосрови Табризи, который исследовал историю мелких курдских династий в Иране и Закавказье (Chehriyaran-e-gomnam, 1950), а также проф. Р. Яссеми, которого мы упоминали. Советский курдолог О. Л. Вильчевский подготовил, по нашим сведениям, общую работу о социальном развитии Курдистана. Больше других занимался исследованием курдской истории В. Минорский, которого мы неоднократно цитировали.

На основании исследований всех этих ученых² можно попытаться здесь вкратце рассказать о судьбе курдов в ходе истории мусульманских государств. Ее можно разделить на три периода. Первый период относится к арабским завоеваниям и эпигонам монголов (VI—XV вв.); династии в это время возникают и исчезают; удача зависит от счастья в бою; некоторые курдские вожди пользуются этим, не создавая, впрочем, ничего прочного. Второй период длится от начала XVI до середины XIX века; Турция и Иран превращаются в относительно устойчивые государства, вклю-

¹Опубликована во французском переводе в 1860 году в Санкт-Петербурге. Последнее издание М. Л. Левитило в Каире, без указания года.

²Здесь автор не указывает многочисленные работы других советских курдологов, посвятивших свои исследования проблемам социально-экономического развития Курдистана, этнографии, языку и литературе курдского народа.— Прим. ред.

270

чающие некоторые курдские вассальные княжества. Наконец, третий период ведет от ликвидации этих феодалов к младотурецкой и иранской революциям; появляются первые признаки курдского национального движения.

Главное, на что следует указать в этот период,— это прежде всего ожесточенное сопротивление, оказанное курдами арабам во время завоевания Холвана, Тикрита (607—616), Мосула, Джизре и южной Армении (см. Ибн аль-Атхир, Табари, Баладзори).

Причину этого сопротивления следует, по-видимому, искать скорее в социальном, нежели в религиозном плане. Курдские племена оказывали сопротивление арабским, подобно тому как это происходило на границе курдско-арабского соприкосновения, где велась борьба за пастбища. С целью задобрить сопротивляющихся курдов прибегают даже к матримониальной дипломатии: отец последнего Омейяда, Мерван Хаким, был курдом.

Даже обращенные в ислам, курды принимали участие не в одном восстании (см. восстание рабов Занджи, 875 г.). Хузни рассказывает нам («Mijoui devri imaret») об истории Фариса, курдского воина из Джизре, вышедшего победителем в поединке с рыцарем в эпоху Гарун ар-Рашида (786—809), и Эфшина Мухаммеда, который за участие в войне против Тулунидов (868—905) получил от Муффака, калифа Шехризур и Азербайджана, прекрасное владение, которое он еще более расширил в ущерб Абасидам.

5. Первый период курдской истории: VII—XV века

Среди курдских династий, сравнительно долго находившихся у власти и получивших известность в истории, упомянем династию Шеддадидов. Она была основана в 951 году (340 Хиджры) Мухаммедом Шеддад бен Карту из племени равади, к которому принадлежал и Саладин. В 1072 году (465 Хиджры) династия разделилась на две ветви: Ганджа и Ани. Ани в свою очередь принадлежала грузинам (1124—1126), затем Шеддадидам (1126—1161 и 1165—1174). Малик, шах сельджуков, положил конец этой династии. Мы располагаем о ней

271

отличным исследованием Хосрови и другим, еще более подробным исследованием В. Минорского¹).

Следует отметить, что эти курдские князья правили главным образом армянским населением. Они оставили замечательные памятники архитектуры и среди других две мечети в Ани («городе 1001 церкви»), выполненные в местном стиле. Иранская культура была преобладающей как в Гандже, так и в Ани. История Шеддадидов представлена как время утонченности, эпоха бряцания оружием во славу религиозных идеалов — ислама.

Другая курдская династия была основана в 959 году (348 Хиджры) в провинции Джебель Хасаневидом бен Хасаном, вождем племен барзикан, который оказывал услуги Буйиду Рукн-аль-Доуле. Арабские историки воздают должное прекрасным политическим и личным качествам Хасаневидов, свергнутых в 1015 году (406 Хиджры) Буйид Шамс-аль-Доуле².

Третьей и наиболее известной династией является курдская династия Мерванидов, основанная Абу Али бен Мерван бен Дустаком, которая правила с 990 года (380 Хиджры) до 1096 года (489 Хиджры). Его владения включали Диярбакыр, некоторые армянские города, а также в течение 1025—1031 годов Урфу. Эта династия хорошо известна благодаря арабской рукописи, находящейся в Британском музее, о городе Майиафарикин д'Ибн аль-Азрак аль-Фарики, использованной Х. Ф. Амедрозом. Его исследование показывает, что, если не считать курдского происхождения вождей, ее история ни в чем не отличается от истории других мусульманских княжеств той эпохи. Господство сельджуков положило конец династии Мерванидов.

Среди Мерванидов Абу Наср Ахмед (402—453 Хиджры) слыл талантливым, справедливым и просвещенным

¹См. «*Studies in Caucasian History*», I, *New light on the Shaddadids of Ganja*, II, *The Shaddadids of Ani*, «*Oriental series of the University of Cambridge*», vol. 6, 1953.

²Потомки династии Хасаневидов, если верить Мухаммеду Эмин Зеки, обосновались, якобы в княжестве Барадост (Иран) (см. его «Историю», арабское издание, 19-15, стр. 388). В. Минорский («*Gottingische Gelehrte Anzeigen*», No 3—4, 1953, S. 190—203) подчеркивает воспитательную роль Бадр бен-Хасануйа, который держал в строгом повиновении свое племя, не прощая малейшего проступка, пока он не упрочил свою неограниченную власть над племенем (см. «*Le continuatcur de Miskawayh*», «*Eclipse*», III, 288).

1)

князем. Он начал свое правление после утверждения одновременно тремя властителями: Халифом, Буйидом и византийским Василием Славянином. Таким образом, ясно, под чьим покровительством осуществлялась формально независимая власть этих курдских князей. С точки зрения социальной структуры укажем на отрывок, в котором идет речь об «освобожденном» курде. Это наталкивает на предположение, что в курдском племени (гл. VI) наряду с крестьянским элементом (гурани) имелись также курды-рабы, вероятно освобожденные.

Остается упомянуть династию Бану Аннезов¹), правившую с 380 по 510 Хиджры (1116) в Джебеле; династию Шабанкара в Фарсе (XI в.), курдское происхождение которой, впрочем, оспаривается; династию Хазариспидов (1148—1339) — атабеков Великого Лурестана. Хотя «Шереф-наме» считает луров курдами, по этому вопросу имеются оговорки.

Наконец, Эюбиды (1169—1250)²), бесспорно, курдская династия, имели армию, состоявшую в своем большинстве из турок, тогда как их власть распространялась на Египет и Сирию и лишь частично на Месопотамию и Хилат (на озере Ван).

Если придерживаться классификации «Шереф-наме», упомянутые династии входят в первую категорию и пользуются всеми прерогативами королевской власти (султаната). Следовательно, сюда относятся: 1) князя Диярбакыра и Джизре; 2) князя Динара и Шехризура (Хасаневиды); 3) и 4) Хазариспиды (Фазлуиды) Большого и Малого Лурестана; 5) Эюбиды³.

В целом в соответствии с вышеизложенным явствует, что в первые века ислама курды играли в судьбах халифата и его противников определенную роль в каче-

¹См. *C. I. Hart, Syria, 1922.*

²См. *Яссски, цит. соч., стр. происхождения.*

³Мухаммед Эмин Зеки («История», стр. 28) перечисляет четырнадцать курдских династий, из которых не фигурируют в моем списке следующие: Саларнды из Азербайджана (с 300 по 420 Хиджры); атабекн из Малого Лурестана (570—1250 Хиджры); принцы Арделана (617—1284 Хиджры); Зенды (1167—1202 Хиджры); Хорасанское княжество (643—785 Хиджры); Брату из Белуджистана (1172—1300).

273

стве непревзойденных и общепризнанных воинов. При сельджуках, таково по крайней мере мнение проф. Н. Марра («Челеби»), это были независимые, гордые и отважные воины, которые не могли не внушать уважения, особенно туркам, которые сами весьма воинственны. Марр считает также, что низшие слои курдского населения широко смешивались с турками. При формировании этнического и культурного типа малоазиатских турок, добавляет он, должно было, естественно, сказываться влияние курдского народа, который тогда в социальном отношении был наиболее близок к ним. Одновременно, впрочем, имело место также смешение курдов с христианами (см. мое исследование о «курдах и христианстве»¹).

Минорский напоминает, что, согласно армянской легенде, два армянских князя, известных военных вождей, находившихся на службе грузинского царя, Захарие и Иван, были курдского происхождения²).

Какова бы ни была, впрочем, этническая и культурная ассимиляция курдов, как только они освобождались от племенных уз и становились горожанами и гражданами государства, они ощущали на себе сильное воздействие ислама. (Это особенно поражает, и я не перестану это повторять.) Хузни («Avriyekî raxava») дает нам весьма любопытный портрет одного из наследных правителей Эрбиля из рода Бектагинидов, Моза-фер-Эддина Кёкбури. Хузни говорит о нем как о курде. Для своего времени (XII в.) эта личность осуществляла совершенно необычную мусульманскую социальную политику, к сожалению, рамки нашей работы не позволяют нам об этом рассказать подробнее.

Проблема курдо-турецкого взаимопроникновения на примере Кёкбури не представляется нам еще достаточно ясной.

Впрочем, ислам, так же как и для других народов Передней Азии, для курдов имел большое цивилизаторское значение, определив на длительный период их политическое и социальное развитие. Речь об этом будет идти ниже, в главе о религиозной жизни курдов.

1. B. Nikitine, «Les Kurdes et le Christianisme», «Revue de l'Histoire des Religions», 1922.

2. См. «The Shaddadis of Ani», «Studies in Cauc. Hist».

274

С появлением монголов роль курдов становится менее заметной. Хузни («Avriyekî raxava») цитирует Абу Фараджа, согласно которому при приближении Хулагу к Багдаду два курдских вождя с крупными силами попытались оказать ему сопротивление, но были разгромлены. Город Эрбиль (по-курдски — Хавлер) мог откупиться за 70 тыс. серебряных монет (mithqals), уплатив их Хулагу.

В общем можно предположить, что отношение монголов к курдам определялось тем, что Джелал-Эддин Мингбурни к концу своего сопротивления действовал в

275

Курдистане, преследуемый монгольской армией Джурмагхун Нуиана¹).

Курды отступили в горы и заняли выжидательную позицию. Населенные курдами провинции попадают постепенно под власть монгольских ханов. В «Шереф-наме» приводятся случаи, когда Тимур утверждал курдских вождей в их правах. Деятельность туркофилов (XV в.), которые систематически старались ликвидировать большие курдские племена, оказалась, впрочем, еще более пагубной для курдов, чем монгольская (см. гл. VII).

А. Икбаль, История Персии, т. I, стр. 136.

276

ГЛАВА IX. КУРДЫ И ГОСУДАРСТВО (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

6. Второй период курдской истории: от начала XVI века до середины XIX века. Феодальный строй в Турции и Персии

В этот период окончательно складываются большие государства — турецкое и иранское. В силу итога возможности курдов обрести независимость уменьшались. Когда 11 курдских вождей суннитов представлялись в Хое шаху Исмаилу, ревностному шииту, основателю династии Сефевидов, он почти всех их бросил в тюрьму, назначив на их место своих приверженцев. Зато султаны показали себя лучшими дипломатами и сумели привлечь курдов на свою сторону после Чалдыранской битвы (1514), принесшей крупное поражение иранцам. Впрочем, именно курду Хакиму Идрису из Битлиса было поручено включить своих соплеменников в административную систему турецкого государства. В провинции Днярбакыр было создано восемь санджаков, в которых административное управление осуществлялось курдскими вождями (akrad beyligui). Кроме того, пять

курдских административных округов (*kurd hukumeti*) сохраняли свои наследные династические права. Такая система распространялась на весь турецкий Курдистан от Малатии до Баязита и Шехризур. Турецкий путешественник XVI века Эвлия Челеби как очевидец свидетельствует об этом¹).

Курдские патриоты² принимали во внимание то, что в 1514 году был заключен договор о дружбе и союзе между Турцией и двадцатью тремя курдскими племенами. В течение более 150 лет, уточняет автор, с мо-

¹См. статью В. Минорского «Курды» в «Е. I.» и мое исследование о феодальном строе у курдов, *R. M. M., I. LX, 1925.*

²См., например, «*Sureya Bedirkhan, The case of Kurdistan against Turkey*», Princeton, N. Y., 1928, p. 27—28.

мента заключения этого договора курды выполняли перед Турцией свои обязательства, принимали участие во всех войнах, которые она вела, принося в жертву десятки тысяч своих людей.

Утверждение турецкого и иранского государств знаменует новый этап в истории курдов. Как было сказано в предыдущей главе, эти государства создавались не по типу европейских государств. Природа центральной власти, целостность различных частей государства, компетенция и степень ответственности местной власти, сами политические границы—все эти черты были крайне различны в каждом из упомянутых государств, не говоря уже о периодах междуцарствия, войн и т. д., которые были, возможно, более продолжительными, чем периоды нормального управления.

Короче, в таких условиях курды устраивались так, как им казалось лучше, приспособляясь к этому состоянию хронической анархии¹). Имеются в виду как основатели «независимых» династий первой категории по «Шереф-наме», так и феодалы второй категории, находящиеся в вассальной зависимости, или попросту более или менее сильные вожди племен. В числе феодалов «Шереф-наме» упоминает: 1) губернаторов (вали) Арделана; 2) губернаторов Хаккяри (Шенбо); 3) Амадии (Бединана); 4) губернаторов Джизре (3 ветви: Азизан, Гургиль и Финек); 5) губернаторов Хис Кейф. Эти феодалы имели право чеканить монету (*sikke*) и требовали возносить за них молитву (*khoutba*). Третья категория включала множество менее крупных правителей, тогда как в четвертую категорию входили только битлисские князья, к которым принадлежит и сам автор.

Впрочем, не будем судить слишком строго курдов в политических делах. Школа, которую они прошли, вовсе не дала им необходимых принципов для правильного понимания своих прав и обязанностей в отношении государства. Мольтке правильно отмечает, что курд

¹И. П. Петрушевский (*op. cit.*, 232, 235, 291) упоминает о курдских восстаниях в Азербайджане и особенно в 1025 г. Хиджры (1616) и 1156 Хиджры (1743—1744) в Хое и Салмесе, так же как и в Мехабде между 1709 и 1715 гг., которые распространились и на районы Тебриза и Мугана. Они были вызваны непомерным налогообложением.

278

из племени показал себя особенно неподатливым в отношении тех принципов, которые составляют основу современного общества: обязательная воинская повинность, налоги, пошлины.

Как бы там ни было, вмешательство центральной власти в курдские дела началось в Турции, после поражения под Веной в 1683 году. Именно тогда Сулейман назначил генерал-губернатора в Диярбакыр, который должен был служить посредником между курдскими феодалами и Константинополем. Позднее политика «разделяй и властвуй» продолжалась с обычным успехом, отмечает Сурейя Бадр-хан. Ленные владения курдов были преобразованы в турецкие провинции, а вожди племен сохранили за собой только номинальную автономию. Этот процесс закончился к середине XIX столетия при султানে

Абдул-Меджиде. Последняя попытка оказать сопротивление была совершена князем Бадр-ханом из Джизре в 1847 году, который после ряда поражений, нанесенных туркам, погиб, преданный своим двоюродным братом.

В Иране феодальные князья Арделана, оставшиеся единственными независимыми курдскими вождями, после того как угас род Хазариспидов Луров, были постепенно лишены своих привилегий, а в 1860 году их сменили каджары. В период междуцарствия в XVIII веке, отмеченного войнами Надир-шаха с последними Сефевидами, борьбой между каджарами, бахтиярами, афшарами, зендами, курды активно вмешивались в события, как нам, между прочим, рассказывает Хусни в своих работах «Курдва Надир-Шах ва навдарани-и-Курдан». Их приход к власти в лице Керим-хана Зенда (1760—1769), справедливого, гуманного монарха, покровителя искусств, был лишь эпизодом, не оставившим следов.

Среди исторических деятелей меньшего масштаба Хусни выделяет эмира Мухаммеда (Miran-i Soran), который в начале XIX века (1229—1254 Хиджры) правил в Равандузе, опираясь на тридцатитысячную армию. Не известно, заставлял ли эмир возносить за себя молитву (*хутба*), но о чеканке монеты упоминается. Путем завоевания он присоединил курдские земли, простирающиеся на запад вплоть до Нусайбина и Мардина, (исключая Мосул и Сулеймание). В 1826 году он провозгласил себя независимым. Мухаммед под-

279

держивал дипломатические отношения с Ираном и Египтом. В Турции он установил отношения с Мухаммед-пашой Индже Байракдаром и Мустафой Рашид-пашой Дибломатлу, Таков небезынтересный облик курдского феодала, сумевшего воспользоваться замешательством, вызванным в Турции восстанием египетского паши. Мольтке рассказывает, какие усилия прилагала тогда Порты, чтобы заставить курдов воевать, дабы усилить свою армию в борьбе против повстанцев.

7. Третий период курдской истории - с середины XIX века до первой мировой войны. Ликвидация феодального строя в Турции и Иране

Согласно О. Л. Вильчевскому (см. гл. VI), упадок феодального строя в Курдистане связан с тем, что курдские властители, душившие поборами своих подданных, в конце концов сами подорвали основу своей военной мощи. В то же время они не сумели приспособиться к экономическим переменам в своей собственной среде, чем воспользовались *оба-баши*. Эти местные «капиталисты» воспользовались самой структурой феодализма для ускорения его гибели, подобно тому как в свое время он привел к исчезновению языческой структуры курдских общин. Наконец, сюда следует добавить и причины, упомянутые Сурейя Бадр-ханом, а именно: централизующую политику султанов, а также политику шахов.

Таким образом, под одновременным воздействием указанных экономических и политических сил к середине XIX века Курдистан вступил в новую фазу своего существования.

В каком же положении оказался курд, когда переходящая по наследству власть его традиционных вождей была поколеблена и в то же время не было ничего предпринято серьезного, чтобы заменить ее другой властью, способной включить этот народ в сферу нормального государственного устройства?

Граф де Шоле, который в конце XIX века путешествовал по Курдистану, приводит нам в связи с этим некоторые данные.

Шоле рассказывает весьма колоритную историю о нескольких вождях хемавендов, племени наездников,

280

рышущих по турецкой и иранской территориям. Им удавалось, однако, договариваться с властями, подкупая их подарками, и даже временами получать административные посты!

При этих условиях правители, разумеется, имели таких подчиненных, каких заслуживали сами. Для того чтобы Курдистан перестал противиться воздействию общественных отношений, надо было бы перенести его в среду иную, чем Иран вырождающихся Каджаров или Османская Турция накануне своего упадка. Приведем несколько примеров того, как поступали с курдами. После восстания шейха Обейдуллы (1885) иранский военачальник эмир Низам из старинного иранского рода наместников Геруса, правивших там на протяжении 700 лет, вызвав курдского вождя Хамзу-агу, поклялся ему на коране, что, пока будет находиться на земле, не причинит ему никакого зла. Тем временем он заставил вырыть в своем шатре яму; когда Хамза-ага вошел, Низам, спрятавшийся в яме, подал оттуда сигнал; пули прошили насквозь шатер, курд был убит. Как полагал эмир Низам, клятва не была нарушена, он был связан ею, пока находился на земле. А ведь Низам спустился под землю. Таким же образом были истреблены в Миандоабе вожди племени бильбасов (см. гл. VII), приглашенные на праздник, и был схвачен в Турции знаменитый Езданшир.

Понятно, почему у курдов укоренилось такое недоверие ко всему, почему они не могли слиться с политическими сообществами, частью которых они являлись.

Остается сказать несколько слов о попытке турок приучить курдов к определенной дисциплине и порядку путем создания иррегулярных полков — так называемых *хамидийе*. Именно Шакир-паше принадлежит эта идея. В 1892 году были созданы в Константинополе и Багдаде «школы племен» (*achiret mektepleri*) с целью привить кочевым курдам и арабам верноподданнические чувства к Турции. Но эти школы просуществовали недолго. Что касается изменения порядка набора в армию, то осуществление этой реформы было поручено Мехемету Зеки-паше. Шоле встречался с ним в Эрзуруме. Будучи сам военным, он отзывался об этом с некоторым скептицизмом:

281

«...многие компетентные лица опасаются, что, разнизав их воинственные инстинкты, эта военная стажировка... даст им, если они взбунтуются, недостающие им познания в области тактики и вооружения»¹).

Впрочем, сами турки в конце концов пришли к заключению, что иррегулярные полки должны быть преобразованы в регулярную легкую кавалерию (*hafif souvari*).

Немало времени прошло с тех пор, когда курды и сельджуки были на одном и том же социальном уровне и нередко были союзниками!

Некоторые подробности относительно иррегулярных полков (*хамидийе*) имеются у немецкого офицера графа фон Вестарп, который посетил Курдистан двадцатью годами позднее². Он не менее скептичен. Чтобы превратить кавалерию в эффективное орудие войны, необходима подготовка под руководством начальников, получивших военное и тактическое образование. Иррегулярные полки были в сборе лишь в период от двух до шести месяцев в течение первых трех лет и два месяца в течение следующих девяти лет.

К сожалению, курды, вооруженные турками, стали прежде всего слепым орудием политики Абдул-Гамида, направленной против армян. Некоторые из более образованных курдов не ошибались, впрочем, в оценке побудительных мотивов этой гнусной политики. Так, шейху Обейдулле (1885) приписывают следующий ответ, данный им своим сторонникам, когда те предложили ему устроить резню христиан Урмии: «Мы, курды, нужны туркам лишь в качестве противовеса христианам. Не будет христиан, и турки начнут гонение против нас».

Во времена более близкие, в 1928 году, Сурейя Бадр-хан писал:

«В октябре 1927 года «Хойбун» (Национальный комитет) от имени курдского народа и представителей армянского народа, объединенных солидарностью против общего врага — Турции, осуществил всеобщее примирение. От имени моей нации я выражаю отважному

¹Cholet, *op. cit.*, p. 172—173.

²E. J. Grat von Westarp., *Unter Halbmond und Sonne*, S.153-154

282

армянскому народу глубокую симпатию и заверяю его в уважении его законного национального стремления, каковым является независимая и объединенная Армения».

Надо ли говорить о позиции младотурков в отношении курдов? В своей работе Минорский говорит о ней с осуждением.

Следует отметить, что Иран, к сожалению, не внес своего положительного вклада в разрешение курдской проблемы.

Впрочем, в Иране курдская проблема составляет часть более общей проблемы племен, все еще ждущей своего решения.

Итак, судьбы курдов до сих пор не привели к образованию национального государства, без чего народ рискует, согласно выражению проф. Н. Марра, быть «забытым историей».

Курд располагает силой, необходимой для образования государства, — ведь было в XI и XII веках создано несколько курдских княжеств.

Но географическая разбросанность племен, неспособность их вождей подняться до понимания более общих интересов, нивелирующее национальные особенности воздействие ислама помешали до сих пор курдам создать свое национальное государство. Нельзя, однако, недооценивать и национальную обособленность курдов, которая не столь заметно проступает внутри племени и, наконец, среди феодалов.

Итак, курдская нация существует, хотя и в Турции и в Иране отказались ее признать. Это обстоятельство сводит на нет все меры, принятые этими странами в период упадка феодализма в отношении курдов. Последующее рассмотрение курдского национального движения покажет нам, каковы его последовательные этапы, методы и программа.

Не следует забывать, что Турция, Иран и Ирак, с которыми главным образом связана судьба курдов, а также весь Восток эволюционируют в сторону решения национальной проблемы — созданию государства.

283

ГЛАВА X. КУРДСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ

1. Интерес, проявляемый к изучению этой проблемы

Приступая к рассмотрению этой темы, обычно отдают себе отчет в том, что она носит деликатный характер.

Способен ли и заслуживает ли курд того, чтобы создать свое собственное государство? Будет ли это государство жизнеспособно? Станет ли оно фактором мира и безопасности? И, наоборот, не усложнит ли появление его еще более положение на Среднем Востоке? Ответы могут быть разнообразными, но необходимость разрешения курдской национальной проблемы от этого становится не меньшей. Ибо было бы несправедливо и неверно усматривать во всех проявлениях национального волеизъявления курдов одни лишь акты неповиновения. Из истории национальных движений мы знаем, что курды всегда выступали с оружием в руках. И их успех превращал их в «национальных героев».

Впрочем, после того как мы познакомились с различными аспектами жизни курда, не продолжить наше исследование и умалчивать о современном этапе развития этого народа было бы неправильным.

2. Три этапа национального движения

Национальное движение курдов вплоть до настоящего времени прошло три этапа. Сначала — период неповиновения, социальные бунты, восстания феодалов ради удержания своих привилегий. С началом младо-турецкой революции курды делают несколько попыток сорганизоваться, имея в виду добиться статута, признающего их национальные особенности. Это второй этап. И, наконец, третий этап, наступивший сразу же

284

после первой мировой войны, когда курдская проблема становится проблемой международной (Севрский и Лозаннский договоры).

Нынешняя фаза начинается с момента создания Курдского национального комитета («Хойбун») в 1927 году, который с этого момента не следует ли рассматривать как руководящий орган курдского национально-освободительного движения?

Рассмотрим события соответственно их основным направлениям.

А. Восстания и мятежи местного значения

1. Восстание Абдурахман-паши (1806).

Племянник Ибрагим-паши, Бебе, основатель города Сулеймание (1786). После того как был убит турецкий губернатор Кой-санджака и побежден его соперник курд Халид-паша, назначенный на его место губернатором Сулеймание Абдурахман переправился в Иран. Покровительствуемый шахом, он тем не менее был разбит турками не без помощи сыновей Халид-паши, и вынужден был эмигрировать в Иран. Его подвиги воспевались в народных песнях¹).

2. Восстание Бильбасов

Судя по докладным запискам русских военных (Вельяминова к Ермолову от 24 апреля 1818 г. и письму Ермолова от 10 августа 1818 года на имя Нессельроде), наследному принцу Аббасу-мирзе не удалось усмирить восставших, и он понес большие потери.

В это же время, в 1815 году, восстали курды Ванского и Баязитского пашалыков, к которым присоединились соседние иранские кочующие курдские племена (у Еревана, Нахичевани, Хоя). Восстание было подавлено эрзурумским военным командованием. По данным Вильчевского², здесь имели место не только интриги среди отдельных вожаков, но речь шла о массе вос-

¹О. Mann, *Die Mundart der Mukri-kurden, Teil 2, S. 454—460, Berlin, 1909; Rich, Narrative, t. I, p. 384.*

²О. Л. Вильчевский, *цит. соч., стр. 157—158.*

285

ставших курдов, угнетаемых не только своими собственными наследными властителями, но и многочисленными алчущими наживы правителями, разоренных ими, окончательно истощенных войнами, поскольку мобилизации в армию подрывали жизненные силы кочевников.

Годы 1818, 1820, 1822 были отмечены рядом восстаний, направленных либо против Ирана, либо против Турции. В 1825 году гарнизон одной иранской крепости был полностью уничтожен курдами.

3. Курды в период русско-турецкой войны (1828—1829)

Княжества Равандуз, Бохтан, Бехбехан и Хакьяри воздерживались от участия в конфликте. Балул-паша, курд из Баязита, стремился соединиться с русскими, впрочем, безуспешно. Эмир-паша из Муша пытался освободиться от бремени верноподданнических обязательств туркам. Вильчевский не верит в русофильские настроения, усматривая в указанных фактах все большие трудности для курдских феодалов по вербовке солдат среди своих подданных. Они не могли более отрывать от земли рабочую силу, которой и без того уже сильно не хватало.

Вместе с ростом социально-экономических противоречий становились определеннее и национальные устремления. Было бы неправильно, говорит Вильчевский, относиться к курдам как к «разбойникам» и «варварам». По мнению Троттера¹), которого он цитирует, во время войны 1828—1829 годов курды были хозяевами положения. Отдельные очаги восстания и конце концов слились, вспыхнуло пламя грандиозного восстания. Это восстание было направлено как против турецких, так и против курдских феодалов, лихоимство которых наносило огромный ущерб экономике кочевников. Оба-баши — зародыш сельской буржуазии — были подстрекателями этих восстаний. Разумеется, было бы неверным, если бы мы не приняли во внимание и то, что национальное самосознание курдов кристаллизовалось

¹См. Троттер, *Мало-азийские курды*, «Известия Кавказского отдела императорского Русского географического общества», т. VII, Тифлис, 1882-1883.

286

прежде всего у представителей верхушки — вождей и их окружения, и только затем стало проникать в массы. Тут имел значение не только экономический фактор.

4. Курды и восстание в Египте (1832—1839)

Эмир Мухаммед из Равандуза, к которому присоединилось несколько других курдских вождей, воспользовался случаем, чтобы поднять восстание против турок. Эти последние спешно направили Мухаммед-пашу из Сиваса, численный состав войск которого увеличился также за счет войск двух пашей из Багдада и Мосула. Потерпевший поражение эмир Мухаммед был отправлен в Константинополь и там помилован. Согласно другой версии, он был убит на обратном пути. Мольтке, в то время еще молодой капитан, прикомандированный к турецкой армии, не скрывал своих симпатий к восставшим курдам. Вот, например, что он говорил по поводу капитуляции Саид-бека перед Хафиз-пашой:

«Когда я вспомнил, что он сдал прекрасный дворец... что после всего этого он не мог быть уверенным и в том, уцелеет ли его голова, я не мог не восхититься его подчеркнутой уверенностью и спокойствием, с которыми он подошел к паше и едва заметным движением показал, что целует руки»¹).

Восстания продолжались. После поражения турок в мае 1839 года в Нусайбине Махмуд-паша поднял восстание в Сулеймание. Замененный другим губернатором, он эмигрировал в Иран.

5. Восстание Бадр-хан-бека (1843—1846)

Авторы, которые о нем сообщают (Минорский, Сон, Адамов, Вайгрэм), объясняют это восстание главным образом последствиями лихоимства, которое позволяли себе в отношении несториан хакьяри, Бадр-хан и Нурулла-бек. Топал-паша расправился с ними (Бадр-хан был предан своим братом, см. выше). Можно согла-

287

ситься с мнением П. Рондо¹, что «...это был скорее вопрос общеплеменной, чем религиозный», поскольку он касался отношений между курдами и христианами горцами, в социальном отношении весьма схожими между собой. Это было еще одно предупреждение потомкам Бадр-хана². Бадр-хан, пользуясь замешательством турок после событий в Нусайбне, распространил свое влияние до Вана, Мосула, Мехабада, Урмии и Днярбакыра. Его союзниками было большинство крупных вождей курдских племен, в том числе Кер Хуссейн-бек из Карса, Аджара, а также эмир Арделана. Однако в 1845 году, в разгар приготовлений, несторианцы взбунтовались и отказались платить подати Бадр-хану. Он был вынужден усмирить их.

Во всяком случае, имеются свидетельства армян, которые утверждают, что по религиозным мотивам Бадр-хан добивался осуществления политики ассимиляции. Он рассматривал себя как духовного вождя освобожденных от турецкого господства районов³.

Бадр-хан прожил долгие годы в изгнании в Канин (на Крите) и Дамаске, где умер в 1868 году⁴.

6. Восстание Езданшира (1853 — 1855)

Еще одно восстание в Хакьяри и Бохтане вспыхнуло в момент затруднений Ближательной Порты в войне против России. Воспользовавшись ими, Езданшир захватил Битлис, Мосул и всю территорию между Ваном и Багдадом. Несторианцы вновь выступили под своими знаменами. В 1855 году Езданшир, поверив обещаниям английского консульского агента Нимруда Рассама, попал в плен, был арестован и отправлен в Константинополь. Как и Абдурахман-паша Бебе, он стал национальным героем. Песни увековечили его память в курдском народном фольклоре⁵.

¹ P. Rondot, *Tribus...*, p. 6.

² Bletch Chirguh, *La question Kurde, Le Caire, 1930, p. 14—17.*

³ См. «*Histoire Kurdo-armenienne*», par Agob Chahbaz, *Constantinople, 1911, и статью в «Hairenik», revue de Constantinople, Janvier, 1930.*

⁴ См. «*Tarih-i-Lutfi*», p. 227.

⁵ Pzym, E. und Socin, A., *Kurdische Sammlungen, St.-Petersburg, 1887, S. 64 ff.*

288

7. Восстание шейха Обейдуллы из Нери (1880)

Это последнее очень крупное восстание, возникшее до младотурецкой революции, имело своей целью провозглашение независимости Курдистана. Вспыхнуло оно на иранской пограничной территории Шемдинана (Урмия, Бинаб, Мараге) и некоторое время угрожало непосредственно Тебризу. В конечном итоге курды вынуждены были отступить в Турцию. Иранское правительство заявляло решительный протест и в результате совместного иранско-турецкого военного вмешательства действиям восставшего шейха был положен конец. Отправленный вначале в Константинополь, шейх Обейдулла был сослан затем в Мекку, откуда после младотурецкой революции возвратился в одиночестве к своему младшему сыну, шейху Абдул-Кадыру, впоследствии ставшему турецким сенатором¹).

Упомянем еще о безрезультатных попытках, относящихся к 1889 году, двух сыновей Бадр-хана, эмиров Эмип Али-бея и Мштхад-бея, захваченных в засаде, и попытке Ибрагим-паши — курдского национального вождя². Некоторые курдские племена, такие, как, например, мутки, были известны своим непримиримым отношением к турецким властям.

Б. Попытки организации национального движения.

1. Первая курдская политическая организация в Константинополе (1908)

Точно так же, как это было с арабскими патриотами и младотурками, одна из газет стала центром, вокруг которого сплотились основоположники движения за национальное освобождение. Это был печатный орган, из-

¹См. английскую «Blue Book», № 5, 1881; см., кроме того, русскую работу полковника Камсаракана, а также мой очерк об афшарах, касающийся Урмийского центра, январь — март, 1929, стр. 100-105.

2.См. Ron dot, op. cit., p. 34—39; E. B a n s e, Auf den Spuren der Bagdadbahn, Teil VI, in «Schatten Ibrahim Pacha, S. 76-94.

289

дававшийся на турецком и курдском языках, основанный в Каире в 1898 году (1315 Хиджры) под названием «Курдистан». Он был переведен затем в Женеву и Фолкстон вновь стал выходить в Константинополе при младотурках, а во время войны 1914 года появился опять в Каире. Его редакторы менялись, но все они принадлежали к семейству Бадр-хана: то были эмиры Мидхад, Абдурахман и Сурейя. Со своей стороны шейх Абдул-Кадыр выпустил в свет в 1908 году газету «Хетав-и-Курд» («Курдское солнце»), орган общества взаимопомощи и прогресса; ее дублировала еще одна газета такого же направления. В действительности тотчас же оба клана — Бадрханиды и сторонники Саеда из Нери - вступили в соперничество между собой, чиня друг другу всяческие козни. Газета была временно запрещена. Несогласованные действия приносили только вред. Абдур-резак Бадр-хан уезжает, ставя перед собой задачу разведать намерения русских, но затем обосновывается в Париже. Другие его сородичи направляются в Египет. Сторонники шейха Абдул-Кадыра — Халифе Селим и Али-ага — поднимают восстание в Битлисе, которое было жестоко подавлено. В 1909 году младотурки закрывают курдские объединения и школу в Ченберли. Это, однако, не помешало в 1910 году группе студентов и юристов создать новое общество «Хива Курд» («Надежда курдов»), которое стало издавать ежемесячный журнал, под названием «Рожа Курд» («Курдский день»).

Итак, начало было положено, и накануне войны 1914 года национальное движение уже искало путей своего развития в области духовной культуры.

2. Курды во время войны 1914-1918 годов

Война затормозила первые попытки организации движения и создания единого национального общественного мнения. Призыв к священной войне, «газавату», еще раз под прикрытием ислама дал возможность направить боевой дух курдов в сторону, совершенно чуждую подлинно национальным интересам этого народа. Турки, разумеется, хотели использовать курдов в своих военных целях, в то же время внимательно наблюдая за ними,— можно было бы составить длинный список курдских патриотов, казненных турками во время войны.

290

Известно, что одни из Бадрханидов - Камиль-бей из Бохтана — в 1916 году в Тифлисе очень хотел изложить курдские национальные идеи великому князю Николаю, наместнику Кавказа и главнокомандующему русско-турецкого фронта. Впрочем, создается впечатление, что тогдашнее русское правительство не вело в отношении курдов ясной и определенной политики. Курдская проблема переплеталась с перспективой создания Армении как независимого государства. В конце 1917 года, будучи консулом в Урмии, я принял послания общества «Истихлас-е-Курдистан» («Освобождение Курдистана»), который вручил мне письмо Саид Та с просьбой выяснить возможности встречи с русскими военными для того, чтобы сговориться о совместных

действиях против турок в целях освобождения Курдистана. Сайд Та, бежавший из русского плена, был племянником шейха Абдул-Кадыра. Этот последний, оставаясь в Константинополе до 1917 года, бежал затем к Малик Хусейну в Мекку. В 1925 году турецкие власти приговорили его в Диярбакыре к смертной казни. Его сын, Сайд Абдулла, был в это же время арестован в Мосуле.

В собрании курдских текстов, которым я располагаю, имеется доклад моего учителя муллы Саида, датированный 1917 годом и содержащий мнения его соотечественников в отношении русских и турок. Этот высокообразованный курд, человек тонкого ума, понимал, что для завоевания доверия неподатливых курдов надо сначала освободить их от ига собственных вождей и избавит от страшной нищеты. Такого же мнения придерживается и мой советский коллега О. Л. Вильчевский. Эту записку о социальных требованиях курдов, написанную рукой умного и образованного курда, следовало бы принять во внимание.

Нельзя обойти молчанием факт, обычно малоизвестный,—массовые ссылки курдов во время войны 1914—1918 годов. Они производились под предлогом эвакуации, необходимой в связи с наступлением русских, и имели целью ассимиляцию курдов, разбросанных по различным турецким селам, и отделение их от курдских племенных вождей. 700 тыс. человек были подвергнуты этой жестокой мере, что не обошлось без значительных жертв. Оставшиеся в живых вновь возвратились к своим очагам.

291

В момент разгрома турок в мае 1919 года вожди курдов собралась в Кахте у Малатьи, чтобы организовать антикемалистскую акцию. Полковник Бэлл, руководитель «Интеллидженс сервис» в Алеппо (Халебе), действуя от имени своего правительства, хотел отговорить курдов от выступления, обещая им от имени союзников, что национальные стремления курдов будут приняты во внимание. Имелся уже в виду Севрский договор...

Перед тем как оценить его действительное значение для курдского национального движения, следует коснуться возобновления патриотической деятельности, выразившейся в создании различных комитетов. Так, эмир Сурейя организовал в Каире, тотчас же после Мудросского перемирия, Курдский комитет независимости. В Константинополе эмир Эмин-али, Камран Али-бек, сенатор Абдул-Кадыр и другие деятели создали «Kurd Taali Cemiyeti» («Ассоциацию содействия процветанию Курдистана»). А спустя некоторое время возникла «Kurd Millet Firqasi» («Курдская национальная партия») и «Kurd teşkilatı ictimaye» («Общество социальных проблем»). После занятия Константинополя Мустафой Кемалем эти организации распались, впрочем, их деятельность полностью не прекратилась. В 1927 году при создании Национального комитета «Хойбун» все эти организации влились в нее.

В. Международное признание курдских национальных стремлений

1. Севрский договор 10 августа 1920 года и Лозаннский договор 24 июня 1923 года

Хотя Севрский договор остался только на бумаге, тем не менее он знаменовал собою очень важный поворот в развитии курдской проблемы. Впервые в истории в дипломатическом документе подвергся рассмотрению (разд. III, ст. 62—64) вопрос о «местной автономии районов сплошного расселения курдов». С этого времени международное значение курдской проблемы не вызывало более сомнений.

Разумеется, достойно сожаления и (это отмечено также проф. Мандельштамом, специалистом по истории

292

национальных меньшинств), что Лозаннским договор, придя на смену Севрскому договору, «предусматривает равенство в гражданских и политических правах лишь в отношении немусульман» (ст. 39)¹).

2. Мосульский вопрос

Каким бы несправедливым и неполным ни был в отношении турецких курдов Лозаннский договор, он, однако, также сыграл весьма важную роль, поскольку поднял Мосульский вопрос и обязал Лигу Наций произвести обследование в этом курдском районе (см. ст. 2 договора, п. 3) после установления в октябре 1924 года временной демаркационной линии, известной под названием «Брюссельской». Доклад Комиссии по обследованию (граф П. Телеки, М. Вирсен и полковник Паулис), представленный в Совет Лиги Наций 16 июля 1925 года, высказался в пользу мандата Лиги Наций на 25 лет. К компетенции -курдов должны были быть отнесены администрация, правосудие, образование, а курдский язык признавался -как язык официальный.

Напомним, что до обсуждения доклада указанной комиссией (в феврале—апреле 1925 г.) вспыхнуло восстание шейха Сайда. Это совпадение подкрепляло английский тезис о присоединении Мосульского вилайета к Ираку. В то же время восстание позволило опровергнуть заявление турецкой делегации в Лозанне, утверждавшей, будто мусульманские меньшинства «вполне довольны своей судьбой при турецком режиме».

Как бы то ни было, 16 декабря 1925 года Совет Лиги Наций принял за основу «Брюссельскую линию» как линию границы между Турцией и Ираком, и одновременно мандат на Ирак сроком на 25 лет был вручен Великобритании. Британскому правительству было предложено разработать меры по предоставлению курдскому населению статута, рекомендованного докладом. В феврале 1926 года премьер-министр Ирака заявил в парламенте в Багдаде: «Мы должны представить курдам их права. Должностные лица должны быть из их среды. Родной

¹«*La protection des minorites*», *l'Academie do Droit international Hachutle*, 1925.

язык курдов должен стать официальным языком, а их дети должны обучаться в школах на курдском языке». В 1955 году попытались выступить с утверждением, что курды в Ираке полностью пользуются статутом, который был выработан четверть века назад.

3. Организация «Хойбун» и новые восстания

После жестокого подавления восстания шейха Сайда затишье, установившееся в годы с 1925 по 1930, было только кажущимся.

Весной 1927 года конгресс, собравшийся в одном из местечек, создал Курдский национальный комитет, под названием «Хойбун» («Быть самим собой»)¹). Члены этого комитета поклялись продолжать борьбу за независимость Курдистана. Ихсан Нури-паше, бывшему офицеру, была поручена организация этой борьбы. Он занялся тщательной ее подготовкой, избрав в качестве базы гору Арарат.

А начиная с весны 1930 года вспыхнул ряд новых курдских восстаний.

Можно лишь перечислить их, не останавливаясь на деталях. В то же время все они представляют большой интерес. Восстание 1930 года в особенности способствовало сближению Ирана и Турции за счет курдов: это было соглашение от 23 января 1932 года об уточнении границы в районе Арарата. Маршал Франше д'Эсперен по возвращении с Ближнего Востока заявил по поводу восстания 1930 года (см. «Матэн» от 1 января 1931 г.): «Курдское вооруженное восстание было гораздо более серьезным, чем нам представляется, и оно еще далеко не утихло. Курдов поддерживают некоторые турки».

В 1932 году прибывший из Ирака Салах-Эддин, сын шейха Сайда, которому была обещана амнистия, был судим военно-полевым судом в Эрзуруме. Впрочем, он был замешан также и в Дерсимском восстании. В 1933 году была организована «полицейская операция» против шейха Фахри в окрестностях Дпярбакыра. В 1934 году последовала серия смертных приговоров, присуждений к пожизненным каторжным работам и т. д.

¹Чаще всего в литературе название «Хойбун» переводится как «Независимость». — Прим. ред.

294

Затем следует период относительно долгой, но зловещей тишины — 1934—1937 годы (исключением является «заговор» в Испарте и мае 1935 года с участием курдского шейха Бади Узамана и «налоговая забастовка» курдов в Муше в июне 1935 года). 5 мая 1932 года был опубликован закон о высылке и расселении курдов. Курдов должны были расселить по турецким деревням так, чтобы они составляли лишь 5% местного населения. Вожди, обосновавшиеся в городах, не должны были иметь никаких связей с другими курдами. Этот закон, впрочем, был лишь повторением положений закона, применявшегося во время войны 1914 года. Однако жизнеспособность курда еще раз оказалась сильнее административного рвения турок, да и результаты этих мер нисколько не изменили демографии Курдистана, нынешнее состояние которой вполне удовлетворительно.

В 1937 году произошло восстание в Дерсима—Тунджели. Запад принял турецкий тезис: «Цивилизация», борющаяся с «варварством»... Закупоривались пещеры; леса, где спасались старики, женщины и дети, поджигались (для интересующихся печальными подробностями сошлемся на уже цитировавшуюся статью «Дерсим в истории Курдистана»).

4. Положение курдов в Иране

Даже при беглом ознакомлении с положением курдов в Иране становится ясно, что в этой стране курдская проблема имеет свою специфику (см. гл. IX, мнение Сурейя Бадрхана). Положение, утверждающее одинаковое этническое происхождение иранцев и курдов, отсутствие серьезных причин для вражды между предками по-прежнему пропагандируется в официальных заявлениях и в прессе. Иранская работа Р. Яссеми в своих выводах поддерживает это положение. Тегеран тем не менее энергично вмешивается в события, предпринимал попытку подавить и районе Арарата волнения под руководством Халид-аги Джалалн, или известного Исмаил-аги Симко около Ушну¹), или Джафар-аги Солтана из Авромана в 1932 году. Иранско-курдские отношения обостряются несколько позднее. О них будет сказано в свое время.

¹Об этом курдском вожде. см. *Westarp, op. cit.*, p. 212—224.

295

5. Курды в Ираке

В Ираке, где статус курдов *опирался* в принципе на международные гарантии, восстания приобретают особое значение. Немецкий географ проф. С. Пассарж полагает, что «не было бы ничего удивительного в том, если бы этот народ пастухов, закаленный, волевым, обладающий чувством реальности, захватил в Ираке политическое руководство, несмотря на свое численное меньшинство»¹. Как свидетельствует доклад верховного комиссара британской администрации в Ираке, с октября 1920 по март 1922 года курды не принимали никакого участия в выборах короля Фейсала. Впрочем, начиная с 24 декабря 1922 года англо-иракская декларация признала «право курдов Ирака на организацию

своего курдского правительства». Известно, что британская политика в Ираке сводилась к серии зондажей, наступлений и отступлений².

Между 1919 и 1930 годами мы стали свидетелями антианглийской борьбы шейха Махмуда Барзанджанского из Сулеймание, который объявил себя «шахом Курдистана». Оказавшись вначале английским пленником, затем помилованный ими и бежавший от них, он неутомимо борется с ними, пока в конце концов в 1931 году его не помещают в находящейся под наблюдением резиденции в Багдаде³. «Только благодаря таким фактам, как сдача в плен шейха Махмуда, можно представить себе всю глубину ошибок, совершенных в Лозанне»⁴.

При рассмотрении в Лиге Наций в мае 1932 года британского предложения о будущем статусе Ирака Поль Бонкур заявил, что можно было бы установить для курдов режим национального меньшинства, близкий к административной автономии. Это облегчило бы в будущем задачу контроля. Ибо, по-видимому, политика Лондона, благосклонная к «независимому» Ираку, объясняется желанием освободиться от опеки постоянной Комиссии подмандатных территорий Лиги Наций и развя-

¹См. S. Passarge, *Ägypten und arabischer Orient*, Berlin, 1931.

²См. R. P i n o n, *Les fievres d'Orient*.

³Мы располагаем живым свидетельством: «*Einbrauch ins verschlossene Kurdistan*», par G. F. Muller; Reutlingen, 1937.

⁴«*Depeche Coloniale*», du 20 mai 1931.

296

зать себе руки в Багдаде¹. Однако после отказа от мандата без всяких действительных гарантий вспыхнуло новое восстание курдов, на этот раз в горах севера, в Нарзане. Репрессии, предпринятые английским воздушным флотом, привели к разрушению 1365 домов в 79 курдских селах. В Англии раздалось несколько голосов протеста (письма в газету «Тайме» проф. Жильберта Мюррая от 14 мая 1931 г., Арнольда Вильсона от 21 мая 1931 г. и бывшего верховного комиссара Генри Доббса от 8 июля 1931 г.). Следует указать также на доклад Фрэнсиса Хэмфри Комиссии подмандатных территорий в ноябре 1931 года.

«Я предпочитаю сто раз сдаться в плен туркам, моим открытым врагам, чем сдаться рабам англичан»,— сказал шейх Барзана британскому офицеру политической службы, капитану Хольту. Короче, курдо-арабские отношения не получили в Ираке справедливого разрешения и давали повод к спорадическим инцидентам, более или менее жестоким (июнь 1933 г., июль 1935 г.). Создается впечатление, что с момента, когда Ирак провозгласил независимость, курды оказались там почти на грани войны. Молодой немецкий путешественник (см. книгу, цитированную выше) в течение 1936 года смог посетить курдскую часть Ирака и имел в Багдаде длительную беседу с шейхом Махмудом. Настоящий военный кордон отделял курдскую зону от остальной части страны. В июне 1937 года стало известно о попытке восстания в Сулеймание; четыре курдских вождя были арестованы. В том же году в сентябре была отмечена попытка совершить государственный переворот генералом Бекиром Сидки, по происхождению курдом, убитым через год. Рашид-али Гайлани, который поднял Ирак против англичан в 1941 году, был также по происхождению курд (так же как и Нуреддин Махмуд). Во всяком случае, курдский легион отдал себя в его распоряжение.

6. Курды в Сирии

О 250 тысячах живущих в Сирии курдов мы располагаем сведениями благодаря исследованию П. Рондо²,

¹См. также E. N o l d e, *L'Iraq, origines historiques et situation Internationale*, Paris, 1934.

которое дополняет по некоторым вопросам исследование г-жи В. Вакка¹). Курдам этим, оказавшимся под французским мандатом, не пришлось играть самостоятельной политической роли. Более того, их присутствие на всем протяжении границы с Турцией вызывало иногда осложнения. Чтобы устранить опасения турок, верховный комиссар Французской республики принял постановление о выселении из Турции старшего из Бадраханидов, князя Сурейя, которому пришлось жить в Париже вплоть до своей смерти в 1938 году, сохранив верность своему национальному делу. Отметим, между прочим, что при французском мандате культурная деятельность курдов выражалась лишь в распространении влияния журнала «Хавар» и его изданий. Курды были глубоко взволнованы событиями в Анатолии (телеграмма Бакры Котраша в Лигу Наций в 1937 году с протестом против турецкого террора в Дерсиме).

7. К у р д ы в С С С Р

Нам осталось сделать еще несколько замечаний относительно курдов, живущих в Советском Союзе. Их общая численность в советском Закавказье не превышает 100 тыс. человек, но благодаря советской национальной политике это не мешает им быть полюсом притяжения для их собратьев за границей. Не следует бояться обвинения в преувеличении, отметим, что в настоящее время в Ереване публикуется больше всего курдских книг, что там издается курдская газета, имеется среднее педагогическое училище и курдский театр.

В колхозных курдских селах имеются начальные школы, библиотеки, радиоточки, сельскохозяйственные машины, кооперативные объединения, что глубоко изменило жизненный уклад курдов.

Мы сожалеем о том, что не имеем возможности процитировать несколько отрывков из книги на курдском языке, ну хотя бы, например, из «Курдского пастуха» Араба Шамилова (эта книга, переведенная нами на

¹*V. V a c c a, Notizie biografiche su uomini politici, , ministry e deputati Siriani, in «Oriente Moderno», 1937.*

французский язык, в овою очередь была переведена снова на курдский язык и издана в Бейруте)¹), или из «Красного Пахаря» (1930), что позволило бы лучше судить о советской политике в отношении этого национального меньшинства.

Г. Курдская проблема во время и после второй мировой войны (1940 — 1945)

Если в начале первой мировой войны вильсоновские принципы не помогли осуществлению национальных чаяний курдов, то и во время и после второй мировой войны мировая конъюнктура не стала более благоприятной для курдов.

В 1943 году вспыхнуло новое восстание в Барзане, руководимое братом шейха Ахмеда, муллой Мустафой, которому оказывал поддержку шейх Латиф. Багдад стремился умиротворить восставших, не сделав, однако, попыток прийти к подлинному соглашению.

В 1945 году на Учредительной конференции ООН в Сан-Франциско Курдская лига вручила письмо и меморандум с картой, в которых были отражены национальные требования создания свободного и независимого Курдистана. Утверждения о том, что мир в Среднем Востоке не может быть установлен без разрешения курдской проблемы, не являются в этом документе пустой фразой. По крайней мере с августа 1945 года кровь снова льется в Барзане. Доведенный до капитуляции мулла Мустафа перешел в Иран, в Мехабад (Соудж-булак). В Турции происходят волнения курдов. Пользуясь

благоприятной обстановкой в связи с событиями в Иранском Азербайджане, 13 января 1946 года в Мехабаде была провозглашена Курдская республика во главе с Кади Мухаммедом. Она, впрочем, просуществовала недолго. В декабре в Азербайджане вновь были установлены иранские порядки, а республика в Мехабаде была уничтожена в результате беспощадных репрессий (см. «Курдская республика в Мехабаде», статья из архива Рузвельта в журнале «Средний Восток», апрель, 1947).

¹См. русское издание этой книги, цитируемой нами на стр. 98—101, 105—110, 183—185, 219, 220.—
Прим. ред.

299

Две точки зрения были распространены в тот момент среди курдских вождей. «Молодые» считали возможным рассчитывать на поддержку русских. «Старые» были против всякой идеи сотрудничества с Советами. Небезынтересно также отметить письмо (в газете «Тайме» от 24 апреля 1946 года) Филиппа Прайса, консервативного

300

депутата, в котором он воздает должное политике Советов! Только Советы, по его мнению, нашли разрешение курдской проблемы, преступив к ней с экономической стороны и борясь с нищетой племен. Прайс полагает, что если бы правительство Ирака, вместо того чтобы расстреливать барзанских курдов, захотело использовать водные ресурсы гор, богатые «белым углем», можно было бы добиться длительного умиротворения курдов.

Надо ли, впрочем, говорить о том, что к концу второй мировой войны весь Средний Восток под влиянием войны, инфляции, переплачиваемой под давлением военных нужд заработной платы, выплата которой была затем внезапно прекращена, вступил в период социальных брожений, которые дали о себе знать без всякого вмешательства Советов¹.

В заключение нашей попытки определить место политической проблемы курдов мы не хотим скрывать наших искренних симпатий к ним. В то же время трудно было бы отрицать интерес к современному этапу развития курдской проблемы и формированию национального самосознания курдов, начавшемуся еще с прошлой войны в Иране, Турции и арабских странах.

В этом, по нашему мнению, главный камень преткновения для достижения соглашения с курдами, процесс развития сознания у которых начался со времени феодальных восстаний прошлого. Они теперь выражают свои национальные требования во имя торжественно провозглашенных принципов.

Значительно труднее стало теперь их игнорировать или отклонять, тем более что курдская проблема получила уже, пусть теоретически и не полностью, международное признание. Таким образом, постановка курдской проблемы уже приобрела необратимый характер. И только политический поворот в сторону сотрудничества помог бы выйти из тупика.

Необходимый шаг в этом направлении должны сделать соответствующие правительства. Чем дольше будут медлить с применением эффективных средств, которые, разумеется, будут различными в каждой стране, тем больше будет простора для всякого рода интриг.

¹ См. «Middle East Currents», «Economist», du 3 aut. 1946.

301

* * *

После того как я попытался дать в своей работе соответствующее действительности представление о курдах в Курдистане, с оговоркой, что я буду в основном касаться их истории, я затрудняюсь приступить к рассмотрению совсем недавних событий, многие подробности которых могут еще быть не замечены мною.

Судя по некоторым сведениям, в Турции, где курдов, впрочем, продолжают не признавать как национальное меньшинство, а само их этническое название по-прежнему находится под запретом, нельзя говорить об успехах политики, ведущей к утрате национальных черт путем ассимиляции, поскольку население по-прежнему привержено к своему родному языку. За пределами родной провинции культурные объединения курдской молодежи функционировали в Анкаре и Стамбуле, причем нередко можно было встретить в турецкой прессе статьи, критикующие деятельность администрации восточных вилайетов.

Эти несколько положительных штрихов, пусть они даже очень мелки, заслуживают того, чтобы их отметить,

302

хотя и целом курдская проблема в Турции остается нерешенной. То же самое происходит и в Иране, где решительным действиям как будто было отдано предпочтение перед поисками взаимопонимания, судя по тому, что произошло в 1950 году, во время карательных акций против племени дживанруд. Впрочем, в Иране племенная проблема в целом действительно весьма сложна и поКјі неопределенна.

В Иране политика Реза-шаха в отношении племен ознаменовалась, особенно в начале его царствования, ссылкой вождей племен, конфискацией их земель и насильственным принуждением к оседлому образу жизни, с запрещением выгона скота в горы на летние пастбища и запрещением кочевий всех без исключения курдских племен (таких, например, как келбагы) на большие расстояния. Гибельные последствия этих мер для экономики страны вынудили правительство Реза-шаха к концу его правления несколько ослабить репрессии. После его отречения в 1941 году прежний порядок вещей был полностью восстановлен. В 1946 году имели место репрессии в Мехабаде.

Дело в том, что передать на рассмотрение ООН свои требования курды могли только через посредство государства, являющегося членом этой международной организации. Эта процедура почти не отличается от той, которая существовала в Лиге Наций; там право представления, на рассмотрение Совета Лиги Наций принадлежало тоже только членам Совета. Представители меньшинств и государства, не состоявшие членами Совета, имели право только подавать петиции, справки. Невозможно было с точки зрения правовой подавать свои просьбы на рассмотрение Совета и добиться его вмешательства.

Курдская интеллигенция в Ираке обвиняет Багдад в пренебрежительном отношении к экономическим и культурным интересам своего народа.

Заключение турецко-иранского пакта объясняется во многом совпадением взглядов Багдада и Анкары в отношении курдов.

К моему глубокому сожалению, будучи связан объемом своей книги, я вынужден был значительно сократить изложение исторических фактов, содержащихся в гл. VIII, IX и X.

303

ГЛАВА XI. ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КУРДОВ. РЕЛИГИЯ

1. Характер религиозности курдов

В предыдущих главах мы показали курда в обстановке его семьи и племени и попытались разобраться в его отношении к национальным и политическим проблемам. Мы надеемся, что нам удалось выявить характерные черты этого народа, сумевшего про-

нести свою яркую самобытность сквозь века, несмотря на все перипетии его бурной истории, не позволившие ему образовать самостоятельное государство.

Рассматривая жизнь курдов в ее различных аспектах, мы не раз отмечали, какую важную роль играл в ней ислам. Мы знаем уже, что курды вначале с большим упорством сопротивлялись проникновению арабо-мусульманского влияния; затем их вожди приняли новую религию, пошли на службу к халифам, активно участвовали в войнах с крестоносцами (Саладин); постепенно весь народ приобщился к мусульманской цивилизации (Мерваниды, Шеддаиды и т. д.). В XVI веке, в период борьбы между турками и иранцами, курды встали на сторону ортодоксальных суннитов против шиитской ереси и впоследствии в руках таких политиков, как Абдул-Гамид, превратились в послушное орудие панисламизма.

Итак, если бы мы желали облегчить свою задачу, то могли бы ограничиться констатацией того, что курды наряду со многими другими народами Востока, приобщившись к исламу, отказались от старых религиозных представлений и что их духовная жизнь, в плане религиозном, целиком оказавшись под влиянием чуждой доктрины, может служить примером приспособления и растворения с утратой всякой самобытности.

304

К счастью, дело обстоит иначе. Так же как и в других, уже рассмотренных нами областях, своеобразные черты облика курдов отчетливо проявляются в области религии. Мы рассмотрим ислам, каким он предстает у курдов, затем езидизм, как собственно курдскую религию, и секту *ахле-хакк* («людей истины»), состоящую преимущественно из курдов, и, наконец, скажем несколько слов о народных верованиях и суевериях, изучение которых нельзя отделить от общей картины религиозной жизни народа. В самом деле, религиозные доктрины и обряды, изложенные в священных книгах и комментируемые учеными богословами, являются достоянием узкого круга людей образованных; в то же время народные массы, хотя и следуют установленным ими правилам, по существу остаются в лоне старинных традиций и верований, передающихся от поколения к поколению и гораздо более близких им, чем официальные установления. Эти древние религиозные представления, живущие в самых недрах народного сознания, чрезвычайно интересны и сами по себе, поскольку они помогают ученым найти некоторые отправные точки и аналогии и открывают иногда неожиданные аспекты в духовной жизни народа.

2. Ислам у курдов

Попытаемся прежде всего определить отношение курда к исламу — официальной религии большей части курдов. В предыдущих главах, и в особенности в гл. VIII, мы не раз указывали на решающую роль ислама в историческом развитии курдов. Среди его приверженцев были и правоверные, всегда готовые сражаться во славу ислама и во имя его распространения, были и просто благочестивые люди, черпавшие в его установлениях правила для личной и общественной жизни; таким был, например, Мозафар-Эддин, потомственный правитель Бек Тегуни в Хавлере (Эрбиль). «Шереф-наме» сообщает нам о многих курдах, которые, не будучи столь набожными, как правитель Эрбиля, проявляли себя тем не менее как ревностные мусульмане, возводили мечети, основывали медресе (духовные училища), участвовали в благотворительных начинаниях и т. д.

305

Л. Мусульманская эрудиция избранных

Мы можем показать ее на ряде примеров.

В первую очередь нельзя не вспомнить о Саладине, хотя мусульманская деятельность этого великого курда протекала за пределами Курдистана. В Каире он построил или

реставрировал несколько медресе, *ханека* (монастырь) и больницу: медресе Карафэ Кубра и Сухра близ мавзолея имама Шафей; медресе Мазийе близ мавзолея, приписываемого имаму Хусейну; медресе шафеитов Зейн-ут-Туджар, медресе Малекит, медресе Ханифит — реставрация в расположении дворца Абба-са-бен-Салара; ханека в расположении дворца Саид-ас-Саада, халифа, принадлежавшего к секте исмаилитов; больница Дар-уш-Шифа у стены, окружающей его дворец (см. «Шереф-наме», каирское изд., стр. 96—97). В Иерусалиме он также построил медресе и одну ханека. Саладин истратил все свои богатства на религиозные и благотворительные цели. Сохранились сведения, будто после его смерти в его сокровищнице оказалось всего 47 серебряных дирхемов.

Автор. «Шереф-наме» рассказывает о богоугодной деятельности своей и своих предков в Битлисе. Ими созданы шесть медресе: Ихласийе (где обучал Шамс-Эддин моулана Мохаммед Шеранчи, видный богослов и астроном своего времени); Заджи Бекийе (Моулана Мохаммед Зарки, суфий); Эдрисийе (моулана Абдулла Решк, «Черный мулла», пользовавшийся особой известностью); Хатибийе; Шукрийе; Шерефийе (где учил моулана Хидер Беби, знаток шафеизма). Была возведена также Зевайе-и-Шемсийе — разновидность закрытой богословской школы. Шамс-Эддин из Битлиса пользовался славой мусульманского Франциска Ассизского. Когда он совершал ритуальные омовения, птицы и лесные звери собирались к нему и пили воду из его ладоней (см. «Шереф-наме», стр. 455 и 495).

Наряду с этими крупными центрами исламизма курдов, к которым читатель добавит Эрбиль в эпоху правления Мозафара-Эддина, назовем несколько других пунктов, менее значительных, но все же известных в Курдистане. Упомянем прежде всего Джизре, где получили образование ряд знаменитых мусульманских теологов, пользовавшихся особым покровительством при

306

Бедир-бек бен Шахе Аби-беке (см. «Шереф-наме», стр. 171). В их числе назовем: моулана Мохаммед-бек Кали; моулана Абу-Бакра; моулана Хасен Сурджи (вернее, Сурчи, по названию племени в Хаккяри); моулана Зейн-Эддин Беби; Сеид-али. О втором из указанных нами лиц известно, что, когда однажды он, обиженный кем-то, решил покинуть Джизре, все именитые люди города во главе с правителем явились к нему и умолили его остаться. Четвертый из этих теологов славился как крупный авторитет не только в области ортодоксального богословия, но и в области эзотерических знаний, доступных лишь посвященным (*batin, zahir*). Эти теологи нередко выступали в роли третейского судьи, и их решения (*musnifat*) составили важный вклад в мусульманскую юриспруденцию курдов. Джизре заслуживает особого внимания, ибо эта местность является одним из очагов езидизма (см. ниже). Город Захо также известен как центр образованности, откуда вышло большинство курдских улемов. Однако «Шереф-наме» (стр. 147) не называет их имен. В Хизане («Шереф-наме», стр. 274) местный курдский правитель Эмир Дауд бен Эмир Малик основал медресе, названную по его имени Даудийе. В городе Акалате, который, по утверждению Хузни, основан курдами, жил известный ученый моулана Мухи-уд-Дин Акалати («Шереф-наме», стр. 460), приглашенный Насиром-Эддином Туси для помощи в постройке обсерватории Марага (XIII в.). В Пеленгаме («Шереф-наме», стр. 409) Мохаммед бен Хайбулла-бек, женой которого была дочь шаха Тахмаспа, построил медресе и соборную мечеть (*djami*).

Список, составленный при помощи «Шереф-наме», разумеется, неполон, но и он красноречиво показывает, что в XVI веке Курдистан не отставал от других мусульманских стран по числу учебных заведений и храмов для богослужения и религиозного созерцания, а также по количеству образованных и ревностных теологов.

С другой стороны, в докладе на XVI Международном конгрессе антропологов в Брюсселе в 1935 году, озаглавленном «Попытка классификации фольклора на основе

социально-экономического анализа», я сказал о «Мам и Зине» (стр. 9) следующее: «...вся поэма проникнута сугубо правоверным мусульманским духом. Она

307

изобилует призывами к богу, частыми повторениями канонических молитв и прославляет священный характер клятвы на коране».

В сборнике Сосина мы также находим повести и стихи, отмеченные подчеркнuto мусульманским духом Я назову, в частности, поэму «Сезебан», повествующую о сражении между мусульманами и христианами, и которой упоминаются имена самого пророка, Али, Хусейна и Хасана, сыновей пророка, Халида ибн-Валида и Омара ибн-Хаттаба. Как отмечает Сосин, эта повесть сильно арабизирована¹). Другая легенда курдского происхождения повествует о Черном коне Пророка²).

Среди лекторов мусульманского университета в Аль-Асхаре были и курды. Мне называли, например, алхимика Абд-эс-Салам эль-Мардини, оставившего нам свой рукописный труд. Кроме того, у меня имеется богословское сочинение, изданное в 1934 году (1352 Хиджры) в Каире. Его автор, Сеид Абд-ар-Рахим аль-Хусейни, известный под именем Мевлеви и псевдонимом Медуми,— курд из Сенне. Он жил в середине XIX века. Часть этого произведения написана на курдском языке (гурани), остальное — на персидском и арабском. Издатель этой книги, по всей видимости, также курд из Сенне, по имени Мухи-Эддин Сабри Неними, 36 лет учился в Аль-Асхаре и опубликовал ряд работ об Авиценне, Ар-Рази, Газали и других.

Б. Суннизм курдов

Курды не остались безучастными к борьбе между суннитами и шиитами; они приняли сторону правоверных против ереси, так же как и в войнах между Турцией и Ираном они большей частью выступали в союзе с Турцией. Занимаясь этим вопросом, я перевел и тщательно исследовал курдский текст, опубликовав затем результаты своего труда в статье под названием «Курдская апология суннизма» в польском журнале «Восточный ежегодник» (1933, т. VIII, стр. 116—160). Речь в ней идет о курдском дервише, который в ученом споре побеждает видных шиитов из Кербелы.

1. A Socin, op. cit., Abt. II, S. 175.

2. Ibid., S. 192.

308

Отвлечемся на миг от того интереса, вызванного столкновением различных религиозных догм, который для каждого исламиста стоит на первом плане. Отметим тут же, что разногласия, отразившиеся в этом тексте, хорошо иллюстрируют курдо-иранские отношения, подчеркивая одновременно, насколько религиозные расхождения усиливаются в связи с различием в социальных условиях жизни кочевых курдских племен в горах, с одной стороны, и городской, оседлой, благоустроенной жизни иранцев — с другой. Стоит нам только подойти ближе к этой проблеме во всей ее жизненной полноте, а не только с точки зрения теоретической, как чисто религиозные вопросы отойдут на второй план.

Курду гораздо ближе не сравнительно новые идеи, но древнее мироощущение искони независимого горца; курд живет в постоянной борьбе со всеми силами, проникающими извне, из долин, он упрямо сопротивляется всякому стремлению подчинить его, направить в русло какой-либо политической группировки, всякой попытке навязать ему неприемлемые для него условия.

Идейные расхождения между шиитами и суннитами не исчерпывают до конца сути взаимоотношений кур-дон и иранцев. Изучая документальные источники и жизнь курдов,

мы видим, что курдский дервиш весьма далек от правоверной суннитской идеи, о чем и свидетельствует рассмотренный нами текст.

Как мы знаем, секты дервишей, в том числе и курдские, были в определенный момент использованы в качестве орудия панисламистской политики Абдул-Гамида. Нам известно также, что позднее, в период первой мировой войны, идея священной войны нашла приверженцев среди курдских шейхов. Однако мы показали¹⁾, что в среде курдов мюридизм довольно легко принимал характер воинственный, антитурецкий и даже направленный против самой особы султана-халифа. Во время первой мировой войны среди курдских шейхов были как сторонники джихада, так и его убежденные противники. И наконец, после ее окончания, когда в 1926 году вспыхнуло большое восстание курдов, возглавленное представителем *накшбенди*, меры, принятые турками,

1. «*Les Kurdes racontes par eux-memes*», dans le «*Bulletin de l'Asie Irançaise*», mai 1925, No, 231.

309

были направлены не только против курдов, которых целыми семьями переселяли в некурдские области, но также против всех сект дервишей, и в частности против *бекташи*, невзирая на их важную роль в истории турецкого государства¹⁾. Все это свидетельствует о том, что официальный суннизм курдов глубоко противоречил подлинным чаяниям этого народа.

В. Мистицизм курдов, влияние шейхов

Религиозная идея, воспринятая курдами несколько упрощенно и нашедшая у них действительное воплощение, напоминает мистицизм, характерный для сект дервишей²⁾. Хотя догма мистицизма никогда не была официально признана улемами³⁾ однако мистицизм глубоко укоренился в среде курдов, чем и объясняется прочность этой их религиозной позиции. Вначале мистицизм следовал доктрине *накшбенди*, затем он примкнул к учению Абдель-Кафир-эль-Гайлани⁴⁾, основателя ордена кадри, широко распространенного среди современных курдов, возможно, в связи с курдским происхождением самого Абдель-Кадира. Дервишизм курдов тесно связан с племенным строем их жизни. Шейх, обладатель и толкователь истинного учения, живет в своей резиденции ханека, окруженный учениками (*мюридами*), и обучает их; лучшие из них станут потом его представителями (*халифа*) в племенах. Таким образом, весь Курдистан покрыт сетью «мистических ячеек», совпадающей с географическим расположением племен.

Читатель уже встречался с этими шейхами в разделе о племенной иерархии и о национальном движении курдов. Теперь мы остановимся на них более подробно, чтобы лучше разобраться в их роли в Курдистане.

¹⁾ См. нашу статью «*Kwestja Kurdyjska a Mosul*», «*Przeglad Wspolczesny*», № 50—51, 1926, Krakow.

²⁾ См. также В., *Минорский*, *Курды*, Петроград, 1915, стр. 22-23.

³⁾ См. L. Massignon, *Essay sur le lexique technique*, Paris, 1922, p. 93—97, где имеются сведения об отношении улемов к мистикам.

⁴⁾ См. работу M. A. Ayni et F. J. Simoze-Muniz, «*Seyyid Abd-al-Kadir Guilani, un grand saint de l'Islam, 1076—1168*», Paris, 1938, в издании «*Grandes figures orientales*», VI.

310

Перечислим наиболее влиятельные роды курдских вождей. В первую очередь назовем род Шамдинан, иначе, Садат-э-Нери (см. гл. VI).

Эта семья ведет свое начало от шейха Абдель-Кади-ра-эль-Гайлани, сын которого, шейх Абдул-Азиз, по преданию, прибыл в Акру, чтобы проповедовать там учение кадри. Там он умер, и его мавзолей в Акре является местом паломничества. Сын его Абу-Бакр обосновался в селении Стуну в районе Харки, где впоследствии жил его сын, шейх

Хайдар, и затем три или четыре поколения его потомков. Во времена муллы Хаджи род обосновался в селении Мелайан в Кумару. Несколько поколений их потомков жили здесь, а затем (до муллы Салеха) в селении Демане Суфла. Сыновья муллы Салеха отступились от доктрины кадри и перешли к накшбенди. С тех пор этот род переселился в Нери (центр Шемдинана). Генеалогия шейхов Нери показана на стр. 312.

Среди дервишей секты накшбенди следует назвать моулану Халида из Сулеймание. Не стремясь играть важную политическую роль, он тем не менее оказал большое духовное влияние на своих приверженцев.

Это был простой курд из Шехризура¹). После обучения в медресе он стал муллой Халидом и преподавал в Сулеймание: Как-то раз явился ему во сне шейх Абдулла Делеви в обличье простого дервиша и приказал: «О Халид, отправляйся в паломничество (*хадж*); в Ка'абе ты встретишь дервиша, подобного мне; этот дервиш будет искать и давить на себе вшей; не сердись, а поцелуй полу его аба; с его помощью ты достигнешь чего желаешь»²). Халид не придавал значения этому сну.

Прошло несколько лет, и Халид совершенно забыл о нем. Однажды отправился он в паломничество и в Ка'абе встретил дервиша, который давил на себе вшей. Халид рассердился и упрекнул его: «По какому же

¹Махал Шехризура, санджак Сулеймание, вилайет Мосула.

²Известно, что в суннизме идея самоуничтожения играет важную роль. Вот, например, отрывок из работы R. A. Nicholson, *Studies in Islamic Mysticism*. «Однажды, когда я (эти слова произносит Абу Сайд ибн-Али аль-Хайр Мехиеви) ехал верхом, моя лошадь на ходу роняла навоз на дорогу; люди, жаждавшие благословения, подходили, подбирали навоз и умащали им себе лицо и голову».

311

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ШЕЙХОВ НЕРИ

312

религиозному уставу ты позволяешь себе это, бесстыдник!» Дервиш ответил: «О Халид, ты забыл свой сон; если ты теперь же не отправишься в Дели, долог будет для тебя путь спасения». Смущенный Халид вернулся в Сулеймание и стал готовиться в далекий путь. Улемы отговаривали Халида, уверяя его, что он и так уже достаточно мудр. Однако им не удалось убедить его, и он ушел.

На пути своем он посетил Нери, где в это время находился *мударрис* (проповедник) Сайд Абдулла из Шемдинана (см. генеалогическую таблицу). Сайд Абдулла сказал ему: «Зачем тебе идти туда? Это бесполезно! Однако если это действительно необходимо, то и я пойду с тобой». Ответ Халида содержится в следующих строчках персидского поэта: «Мой учитель разделит со мной мою трапезу, если я шепну ему на ухо опьянявшие меня мысли».

Халид отправился в Дели и провел там несколько лет с шейхом Абдуллой в уединении и постах. Затем он принял сан и вернулся в Сулеймание. Он стал муршидом, проповедником учения накшбенди, приобрел большую известность и нажил много завистников и врагов, среди которых самыми влиятельными были шейх Маруф из Сулеймание и мулла Махмед из Балека.

Вот как говорили они о пребывании моуланы Халида в Курдистане: «Курды просты и доверчивы; они станут приносить щедрые дары в накшбендийские ханека, и те разбогатеют. Это внесет большую неразбериху и отразится как на доходах духовенства, так и в делах религии. Дети шейхов накшбенди будут воспитываться в роскоши благодаря богатству отцов. Из них вырастет поколение людей гордых и самонадеянных, которые отступятся от простой жизни и забудут заветы предков. Дела религии отойдут для них на второй план; их потянет к делам светским, и, может быть, они используют свой высокий сан шейха для достижения власти. Злоупотребляя своим влиянием на простых людей, они

оттолкнул их от истинной веры и будут помышлять лишь о том, как бы удержать их в страхе и в подчинении. Такие себялюбивые устремления не понравятся правительству, оно пришлет в Курдистан войска, и уже не будет в этой стране ни справедливости, ни покоя».

313

Так рассуждали враги моуланы Халида и в конце концов пришли к выводу, что его надо убить. «Ведь это оправдано, если он дурной человек. Пели же он желает добра, все равно результаты его влияния окажутся роковыми для Курдистана. Лучше сразу убить его, ибо «плохой поступок оправдан, если он совершается с целью не допустить еще худшего».

Это решение дошло до моуланы Халида; будучи человеком разумным, он не стал упорствовать и уехал в Константинополь. Но и в турецкой столице его учение имело слишком большой успех, так что улемы посоветовали ему уехать в Аравию. «Люди там крепки в своих верованиях и не боятся воздействия новых доктрин». В течение нескольких лет моулана Халид проповедовал в Сирии и там же умер. Его могила находится в Салахийе (предместье Дамаска). «Это был набожный и справедливый человек, но семена, посеянные им на земле Курдистана, не взошли на почве этой страны», заключил мой учитель, мулла Сайд, передавший мне этот рассказ.

Упомянем о нескольких других влиятельных семьях шейхов в Курдистане.

Большой популярностью пользуются в Сулеймание потомки шейха Как Амеди, утверждавшего, что его род восходит к курейшитами, то есть к роду пророка. Сын этого шейха, наиб Сулеймание, шейх Сайд (убитый в Мосуле в 1906 г.), вел во времена Абдул-Гамида активную пропаганду среди иранских курдов, дабы облегчить проникновение турок в эти «спорные области» (см. гл. X). Это не помешало туркам убить его; брат же его, шейх Маруф, не знал ни единого слова по-турецки! Шейх Ахмед, сын шейха Сайда, был менее известен, чем его старший брат шейх Кадыр, бежавший после гибели отца к хемавендам (см. гл. VII), где он поднял антитурецкое восстание с помощью примкнувшего к нему шейха Барзана (см. ниже и гл. X). Турки с большим трудом подавили это движение и в конце концов восстановили шейха Маруфа, брата убитого, в звании наива, возвратив ему его владения. Несмотря на это, шейх Маруф затаил острое чувство вражды к туркам, погубившим его брата.

В Авромане (см. гл. VII и X) наибольший вес имеет род шейха Османа, обосновавшийся в селениях Тавиле и Бейяре. У него было два сына — шейх Мохаммед и

314

шейх Омар. Сыновья шейха Омара, Наджм-Эддин и Ала-уд-Дин, и сын шейха Мохаммеда, Хессам-уд-Дин, представляют ныне этот род. Все они принадлежат к накшбенди и пользуются большим авторитетом у племен мукри, мамаш и мангур.

В Киркуке широко известен сын шейха Али Талабани, шейх Мухаммед-Али, принадлежащий к секте кадри. Одна из ветвей курдского племени зенгене зовется талабани. Вероятно, они происходят из этого рода. Добавим, что в селении Гуричала при слиянии рек Курету и Сирван живут в сельских условиях другие шейхи этого племени — шейх Хамид и шейх Наср-Эддин.

Кроме того, в Киркуке живет один из потомков сайда Абдурахмана шейх Абдурахман-заде сайд Омар, приобщившийся к секте шафеитов (распространенной также на Кавказе и в Дагестане). В сороковых и пятидесятых годах XIX века сайд Абдурахман был одним из самых влиятельных духовных лиц Курдистана. Пятьдесят тысяч мюридов, проживающих в разных местах, считали его своим наставником и послушно распространяли его учение.

В Амадии (Бехдинане) учение кадри представлено родом шейха Нур-Эддина Берифки. Он не имел сына, и звание шейха перешло от него к его старшему брату.

В Битлисе и Ване упомянем шейха Беха-уд-Дина, сына шейха Мохаммеда Куфрави. В Хаккяри известен потомок шейха Фехим Арваси — шейх Абдул Хакин, сын шейха Таха, который перед войной 1914 года жил в Башкала.

Из работы П. Рондо¹ мы узнаем кое-какие подробности о роде шейхов Палу. К нему принадлежал шейх Сайд, герой восстания 1925 года, которое ему удалось поднять благодаря своему значительному влиянию в делах религии, а также в делах племени, влиянию, приобретенному им в силу его богатства, а также в результате удачных браков с дочерьми местных правителей» (гл. X).

В Акре и Зибаре можно назвать два рода, принадлежащие к накшбенди. Родоначальник первого из них,

¹*P. Rondot, Les tribus montagnardes de l'Asie Anterieur. «Bulletin d'itudes orient», t. VI, 1936, Institut frangais de Danias.*

315

шейх Абд-ус-Селам Барзани, упомянут в моем работе «Курды о себе». Внук этого шейха, сын шейха Мохаммеда, носящий имя своего деда, был убит по приказу турок во время войны. Дети его были еще малы, и звание шейха перешло к его брату, шейху Ахмеду Барзани, о котором говорится в гл. X. Второе семейство, живущее в селении Беджили, в настоящее время представлено сыном шейха Мохаммеда, шейхом Бади-Беджили. Шейхи Беджили, равно как и шейхи Шемдинана, славятся своим богатством. В политическом отношении Центральный Курдистан делится на две части: Шемдинан с шейхами в Нери, и Авроман с шейхами в Тавиле и Бийяре—в двух самых недоступных географических точках в этих местах.

В плане религиозном шейхи стоят во дервишей; самыми распространенными в являются секты накшбенди и кадри. Первая из них, основанная Пиром аль-Ходжа Мохаммед-уд-Дином из Бухары, является одной из самых старинных мистических общин¹, так называемая «золотая цепь» (Salsalat-ouz-zahab); ее шейхи носят имя Хаваджеган-и-азизан. По мнению Хаммера, накшбенди считают первым звеном своей родословной халифа Абу-Бакра, в то время как другие секты возводят себя к Али, зятю пророка². Тем не менее учение накшбенди распространилось в Курдистане позже, чем учение кадри³.

Мы не станем здесь входить в детали дервнишизма или суфизма. В ходе обучения мюриды проходят через несколько ступеней посвящения (tarīqat) под руководством своих духовных наставников — мюршидов; они нравственно очищаются, стремясь к созерцанию бога и к слиянию с ним в мистическом экстазе. Экстатическое состояние достигалось различными средствами: особыми молитвами (zikr, talkin), сопровождавшимися иногда ритуальными телодвижениями и даже танцами. Эти собрания происходят в молельных домах, называемых

¹*Von Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches, I, S. 138.*

²*О жизни дервишей см., в частности, Vambery, Sittenbilder aus dem Morgenlande, Berlin, 1876.*

³*Основавший в 1096 году секту кадри Абд-эль-Кадер эль-Гай-лани (или Джейлауи) был предком бывшего председателя совета министров Ирака Раубда Али эль-Гайлани.*

316

текке, которые в Курдистане находятся в Мехабде, Нери, Барзане, Берифкане, Беджиле и ряде других мест.

Религиозная и политическая власть шейхов поддерживается при посредстве агентов, называемых халифэ. Во время первой мировой войны 1914 года нам указали на нескольких из них. Халифэ шейхов Авромана был Баба Хакин, сын сайда Зенбиля, живший в одноименном селении близ Букана, в резиденции сардаров мукри Баба Мири (гл. VII). Шейх Юсуф Шамс-Эддин был представлен неким моулана в селении

Шерефкенд около Мехабада. Баба Хаким правил племенами бек-заде, дебюкри и геврик; моулана - племенами мамаш и мангур. В селении Ковс-Абад около Мехабада жил шейх Баба (кадри), позднее казненный турками. Я вступил с ним в переписку с целью получить от него *рисала* (устав) его секты, но его трагическая смерть прервала наши отношения. Наконец, в Балеке, недалеко от ущелья Гарушинка, жил шейх Джелал-Эддин, сын шейха Кемаль-Эддина, ревностного приверженца джихада во время первой мировой войны. Что касается политико-религиозной организации мистических сект курдов, то нас особенно интересует активная деятельность дервишей, направленная на возрождение чистого ислама и престижа халифата; учитывая вышеизложенные соображения, касающиеся лояльности курдов по отношению к турецкому султану¹), отметим, что эта деятельность носит характер панисламистской пропаганды. Шейхи — убежденные противники проникновения любого чужеродного влияния. Помимо религиозного рвения, их побуждают соображения личной выгоды и страх утраты авторитета, что неизбежно произойдет, если Курдистан выйдет из своей изоляции. Как мы видели, мулла Сайд (см. гл. IX) не питал по этому поводу иллюзий. Однако не будем увлекаться обобщениями.

¹См. нашу статью «Курды о себе». «Они (курды) начали искать оружие. Хорошо известно, что среди всех племен Курдистана племена зибари, ширвани и мизури являются наиболее воинственными. Из них набрали для шейха Мохаммеда преданное войско, насчитывающее более пяти тысяч человек. Когда все они собрались, то объявили: «Мы пойдем на Мосул и захватим сто; оттуда мы двинемся к Дамаску, а из Дамаска в Константинополь. Мы схватим за ногу этого жалкого Гаида, это ничтожество, и сбросим его с трона. Мы возведем на трон святого Махди. Пусть он будет наместником пророка».

317

Не все шейхи стремятся к славе и обогащению. Неть среди них и такие, которые живут духовными интересами и проявляют терпимость к инаковерующим и к политическим противникам. В частности, шейхи Барзана и Баба погибли от рук турок именно потому, что они отличались терпимостью и упорно уклонялись от пропаганды «священной войны».

Изучая жизнь курдов, нельзя не уделить значительное место исследованию жизни шейхов, их влиянию, их симпатиям и антипатиям, количеству их приверженцев и так далее. Эти сведения помогут нам приподнять завесу, за которой скрыты тайные движущие силы ислама. Деятельность шейхов сказывается то на Кавказе (Шамиль и его мюриды), то в странах Французской Африки с ее многочисленными завия, то в итальянской Триполитании (сенусси в современной Ливии). Во всех указанных случаях ситуация одна и та же. Курды берутся за оружие по первому слову своих шейхов. Читатель видел немало тому примеров, когда мы говорили о национальном движении курдов (гл. IX и X). Вовремя первой мировой войны почти все племена к югу от озера Урмия поднялись (хотя иранский меджлис утверждал обратное) по приказу шейхов на восстание во имя «Священной войны», причем нередко против воли вождей племен (например, Карани-ага Мамаха). Мне остается отметить — ниже я привожу соответствующий пример, — что в междоусобных войнах курдских племен противники не останавливаются ни перед чем, их воинственный гнев не щадит ни мечети, ни муллу, ни даже коран вражеского племени. Тут ясно можно проследить, насколько интересы племени сильнее, нежели любые соображения о духовной общности, мусульманском братстве и тому подобном.

Все вышеизложенное приводит нас к выводу, что религиозное чувство курда отнюдь не направлено к теоретизированию и углубленному толкованию догматов правоверного суннизма. Несмотря на то что у курдов имеется ряд сочинений, трактующих мусульманство, тем не менее для курдов, приверженцев ислама, более характерен мистицизм и инакомыслие вообще¹. В ра-

¹См. работы нашего выдающегося коллеги и друга проф. В. Минорского о секте ахле-хакк, храм которой в Бердиваре (Авроман) он имел возможность осмотреть.

318

боте Драйвера «Религия курдов»¹) говорится, что «...в большинстве случаев это особая форма ислама, зараженного языческими суевериями и чуждыми ему обрядами, многие из которых близки зороастризму, буддизму и различным языческим культам; Ибн аль-Атир называет их «мушрикинами», политеистами или идолопоклонниками (Камиль, III, 37)». Лучше всего выражает вышесказанное лаконичная турецкая поговорка: «Рядом с неверным и курд мусульманин».

Г. «Священная война»

Будучи плохими мусульманами, курды тем не менее с большой готовностью откликнулись на призыв к «священной войне», прозвучавший из Константинополя. Этого нельзя не признать при всех оговорках, сделанных в нашем сообщении на Конгрессе истории религий в Париже в 1923 году², однако чисто религиозные мотивы играли здесь не главную роль. Даже в Иране курды, которые приняли сторону Турции и составили основной контингент сторонников джихада, видели в нем лишь удобный случай проявить свои воинственные наклонности. Я не буду возвращаться здесь к вопросу о справедливости «священной войны», хотя и имел печальное преимущество наблюдать события на месте, занимая в то время пост русского консула в Урмии³. Мой соотечественник и друг Андрей Мандельштам, востоковед, юрист и дипломат, чья высокая эрудиция в вопросах международной политики широко известна, рассмотрел вопрос о законности провозглашения джихада турецким султаном⁴). Вспомним также оценку, данную Нестором правоверных исламистов проф. С. Снук Хургронье. В заключение этого обзора, представляющего большой практический интерес для востоковедов, изу-

¹Driver, *The Religion of the Kurds*, in *BSOS*, II, 1922.

²Религиозная тема в курдских текстах из собрания В. Никитина, «Труды Международного конгресса истории религий», состоявшегося в Париже в октябре 1923 г., т. II, Париж, 1925, стр. 415—434.

³Краткий обзор этих событий сделан мною в работе, озаглавленной «*Les Assyro-Chaldeens, une petite nation victime de la guerre*», опубликованной в «*Revue des Sciences poitique*», 1921.

⁴A. Mandelsta m, *Le Sort de l'Empire Ottoman*, Payot, Paris, 1917.

319

чающих мусульманский Восток, упомянем работу доктора Готфрида Галли¹), немецкого генерального консула. В ней в полном согласии с мнением проф. Снук Хургронье говорится: «Представление о священности войны слишком глубоко коренится в немецком христианском сознании; поэтому о германской священной войне заговорили лишь тогда, когда ее престижу был нанесен урон совместным ведением войны с нехристианами».

Как бы ни расценивать «научные» обоснования «священной войны», она принесла Ирану опустошение «иранской Ломбардии», как метко назвал лорд Керзон район Урмии. У нас сохранились две персидские рукописи, относящиеся к Урмии; первая из них, написанная местным муллой, является опровержением с позиций шиита законности джихада в Иране во время мировой войны; вторая, составленная тогдашним правителем этой области сердаром Азим-ос-Салтане, представляет собой краткое описание событий, имевших место в Урмии с 19 декабря 1914 по май 1915 года, во время турко-курдской оккупации. Напомним, что вместе с турками находились и несколько иранских «муджахидинов» (так называют в Иране сторонников борьбы за национальную независимость, рассматриваемую в рамках «священной войны»); среди них называют следующих лиц: Мехди Бакира, Мирза-Агу Болури, Хаджи Пишнамаз, Гаффар-хан Зенвери, Амир Аслан-хана Гафгхази и др. Во главе этих муджахидов стоял афшар области Урмия Меджд-ос-Салтане. «Никакими словами не описать того, что натворили здесь после отъезда Халиль-бека все эти муджахидины и их демонические приспешники...» Описав бедствия,

причиненные населению турецко-курдским нашествием, автор с глубоким возмущением говорит о вымогательствах и репрессиях, которыми муджахиды терзали своих соотечественников под предлогом поддержки «священной войны», хотя в понимании шиитов «священная война» приемлема лишь в форме самозащиты.

Мулла Сайд, уже знакомый читателю, подготовил по моей просьбе ряд текстов, относящихся к вопросу

¹«Der Neue Orient», Halle a. d. S., 1918, XIII Heft: «Wesen, Wandel und Wirken des Heiligen Krieges des Islams».

320

религии у курдов. Этот образованный курд-мусульманин был тесно связан с шейхами Нери и хорошо видел их истинное лицо. Будучи тонким наблюдателем и прекрасным рассказчиком, он обратил мое внимание на многие особенности религиозного аспекта жизни своих соотечественников. Его заметки помогли мне при написании вышеупомянутой работы «Религия у курдов». Я позволю себе привести несколько отрывков, отражающих определенные стороны курдского мусульманства.

Вот, например, письмо шейха из Беджиля к шейху Мохаммеду Сидки из Нери, который выступил арбитром в кровавой расправе между шейхами Беджиля и Барзана и их племенами. Читая это послание, убеждаешься, что религиозные соображения в среде курдов всегда подчинены другому, высшему интересу — интересу рода.

«...Ничего не могу сказать тебе, о господин! Ты все знаешь, я доверяю тебе и заранее склоняюсь перед твоим решением. Причиненные мне убытки неисчислимы, но я готов забыть о них ради тебя. Я не могу, однако, забыть позора и бесчестия, нанесенных мне людьми из этого распущенного рода, из этой гнусной семьи, чьи имена нельзя даже слышать спокойно. И вот я умоляю тебя о беспристрастном решении. Как ты знаешь, они не пощадили священный коран и швырнули его разорванные страницы в кучу отбросов! Они осквернили мою молельню! Они отрезали уши у моих жен и служанок, чтобы завладеть их серьгами! Я заранее согласен и словом и сердцем со всем, что бы ты ни приказал».

Мулла Сайд был одним из тех просвещенных курдов, не побоявшимся даже тогда, когда джихад был уже провозглашен, выступить против него. Мулла Сайд был арестован, выдан турецким властям и обвинен в том, что осуждает «священную войну». Защищаясь, он сказал: «Допустим, что я осуждаю призыв (fetwa). Но я не виновен ни по религиозным законам (charan), ни по гражданским (ganounan). Ибо шариат не предписывает убивать беззащитных и невиновных. Да и правительство до сих пор не приказывало убивать; наоборот, оно бдительно охраняло права людей... И я полагаю, что милосердие и мудрость шейхов, равно как справедливость и гуманность халифа, не позволят им дать приказ об ограблении и истреблении несчастных райя (христиане-несториане), которые со времен пророка Мухаммеда и до наших дней не брали в руки оружия и не воевали».

322

В тот раз, в 1915 году, мой знаток истории курдов остался жив: по дороге в Мосул его освободили друзья и сторонники. Убит он был позже, в 1918 году.

По словам муллы Сайда, анттурецкие настроения среди курдов были настолько сильны, что они готовы были хорошо принять русских и даже оказать им помощь в военных действиях.

Я с сожалением опускаю сатирические страницы, в которых насмешливый курдский ум муллы Сайда иронизирует по поводу мусульманского духовенства. Поинтересуемся теперь, как курды, суннитские мусульмане, относятся к другим вероисповеданиям. Мы уже знаем о расхождениях между курдами и иранцами (то есть между суннитами и шиитами), которые, на мой взгляд, объясняются скорее социально-политическими, нежели религиозными мотивами. Учитывая особенности истории курдов, нам ясно: народ,

стиснутый между двумя крупными государствами, прежде всего думает о том, чтобы выжить. Стремление сохранить свою национальность перевешивает приверженность к исламу.

2. Отношение курдов к евреям

Читатель мало что знает об отношении курдов к евреям, а между тем этот вопрос не лишен интереса, поскольку он связан с любопытной и малоизученной формой восточного еврейства. Среди них имеются таты — горские евреи Кавказа, говорящие на иранском диалекте; это персидские евреи со своей святыней — могилой Эстер Хатун в Хамадане и гетто Джубара в Исфагане, живущие, впрочем, и далее до самой Бухары; по всей территории Курдистана разбросаны по селениям и предместьям еврейские общины. Эти израильтяне говорят на восточноарамейском диалекте, распространенном и среди христианских народностей (ассиро-халдеи, несториане, якобиты). Они живут торговлей и мелкими ремеслами.

К евреям иногда обращаются в тех случаях, когда нужно выполнить деликатную дипломатическую миссию, например добиться у заносчивого курдского аги согласия на брак с его дочерью. Евреи и курды живут в тесном общении друг с другом: вспомним, как, например, сказитель-еврей Пинхас исполнял для Сосина

323

сказания о народном герое курдов Езданшире. Следует упомянуть здесь о гипотезе американского миссионера Гранта, посетившего несториан-горцев в 1840 году и предположившего, будто они потомки плененных евреев из Вавилона («исчезнувшие племена»).

Анализируя здесь вопрос об отношении курдов ко всем народностям, чуждым им в религиозном и национальном плане, я не буду останавливаться на отношении их к христианам, поскольку мы уже касались этой темы в предыдущих главах (см. гл. IV и IX). Заметим, кстати, что понятия «религия» и «национальность», как мы уже говорили в гл. VIII, нередко совпадают на мусульманском Востоке. Очень возможно, что в некоторые эпохи (войны Саладина с крестоносцами, борьба шеддадидов с армянами, грузинами, византийцами) «священная война» вдохновлялась мусульманским фанатизмом курдов; было бы, однако, непростительной ошибкой забывать при этом, что и христиане воевали против ислама во имя религии! В наше время, судя по авторитетным высказываниям шейха Обейдуллы, Сурейя-бек Бадр-хана, муллы Сайда и других, курды уже понимают, что фанатизм способен лишь повредить им в общественном мнении и тем нанести ущерб освободительному движению. История курдов тесно переплетена с историей христиан. В фундированной работе проф. Н. Я. Марра, посвященной езидизму, мы находим любопытные данные, подтверждающие эту мысль. Мне также удалось собрать кое-какие факты, свидетельствующие, что часть курдов в давние времена исповедовала христианство¹); тем самым я внес свой скромный вклад в подтверждение тезиса, с таким блеском выдвинутого моим великим соотечественником.

3. Курды и езиды

Езидизм — одно из многих вероисповеданий, встречающихся в Курдистане. По мнению Марра, эта религия исповедовалась большей частью курдов до того, как они приняли ислам. Прежде чем перейти к рассмотрению собственно теории Марра, обратимся к небольшой притче, весьма ярко рисующей отношение курдов-му-

¹См. мою статью «Курды и христианство», в «Revue de l'Histoire des Religions», 1922.

324

сультан к их братьям езидам. Оговоримся, что речь в ней идет о споре в мирной обстановке; в момент междоусобиц курды-мусульмане если и не истребляли езидов¹, то обращали их в рабство (см. «Mirani-Soran» Хузни).

Наш рассказ носит скорее юмористический характер и повествует о богословском диспуте между мусульманскими муллами и служителями культа езидов, которых в Курдистане зовут «кочаками». Спор происходит в доме Али-бега Дасайе, тогдашнего вождя езидов. (Daseni по-курдски, Dasay'e по-древне-сирийски и Dawasin, Dasin по-арабски указывают на родовое имя, независимое от религиозной принадлежности.) Али-бег был большим любителем состязаний такого рода и умел сохранять беспристрастность в споре. Кочаки уверяли, что им, подобно шейху Ади, дано видеть ангелов, трон в небесах, китов и т. п., являющихся им в соответствии с пророчествами их духовного пастыря. Со своей стороны муллы приводили обычные доводы ислама: пророк является людям как посланник божий; он провозглашает о своей готовности пожертвовать жизнью ради торжества своего учения; глагол божий разносится по земле, покоря сердца мудрецов и праведников. Выслушав обе стороны, Али-бег подал знак своим слугам и те внесли блюда плова с большими кусками жирной баранины и поставили их перед муллами. Их оппонентам подали один рис без мяса. Оскорбленные кочаки не прикоснулись к угощению. Тогда Али-бег объяснил, что под этим рисом скрыты такие же куски мяса, как и те, что были поданы муллам. «Вы же уверяли нас, будто вам даны видения свыше, открывающие вам божью волю. Я подумал, что вы сумеете разглядеть и мясо, прикрытое рисом».

5. Езидизм

А. Гипотеза о происхождении езидизма от ислама

Эта гипотеза прекрасно изложена в работе Р. Леско «Исследование о езидах в Сирии и в Джебель Синджа-

¹Езиды живут в округе Шейхан (область Мосула), на Джебель Синджаре в 160 км к западу от Мосула, в области Диярбакыр и Алеппо, а также в Советской Армении и Тбилиси. Их приблизительная численность не превышает теперь 60—70 тыс. человек, тогда как полвека назад их насчитывалось 120—150 тыс.

325

ре»¹. Основатель езидизма, шейх Ади (по-курдски — Hadi) бин-Музафир, родился в Сирии между 1073 и 1078 годами и прожил почти девяносто лет. В Багдаде, где он провел первую половину своей жизни, он знал, между прочим, Абд-эль-Кадера эль-Гайлани. Шейх Ади оставил несколько трактатов, посвященных изложению его учения. Как указывает Леско, оно ни в чем не отходит от принципов ислама и не содержит никаких особенностей, основополагающих догмы езидизма. Отметим лишь, что, согласно комментариям Ади о всемогуществе божьем, именно бог создал дьявола и зло. «Если бы зло существовало независимо от воли божьей, это значило бы, что бог бессильен, а бессильный не может быть богом».

По мнению некоторых восточных отцов церкви (Зосимы и Пандора, живших в Египте, и др.), падшие ангелы также пострадали ради людей, как, например, Прометей, похитивший огонь для человечества и наказанный за это.

Покинув Багдад, Ади перебрался в Хаккяри и поселился в развалинах христианского монастыря в Лалеше. Самоистязания и посты, которым он подвергал себя, а также творимые им чудеса снискали ему огромный авторитет среди населения этой провинции. После смерти Ади его ученики раскололись на две соперничавшие группировки: правоверные мусульмане и представители иноверческого меньшинства. После целого века междоусобиц вторая группа одержала верх в Курдистане, а первая — в Египте и Сирии. К

концу XIII века учение езидов приобрело более определенные черты, однако проповедь поклонения дьяволу появилась в ней гораздо позднее.

Основные особенности езидизма: вера в имама, Езида, халифа Омеяда и в святость Ади, а также реабилитация дьявола; вероятно, тут сказались также влияние древних суеверий, недостаточно изученных нами. Р. Леско приводит в этой связи ряд выдержек из моей работы «Курдская апология суннизма». При всем моем уважении к работам крупного исламиста Микель Анжело Гуиди, автора гипотезы о мусульман-

1. R. L e s c o t, L'Enquete sur les Ycsidis de Sync et du Djebel Sindjar, «Mem. de l'Inst. Fr. de Damas», t. IV, 1938.
326

ском происхождении езидизма, я отдаю должное и роли древних суеверий в формировании этой системы. Именно поэтому я решил изложить ряд аргументов Н. Я. Марра, полагающего, что езидизм должен изучаться в тесной связи с окружающей обстановкой.

Я не стану подробно излагать работу Р. Леско, доступную любому читателю, и укажу лишь на некоторые моменты. Езиды верят в единого бога, отдающего земные дела своим помощникам, семи ангелам; любопытно отметить, что в нашем веке среди этих ангелов (состав которых время от времени меняется) встречается имя шейха Мансура эль-Халладж. Следовательно, как отмечает Р. Леско¹), имелись, вероятно, точки соприкосновения между мусульманскими мистиками и сектой езидов.

Следы последних представителей секты халладжия теряются в V веке (Хиджры) в секте кадирийя, основатель которой общался с Ади. Пытаясь объяснить корни езидского культа духа зла Тавус-э Мелек, ангела-Павлина (известного также у мандейцев, друзов, тах-теджи), Р. Леско упоминает мусульманских мистиков V и VI веков, занимавшихся проблемой проклятия Иблиса. Абд-эль-Кадер эль-Гайлани, эль-Халладж, Ибн-Араби, Ахмед эль-Хазали считали, что дьявол отказался пасть ниц перед Адамом и воздать ему почести, присущие лишь богу, только из-за своей любви к божеству, которая и явилась причиной его заблуждений. Такое мнение сближается с высказываниями некоторых восточных отцов церкви, упомянутых выше. Вместо того чтобы предать демона вечному проклятию, эти мистики побуждали верующих поклоняться ему. Заметим, однако, что первое упоминание культа дьявола мы находим в XVII веке, тогда как первые свидетельства о езидах относятся к XII веку.

К уже перечисленным культовым обрядам — молитва, пост, празднества, жертвоприношения, запреты — добавим, что у оссетов существовал обычай приносить в жертву богу зла ягнят². Металлические фигурки (sindjaq), изображающие павлина, которые носят с со-

¹*R. L e s c o t, op. cit., p. 40, note 2.*

²*«La civilisation du Caucase», par A. Vyhan, Payot, 1936, p. 222—223.*

327

бой в своих ежегодных поездках миссионеры (qewal) езидов, имеют аналогию у оссетов в виде «петуха-духа» относящегося к числу погребальных аксессуаров. Сами езиды иногда называют павлина петухом¹).

Итак, Р. Леско придерживается теории Гундн о мусульманском происхождении езидизма.

Лично я полагаю, что курды-езиды никогда не были мусульманами (см. также статью Т. Менцеля «Езиды», где подробно перечислены все элементы этой своеобразной синкретической религии). Теория Н. Марра, о которой пойдет речь, помещает курдов-езидов в их подлинный «духовный климат». Курдские последователи Ади приспособили его учение к своим представлениям, и в этом трансформированном виде это вероучение, утратившее свою мусульманскую сущность, распространилось среди курдов, чьи

воззрения оказались для нее благодатной почвой. Перед появлением Ади курды имели уже свою систему религиозных представлений и обрядов, постепенно сложившуюся под влиянием различных факторов и весьма далекую от мусульманства.

Н. Марр раскрывает перед нами многообразие этих факторов и различные степени их контакта и взаимодействия с езидизмом. Езидизм явился одной из ступеней религиозной эволюции курдов; изучая езидизм, важно отчетливо понимать его роль и место в общем развитии этого народа. Здесь мы вполне согласны с мнением Р. Леско²: «...представления об езидизме могут в корне измениться сразу же, как только будут собраны достаточно полные сведения о курдском фольклоре». Религиозную иерархию (касты) езидов (шейх, пир, факир, кавал) Р. Леско связывает с аскетической общиной шейха Ади и видит в ней пережиток суфизма; однако, может быть, следует взглянуть на дело глубже? Я имею в виду структуру курдских племен (соотношение между шейхом и его халифом, эмиром, агой и т. п.) и вполне вероятное воздействие на нее со стороны христианских общин, в частности горцев-несторнан с маликами, носящими перо павлина в головном уборе, абун-епископов во главе с наследственным патриархом Мар Шимуном.

¹«*La civilisation du Caucase*», par. A. Vyhan, Payol, 1936, p.77, n. 2, см. о запрещении есть кур.

²R. Lescot, op. cit., p. 81, n. 2.

328

В заключение своей работы Р. Леско отмечает, что кастовая система отражает своеобразие общественного устройства езидов. Власть духовных вождей нередко превышает светскую власть. В своих работах я подчеркивал ту же мысль. Религия и принадлежность к племени неразрывно связаны в сознании курда, сплетаясь и постоянно взаимодействуя друг с другом.

Сосин¹), а также история Ахмеда Черчачи² воспевают воинские подвиги езидов. У Мохаммеда Эмин Зеки можно найти абзац, посвященный дасени, иначе говоря, езидам («История», стр. 399).

6. Теория проф. Н. Я. Марра о езидизме

Теперь мы перейдем к изложению теории Н.Я. Марра о езидизме.

А. Слово «челеби»

В своей работе о слове «челеби» Марр устанавливает, что оно впервые появляется в начале XIV века у турок-сельджуков, заимствовавших его у курдов, которые в свою очередь попользовали арамейское «цлем-цалма» (tslem-tsalma), означающее образ, идол; такой переход с точки зрения лингвистической вполне возможен. Затем русский ученый приступает к анализу социальной и этнической среды, породившей это слово.

Раз в самом деле слово «челеб» — «бог» — яфетического, ближайше южнояфетического происхождения, а производное от него «челеби» значит не только божественный, но и родовитый, знатный, господин, домохозяин, но и музыкант (певец), поэт, но и грамотный, образованный, просвещенный, но и благородный, честный, вежливый, обходительный, изящный, но наконец, и щеголь, то без доказательств ясно, что в слове обнаруживается отложение значительной части истории создавшего его народа. А именно ясно, что создавший спорное слово народ, во-первых, исповедовал религию, складывавшуюся на южной окраине яфетического мира,

¹A. S o c i n, op. cit., II, Abt., S. 260.

²Ibid.. S. 270, см. Лирическую песнь.

329

на рубеже с семитическим; во-вторых, представлял тип народа с резко обозначенной сословной организацией, распался на несколько, во всяком случае, на два сословия — на благородных по крови и на простых; в-третьих, в сословии благородных некогда выделялся своим значением род, прозывавшийся по яфетическому названию бога, культ которого сосредоточен был потомственно в среде этого священного рода; в-четвертых, в связи с культом грамотность, пение и музыка составляли привилегию того же выдающегося рода; в-пятых, такое привилегированное во всех отношениях положение этому роду постепенно стяжало в народе с сословной организацией славу исключительной знатности, а его названию, в корне конфессиональному и вообще теологическому, создало значение сословного, вообще социального термина и всех высоких понятий, связываемых везде с знатным сословием; в-шестых, народ, в недрах которого развертывалась эта история вне досягаемости книжных источников, к XIV веку неразрывно слился целиком или значительной своей частью с турками-сельджуками, в язык которых он и внес оба слова, «челеб» и «челеби», выработанные предшествующей долгой, тысячелетней национальной историей.

Можно ли признать хозяином этой истории, содержащейся в спорном слове, курдский народ, пока хотя бы в пределах вероятности? Вот, следовательно, другой, гораздо более ответственный вопрос.

Исходя из убедительного анализа слова «челеби», Марр продолжает свои изыскания и излагает ряд соображений о роли езидизма в удивительной мозаике верований, сложившейся на почве Передней Азии; эта область богата пережитками разнообразных древних культов, которые напластовались друг на друга и переплелись в столь глубоком взаимодействии, что разобраться в этом лабиринте способен только историк религии, вооруженный критическим чутьем и обладающий большой широтой взглядов. Попробуем теперь кратко изложить те выводы, « которыми пришел Марр. Мы уже говорили выше (см. гл. VI) о значении, которое в духовной и общественной жизни курдов имели сказители и изуствнные предания. Напомним только, что Марр видит в этом наследие домусульманского язычества курдов.

330

Б. Древние верования в Передней Азии

Марр считает, что разобщенность современного Курдистана в плане религиозном и многообразии верований в среде курдов являются результатом побед — кстати, далеко не всегда окончательных и необратимых — христианства и ислама над старинными верованиями Передней Азии. С другой стороны, самобытная народная религия курдов не признавала себя побежденной и подрывала изнутри религию-победительницу, нанося ей тяжкие удары, выливавшееся в форму протеста, ереси. Так, в христианской Армении известны различные секты и в их числе «дети солнца» (arewordi-q); сопоставление таких сект с таковыми у курдов может помочь нам многое понять в истории религиозной жизни страны. Разумеется, мы не разделяем мнения прежних армянских исследований Чамчияна и Абовяна, видевших в езидах еретиков, отпавших некогда от армянской церкви¹, поскольку нам представляется возможным и обратное: возникновение той или иной ереси в армянской церкви под влиянием народного языческого верования, близкого или тождественного курдскому езидизму².

Посмотрим, каковы соображения Марра.

Задолго до появления турок в Передней Азии в лоне армянской церкви зародилось грозное религиозное движение, которое вышло за пределы Армении и прокатилось через-Византию далеко на запад, принимая в ходе своего развития различные названия и формы. В Армении его носители именовались последовательно мецегней или евхиты, затем павликиане, тондракисты, тулаильцы и т. п. За пределами Армении с востока на запад

располагались (в порядке хронологическом) павликиане и евхиты, богомилы или фундагиагиты, аль-

¹См. М. W. a g n e r, *Reise*, S. 259 ff. *Езиазаров прав, не присоединяясь к этому мнению* («Bref essai ethnopolit. sur les Yezidis», p. 179—180). Другие, как, например, Ф. Lion, считали происхождение этой секты персидским («Exposé des guerres de Tamerlan», по книге «Clironique de Medzoph», Bruxelles, 1860, p. 65). Это и последующие высказывания, не снабженные инициалами В. Н., принадлежат Н. Я. Марру.

²Любопытно отметить, что у езидов имеется пост, совпадающий с армянским постом (aradjavorats), происхождение и название которого до сих пор не выяснены. Некогда и грузины соблюдали этот обряд.

331

бигойцы и катары. В основе этих течений лежала доктрина павликианства и близкого к нему учению богомилов, восходящих исторически к Сирии и преимущественно к Армении, где их корни теряются в местных религиозных верованиях. Сущность этих верований отчасти можно объяснить наличием в Армении, являющейся и родиной курдов, древней народной языческой религии, черты которой сохранились и поныне у езидов.

Очень интересно сообщение известного немецкого теолога Августа Неандера, сравнивавшего учение богомилов и езидов в своем исследовании «О возможных истоках езидизма»¹), сделанное им в берлинской Академии наук 20 июня 1850 года. И хотя эта работа во многом устарела, Марр полностью цитирует отрывок, относящийся к данному вопросу.

По мнению Неандера, отождествление шейха Ади с Адиментом и попытка свести езидизм к учению манихейцев необоснованны. Действительно, поклонение солнцу является характерной чертой езидизма, однако нет нужды искать в нем воздействие манихейства; скорее тут можно усмотреть влияние парсизма, сказавшееся и на многих других сектах. В частности, Иосиф Флавий по поводу иудейской секты ессеев пишет: «До восхода солнца они не разговаривают между собой ни о чем житейском или мирском; с древними молитвами они обращаются к солнцу, умоляя его взойти».

Разумеется, это вопрос спорный. Один из европейских ученых² указывает на то, что «...езид никогда не молится. Единственное исключение — обращение к солнцу. Когда солнце появляется на горизонте, езид должен трижды пасть перед ним ниц со словами: «Солнце встает надо мной. О несчастный! Встань и произнеси слова истины. Бог един, и шейх Ади — любимец бога. Поклонись шейху Ади; поклонись небесному своду, его обители и провозгласи, что езиды—потомки шейха Ади».

Затем он целует место, которого коснулись первые лучи солнца, и, подставив на землю камень, символизи-

1. A. N e a n d e r, *Ueber die Elemente aus denen die Lehren der Yeziden hervorgegangen zu sein scheinen*, Berlin, 1850.

² L. Krajewski, *Le culte de «Satan»*, «Mercure de Franco», 15 novembre, 1932.

332

рующий храм шейха Ади, трижды обходит вокруг него. Совершая этот обряд, он не должен видеть иноверца и тот не должен видеть его.

Эмир Камран Али Бадр-хан в своем сообщении о «поклонении солнцу у курдов»¹) не считает езидов солнцепоклонниками. Однако он приводит небезынтересную подробность: «...ревностные езиды целуют даже пятна утренних лучей на прохладных стволах деревьев».

И, наконец, мы располагаем свидетельством о том, что и IV веке миссионер Субхалемаран обращал в христианство курдов-солнцепоклонников². Все вышеизложенное позволяет нам говорить об остатках зороастризма в религии курдов.

Эпическая курдская поэма «Мам и Зин» повествует, как Мам, будучи ребенком и играя с товарищем в темном помещении, куда никогда не проникал дневной свет, разбил стекло. Увидев солнечный луч, дети воскликнули: «Это бог!» — и попытались поймать его.

Позже учитель рассказал им о солнце и луне, о дне и ночи и о всемогуществе бога. Этот намек на божественную роль солнца заслуживает внимания³.

Возвратимся к Неандеру. Этот автор, по словам Марра, упоминает об одной черте, которую и мы находим у езидов, а именно об их боязни, как бы солнечные лучи не коснулись чего-либо нечистого. Неандер усматривает в этом не манихейское влияние, а скорее отголоски древних восточных религии. Одна из существенных идей езидов состоит в том, что дух зла был некогда добрым, но откололся от бога. Они идут еще далее, допуская, что когда-нибудь этот дух примирится с богом. Напрашивается вывод: дух зла являлся для езидов не принципиальным противопоставлением добру, но бессознательной силой природы. Очевидно, в основе их учения не лежит теория о зле, которая в общеизвестном провозглашении Мир-Нерсе определяется как

¹«Atlantis», 54, VII—VIII, 1934.

²См. нашу работу «Les Kurdes et le Christianisme», «Revue d'Histoire de Religions».

³О пережитках зороастризма см. также Яссем (Yassemi, цит. соч., стр. 123); Шпигель (Fr. Spiegel, Eranische Altertumskunde, Abt. II, S. 65—66) находит у курдов из Дерсима верования, которые, возможно, восходят к культу Анаиты или Митры. (В. Н.).

333

теория парсизма с его «может быть», произнесенным при творении «Корнем» всего бытия — *Зерван Акарана* (безграничное время); оно и послужило поводом к возникновению Ахримана, начала зла, как беспокойного тезиса сомнения, отрицания в самом акте творения. Итак, в основе этого учения лежит совсем иное мирозерцание: зло выступает как носитель свободы, возникающей в результате разрыва свободной воли с богом; в конечном счете эта свобода выразится в примирении с богом. Далее — идеи, характерные для секты езидов — падший дух вследствие своей изначальной природы, своего предназначения и предстоящего ему восстановления в его прежнем достоинстве делается предметом особого культа. «Подобный ход мысли представляется нам столь своеобразным, — говорит Неандер, — что, встречая сходные черты у какой-либо другой секты, мы готовы предположить, что езиды связаны с нею или что обе они имеют общий источник. Нечто подобное наблюдается в одной христианской секте, распространенной в XI веке в Византии, во Фракии и в близлежащих странах».

Неандер переходит далее к детальному анализу учения евхитов, описанного Михаилом Пселлосом и во многом родственного езидам. Мы не станем входить здесь во все подробности. Так или иначе, отметив все точки соприкосновения между обоими учениями и даже некоторую аналогию в обрядах, Неандер указывает на связь между богомизмом и евхитизмом и между этим последним и павликианством. По утверждению Марра, изучение корней павликианства в районах Армении и Сирии, населенных курдами, приводит к признанию стимулирующей роли религиозной доктрины неоспоримой древности, а именно учения езидизма, сохранившегося поныне в относительно чистом виде только у некоторой части курдских племен.

В. Язычество курдов в Армении

Итак, продолжает Марр, народно-религиозная языческая закваска могла быть внесена уже непосредственно курдскими массами в мусульманский мир Малой Азии. Курды влились в среду сельджуков и момент зарождения в ней мусульманства на обломках

334

нон христианской религии, истощенной борьбой против народных религиозных движений. Когда в географических рамках дуги, протянувшейся от гор Исаврии до гор северо-западной Армении, сформировался новый религиозный-мир — ислам, — он

столкнулся с сопротивлением народно-религиозных движений. Это был дервишизм, а именно, по утверждению проф. В. Д. Смирнова¹), манихейство. Мы имеем в виду не отвлеченный, всеобщий, космополитический дервишизм, но лишь ту его форму, которую он принял в интересующей нас среде. Наряду с дуализмом мы встречаем в нем символику цвета одежды², значение формы и цвета головного убора (kolah)³, мистический смысл круга⁴, тайную роль света⁵, радения с пением и экстазами — иначе говоря, все черты, присущие и езидизму. Разумеется, дервишский орден (mevlevi), обладавший известной литературной культурой в период его формирования в Копии в XII веке, не мог ограничить свою эволюцию рамками одного только езидизма. Вся духовная атмосфера была насыщена идеей внутреннего обновления человека путем непосредственного общения с богом, вне церковной обрядности и иерархии. В соседней Армении в X и XI веках шла ожесточенная борьба церкви против народных-религиозных течений. Среди последних мы остановимся на идеях дервишизма, которые проповедовал в начале XI века Иаков Харкский (Харк-Баязитский пашалык). Босые, в одежде из грубой шерсти, его ученики, даже из среды знати, но большей частью из народа, призывали к чистоте нравов, посту, покаянию и самоусовершенствованию, отрицая духовенство и обряды официальной церкви⁶. Это мощное народное религиозное движение, поставившее себя выше религиозных предубеждений, увлекало не одни только христианские общины. Прежде чем искать в Индии или Александрии основы дервишизма, определенного во времени и месте, как,

¹V. D. S m i r n o v, *Le Christianisme des Turcs et le soufisme derviche*, p. 125.

²John Brown, *The Dervishes or oriental spiritualism*, London, p. 53.

³*Ibid.*, p. 56.

⁴*Ibid.*, p. 54.

⁵*Ibid.*, p. 57, 65.

⁶см. M. Wagner, *op. cit.*, S. 262—263.

335

Например, ионийский дервишизм при сельджуках, следовало бы пролить свет на связи, неизбежно возникавшие между двумя религиозными течениями, столь близкими географически и хронологически. Не следует забывать о «значительном религиозном влиянии» Армении в Малой Азии XI и XII веков¹), которое только теперь начинают признавать.

Очаги дервишизма сельджуков в Сивасе и Конин возникали под влиянием народно-религиозных традиций, не западных, а восточных, и притом наиболее близких². Общее указание на христианский источник мы не можем считать достаточным, как это делал Уинфильд, ссылавшийся на тождественность суфийского слова «любовь» (‘ichq) с ἀγάπη Нового завета³. Нам важно не происхождение идентичных понятии, выступающих в самом общем виде и потому абстрактных, но интересна родственность религиозных течений, определенных по месту и времени и принявших конкретные формы. Если факт пребывания благочестивой Рабин в Иерусалиме в 752 году может помочь нам и определении источников суфизма сельджуков, то еще большего внимания заслуживает несомненно установленный факт, что Джелал-Эддин сжился с близкой ему по духу армянской средой: ведь он провел четыре года в Эрзинджане⁴.

Помимо езидизма, среди курдов-немусульман бытует ряд народно-религиозных верований, являющихся пережитками язычества, более или менее сродных езидизму. Некоторые езиды называют себя дасынами; проф. Хвольсон отождествляет их с дайцанитами, последователями Бар-Дайцана⁵. Несколько дальше стоит

¹См. Gerhard Pickler, *Die Phundagiagiten; Ein Beitrag zur Ketzergeschichte der Byzantinischen Mittelalters*, Leipzig, 1908, S. 194, Z.I.

²См. проф. В. Бартольд, «Энциклопедия ислама», т. I, 1913, стр. 852. «Язычество курдов оказало явное влияние на религиозную жизнь мусульман, и в частности на дервишей Малой Азии; сходную картину дает курдская секта ахле-хакк, очень распространенная в Персии».

³Whinfield, *Methnevi of Djelal-oud-Din Roumi*: Никольсон полагает, что Уинфильд преувеличивает роль христианства в формировании суфизма (см. «Selected Poems from the Divani Shamsi Tabriz!», Cambridge, 1898, XXXV, n. 3).

⁴Nicholson, *op. cit.*, p. XVII.

⁶Chwolson, *Die Ssabier*, S. 812.

336

секта ахле-хакк, хотя по происхождению она близка к курдскому езидизму. К югу от Эрзинджана, в чьих стенах проповедовал свое учение Джелал-Эддин Руми, основатель конийского дервишизма, высятся горы Дерсим. Там и по сей день живут курды, долгое время считавшиеся мусульманами, но в действительности близкие к езидам. Их называют то таджиками, то кизылбашами. Они сохраняли независимость вплоть до пятидесятих годов прошлого века и могли выставить войско в 30—40 тысяч человек. Разумеется, в древности среди курдов было гораздо больше езидов. По мере того как курды приобщались к исламу, сила и значение езидизма падали, однако курды не могли полностью отрешиться от своих исконных верований. И быть может, дервишизм, зародившийся в Конии, лишь утвердил никогда не исчезавшие пережитки родовых верований или возродил их в среде курдов, которые уже задолго до того приняли мусульманство и отуречились.

Итак, по мнению Марра, езидизм является собственно курдской религией, существовавшей среди курдов до их приобщения к исламу и сильно сдавшей свои позиции после проникновения мусульманства в жизнь этого народа. Аргументы Марра, приведенные им в 1911 году, выглядят убедительными; пользуясь своей широкой эрудицией, ученый старается показать влияние, которое оказывали друг на друга религиозная среда Армении и Малой Азии, с одной стороны, и курдов — с другой. Выше мы говорили о более поздних взглядах на езидизм.

Продолжим изложение теории Марра, представляющей интерес не только для изучающих историю курдов, но и вообще для всех, не безразличных к судьбам религиозных идей, тем более что труд русского ученого остался неизвестным на Западе.

Г. Курды не принадлежат к индоевропейской группе народов

В целях более глубокого обоснования своей гипотезы Марр обратился к вопросу о происхождении курдов; он стремился отыскать более тесные связи между ними и той этнической группой, которую сам Марр называет азианической, алародийской, а в обычной тер-

337

Минологии — яфетической (древние халды, манненцы, эламиты, армяне, грузины и т. д.), иначе говоря, с теми элементами населения Передней Азии, которые не могут быть причислены ни к индоевропейцам (арийцам), ни к семитам¹ без предварительной договоренности об их общих характерных чертах, признан также, что в ряде пунктов остаются неясности. Уже в первой главе, посвященной этой проблеме, читатель видел, что даже поборники теории индоевропейского происхождения курдов не лишены сомнений и готовы допустить справедливость некоторых положений азианической гипотезы. Марр на этом основании утверждает, что выводы об индоевропейском характере современного курдского языка были слишком поспешны. Адепты этой теории, продолжает Марр, забывают, что даже сейчас среди курдов имеются две категории и даже два различных этнических типа (см. гл. VI). И на вопрос, приемлема ли индоевропейская теория, Марр с уверенностью отвечает отрицательно. Правда, признанные европейские авторитеты — Михаэлис, Шлётцер, Фредерик, Хеерен — высказывали сходные мысли. Она была «до-

казана» Лассеном и Карлом Риттером, а Эрнест Ренан говорил о ней как о неоспоримой истине. Однако всеобщее признание не всегда свидетельствует о точности научного суждения. Ведь существует же мнение, будто только индогерманский элемент органичен в армянском языке, или, что еще более показательно, многие пол-

¹«В племенах езидов наблюдаются два различных типа: первый— с сильно развитой бородой и густыми полосами, по собственному мнению курдов, относится к ассиро-смиттской группе; второй скорее напоминает индогерманцев. Нынешние обитатели Курдистана имеют несомненные черты сходства с обитателями древних армян из Вана; нельзя не увидеть в них черт армянского происхождения» (Т. М с п з е I, статья «Yazidi», в «Энциклопедии ислама»). Последняя фраза в высшей степени интересна [В. Н.]. Однако в то же время Мендель говорит: «Движение езидов зародилось, по-видимому, в эпоху Омейядов в Сирии. По их собственным традиционным представлениям, они пришли в эпоху Тимура в конце XIV века из Басры и низовий Евфрата и мало-помалу распространились до Сииджара, который они заняли лишь в XV веке, и до Курдистана; здесь они и осели и стали курдами». Эта гипотеза, предполагающая столь недавнюю консолидацию курдов, кажется нам малообоснованной. Хакьяри, где проповедовал свое учение в X веке шейх Ади, очень древняя курдская территория [В. Н.].

338

постью игнорируют существование древнейших этнических групп, не принадлежащих ни к арийцам, ни к семитам, таких, как, например, грузины и родственные им народы, и, таким образом, упускают из поля зрения весь этот своеобразный мир. И все это происходит в наши дни, когда решение первостепенных проблем требует учета основных данных анализа остатков древнейших религий изучаемой страны.

Итак, тезис относительно индоевропеизма курдов отнюдь нельзя назвать неувязным. Некоторые пытались обнаружить в езидизме (который Марр иногда отождествляет с «курдизмом», как таковым) чисто семитические черты¹. В настоящее время очевидно одно; в езидизме мы сталкиваемся с пережитками очень древнего религиозного учения. Чем больше мы обнаруживаем связей между ним и так называемыми сектантскими и вообще оккультными чисто народными доктринами, тем больше оснований видеть в нем культ местного доарийского повергнутого бога. Этот культ всегда находил у местного населения неисчерпаемую поддержку в тайной борьбе против новоявленных чуждых учений, пользовавшихся официальным одобрением государства. Изучение этих связей направляет наши поиски, с одной стороны, в Месопотамию, а с другой—в Армению.

Теперь нам важно выяснить вопрос, нет ли в езидизме черт, унаследованных арамеями от халдов. Напомним здесь (см. гл. 1) о проведенной Марром аналогии между «кардухами» и «картвелами» и о его предположении, что первичный азиантический курдский язык был вытеснен тем индоевропейским, на котором говорят курды в наши дни. Нам было бы достаточно, замечает Марр, найти в современном езидизме одно из тех народных верований, к которым, с одной стороны, относятся мандеизм, сабеизм и т. д., а с другой — различные ереси, возникавшие с Армении, и данные религиозного характера, отмечаемые и дальше вплоть до Грузии².

¹Лижбарский вслед за Хвольсоном попытался увидеть в Малек-Таусе — идоле езидов — диалектальную курдскую деформацию Таммуза, однако Клермон-Ганно указал, что ни один из праздников Малек-Тауса не падает на июль, «месяц бога Таммуза» («Rec. d'archeol. orient.», I, III, p. 86).

²По этому поводу интересно отметить, что термин сабеитов *zabarkh*, не поддававшийся объяснению (Chwoison, *Die Ssabier*, II, 24, 37, S. 191, 179), оказался ходовым в культурной яфетической среде, в частности в армянских и грузинских церквах, видимо, как отголосок местного язычества; см. Н. Я. Марр, Крестины у армян, грузин, абхазцев и аланов по обрядам грего-рианства, в «Записках восточной секции Русского археологического общества», т. XVI, 1904—1905, стр. 203.

339

Родство езидизма с мандеизмом было уже давно отмечено проф. Хвольсоном¹) в его известной книге; он же усмотрел в догме езидов элементы древнего язычества. Будет

несколько преждевременно, замечает Марр, отождествлять их с сектой шамсийе, как это делает Хвольсон, однако нельзя не отметить внутреннюю связь между всеми этими локальными религиозными перо-учениями, в том числе и учением сабептов. Эту нфе-то-семитическую религию, лучше всего сохранившуюся на арамейской почве, в настоящее время исповедует народ, говорящий на индоевропейском наречии, а именно на языке иранских курдов. Естественно, что современная богословская терминология этого народа — иранская, вытеснившая более древнюю; не имеет значения, семитической или яфетической была эта первая древняя терминология.

Из этой древней терминологии в наши дни, по мнению Марра, сохранилось лишь одно слово «челеб» — «бог», с курдским производным словом «челеби» — «божеский, принадлежащий богу, исповедующий бога». Это слово мы видим у сабейцев в составе сложного слова «луна» (selem-sin) — «идол луны». В обрядах езидов имеются черты, характерные для культа луны; невольно испытываешь соблазн возвести курдское слово *челеб* к арамейскому источнику, предположив в нем курдскую трансформацию слова *целем*, соединенного с *син* — «луна».

Д. Яфетизм курдов

Кульг луны возвращает нас к яфетидам. Страбон упоминает о культе бога Луны на границе Иберии².

¹Chwolson, *Die Ssabier*, I, S. 292, 648—650.

²Этот вопрос был рассмотрен Джаваховым в его докладе 23 марта 1906 г. на заседании восточной секции Русского археологического общества о «Языческом культе в древней Грузии», «Записки Русского археологического общества», т. XVII, 1906, стр. XXX.

340

Следы этого культа имеются и в армянском языке. Как бы то ни было, будучи почитателями бога Челеба, езиды, естественно, могли называть себя челеби. Опустим здесь возможные аналогии этому термину у павликиан, евхитов и богомилов, но запомним, что в имени секты ахле-хакк также родственной езидизму, второй термин, возможно, является арабским переводом того же слова челеб, означающего «божественный». Любопытно отметить, что последователи али-илахов, исследованием которых занимается проф. В. А. Жуковский¹), на первом месте ставят божество Хевендекор, производное от khoda — «бог». По словам Жуковского, у «подлинных» али-илахов, или сирийских носейритов, Алий и есть сам бог. Такое толкование кажется обязательным Марру для понимания современного названия приверженцев езидизма. Марр считает, что слово езид (yezidi), несомненно, является курдской формой на «i» слова yezid, являющегося архаической формой персидского слова ized, означающего «бог». Короче говоря, в слове yezidi, или ezdi, мы имеем иранский термин, вытеснивший яфетический термин челеби. Этот термин сохранился у турок в определенной — дервишистской — среде. Мы находим его также и в армянском языке. В курдском языке он сохранил совсем особое значение: «бродячий музыкант»; одно и то же слово означает «благородный» и «бродячий музыкант»; сходную картину дает нам курдское слово *бекзаде* (bekzadeh) (см. гл. VI) — «сын бека» и одновременно «бродячие цыгане, певцы, плясуны». Качество «бродячий», которое мы здесь встречаем, возвращает нас в среду дервишей, чьи точки соприкосновения с езидизмом мы уже отмечали выше. Еще более интересно отметить, что термин «челеби» в смысле «бродячий музыкант» может вести свое начало от слова «челеб» — «музыкальный инструмент» по-персидски (два медных диска, которые бьют один о другой) или в смысле «шум, стечение, толпа». Объяснение этих иранских терминов, поскольку они не зависят от арабского «челеб», более естественно искать в «религиозных собраниях» в честь Челеба, иначе говоря, языческого бога. Жуковский упоминает

¹ Секта «людей истины» ахле-хакк (в Иране), «Записки», II, 1887, стр. 711.

341

в связи с сектой али-илахи о радениях, жертвоприношениях и пении в сопровождении музыкального инструмента, по которому бьют руками. Если бы удалось, как надеялся Марр, установить, что Челеб был именно лучезарным богом, луной и т. д., в таком случае использование диска — культового музыкального инструмента — приобрело бы особое значение.

Е. Слова «челеби» и «езид» являются синонимами

Чтобы подкрепить свою гипотезу о заимствовании турками слова челеби у курдов, расширивших сферу его значений, Марр далее рассматривает вопрос о том, какое же племя дало этому термину значение «благородный», «знатный» человек. Ученый указывает, что обычный смысл слова «езид» — результат расширения его значения, ибо первоначально оно относилось не ко всей секте целиком, но лишь к одному роду, претендовавшему на происхождение от Езида; из этого рода были и шейхи, возглавлявшие эту религиозную общину¹. Члены этого выдающегося рода принадлежали к избранному классу. По мнению Фебвра, курдские племена, исповедующие езидизм, делятся на два класса, один из которых носит черную одежду, а второй — белую². Первый класс является привилегированным, из его состава формируется каста мулл. Понятно, что эта каста, осуществляющая высший контроль над культом и обрядами, в глазах остальных наделена особым ореолом благородства. С течением времени их престиж только возрастал: в народе с чисто племенной общественной организацией он не мог уменьшиться даже с возникновением новой религии. И действительно, мы наблюдаем, как курды-мусульмане в изменившихся условиях духовной жизни не утрачивают доверия к традиционной власти этого первенствующего рода. Аналогичный пример мы находим у арабов. Курейшиты, господствовавшие в языческую эпоху, надолго сохранили свое привилегированное положение и после принятия ислама.

¹ См. работу Фебвра, ссылающегося на Неандера (op cit p. 116).

² R. L e s o t, op. cit., черный цвет — цвет касты feqtran, нечто вроде монахов у езидов, не входящих в состав мулл [В. Я.].

342

У курдов эта избранная каста называлась, по всей вероятности, *челеби*, а не *езиди*, чем и объясняется появление значений «знатный», «благородный», «властитель» наряду с прочими значениями этого слова. До наших дней общественная организация езидов зиждется на теократическом принципе; народ делится на несколько замкнутых каст, порожденных религиозной традицией¹). Сами езиды очень гордятся чистокровностью своей аристократии². Правда, до сих пор нам не удалось найти у курдов ни рода, ни класса, носящего название челеби, но, к сожалению, на что уже указывал Катремэр³, «номенклатура курдских племен подверглась большим изменениям» (см. гл. VI).

В Турции слово «челеби» означает также «хозяин дома»; возможно, что привилегированный род мог когда-то в силу своего положения играть роль хозяина как такового. Исходное значение «знатный», «высокородный» могло, естественно, породить значения: а) благородный, честный; б) вежливый, учтивый; в) изысканный, изящный; г) 'Культурный. По поводу последнего прилагательного следует сделать оговорку. Когда-то курды-езиды обладали известной литературной культурой, с течением времени совершенно утраченной. Путешественники приводят данные о том, что у езидов имеется их собственная священная книга, носящая название *форкал* (fourkal)⁴. Один из шейхов езидов в

¹См. предисловие Егиазарова к «Отрывку из статьи М. Сиуффи об езидях» («Записки Кавказского отделения Географического общества», Тифлис, 1891, XIII, 2, стр. 264—266). Более подробно — у него же в работе «Краткий очерк этнографии и юрисдикции езидов» (там же, стр. 194 сл.; стр. 200 сл.).

²См. *Chabot, Notice sur les Yezidis*, «J. A.», 1896, цитирующего сирийскую хронику: «У нас не бывает смеси» — эмир всегда сын эмира, шейх — сын шейха, ходжа — сын ходжи и т. д., в отличие от христиан и исмаилитов, которые, назначая священника или муллу, не считаются с происхождением.

³*Quatremère, Notice sur les Curdes*, p. 59. См. также О. Mann, II, S. 191: «Stamm der Tschelebi»; речь идет об окрестностях Ардебеля, следовательно, о турках, а не о курдах. [В. Н.]

⁴Эти книги — «Книга откровения» («Kitab al-Djilwa») и «Черная книга» («Mashaf Riash»). Слово «черный», по-видимому, включает понятие «высокочитимый». Т. Менцель относится к этим книгам скептически, ибо написаны они по-арабски, в то время как языком культа являлся исключительно народный, то есть курдский, язык. Тем не менее в брошюре «Курдский вопрос» в издании «Хойбуна», № 6, стр. 13, сноска 2: «Священная книга езидов написана по-курдски... Все обряды, связанные с шейхом Ади, так же как и все молитвы... совершаются на курдском языке... Даже в наши дни у курдов Ботана, мусульман или езидов, самой священной клятвой является: «Клянусь на Черной книге, утерянной в руинах Джизре» [В. Я.]

343

окрестностях древней Ниневии сказал миссионеру Гранту в 1842 году, что образование у них доступно только определенному роду и никто, помимо членов этого рода, не обучается грамоте. Вполне возможно, что литературное образование составляло наследственную привилегию того же рода челеби и его возвышение в общественной жизни соответствовало его значению и плане религиозном. Кроме того, благородное происхождение ассоциируется (впрочем, с оттенком иронии) с subtilностью и изяществом. Мы встречаем слово челеби в этом его значении в разговорном языке сирийских арабов и, кроме того, в турецкой народной песне.

Таким образом, проанализировав все значения слова челеби от исходного курдского, имевшего священный ритуальный смысл, до того, каким оно оказалось в турецком языке, Марр заключает в подтверждение своей теории:

«Это слово отражает в миниатюре историю курдского народа, но за неимением письменных памятников мы вынуждены реконструировать эту историю «палеонтологически» по фрагментарным окаменелостям и по пережиткам древности в быту, в языке и религии».

Далее Марр говорит: «Я твердо стою на следующем: есть немало проблем в истории культуры, и среди них вопрос о челеби, о византийском павликианстве и о конийском дервишизме, при решении которых только тогда можно полагаться на прочность результатов, когда исследователь считается прежде всего с данными каждой без исключения близлежащей народной жизни, с местной живой стариной, полной этнографических и диалектических материалов, хотя бы вразрез с книжно-историческими традициями».

Мне «ажется, что исследовательский метод Марра представляет несомненный интерес. Я изложил здесь его работу с целью ознакомить читателя с некоторыми приемами лингвистического толкования. Кроме того, соображения Марра превосходно дополняют наши вы-

344

сказывания о езидизме и о богатстве духовной жизни курдов, знакомой лишь узкому кругу специалистов¹).

7. Люди истины (ахле-хакк)

Эта секта, упомянутая Н. Я. Марром, широко распространена в Курдистане. Рассмотрим кратко ее учение, тщательно исследованное известным иранистом проф.

Жуковским и в еще большей степени В. Минорским². См. Материалы для изучения персидской секты «Люди Истины», или Али-Иллахи», М., 1911, ч. 1—2.

Речь идет, как указывает Минорский, не о простом обожествлении четвертого халифа. Из семи воплощений бога одним был Али. Всякий раз четыре ангела, каждый из которых представляет одно из качеств бога, сопровождали божество. Как и у исмаилитов, божество подчинено главному из своих спутников. «Откровение тайны» тоже не относится к циклу Алия, оно имело место во времена Баба Хошин и Солтана Сохак.

Члены секты верят в метампсихоз. Они заключают между собой нечто вроде мистического договора, причем стороны могут принадлежать к разному полу. Укажем также на один из обрядов — распределение хлеба и вареного мяса между участниками обряда. Этот обычай не следует рассматривать как пережиток евхаристии; поскольку эта секта не имеет ничего общего с христианством, зато он сближает али-иллахов с сектой тавси. Кизылбаши Дерсима входят в эту секту. Ахле-хакки имеют рукописную литературу, в частности на диалекте гуран (см. гл. VII). Минорскому удалось приобрести одну из их рукописей, озаглавленную «Серенджам».

По мнению Минорского, анализ исторических и географических условий формирования этой секты позволяет сделать ряд важных выводов, в частности что

¹Вот несколько работ, посвященных езидам: J. Campanile, O. P. Storia della regione del Kurdistan e delle sette di religione ivi esistenti, Napoli, 1818; Abbas' Azzaoui, Tarikh-al-Yazidiyya wa aslu aqidathim, Baghdad, 1935; Ysma'il Beg Col, El-Yaziddya qadiman wahadithan, Beyrouth, 1934.

²См. В. Ф. Минорский, Материалы для изучения персидской секты Людей Истины, или Али-Иллахи, М., 1911, ч. 1—2; ego же, Notes sur la secte des Ahl-e-Haqq, Paris, 1921, R. M. M.; соответствующая статья в «Энциклопедии ислама».

345

доктрина ахле-хакков отражает истинную историю религиозной жизни этой общины. Так, например, при третьем воплощении целый ряд событий происходит в Луристане, и несколько географических пунктов удалось идентифицировать. Среди святых мы встречаем имя Баба Бозорга, чей мавзолей в Бавалине является местом паломничества, и поэта Баба Тахера, писавшего на местном диалекте (см. гл. XII). Баба Ядегар, не упомянутый, правда, среди четырех святых этого цикла, является воплощением имама Хосейна и очень популярен в ту же эпоху. Его могила находится в гуранском округе Зохаба.

Четвертое воплощение протекает на берегах Сирвана к северу от Зохаба. Пятое также связано с Курдистаном, однако шестое и седьмое переносятся в Азербайджан. Упоминание династии Кара Койунлу XV века могло бы определить хронологически события двух последних воплощений.

Среди курдских племен, принадлежащих к этой секте, можно назвать мениши, относящихся к келхорам, сенджабов и основную часть гуранов. Но ни в окрестностях Бердивера, сыгравшего такую роль в ее истории, ни в Иранском Курдистане в Сенне или Мехабате мы не находим следов ахле-хакков. Минорский объясняет их отсутствие засильем ортодоксального суннизма и влиянием шейхов накшбенди в Тавиле и Бейяре. Среди обрядов можно указать на приношения, в том числе и денежные, духовному вождю. Роулинсон, описавший обряд раздачи вареного мяса, указывает: «Пир, руководящий обрядом жертвоприношения, держит в руках миртовые и ивовые ветки». То же мы наблюдаем у носейритов в Сирии.

Ритуал инициации, то есть посвящения духовному наставнику, вопреки утверждению имеет место не только у ахле-хакков, но также и у тавси. Он заключается в делении ореха пополам. Одна половина остается у того, кто посвящает, другая становится амулетом, который ребенок носит в шапке. Серебряной монете и шелковому платку также отведена определенная роль в этом обряде. Указанный обряд имеет общие черты с другим обрядом, символизирующим мистическое единение и известным под названием «бракосочетание

истины». У секты шахов Сефевии существовал похожий обряд в начале XVII века.

Люди истины соблюдают пост и отмечают праздники. Один из них — *барх боран* (*barkh boran* — «рассечение баранов») сопутствует посту. Навроз празднуется с большим воодушевлением.

Подобно-суфиям, люди истины собираются вместе для отправления обряда *зикр* (*zikr*), во время которого собравшиеся предаются беседам о боге и братской любви, раскачиваясь под музыку и стремясь достигнуть экстатического состояния.

Опустим описание одежды, свадьбы, погребения. Моральные нормы, предписываемые сектой, не совсем ясны. Ее представления о происхождении зла еще недостаточно изучены. Последователи ахле-хакков подменяют проблему воссоединения зла с богом идеей метампсихоза.

По словам Гебино¹), согласно догме секты, человек за свои грехи возрождается к жизни в более тяжелых условиях. Души праведников, дошедшие до ранга пиров, возвращаются в небесное лоно, породившее их.

Зенджан, Шехризур и Казвин считаются местами, куда снизойдет бог для страшного суда.

Что касается пресловутых ночных оргий, существование которых отрицал уже Гебино, то разве не обвиняют в них также и езидов, кизылбашей и носейритов? Даже манихейцев, первых христиан, не миновала эта клевета. Минорский категорически утверждает, что рассказы о них бездоказательны².

В статье о книге Минорского³ Ф. Кюмон говорит, что у ахле-хакков, а также у носейритов и кизылбашей «сохранились очень древние языческие ритуалы». Богатство и разнообразие религиозной жизни курдов представляет обширное поле деятельности для исследователей. Приведем пример.

Опубликованный в России очерк, посвященный одному из эпизодов первой мировой войны на турецко-иранской границе, рассказывает о том, как отряд казаков попал в расположение кочевников курдов. Автор

¹Gebineau, *Trois ans en Asie*, 1859, p. 338—370.

²См. у Грецияра о кизылбашах, *J. L.*, 1904

³«Syria», 1922, p. 262—263.

книги, командовавший этим отрядом, обратил внимание на шатер курдов. В нем он увидел треножник, а на нем котел и ржавую цепь, один конец которой свешивался с рогов горного козла, а другой спускался под треножник¹. Камни очага были испещрены рисунками, знаками и буквами. Сопровождающий казаков армянин-переводчик объяснил, что этот очаг — нечто вроде алтаря или места для жертвоприношений. По его словам курды, официально исповедующие ислам, на самом деле не порвали с язычеством и «приносят жертвы неведомым богам». И действительно, между камнями валялись полуобгорелые бараньи рога. В этом шатре никто не живет, он содержится всем племенем. Туда собираются в торжественные дни, и старейшины рода на этих камнях приносят в жертву животных².

8. Народные суеверия курдов

Мы рассмотрели религиозные верования курдов, существующие в лоне общин; добавим теперь к нашему обзору некоторые замечания о суевериях, не связанных границами общины и распространенных по всему Курдистану.

Рекомендуем вниманию фольклористов материалы на русском языке — статью М. Чурсина о курдах Азербайджана³.

Несколько слов о космогонии у курдов. Солнце в представлениях курдов — это прекрасная женщина, вот почему оно нас ослепляет. Луна же — мужчина⁴, образ более темный, покрытый пятнами — следами оспы. Согласно народной легенде, луна и солнце были

¹Эту «цепь очага» можно найти и у осетов (*rakhis*), как сообщил мне историк Г. Вернадский.

³См. *Hadji Mougouiev, Vers les rivages du Tigres, p. 113.*

³См. «Известия Кавказского института истории и археологии», т. III, Тифлис, 1925.

⁴См. по этому поводу: *O. Jacob, Der Einfluss des Morgen-landes auf das Abendland, S. 1;* «Самые древние религиозные представления диаметрально противоположны; германцы относятся к той группе народов, которая видит в луне мужской, а в солнце женский образ, и то время как греки и латинские народы, наоборот, видели в луне женский, а в солнце мужской образ». Это замечание не лишено интереса с точки зрения эволюции космогонических и религиозных идей.

348

молодыми людьми. Не встретив у девушки благосклонности, юноша в досаде воскликнул: «Будь же для всех недоступной!» И девушка стала солнцем, а юноша — луной. Солнечное и лунное затмение вызвано действиями зловредных существ. Чтобы избавиться от них, нужно производить как можно больше шума — стрелять, бить по медной посуде. Кроме того, затмение, как говорят муллы, знак божьего гнева. Средство спасения от него — молитва. Небо, точно крыша, покоится на столбах, столбы же эти зависят от воли Хазрата Сулеймана, во власти которого разрушить их. В течение каждого века вид неба меняется. Млечный Путь — это дорога в Мекку, его ответвление ведет в Медину. У каждого человека есть своя звезда, которая падает с неба в момент его смерти. При виде падающей звезды курд произносит слова молитвы. Появление кометы возвещает великое бедствие. Радугу называют «поясом матери Фатьмы» (*Fatma anasi kursagui*); как и некоторые другие народы, курды верят, что человек, оказавшийся под радугой, меняет пол: мужчина превращается в женщину, женщина — в мужчину. Красная часть спектра обещает счастье и изобилие; желтая не означает ни добра, ни зла, темная часть предвещает несчастье. Дети, видя в небе радугу, кричат: «Красный цвет мой!» Дождь посылается богом. Это он велит Хазрату Сулейману пролить дождь в том или ином месте. Сулейман, главенствующий над животными и птицами, передает приказ Хумаи, повелителю птиц. Хумаи тотчас сзывает всех птиц и говорит им: черпните клювом воды в океане или в море, взлетите ввысь и оросите такое-то место земли. И птицы выполняют приказ. Чем больше птицы, тем крупнее дождевые капли. Град и снег того же происхождения, они идут потому, что птицы залетают иногда слишком высоко в небо, где воздух холоднее. Гром и молния означают, что по небу едет всадник с огненным хлыстом; удары хлыста разражаются громом, искры рассылаются молнией. Когда молния убивает кого-нибудь, говорят, что бог покарал его за грехи. Нельзя тушить пожар, вызванный молнией, а также нельзя употреблять в пищу убитых ею живот-

¹См. замечательную работу *М. Стасяка о птице Катака; R. O, II, стр. 33—117.*

349

ных. В последнюю среду¹ (*akhir tcharchamba*) перед Навроз Байрамом вода в реках и ручьях останавливается и застывает, вся природа всыпает, а небо раскрывается. Тот, кому удайся присутствовать при этом явлении, должен мгновенно высказать свое сокровенное желание, и оно исполнится. Землетрясение происходит оттого, что земля лежит на спине красного быка: время от времени он поднимает уши, настораживаясь, и шевелит хвостом. Другие говорят, что вокруг быка летает муха; когда она пролетает слишком близко от его глаз, он моргает и земля дрожит. А если, боже сохрани, муха сядет на спину быка, он начнет ее стряхивать, и тогда всему миру придет конец.

В работе Чурсина мы находим также несколько указаний, относящихся к представлениям и обрядам магического характера. Так, например, курды верят, будто тот,

кто знает число предметов, получает власть над ними; поэтому курды не считают свой скот, опасаясь, как бы сосед не узнал это число и не сглазил животных. По той же причине у курдов не полагается называть точное количество домашних животных. Чтобы в доме было изобилие, принято посылать молоко от первого удоя коровы тому из соседей, чьи коровы еще не давали молока. Возвращая одалживаемую посуду, сосед не принесет ее порожней: он положит в нее щепотку соли или яйцо, иначе в следующем году у того, кто послал молоко, его не будет. (Восприемник (krvo по-курдски, kirwa на азери, kariva у ассиро-халдеев) посылает мальчику, которому он совершил обрезание, блюдо плова; возвращая посуду, в нее кладут или вместе с ней отправляют подарок (иногда дарят кусок ткани, а иногда и корову). По словам Чурсина, обычай обмениваться подарками породил представление, согласно которому тот, кому возвращают пустую посуду, находится в опасности, ибо его благополучию угрожает пришедшая в дом «пустота». Примерно из тех же соображений при покупке коровы покупатель и продавец пожимают друг другу руки, предварительно

¹См. также Н. Я. Марр, *Автобиография Мирзы Мохаммеда Кермани и его работа о поверьях и обычаях, связанных с «красной средой»*, «Известия Академии Наук СССР», 1927 № 5—6 стр. 467—478.

350

взяв в ладонь горстку земли со словами «да благословит тебя бог». Лошадь продается вместе с уздечкой и попоной (tchul), иначе покупка не сойдет впрок. Как многие другие народы, курды верят в магическое свойство круга. Ложась спать в пустынном и незнакомом месте, курд опишет вокруг себя круг, дабы защититься от злых духов. Если вдобавок помазать за этой чертой дегтем, дьявол прилипнет к нему и может попасть в ловушку. Женщины прогоняют засуху, поливая друг друга водой из источника. Они впрягаются в плуг, тащат его в воду и пашут ее. А прекратить дожди можно с помощью бечевки: на ней делают семь или девять узлов, называя каждый из них именем лысого человека, а затем ее бросают в огонь, приговаривая: «Я дал огня лысым, пусть солнце даст огня мне». Солнце, отражаясь в гладких лысынах, начинает сверкать сильнее и высушивает землю. Подобные обычаи, связанные с засухой и дождями, бытуют и среди некоторых других кавказских народов. В ряде областей и русские крестьяне разделяют эту веру в особые благодетельные свойства лысины. У курдов имеется и другой, широко распространенный обычай — *кodu* (kodu): несколько десяти-двенадцатилетних мальчиков обряжают куклой палку с толстым концом — головой. С этой куклой они ходят по селению и поют: «кodu, кodu». Хозяйки выносят им подарки, сыр, зерно.

Данные о народных верованиях не помогают нам определить по месту какую-либо магическую, религиозную идею; скорее мы приходим к выводу о широкой распространенности того или иного обычая или представления в самой различной среде. Разница этнического порядка компенсируется сходством социальных условий. Так или иначе, мы хотим подчеркнуть, что нормы поведения у курдов, как и у других этнических групп, находящихся на той же стадии общественного развития, зависят в основном не от догм религии, а от суеверий и прочих верований, которые очень часто диктуются образом жизни, занятиями и прочим. Мы можем выделить районы, отмеченные общностью представлений, как бы имеющих некий единый субстрат. В совершенно различных районах и странах, у народов, разделенных такими расстояниями, которые исключают возможность заимствования, можно наблюдать поразительное

351

сходство и в отдельных (проявлениях, и в более широких сферах деятельности, чем вышеописанные. Так, в суевериях курдов Азербайджана, описанных Чурсиным, или у ассирохалдеев, о которых мы тоже писали, вырисовывается общая основа, связывающая их с верованиями соседних народностей. Это наблюдение очень ценно: у ряда кавказских племен мы уже отмечали пережиток культа деревьев и камней¹), которые Драйвер

обнаруживает и у курдов. Он говорит: «Там также имеются племена, поклоняющиеся деревьям в лесу и сооружающие у себя алтари из необработанных камней, подобно дольменам или менгирам в глухих уголках своего края...» Мы считаем правомерной аналогию между *алки* (alki)—гигантом с отталкивающим лицом, который является только перед болезнью, смертью или безумием², и духом зла Ал, о котором у Марра говорится³ как об образе, характерном и для иранского, и для кавказского фольклора. Нам кажется, что

¹См. очень интересную статью И. И. Мещанинова в «Новом Востоке», М., № 26—27, 1929, стр. 236—255 («К вопросу о терминах «история» и «доистория». Из области яфетидологии), а также богатую фактическим материалом старую работу Бодеништадта «Народы Кавказа».

²См. мою статью («*Quelques observations sur les Kurdes*», «*Mercure de France*», 1921).

³«Ал» — нечто вроде злого духа в женском обличье. Она мучает роженицу, вынимает из нее печень и кладет ее в корзину. Если Ал успеваеет унести корзину и пересечь поток, роженица умирает. Ал имеет вид «женщины с топкими руками и ногами, с багровым лицом и глиняным носом. Ее боятся также армяне» [см. ниже.— В. И.]. См. Arthur Christensen, *Essai sur la demonologie iranienne*, 1941, p. 85. «В других описаниях Ал представляется чудовищем, способным принимать обличье человека. Ал особенно опасна для беременных женщин, оставшихся в одиночестве дома. Чудовище проникает и дом, вышшиает из женщины сердце, и она умирает. Как-то раз колдун встретил в горах Ал, державшую в руках сердце беременной женщины. Колдун вступил в борьбу с Ал и одержал победу над чудовищем. Ал обещает никогда больше не пробираться в дом, где имеются книга, гвоздь, ножницы или любой другой предмет, моминишии туда от колдуна. Ал считается особенно опасной для женщин в последние сорок дней перед родами». Это суеверие было отмечено у армян из Акн близ Евфрата (см. F. M а с l e z, *Qualrc conferences sur l'Armenie*, p. 99—100).

Между указаниями Крнстенсена о печени и Маклера о сердце нет противоречия. Первый ссылается на мусульманское представление, согласно которому печень считается источником мужества и жизнеспособности. Аналогичное представление о сердце сложилось, по-видимому, под влиянием христианства.

352

«обитатель пустынных мест (пиравлук или пире-холк), о котором идет речь в нашей вышеупомянутой работе, принадлежит, быть может, к категории таких же образов, как Ал (начальное *h* произносится в курдских словах с придыханием в отличие от персидского языка; суффикс *k*, *ki* характерен для кавказских языков, точнее — для армянского; у иранцев он имеет уменьшительное значение). Быть может, здесь перед нами фольклорные явления, которые помогут олределить курдо-ирано-кавказские связи?1).

9. Образ змеи в верованиях курдов

Наш краткий обзор показал, что религиозная жизнь курдов изобилует фактами, и даже поверхностный анализ обнаруживает несколько отчетливых пластов, участвовавших в формировании сложного целого, скрытого за внешним обличьем ислама. Интересная работа о суевериях и поговорках курдов написана Исмаилом Хакки Чавш².

Заканчивая главу о суевериях курдов, я добавлю несколько замечаний о роли в них образа змеи. Это пресмыкающееся занимает определенное место в символике езидов: мы видим изображение змеи у входа в

¹В книге проф. Н. Марра «Языковая политика яфетической теории и удмуртский язык», М., 1931, содержится убедительный анализ слова «паук» и его производных (стр. 33—37). Мы считаем нужным указать, что курдский демонологический термин «пире-холк» также имеет значение «паук» и одновременно «старая женщина», «ведьма»: *pir ha + vi — k* (*l* здесь элидируется). Н. Марр (там же, стр. 34, прим. 2) «обращает наше внимание на значение этого термина в изучении проблемы «девственниц-матерей», в частности, на вторую половину этого слова, которая по-курдски означает *he-vi > he-vi* «наложница», «гаремная женщина». Курдские женщины употребляют это слово в смысле «подруга», «дорогая». Жены одного мужа называют так друг друга (согласно указанию И. А. Орбели). Н. Марр полагает, что следы института «девственниц-матерей», общественного установления, предшествовавшего семье (см. в гл. I замечания Н. Марра о евнухе), остались в грузинском и армянском

языках (см. там же, стр. 53—54 и прим. 1 на стр. 54). Добавим, что другое курдское слово, означающее «паук» (как раз встречающееся в приводимом нами здесь тексте)— «дапирошк» (*dapirouchk*)—также связано с понятием «старуха» и означает «повивальная бабка».

²См. *Ismail Haqqi Chaveich, Hende prupriçi peşinan we matal, Bagdad, 1938.*

353

храм шейха Ади. Здесь, по-видимому, сказываются отголоски очень древних представлений. И действительно, змея — предмет хтонического культа — невольно вызывает ассоциации, связанные с религиозно-социальной борьбой эллинистических и азианских концепций в Малой Азии. О ней, в частности, пишет проф. О. Керн¹; он говорит об интереснейшем процессе взаимопроникновения, в ходе которого греки мало-помалу подчинили своему влиянию патриархальную иерархию языческого пантеона (хтонических богов азианского, или, по выражению Керна, «таврического» матриархата). Так вырисовываются очертания по крайней мере одного из элементов «религиозной подпочвы», куда уводит нас изучение курдских суеверий.

В частности, речь идет о целом ряде традиций, связанных с образом змеи, который встречается в армянском, курдском, мидийском и скифском фольклоре.

Вслед за Ф. Шпигелем обратимся к сравнительному анализу легенды, рассказанной Мовсесом Хоренаци. Она повествует о борьбе армянского героя Тиграна с мидийским змеиным царем (Аздахаком или Астиагом?), которого он победил, перевез со всей семьей в Армению и поселил близ горы Масис (Арарата). Ф. Шпигель² отмечает противоречия с исторической правдой, имеющиеся в изложении Мовсеса; в частности, указывает он, само слово *аздахак* не встречается в армянской легенде: в ней мы находим только слово *вишип* («змея») и *вишапазунк* («дети змеи»). С другой стороны, аналогия с иранской легендой о Зоухаке представляется бесспорной: вспомним о роли кузнеца в обоих вариантах, о горах Демавенд и Масис и т. п. Ф. Шпигель подчеркивает, что если иранский эпос отражает этнические конфликты, протекавшие на почве восточного Ирана, то армянский удачно дополняет его, повествуя об аналогичных конфликтах на западе Ирана среди народностей Кавказа, в том числе скифов (аланов). Мы снова сталкиваемся со скифами; напомним, что по словам Геродота, скифы считали себя потомками Геракла и божества — полуженщины, полужмеи, жившей в устье реки

¹F. Kern, *Die Wellen in die Griechen traten, «Antropos», Bd. XXIV, 1929.*

²Fr. Spiegel, *Iranische Alterthumskunde, Bd. III, S. 227.*

354

Борисфен. Итак, перед нами та же фольклорная тема. У Мовсеса Хоренаци¹ вишапы — «...сказочные существа, наподобие гадюк». Шпигель указывает также, что ряд знатных армянских родов считал себя потомками детей мидийского змеиноного царя (обосновавшихся некогда близ Масиса). «Курдский царь мидийцев» упоминается в «Карнамак-и-Арташире». Не будем разбирать здесь фольклорные мотивы, связанные с образом змеи в русской народной традиции (см. цикл о Змее-Горыныче, пожиравшем юношей). Нас прежде всего интересует их претворение в фольклоре армян, мидийцев, скифов и курдов. С одной стороны, мы рассматриваем предания как отражение реальной истории этих народов, оставшейся на уровне легенды в силу неполноты наших знаний о тех далеких временах; с другой стороны, нам важно проанализировать широкую фольклорную тему, связанную с образом змеи. Здесь мы упомянем о роли змей на плечах Зоухака в народной традиции курдов, касающейся их происхождения (следует произвести лингвистическое исследование имен трех поваров легенды — Армаила, Курмаила и Дурмаила, спасающих юношей, предназначенных на съедение змеям; особенный интерес вызывает второй элемент этих имен, одинаковый для всех трех: возможно, он поможет нам расшифровать некоторые этногенетические корни. Важное место занимает образ змеи в традиции и религии езидов, которые больше всех других курдов сохранили пережитки

язычества. И наконец, легенда говорит о маленькой стране Орамар в самом сердце Центрального Курдистана, где, согласно традиции, находится убежище змей. Здесь перед нами переплетение двух легенд: языческой, которая лежит в плане уже описанных представлений, и христианской, которая впитала круг языческих образов. Она повествует о том, как святой Мари Мамму сумел околдовать змей и запер их в подземелье; над этим подземельем была построена церковь его имени. Церковь стоит там по сей день, и ее охраняет единственная среди курдов семья халдеев. Раз в год сторож христианин видит «отца змей». По местным верованиям, если бы христианскую семью лишили этой привилегии, змеи покинули бы подземелье и расползлись по всей округе.

I. F. z. Sp i e g e I, op. cit., S. 228.

355

Горские евреи Канкана знают Ошдехо-мара, духа дома (домового), наследие культа предков; он имеет облик семиглавой змеи и живет, подобно русскому домовому, под - полом; сам он невидим, но его сыновья иногда являются людям. Ошдехо-мар стоит на страже благополучия дома, и ему делают подношения — мед. Его изображают обычно в виде «латунной змеи, которая охраняет спрятанные под ним предметы от воровства и порчи». Этот мотив родствен известен фольклорному мотиву о змеях, охраняющих сокровища (см. следующую главу о литературе)¹).

Таковы некоторые черты курдского фольклора, важные для определения вех этногенетической эволюции.

Фольклорные мотивы, связанные с образом змеи, дают обширное поле для исследований. Мы оставим в стороне северный цикл мифов о Сигурде, истребителе драконов; отметим лишь, что дракон (змея) германского эпоса, параллель которому мы находим у курдов, сторожит спрятанные клады (см. курдские сказки у Сосина: «Змей — хранитель золота», «Змея у источника», «Змеиный царь»). Герой, одержавший победу над чудовищем, как, например, Сигурд в германском эпосе или Каве в сказаниях, говоря условно, у иранских народов может воплощать образ человека, подчинившего себе металлы, человека, вступающего в эру металлургии. Такое толкование лежит в плане гипотез яфетидологов. Следует отметить, что Н. Марр объясняет слово «мидийский», исходя из следующей цепи: me-d <> mi-d < ma-d - mar-d и армянское mar — тотем «змея» (соотв. vichar). Этот вопрос рассматривается в работе Марра «Вишап», опубликованной в 1931 году, где имеется ряд сведений о материальных следах культа рыб (змей) в языческой Армении.

Любопытное замечание находим у Якоба ². «Вначале Ева сама играла роль змеи, что явствует из ее имени». В жизнеописании Плотина³, относящемся к эллинистической эпохе, говорится, что, испуская дух, Плотин ока-

¹В Дерсимае, о селении Куштим, бытует подлинный культ змеи, символизированной палкой со змеиной головой. Этот обряд описан в книге «Kurdistan Tarihinde Dersim», p. 97.

²Q. Jacob, *Marchen und Traum*, S. 50.

³P l o t i n, *Enneades*, t. 1, par E. Brehicr, ed. «Le Belles Lettres», p. 3.

356

зал: «Я стремлюсь возвысить частицу божества, живущую во мне до всемирного божества». В этот миг змея скользнула под его кроватью и скрылась в отверстии в стене. Хотя мотив появления змеи и момент смерти встречается очень часто, здесь ее образ связан с дьяволом Плотина: этот дьявол, он же бог, несомненно, воплощен в змее, покидающей Плотина в момент его смерти. В Александрии известен бог-змея Агатодемон, во многом сходным с Гермесом-Тотом: оба они — открыватели божественной истины¹). Быть может, именно его образ показался в дьяволе Плотина Александру Евстохиусу. В представлении гностиков-офитов в Арсенотелисе, в змее с

лицом гермафродита воплощался «второй Адам», «сын человеческий». Любопытно напомнить, что дьявол, который явился Абдель-Кадиру эль-Гайлани, «походил на гермафродита с тонким голосом, бесформенным лицом и пучками волос на подбородке»².

¹См. R. Oanszyniec, *De Agathodaeinone, d'apres Phil. Woche, 1921, p. 565.*

²R. Lescot, *op. cit.*, p. 51.

357

Святой Ипполит, епископ II века, описывая офитов-наасейцев, говорил, что они поклонялись змее на древе добра и зла, видя в ней воплощение Слова (Логоса). Их гимн славил Аттиса, оскопившего себя, дабы не быть ни мужчиной, ни женщиной, а неким новым существом— *kaine ktosis*. Фрако-фригийский бог Сабазиос, игравший фаллическую роль в дионисийских действиях божественного совокупления, также символизировался в образе змеи, дракона. В особой работе, посвященной Сабазиосу, Марр указывает на существование культа этого бога у армян.

Скандинавские эдды рассказывают о мудрых и добродетельных змеях (Ваниры), обитавших на юге той области, где некогда жили многочисленные скифские колдуны (Азы1).

Змеи обвивались вокруг жезла Меркурия; змея украшала эмблему бога Асклепия, чудесного исцелителя недугов; мифические чудовища Эхидна, Борей, Тифон, Кекропс изображались в виде змей; колесницу Триптолема, совместившего в себе три главных братства античных священнослужителей, несут крылатые змеи.

Богиня Деметра скрыла Персефону в подземелье, поручив охрану ее змеям. Но Зевс превратился в крылатого дракона, обманул стражу, ползком проник в пещеру и соединился со своей дочерью. От этого союза родилось рогатое существо с бычьей головой — Дионис Загреос².

В символических изображениях бык и змея часто переплетаются друг с другом; так, загадка на празднествах Орфея гласит: «Бык породил дракона, дракон породил быка». В этой связи интересно отметить: на каменных глыбах, изображающих *вишанов* (рыб-драконов), можно увидеть высеченные бычьи шкуры и головы.

10. Можно ли говорить о культе осла?

Завершая главу о религии курдов, добавим со слов профессора Пржилуцкого, что среди религиозных веро-

¹*Herodot, Melpomena, 67.*

²О роли змеи в верованиях греков и римлян см. также Н. J. Rose, *Primitive Culture in Greece, 1925* и *Primitive Culture in Italy, 1926*; у сербов — Jaap K n s t. *Cultural relations between the Balkans and Indonesia, Amsterdam, 1954.*

358

ваний этого народа можно обнаружить следы древнего культа осла. Вот что пишет Пржилуцкий в своей работе «Лингвистика и сравнительная мифология»¹): «По свидетельству географа Страбона, воинственные карманийцы, поклонявшиеся Аресу как единому богу, за неимением лошадей приносили в жертву ему ослов. Поскольку Арес — это греческий аналог Видраньи, свидетельство Страбона представляется нам очень важным: отношение к ослу как к священному животному является на всем Востоке пережитком очень древних верований, существовавших, возможно, до прихода индоевропейцев в Иран».

В 15 километрах от Малатян в селении Дирас (по-турецки— Кара-Кой) Пржилуцкий посетил курдский храм, на одной из стен которого он увидел изображение осла и птицы, которую жители называли Таусом. По-видимому, это было святилище езидов. Здесь

уместно объяснить символический смысл двухконечного меча, дважды изображенного на стенах этого храма. По этому поводу Пржилуцкий вспоминает индусское божество— антихриста Калки, которого обычно изображают или рядом с его конем, или же с лошадиной головой. Он говорит далее о курдском празднике *кернамут* (khar na mut — «бессмертный осел»).

Замечания проф. Пржилуцкого заслуживают внимания. Однако сам я не находил признаков поклонения ослу ни в одном из тех курдских верований, которые я изучал. Более того, под влиянием мусульманских понятий к этому животному относятся скорее с презрением. Как известно, на нем ехал антихрист Деджаль. В моем собрании имеется рассказ о том, как одно из племен, узнав о злосчастном предназначении этого животного, уничтожило всех ослов.

¹J. Przyluski, *Linguistique et mythologie comparee*, «*Rev. de l'Histoire des Religions*», t. CXV, No 2—3, mars—juin 1937, p. 237. В этой работе анализируется работа Е. Бенвениста и Л. Рену «*Витра и Видранья*» (E. Benveniste et L. Renou, *Vitra et Vidragna*).

359

ГЛАВА XII

ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ КУРДОВ (ПРОДОЛЖЕНИЕ) ЛИТЕРАТУРА

1. История «конкретная» и история нравов народа

Наряду с конкретной историей народа, повествующей о его судьбах и стремящейся объяснить ход и причину событий, существует последовательность иных фактов, характеризующих облик этого народа, его индивидуальность; эти факты находят свое отражение в религии и литературе народа и составляют его духовное достояние, «нравственную» историю народа. Конкретная и духовная истории развиваются параллельно и обе представляют большую ценность для исследователя. В предыдущих главах мы рассмотрели факторы, определяющие место курдов в конкретной истории Передней Азии. Мы видели, как по различным географическим и особенно социальным причинам, под воздействием которых сложился облик и структура курдского народа, ему не удалось сформировать независимое государство и закрепить политически свое место в истории наряду с другими народами. «Народ, забытый историей», — так назвал курдов Н. Марр, выступая одновременно против всей неоправданности этого забвения. Мнение Марра представляется убедительным, тем более что он апеллирует главным образом к роли курдов в культурном развитии Передней Азии. Фактам конкретной истории Марр противопоставил нравственную. Читатель, уже знакомый с религиозной жизнью курдов, несомненно, согласится с тем, что этот народ, сумевший в недрах мусульманства сохранить или создать собственные духовные ценности, обладает яркой самобытностью. По крайней мере в этой области ему удалось отстоять свое собственное, лишь ему принадлежащее место. Теперь мы поделимся с читателем нашими соображениями о курдской литературе, дополнив тем самым картину духовной жизни курдов.

360

2. Курдский фольклор

Первое, что поражает в курдской литературе, — это «гипертрофия фольклора», по меткому выражению Вильчевского. Богатство курдского фольклора объясняется, по его мнению, почти поголовной неграмотностью курдов. В некоторых случаях, например у езидов, эта неграмотность вытекает из религиозных установлений общины, где образование составляет привилегию лишь одной касты. Мы видели выше, что в

местностях, населенных курдами, всегда имелось большое количество медресе. Однако все такого рода учебные заведения были и остаются преимущественно религиозными школами, в которых обучение ограничивается нуждами отправления культа: молитвы, чтение Корана, его толкование и т. п. составляют все его содержание. Обучение ведется не на курдском, а на арабском языке, этой латыни мусульманского мира. Как было отмечено в некоторых устных рассказах, которые я цитировал выше, знание арабского языка или то крайней мере нескольких фраз на этом каноническом языке почиталось признаком эрудиции. Школа и мечеть — почти одно и то же для курдов, так что в периоды восстаний уже при Кемаль-паше некоторые из преподавателей были убиты только за то, что осмелились вести преподавание в школах, а не в мечети. Иранские курды в большей мере проникнуты сознанием достоинств и важности родного языка: «Если бы персидский язык исчез, его можно было бы возродить с помощью языка чисто иранского происхождения, то есть курдского языка». Обучение на курдском языке, которое могло бы утвердить права курдского языка, введено слишком недавно, и результаты его пока еще незначительны.

Лет десять назад в Ираке (в частности, Сулеймание, Киркук, Эрбиль) насчитывалось 26 начальных и одна средняя школа с общим числом учащихся 1471, охватывающим около 2% курдского населения. Кроме того, несколько десятков курдов обучались в высших учебных заведениях Багдада. Курдские учебники, как правило, не соответствуют задачам обучения. К этому мы вернемся ниже.

Совершенно очевидно, что обучение на родном языке является необходимым условием для народа, стремя-

361

щегося сохранять и развивать свою национальную самобытность¹).

Что касается советской Армении, то обучение на курдском языке поставлено там следующим образом. Здесь курдов в восемь раз меньше, чем в Ираке, но они располагают 41 начальной школой, где обучается 1419 учеников, то есть почти столько же, как в Ираке! Кроме того, в Ереване имеется одна семилетняя школа и педагогическое училище (161 учащихся в 1934 году). Учебников и книг для чтения издается гораздо больше, чем в Ираке: в настоящее время их число намного превышает сотню названий. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

Разумеется, курды, лишенные возможности овладеть в школе грамотой на родном языке, не могут способствовать развитию его письменной культуры. В этом отношении положение курдов несравненно хуже, чем положение его соседей — турок, иранцев, арабов. Вследствие этого курды вынуждены ограничиваться лишь устной фольклорной литературой в прямом значении этого слова. Зато в этой области они дают яркое доказательство своей любви к родному языку.

Таким образом, курдская литература — это в первую очередь курдский фольклор; в нем мы обнаруживаем не только наследие ушедших поколений; в наши дни он свидетельствует о жизнеспособности и поразительной творческой силе, которая повседневно обновляет и приумножает его богатства, нередко впитывая и трансформируя элементы народного творчества соседних стран.

О. Л. Вильчевский считает, что гипертрофированная роль курдского фольклора проливает свет на классовый характер этого устного народного творчества, в котором отражаются главным образом занятия и жизненный уклад верхнего слоя курдского общества. По мнению Вильчевского, фольклор являлся также орудием в руках феодалов, при помощи которого они оказывали давление на духовный мир пастухов и земледельцев. В самом деле, тематика курдского фольклора на первое место выдвигает прославление военных подвигов аги, шейха

¹«*La question Kurde. Des problemes des minorites*». Les Presses Universitaires de France, 1933.

362

и их союзников; действительно, язык этого фольклора, пересыпанный арабизмами и персизмами, является средством выражения для наиболее культурных слоев населения, однако, на мой взгляд, утверждение Вильчевского справедливо лишь в отношении одной из категорий фольклора, а не ко всему курдскому фольклору в целом; высказываясь таким образом, Вильчевский ограничивает свою тему. Нельзя забывать (мы подчеркнули это в гл. VI), что в течение веков жизнь курдов теснейшим образом зависела от феодальной структуры общества и что именно этой структуре обязан Курдистан сохранением своего особого национального характера. Когда курдский сказитель воспеваает сегодня подвиги Езданшира или Абдурахмана-паши, он в то же время повествует о прошлой борьбе курдов за национальную самобытность, против всего чуждого, а подвиги далеких времен вдохновляют и поддерживают в нем решимость продолжать эту борьбу и в наши дни. Что касается литературного стиля, то лишь самый тщательный анализ мог бы обнаружить, что существует четкое различие между стилем власти имущих и стилем народной массы курдов. В настоящее время трудно что-либо сказать по этому поводу. Расхождения возникают скорее в результате диалектальных различий и за счет проникновения лексики из соседних областей. Арабизмы легко объясняются желанием рассказчика украсить свое повествование и блеснуть образованием: ведь пророк говорил на языке мусульманских эрудитов и людей знатного рода, нередко приписывавших своей семье арабское происхождение. Словом, многообразный по тематике курдский фольклор наряду с песнями и стихами, носящими печать некоторой стилистической адаптации, включает в себя огромное количество свежих самобытных произведений, возникших в подлинно народной среде, лишенных всякой искусственности и нарочитости, родившихся тотчас вслед за описанным в них событием.

По мнению Ж. Бедье, наиболее характерным для народной литературы следует считать сочинения лирического жанра, поскольку в них лучше сохраняются черты самобытности и они менее восприимчивы к чуждым влияниям; именно поэтому они гораздо чаще помогают нам в деле сравнительного анализа.

363

А. Лирические курдские лавджи

Руководствуясь именно этим, мы хотели бы прежде всего привести здесь несколько курдских лавджей — коротких лирических стихотворений, которые великолепно отражают своеобразие поэтического темперамента курдов.

Вот один из них: в нем передается беседа влюбленных перед расставанием.

1. «Весна. Пора уходить. Как тепло в доме моей любимой. Она терзается расставанием. Меня пленяет ее прекрасный стан и линия ее изумительных грудей. *Хай лейли! Хай лейли!*1). Я у окна, и ты у окна. Давай заключим любовный договор. Ты поклянись своими серьгами, я — своим кинжалом. Подойди, я обовью руками твою золотистую шею. Пусть не видят нас глаза дьявола и тех, кто сеет раздор. *Хай лейли, хай лейли, эйлейли делаль*. Наши шатры уже навьючены [на спины животных], их отвезут на летнюю стоянку на зеленый луг. Твои светло-рыжеватые кудри ниспадают до пояса, я готов служить им своей головой. О возлюбленная, не обещай [своей руки] тому—безродному и убогому. Вознагради меня счастьем любви. *Вай лейли, вай лейли, эйлейли делаль...* О приди, не убегай, не забывай меня. Вели [высечь] мое имя на твоем колечке. *Эй ло лавке делаль...* Когда ты уедешь в дальние края, трижды в день наклоняй голову, как [делают] *кази* [судьи], и читай [мое имя на кольце]. *Вай лейли, вай лейли, эйли делаль...* Не грусти, не сохни. Линия спины моей любимой должна быть совершенной. Любимая, я грущу не о том, что беден твой дом. Я печалюсь, что ты идешь замуж за безродного и убогого. *Вай лейли, вай лейли, вай лейли гевре*. Не тоскуй, тоска тяжела. Пусть одни

цветы сменяют другие. *Делили, делали*. Я простираю руку, [чтобы поклясться] на Древнем Слове [Коране]. Ты — бытие мое. *Вай лейли, вай лейли*.
А вот лавдж о вооруженной схватке.

¹*Ономатопеи, заканчивающие строку, обычно не имеют смысла или означают: «моя любовь, возлюбленный, любимая» и т. п., аналогично русским припевам «ай люли, ой дид ладо» и т. д.*

364

2. «Оле, люди, на холмах Кела Маму разразилась война. Ружье Кафир Бехара уже слышно в роде Бутана. Кафир Бехар поклялся тремя разводами¹): я ни на шаг не сдвинусь с места, пока не придет подкрепление от Чар Малиан (союзного рода), от друзей в черных шапках. Оле, отец разбоя и битвы! Пришли нам в помощь людей из Фели Кело, они кидаются, точно еретики. Крики, стрельба, битва кипит, клинки бьются друг о друга, слышен треск револьверной стрельбы, залпы *Айнали* (ружей Мартини). Эй, вы, щенки, а ну-ка поднатужьтесь, не удирайте с поля боя. Конечно, кто-то побежал, но ведь это удел старых баб. К вечеру бой становится все тяжелее. Оле, люди, в сады Кела Маму пришла война. В селении Харрана уже слышны выстрелы Кафир Бехара. Кафир Бехар - поклялся тремя разводами: я ни на шаг не сдвинусь с места, пока не придет подкрепление от Чар Малиан, от моего друга шейха Хамзо...» (далее повторение тех же стихов: «Оле, отец разбоя...» и т. д.)

Как видим, поэтические приемы и образы курдов не слишком разнообразны. Для усиления впечатления отдельные фразы повторяются по нескольку раз. И тем не менее эти лавджи проникнуты силой и чувством. Вот пример сентиментальной поэзии.

3.«Красавица моя, я хочу опуститься вниз [в долину]. Пусть я уйду с счастливым предзнаменованием и вернусь живым и здоровым. О любовь моя, позволь мне, бедному рабу божью, коснуться твоей золотистой груди, прежде чем окончится пост. О моя красавица, как прелестны твои длинные серьги и монеты на белом лбу среди длинных прядей твоих волос. Обещай, что, пока жива, ты будешь носить эти дивные украшения... Когда уходишь на заре, чувствуешь себя статным и сердце радуется, словно я не один иду, а целых четверо... О милая, встань, подари мне поцелуи, по одному в каждую щеку. День страшного суда сегодня далек от нас, да и зачем умирать? Моя милая, ты подобна утренней заре. Словно ручеек, журчит голос моей милой. Душистым кардамоном, корицей и камфарным лавром (!) веет от нее... День страшного суда еще далек.

¹*Клясться разводом — один из обычаев, свойственных нраву курда.*

365

Умирая, мы ,и не вспомним об этом... о том, что ответили друг другу взаимностью». Приведем еще один воинственный отрывок.

4.«Ущелье Бернава обожжено солнцем и голо, как плиты; смотри: там в полном вооружении, верхом на арабском скакуне, убранном в попону и прекрасную сбрую, стоит отец Соле (имя девушки). Джелал-Эддин бросает клич Факи Обейду: «Торопись же, час настал. Схватка будет жестокой, остерегайся Османки Зоро, он ненадежен, как и его отец...» Ущелье тонет в тумане. Слышишь, как трещит Айнала на плече брата Османа, Османа, убивающего людей? В ущелье есть болото; смотри, путь перед нами открыт, мы можем спастись. Пора уже прийти подкреплению с холма Хайдай. Отец Соле верхом на арабе, а Вейссе — на Меире. Они вместе... *Де хой, хой*. [Мы видим, что знаменитые боевые кони разделяют славу своих хозяев.]

Другой отрывок из моего собрания лавджей передает диалог влюбленных перед боем.

5. «О милый мой, мой возлюбленный! Говорю тебе: «Тридцать всадников примчались из селения Нуху, из Дерезура. Я не знаю, кто они. Кажется, один из них — визирь Баби Хасан; тот, что за ним, наверно, Хами Хаджи, а дальше едут Баби Эмин и бесстрашный Мохаммед Али», Возлюбленный отвечал: «О Сейди (имя говорившей девушки), клянусь

именем бога, сегодня в день жестокого боя на холмах Бешерийе и в долине Биле Дере и в степи Меймуние Баби Эмин налетел вихрем на полном скаку и с ним все другие проклятые богом, подобные голодным волкам, что рыщут зимой с оскаленными мордами, а подкрепление из Кеко тащится пешком слишком медленно. Я говорю: «Сирта Гола — проклятое место, там все словно погорело. Встань, пристегни меч, подтяни ремни потуже, уже близко подкрепление от Кхеле Сиран и Ченеряна, от Али Унис, от Муткан и из дома Мохаммед Даха. О Сейди, я готов и не колеблюсь, именем бога клянусь: хорошо ружье Баби Эммина, это ружье *беглиг* (правительственное, казенное). В дни жестоких сражений оно может выстрелить сто раз, и ни одна пуля не пропадает, все попадают в цель; а ружье Хами Хаджи самодельное, ржавое. Пусть хозяин его сгорит в адском пламени. В день тяжкого боя оно никуда не годится... В Сирта Гола тянется

366

цепь гор. Встань, пристегни меч, подтяни ремни, надень ружье на плечо. Подкрепление... рвется в бой... ни один выстрел не минует цели... Подкрепление спешит».

В этом отрывке интересны технические детали, касающиеся достоинств ружей; здесь отчетливо отразились воинственные интересы курдов. Следующий отрывок говорит о военном столкновении между курдами и турками.

6.«О Эмир, бой вспыхнул за мечетью, грохот битвы доносится оттуда. Люди Шейхана схватили свои немецкие ружья и бросились за *зиярет* (святилище). «А ну, крушите могилы тех, кто носит фески (*ком-соу-ган*, турки). Мы перебьем *чаушей* и *баишчаушей* (унтер-офицеры), *он-баши* (капралов) и *мулазимов* (лейтенантов)¹, мы сожжем могилы отца-трубача и самих трубачей. Со времен Али-Омар-паши мы не платили никаких налогов никакому правительству. Пусть к нам придет поэт², он воодушевит сражающихся...»

Перед нами лаконичное описание одной из бесчисленных курдо-турецких стычек, вызванных приходом сборщика налогов. Покинем поле боя, охваченное вековой ненавистью, разделяющей два народа, и вслушаемся в нежные звуки любовной песни.

7.«Алажкер (по-армянски — Алашкерд, название местности) — властитель провинций. Золотые монеты свисают на белый лоб, словно полы шатра. О Лейли, бедняжка моя, встань, подари мне поцелуй в обе щеки.

Я взываю: «Всевышний, всемогущий бог! *Хери Лейли, хери Лейли*. Здесь на земле я, смиренный слуга, готов служить твоим прекрасным творениям. *Хери лоло, хери лоло...*»

«Гери Даг, выжженная гора, холмы и пригорки; бредет караван моего отца: одни верблюды, и каждый украшен кистями и позументами. Я склонил голову — жду приказаний от твоего стройного стана, искристых черных глаз, белого лба. Черные кудри спускаются до золотистых грудей. *Хери Лейли, хери Лейли...*»

Между строками этой песни можно прочесть о чувствах неимущего обожателя к красавице из зажиточной семьи. В нижеследующем лавдже поэт говорит о своей

¹Военные чины в турецкой армии.

²Небезынтересная деталь. Поэт здесь назван гулямом.

367

Любимой, которая приводит его в отчаяние своим легкомыслием.

8. «Безрассудная! Имя моей ветреницы сладостно, как сахар, как шербет. Мое единственное утешение, я не покину тебя, я отведу тебя в комнату над каменными воротами. Я затворю окна святилища, я прильну губами к родинке на затылке. До самой полуденной молитвы я не отпущу тебя, моя услада. *Ле эман, ли эман*, о неразумная, пожалей меня! Вот уже год и даже больше, как эта ветреница, дочь Нуху, вскружила мою голову. Она гибка, как молодое деревце, она стройна и полна обещаний. Длинные пряди ее волос ниспадают до земли. Я пошлю кого-нибудь на базар в Мардин и велю купить этой сумасбродке, сидящей дома, пару туфель по два золотых за каждую. Как только в

нашем селении начнутся танцы, я положу эти туфли к ногам моей любимой. И как только моя ветреница, мое стройное, нежное деревце закружится в танце, все будут глядеть на ее туфли. *Ле эман, ле эман...*»

Красавица отвечает:

«О милый, я не ветрена, я не маленькая и не высокая. Вот я какая: на мне коралловое ожерелье, золотая брошь, звенящие украшения. Я держусь своенравно, когда на меня засматриваются юноши из наших мест, но если выйду вечерком с красивым парнем, я не думаю больше о деньгах...»

«*Ле эман, ле эман*, пощади меня, ветреница... О моя беспечная, не садись на солнце, пусть его лучи не обжигают твои розовые щеки. Я пошлю кого-нибудь на базар в Мосул и велю купить для моей красавицы пояс за семьдесят дирхемов. Как только в нашем селении начнутся танцы, я затяну им талию моей милой. Как только моя ветреница, мое стройное нежное деревце закружится в танце, все будут глядеть на ее пояс. *Ле эман, ле эман...*»

Эта лирическая пьеска привлекает своей наивностью. Простыми образными средствами она, несомненно, достигает поэтического эффекта.

Следующее небольшое стихотворение рассказывает о смерти Джафар-аги, убитого в западне в Тебризе. Вот в каких словах повествует об этом событии анонимный певец из окружения погибшего вождя.

368

9. «О молодой ага из цветущего Чери¹), что лежит в глубоком ущелье, где течет река. Пусть бродячая чума падет на дом иранского шахского наследника²). Он послал письмо отцу Гозар (имя дочери Джафара-аги): «Приди ко мне. В прошлом и позапрошлом году он (Джафар-ага) был словно полупадишах; «этом году он остался на иранской земле и не перебрался в соседнюю Турцию. О юный ага, ты словно якорь, впившийся в землю на поле битвы, словно колючка в зрачке у врага, ты подлинный паша пустыни. О юный ага! Небо с высоким престолом враждебно нам. Отец Бозко (сын Джафари-аги, светловолосый Азиз-хан) верхом на Ришане отбросил в сторону свою овечью шкуру (колек) и нижнее платье (капути); он надел *каджар* (одежду иранского горожанина) и повесил на свою загорелую шею сумку с патронами для маузера. Пусть бродячая чума падет на дом наследника. Двумя пулями поразили они тело отца Бозко, сидящего верхом на Ришане, трижды открывал он кобуру (пешкож) своего шестизарядного револьвера (шешагире), но тщетно, ага! *Вай бе-ма, вай*, горе нам! Не проходит и трех дней, как бедствие обрушивается на мир³. Слишком далеко подкрепление (имдад), оно не успевает дойти до отца Бозко. В Тебризе радуются нашей беде, победная весть летит к сайдам Кербелы⁴. *Хела*, молодой ага, отец Бозко, ты — самый высокий из всех всадников. Хеде (жена Джафар-аги) сокрушается; Мотебере (его вторая жена), встань, бедняжка, набрось, о несчастная, платок на одежду отца Бозко, чтобы она не пылилась. Пусть бродячая чума и т. д.Пусть придет лекарь Локман. Раны глубоки, и гной не течет из них. О молодой ага... якорь,

¹Ага из племени шеккак живут в Черик Кала, между Урмией и Салмас, на турецкой границе. В марте 1918 г., после того как Симко, брат Джафара, убил несторианского патриарха Мар Шимуна, христиане-горцы напали на их резиденцию и разграбили ее. Эпитет «цветущий» противопоставлен «выжженному солнцем», пустынному и ассоциируется с покрытым цветами зеленым лугом.

²При династии Каджаров этот правитель, носивший титул вали-ахд (наследник), исполнял функции главного губернатора Азербайджана, и столице которого Тебризе был убит Джафар-ага.

³То есть недолго наш земной век.

⁴Кербела—священное место шиитов, где находится маститые служители этой религии, враждебной суннитам, а следовательно, и курдам.

пившийся в землю... колючка в зрачке врага, паша пустыни! *Хела*, молодой ага, сердце сожжено печалью. Хеде безудержно рыдает; бедная Мотебере Двумя пулями поразили они тело отца Бозко, сидевшего верхом на Ришане. Тяжким и горьким был этот миг для отца Бозко. Почему не явились тогда Темер-ага и Исмаил-ага (дядя и брат Джафар-аги)? Не проходит и трех дней, как бедствие обрушивается на мир! Слишком далеко подкрепление, оно не успело дойти до отца Бозко. В проклятом Тебризе зажигают огни, победная весть летит к сайдам Кербелы».

Вот еще один героический лавдж; осуждая безрассудство курдского аги из района Муш, он одновременно восхваляет его доблесть. Речь идет об Авла (Абдулла)-беке, сыне Сурмели Мехмеда-паши.

10. «*Ло, ага!* С давних времен стоит крепость Торпаккала. Черкес Омер-бек (турецкий чиновник, каймакам, находящийся в Торпаккала, селении Мушского санджака) послал за христианином Петросом; пусть он принесет свой саз (струнный инструмент). *Ло*, Петрос, не играй на сазе: дом Сурмели Мехмеда-паши в трауре. О безрассудный Авла-бек! Бог должен был бы уничтожить равнину Муш, наслав на нее болезни, страдания и мор. Авла-бек написал черкесу Омер-беку: «Ты приказал арестовать обоих гулямов (слуги, оруженосцы аги), ты должен отпустить их». Свидетелей у Авла-бека много¹). Он убил черкеса Омер-бека, несмотря на мольбы его кудрявой жены. *Вейла* (какое несчастье), о человек, *диван* (приемная у каймакама) очень узок, плечам бойцов там очень тесно (мало места, чтобы биться). О человек, у крепости Торпаккалы есть бойницы. Айша-ханум (мать Авла-бека) скорбит: «Авла-бек, ты всегда лезешь в драку, не бери с собой оружия...» Когда лишь горечь и безысходность остались в удел Авла-беку, почему не явился на своем арабском скакуне Сурмели Мехмед-паша. Горе безрассудному. О человек, крепость Торпак-кала самая могучая из всех крепостей. Авла-бек зовет Айшу-ханум: «Подойди на минутку, взгляни в окно, как мы деремся ножами с этими собаками». *Хейла*, о человек, диван узок, плечам бойцов там тесно. *Хейла*, о че-

¹То есть факты соответствуют действительности.

370

ловек, Авла-бек поклялся, что он не пойдет в крепость, не зажжет свечу в фонаре. Когда горечь и безысходность остались в удел Авла-беку, почему не появился Сурмели Мехмед-паша, славный своей былой доблестью! *Хейла*, о человек, диван узок, плечам дерущихся там тесно...»

Так же как Джафар-ага отправился к наследнику в Тебриз и был там убит, так и Авла-бек, направившийся в Торпаккалу, чтобы вызволить от турецкого каймакама своих людей, убил чиновника и потерял в рукопашной стычке обоих своих братьев... Лавдж кончается такими строфами: «*Хейла*, о человек, Авла-бек высок, как туговое дерево. Когда Авла-бек возвращался, за ним несли тела его братьев. Авла-бек крикнул Айше-ханум: «Не убивайся, братья сражались как герои и пали под грохот выстрелов в облаках порохового дыма... *Вейла*, о безрассудный!...»

Лавдж укоряет Авла-бека в том, что он пошел к каймакаму в его крепость, где курдам пришлось драться в тесной комнате и где они потеряли двух сыновей Мехмеда-паши. На более обширном поле битвы, на воле, у курдов было бы больше шансов одержать верх. Вернемся, однако, к любовным лавджам, в которых суровые воины находят отдых от своих забот.

11. «*Делале, ха-делале...* О сладкая Эсмер (женское имя)! Подле тебя мои сердце и душа уже не так стремятся к преходящим благам этого мира! Нет, клянусь Аллахом, я люблю тебя больше, чем законную жену! *Ло, ло, ло* (три раза). Я слышу шаги друзей...»

12. «*Мяшалла*] (восторженное междометие.) В это утро моя милая взяла блюда и котлы и пошла к источнику у пруда. Красавица! У меня кружится голова! Встань, протяни мне тесемки твоего фартука (буквально тесемки *ber karke*—куска кожи, который пряжа привязывает за работой к колену, чтобы не портить платье) для приклада моего револьвера, *ло, ло, ло*, я слышу шаги друзей...»

В последней строке поэтическая неясность. Можно предположить, что кусок кожи, лежавший на колене красавицы, тем самым обрел высокую ценность и придаст особые достоинства завернутому в него револьверу.

13. «*Ле джане, ле джане* (душа моя)! Пусть Бог

371

принесет мою душу в жертву твоей. *Ло, ло, коро* [отвечает она ему): О милый юноша, ты еще ребенок, совсем юный и упругий, точно прекрасный плод. У тебя еще нет разумения, следуй тому, что подскажет Бог. Быть может, мой муж Шундук с седой головой и седыми усами скоро умрет. Тогда Бог, возможно, сольет мою молодую душу с твоей. *Де хойо хой, джане* [припев)! *Эй ле джане!* На высокой горе у нашего селения выпал снег. Снег покрыл полуразрушенное селение. Люди, все люди привержены к земным благам и богатству, я же, бедный раб божий, полюбил искристые глаза и стройный стан. *Де хойо хой, джане!* Лейла, душа моя, мелкий снежок сыплется на нас, он покрыл гору и наше селения, он лег сугробами. Пусть твой муж Шундук не вздумает ласкать тебе грудь или шею. Ибо они принадлежать юноше, который бродит далеко по дорогам. *Де хойо хой, джане-Лейла, душа моя!* Сердце мое с тобой. То, что известно Богу, нельзя скрыть. *Эй ле делале* (о красавица моя)! Я боюсь только всевышнего, но не твоего убогого мужа. *Де хойо хой* (о ты, несравненная)».

А вот еще один лавдж, повествующий о военных столкновениях двух братьев, Бехаи Чато и Джамии, из племени милан (близ Муша) с турками.

14. «*Де хойой хойой!* Братя, мы воюем. Я — Бехар, Бехар светловолосый. Я не могу дальше мириться с [турецким] правительством Сирта, со всеми его хитростями и преступлениями. Наперед говорю: пусть и душа и тело мои действуют заодно. Я не собираюсь стрелять в рядовых бойцов; эти солдаты — дети в государстве, [они просто лишь исполнители чужих приказов]; я буду стрелять в каймакама, в *бинбаши* (полковника), в *узбаши* (капитана), в *мулазима* (лейтенанта). Я подниму бунт в своей крепости, я засяду в ней, словно тигр, притаившийся за скалой. *Де хай бима хай!* И трех дней не проходит без новых бедствий... Джамиль трижды бросает клич: Бехар, брат, встань, мы должны совершить подвиг, дабы имя наше разнеслось по всему свету. *Де хойой, де хойой!* Братя, мы воюем. Джамиль кричит Бехару: «Брат, ты знаешь, что шейх посетил наш дом в пятницу. Крепко держи Айнали (ружье Мартини), не

¹Тем самым благословение низошло на дом (*мубарек*).

372

спускай маузер с плеча, не стреляй в солдат, ведь они только дети государства. Но как только увидишь такого, у кого длинная сабля, а португеза расшита серебром или золотом, бросай его наземь». *Де хай бе ме...* Крепость (каср) Бехари Чато подле родника. Бехар громко кричит и зовет Джамии: «Встань и дай меткий выстрел из Айнали. Пусть все услышат, как я клянусь душой и телом: пока я жив на земле, я не возьму в рот хлеба трусов. [Припев]».

И наконец, последний лавдж из моего собрания рассказывает о мусульманине, полюбившем христианку. Влюбленный говорит о доме *кешиша* [христианского священника] и о христианском зимнем посте.

Приведенные примеры дают нам представление об основной тематике народной курдской литературы; культ сражения и культ любви — два проявления мужественного

духа этого народа. Таким образом фольклор укрепляет те выводы о характере курдов, которые читатель мог сделать при чтении предыдущих глав. В моем скромном собрании лавджей отсутствует, правда, еще один мотив, типичный для курдской лирики, а именно поэтические картины природы, зеленые, пестреющие цветами летние пастбища в горах. Привязанность курдов к родному пейзажу отразилась в литературном творчестве закавказского курда Араба Шамилова (гл. III) и в рассказе о красотах селения Авлиан (гл. VI).

Б. Значение этого поэтического жанра

Ценность лавджей состоит еще и в том, что по ним мы можем судить о курдской народной поэзии в целом. Они как бы представляют все ее аспекты в сжатом виде; мгновенные зарисовки, быстрые и немногословные поэтические рассказы выражают существо курдского фольклора. Темы в них затронуты слегка, в виде кратких упоминаний, не имеющих развития; эти же темы

¹ Уходу на летние стоянки в горы после зимней слякоти и снега курды придают высокое моральное значение. Народная поэзия нередко приводит жалобы влюбленного, которого, к его стыду, удерживают в селении чары его возлюбленной, в то время как его товарищи поднимаются к горным вершинам: «Ты загубила для меня горы Джуламерга...» (P. R o n d o t, Tribus, p. 30.)

373

мы видим и в больших эпических курдских поэмах, которые имеют несколько сотен стихов и гораздо более развитую поэтическую форму. Однако именно вследствие более тщательной литературной обработки эти крупные произведения, изобилующие отступлениями и повторениями, теряют свежесть и непосредственность лавджей; обладая более научной композицией и стилем ее метафор и оборотов, они значительно уступают лавджам в чистоте языка и самобытности образов. Лишь лирическая поэзия, рожденная миром чувств и восприимчивостью народа, не подвержена, как указывает Ж. Бедье, соблазну заимствования из чужого творчества; лишь она способна дать нам верный критерий темперамента и поэтического дара народа, а также прочную основу для сравнительного анализа. Укажем, однако, что мотив, который мы видим сегодня воплощенным в форме лавджей, может с течением времени послужить отправной точкой для произведения большего масштаба; если отдельные элементы сюжета разрастутся до крупных эпизодов, перемежающихся описаниями природы и т. п., то лирическая пьеса превратится в эпическую поэму. Вполне возможно, что многие нынешние курдские поэмы были прежде всего лишь фрагментами в форме лавджей, которые впоследствии слились в целостное произведение, обладающее единством сюжета и героя. Разумеется, эта гипотеза может показаться рискованной. Так, например, анализ структуры стиха показывает, что в эпических курдских поэмах, подробно изученных немецким востоковедом О. Манном, доминирует длинный стих, соответствующий спокойному, невозмутимому повествованию. Вкрапленные в такой текст лирические места четко выделяются на его фоне своей лаконичной нервной формой с более живым ритмом. Контраст столь очевиден, что О. Манн предполагает здесь лирическую импровизацию чтеца, которая вклинивается в застывшую, неподвижную форму традиционного лирического текста. Это важное соображение нельзя не учитывать. Однако надо знать, что стихотворная ткань курдских поэм гораздо меньше скована строгими правилами версификации, чем, например, арабская и персидская поэзия, подчиненная незыблемым законам жанров. В лавдже — подлинно народном поэтическом творчестве курдов, не носящем следов под-

374

ражания иностранным образцам, — мы видим, напротив, полную, почти анархическую свободу в выборе изобразительных средств. О. Манн¹ справедливо отверг теории своего

предшественника Сосина, который не делал различия между подражательным и подлинным народным поэтическим творчеством. О. Манн описывает приемы, применяемые народными певцами курдами. Если строки поэмы длинны, сказитель убыстряет темп речи, акцентируя лишь предпоследний слог и произнося последний совсем бегло, только для того, чтобы выделить рифму; в то же время короткие стихи лирических пассажей он произносит гораздо медленнее, делая основной упор на последний слог, то есть на рифму. Народная курдская поэзия не знает метра и располагает только рифмой, мужской и женской. В эпической курдской поэме длинные и короткие стихи чередуются. Ритм же определяется не закономерным чередованием кратких и долгих слогов в стихе, но лишь их общим числом. Таким образом, короткий стих имеет семь, восемь, иногда одиннадцать слогов, длинный — от пятнадцати до двадцати, причем никаких четких правил здесь нет. Именно поэтому легко представить себе, что один или несколько сюжетно связанных лавджей могут составить первоначальное ядро эпической поэмы. Это тем более вероятно, что мы видим в эпических поэмах не только чередование длинных и коротких стихов (объединенных иногда в строфы из трех, реже из двух, четырех и десяти стихов), но и непосредственное соседство прозы и стихотворного материала. Один лавдж имеет рифмы, текст других перебивается ономаптопеями, различные примеры которых мы видели выше: *ло, ло, ло; хойо хой* и т. д.

Следовательно, нет ничего невозможного в предположении, что между лавджем и эпосом существует тесное родство. Такой взгляд кажется особенно правдоподобным, если мы вспомним о том, что лавдж возникает спонтанно, как непосредственное претворение личных впечатлений от военного или любовного события. Небольшая песня легко может стать ядром или составным элементом будущей поэмы.

¹О. Mann. *Die Mundart der Mukri-Kurden, Teil, I, Berlin, 1906; Grammatische Skizzen u. Kurd. Text; Bd. II, Inhalt u. Form der Ost-Rurdischen Volksepik, Berlin, 1909.*

375

Лавдж состоит обычно из коротких стихов с девятью, десятью, одиннадцатью слогами и длинных, включающих до шестнадцати и даже девятнадцати слогов; число стихов в строфе почти всегда превосходит четыре. Наконец, для лавджей характерны почти исключительно женские рифмы. (По наблюдениям Манна, женские рифмы доминируют также у мукри. Словом, ряд общих признаков сближает между собой короткие лирические лавджи и значительные по объему эпические поэмы. Я не стану утверждать, что моя гипотеза вполне доказана; однако она может указать путь к решению этой проблемы. Для окончательных выводов нужно было бы изучить большее собрание лавджей, чем то, которым располагаю я, и провести сравнительный анализ лавджа и других жанров курдского фольклора. Так или иначе, нельзя не учитывать важности изучения всех образцов курдской народной поэзии. Несмотря на их фрагментарный характер, они дают нам ценные сведения, позволяющие по-новому осветить проблему поэтического творчества курдов.

В. Сравнение курдских лавджей с арабскими касидами

Приведенные соображения отчетливо показывают различия между курдскими лавджами и лирическими жанрами арабской поэзии, в частности *касидой*; касида была очень распространенной лирической формой у домусульманских арабов в эпоху, когда их национальные черты проявлялись в нетронутым виде, то есть когда их еще не коснулись чужеродные влияния, пришедшие вместе с победоносным исламом. В работе польского востоковеда Т. Ковальского подробно разбирается этот жанр¹. В отличие от курдского лавджа, не стесненного никакими жесткими правилами ни в области формы, ни по содержанию, касида всегда четко разделена на две части. Первая часть, *насиб*,

посвящается размышлениям поэта, с горестью созерцающего следы кочевья, покинутого родом его любимой. Он обращается к спутникам, и в некоторых касидах они отвечают ему. Поэт вспоми-

T. K o v a I s k i, Na szlakach Islamu, Krakow, 1935.

376

нает сцену расставания. Племена уходят в разные стороны в поисках новых пастбищ, животные навьючены и трогаются в путь. Красавица сидит на своем верблюде, она делает прощальный знак рукой. Тут поэт описывает ее красоту. Слегка отвлекаясь, он воспекает также вино и приносимое им наслаждение. Затем он переходит к описанию своей верной верблюдицы (или лошади), единственных его утешителей в горе. Воспоминание возвращает поэта к поездкам верхом по пустыне, ему приходят на память ночной пейзаж, звери, которых он видел, и охота на них... С незначительными вариантами (верблюдица или конь, антилопа или страус, ответы друзей на жалобы поэта или их молчание) эта первая обязательная и традиционная часть касиды неизменно содержит вышеприведенные основные мотивы. Она обычно завершается сентенцией об изменчивости любви, о непостоянстве женщин или о том, что преклонный возраст поэта послужил причиной разлуки. Как бы ни изощрялся поэт в выборе образов, метафор, рифм и так далее, он все равно раз и навсегда связан установленными штампом и незыблемыми нормами. И только во второй части, именуемой *касд*, где развивается сюжет как таковой, поэт может дать простор творческой фантазии. В зависимости от сюжета касиды делятся на панегирические (мидха), сатирические (хид-жа) и элегические (мартхия). Именно в этих лирических стихах касид мы находим фактические сведения о жизни кочевых племен бедуинов, об их междоусобицах, о гостеприимстве, о щедрости в голодные времена, о доброй или Худой славе вождя или племени. Касида никогда не является анонимным произведением, и зачастую мы находим в ней *фахр*, то есть самовосхваление поэта.

Таким образом, поэтический темперамент обоих народов очень различен при всем сходстве, которое мы наблюдаем, сравнивая лавджи и касиды (воспевание героизма, сцены кочевой жизни, описание женской красоты, боли разлуки...). Арабские касиды похожи друг на друга и отличаются лишь более или менее удачным выполнением и незначительными вариантами; в то же время лавджи ввиду их многообразия почти не поддаются классификации, так что их условное деление

377

основано лишь на общности тем, разработанных, впрочем, с полной свободой формы¹). В чем причина такого различия? Мы провели сравнительный анализ выразительных средств бедуинов домусульманской эпохи и курдов-кочевников, сопоставив две среды, два миросозерцания, сходные между собой и стоящие на одной ступени социального развития. По-видимому, полное несходство между строгим порядком даже примитивной арабской лирики и отсутствием всякой системы в лирике курдов объясняется причинами не социального порядка; это несходство зиждется на различии черт национального характера этих двух народов. При всей динамичности и независимости араба, семита (черты племенной общественной организации, присущие и курду), для этих народов характерна расчетливость и стремление к систематизации, которые отражены и в народной поэзии; в то же время эта черта совершенно отсутствует у курда, арийца (или представителя азианического народа). Арабская поэзия обладает детально разработанной просодией и метрикой и приспособлена к распевной декламации; ничего подобного мы не видим в поэзии курдов. Мы имеем в виду собственно курдскую поэзию, подлинный фольклор, а не ученые поэтические произведения на курдском языке, подражающие арабским или персидским образцам. Так, например, О. Манн собрал около 200 газелей и касид курдских поэтов, однако их авторы прошли мусульманскую школу, хорошо

знакомы с арабской и персидской литературой и не представляют интереса при изучении самобытных элементов курдского поэтического творчества.

Изучение курдского фольклора приводит нас к прежнему выводу, сделанному нами при анализе причин, помешавших курдам создать прочное национальное государство.

Г. Обучение курдских народных певцов

В своей работе О. Манн² приводит ряд сведений о существующих в Курдистане особых школах для обучения *шаиров* или *денгбежей* (как их называют на северо-

¹Отметим, что в творчестве бедуинов также встречается импровизация.

²O. Mann, *op.cit.*, Bd. I, S. XXVIII—XXX.

378

западе Курдистана), иначе говоря, народных певцов. Вот что он говорит: «Наряду с большей частью школ, где учат муллы (впрочем, и их не так уж много!), в Курдистане были и, по-видимому, еще существуют особые школы, где обучают будущих народных певцов. Юноши, обладающие хорошими голосами, идут к учителю (по-персидски — *васта-устад*), чтобы перенять его мастерство, причем свой репертуар учитель передает только изустно; певцы, умеющие читать и писать, немногочисленны. (Сказитель Рахман, от которого Манн получил свои сведения, также был неграмотным.) Особо одаренные юноши продолжают учение, переходя от первого своего учителя ко второму, к третьему, становясь их *шагердами* (ученик, подмастерье); разумеется, учитель получает вознаграждение, иногда оно выражается в помощи по хозяйству, иногда в форме оплаты натурой.

Сказители находят применение своему искусству в знатных и богатых семьях, где их охотно слушают и награждают щедрым *халатом* (первоначально «почетная одежда», а в наши дни — любой подарок). В сельской местности сказитель удовлетворяется даже миской риса. В городских кофейнях (где, впрочем, подают только чай) часто собирается много людей, жаждущих послушать случайно забредшего туда певца. (О. Манн замечает, что его беседы с Рахманом в Мехабаде служили поводом для непрерывных праздников. Рахман, который обычно приезжал из селения в город только раз в год на один день, считал теперь своим долгом в часы, «свободные от службы», посетить одну из таких кофеен, и зачастую востоковеду стоило большого труда оторвать его от восторженной аудитории, чтобы отвезти домой для работы.)

Исполнение поэмы представляет собой напевную декламацию, очень монотонную на слух европейца¹. В длинных стихах певец произносит отдельные слова быстро, одно за другим, в коротких он, наоборот, их растягивает, с тем чтобы в поразительно долгой и полной искусства фермате задержаться на предпоследнем сильно акцентированном слого стиха и затем на зами-

¹Прежние путешественники отмечали богатство модуль выразительность оттенков в исполнении курдских певцов.

379

рающем вибрирующем выдохе произнести последний, безударный слог.

Необычайная память этих людей тесно связана с пением. Когда Рахман диктовал текст поэм, он часто не мог вспомнить следующий стих, если не помогал себе пением. Элемент импровизации, несомненно, присутствует в исполнении, однако удельный вес ее невелик.

Заметим в заключение, что при всем различии, существующем среди произведений курдского фольклора, певец исполняет почти одинаково поэму с многосложными стихами и длинными строфами, например «Мам и Зин», и небольшие легенды с четырехстопным стихом».

Д. Сборники курдского фольклора

В настоящее время мы располагаем несколькими сборниками курдского фольклора. Сначала Жаба, русский генеральный консул, изучавший курдов в середине XIX века, потом Сосин и Прим в конце того же века, а затем Макас и Манн в XX веке собрали немалое количество текстов. Удачный сборник принадлежит Манну (курдские тексты с немецким переводом). Лучшее произведение его сборника — поэма «Мам и Зин» (стр. 40—135). Среди других назовем «Лас и Хезал» (стр. 135—166), «Насер и Малмаль» (стр. 166—205), «Ферх и Асти» (стр. 223—310), «Джулинди» (стр. 361 — 386) и др. Все эти сочинения — неистощимый источник сведений о жизни курдов, хотя надо признать, что до сих пор им пользовались очень мало. Мы встречаем в них сцены охоты и битв, клятвы влюбленных, они обнаруживают черты несходства психологии горца и жителя долины, содержат описание суеверий, природных явлений (половодье в горах); в них можно найти любопытные следы пантеизма (молитвы, обращенные к птицам, лошадям, к снегу), словом, большое разнообразие тем, каждая из которых представляет значительный интерес и дает пищу для размышлений.

Последний по времени сборник появился в советской Армении. Книга выпущена в 1936 году в Ереване Государственным издательством Армянской ССР тиражом в тысячу экземпляров; на ее титульном листе значится «первый», что позволяет ожидать последую-

380

щих сборников¹. Книга имеет 663 страницы и дает на курдском языке без перевода богатое собрание всех тем фольклора местных курдов. Каждый сколько-нибудь значительный отрывок сопровождается указанием имени, происхождения, возраста и грамотности лица, его сообщившего. Фольклорист не может не признать ценности таких сведений. Нам также важно было бы знать, как получены собранные тексты: записывались ли они с изустной передачи, то есть при единственных условиях, гарантирующих оригинальность произведения, или же мы имеем дело с вариантом, утратившим первоначальную свежесть и местный колорит, поскольку он исходит от грамотного человека, способного произвольно украсить свой рассказ. Тексты эти собраны и записаны А. Джинди и А. Авдалем и отредактированы Джасме Джалилем; все трое курды. Книга делится на несколько частей. Первые 260 страниц дают тридцать вариантов большой поэмы «Кар и Кулык»; написанная полупрозой, полустихами, иногда целиком стихами, поэма повествует о подвигах двух братьев, именами которых она и названа. Во второй части книги представлены восемь эпических поэм, и среди них «Мам и Зин» в трех вариантах, «Замбыль-фрощ» («Продавец корзин»). Таким образом, мы имеем возможность сравнить варианты одной и той же вещи, записанные на разных курдских диалектах. Поэма «Лейли и Меджнун» из той же части сборника представляет определенный интерес. В третьей части приведены 279 лирических, детских и пасторальных стихотворений. Этот раздел, пожалуй, представляет для нас наибольший интерес, если учесть вышеизложенные соображения, касающиеся жанра лавджей. В разделе, озаглавленном «Речи Эвдала Зейнике», собрано одиннадцать стихотворений того же цикла. В последних двух разделах собраны поэмы и рассказы (хикьяты), среди которых мы снова встречаем «Продавца корзин» (два варианта), «Лейли и Меджнун» (три версии) и «Дым-дым». Даже простое перечисление сюжетов свидетельствует о богатстве представленного материала. Ереванский сборник снабдил нас обширной документацией о народной курдской поэзии.

1. «Фольклор курманджи», книга I, «Кетба пешин», Ереван, 1936.

381

Е. Сравнение тем фольклора курдов и других народов.

Все это немалое количество курдских фольклорных текстов до сих пор использовалось в основном как лингвистический материал при изучении словаря, диалектов, грамматики, синтаксиса и пр. Ниже я попытаюсь проанализировать некоторые из них с точки зрения народного творчества и наметить их связь с сюжетами фольклора других народов. Эта задача велика, и я не надеюсь полностью разрешить ее. Я лишь попытаюсь ознакомить читателя с рядом текстов, известных ныне только лингвистам.

Одним из широко распространенных фольклорных мотивов является рассказ о сокровищах, спрятанных демонами, и о герое, добывшем эти сокровища. В космическом толковании этого сюжета планеты и звезды отождествляются с драгоценными металлами и камнями. Злые духи перехватывают излучаемый ими свет и скрывают его в толще облаков. Бог грома проникает в недра туч, поражает змея, вызывает дождь и овладевает сокровищами. Этим подвигам обычно сопутствует освобождение красавицы, также похищенной змеем-драконом и спрятанной вместе с сокровищами. Мы находим этот сюжет у греков: мифы о Геркулесе и Гесионе, о Персее и Андромеде, о Персефоне, похищенной Плутоном; индусский Вритра заключает красавицу в пещеру; мы встречаем эту тему и в германских сагах и в русских народных сказках¹; вспомним сербские сказки о королеве Милице, жертве змея из Ястренаца, освобожденной деспотом Вуком; валахские — о Петру Фиричелле, боровшемся против двенадцатиглавого дракона, о Флориану, Принце-цветке и много других².

Известная курдская сказка, в основе которой лежат те же верования. Бедный крестьянин встречается змея; змей благоволит к нему и регулярно в течение двадцати

1. Афанасьев А. Н., Поэтические воззрения славян на природу, т. 2, М., 1865, стр. 586.

2. В предыдущей главе, посвященной религии, мы уже видели, какое важное место в верованиях курдов занимает образ змеи. Этот же мотив отражен и в фольклоре.

382

лет приносит ему золотую монету, которую крестьянин вырывает из его глотки. Затем совокупность обстоятельств, не связанных с похищением, приводит к тому, что в подземной сокровищнице змея оказывается молодая женщина. Она не жалуется на свою судьбу, но однажды, когда она гуляет со змеем, ее замечает выехавший на охоту сын визиря. Юноша проникает в логово змея, и тот отдает ему другую находившуюся у него девушку. Однако некоторое время спустя эта девушка исчезает. Тогда сын визиря обращается к змеиному царю, который имеет отличительный знак — рожки в виде короны. Выясняется, что змей, похищающий девушек, подвластен не змеиному царю, а повелителю джинов. Юноша добивается милости этого последнего и с его помощью освобождает красавицу. В только что приведенной курдской сказке есть много второстепенных подробностей, предназначенных для украшения рассказа, однако ее основное ядро, несомненно, лежит в плане рассматриваемой нами темы.

Упомянем также сюжет о змее, который завладел водой; чтобы задобрить его, нужно было приносить ему в жертву животных или людей¹). Об этом рассказывает курдская сказка «Змей у источника», где в жертву змею приносят девушек. Приходит очередь дочери властителя, но в эту минуту является *африт* (один из духов мусульманской демонологии), сражается со змеем и разрубает его на две половины. Все девушки, уже проглоченные змеем, выходят невредимыми из чрева чудовища. В награду африт получает руку освобожденной принцессы. Между тем змеиный царь со своей армией нападает на африта и похищает его молодую жену. Он не женится на ней, а просто заточает ее в подземном замке. Однажды некий Челенк Авдаль приходит к змеиному царю и просит у него снадобье против укуса змеи для своей жены. Узнав, что женщина уже мертва, змеиный царь отдает Авдалю в утешение свою прекрасную пленницу. Отец

молодой женщины, узнав, что она теперь уже не с афритом, но с мужчиной, отбирает ее у Авдаля. Но бедняжка, не перенеся разлуки, умирает через несколько дней. Этот мотив

¹См. апокрифическую поэму XVI в., приведенную А. Н. Афанасьевым, *цит. соч.*, т. 2, стр. 557.

383

также связывает курдский фольклор с темами, знакомыми нам по другим источникам.

Иногда наше внимание привлекают многозначительные подробности. Так, в большой курдской поэме «Мам и Зин» рассказывается о короле Йемена, отце Мама, который долго не имел детей; сын его рождается лишь после того, как он и королева съедают пополам волшебное яблоко. Этот же мотив мы встречаем в немецкой саге о Велсунгах: бездетные Один и Фрига также получают яблоко от «феи, исполняющей желания» (Вуншмагд); обратившись к птицу, фея роняет яблоко на колени Одина. В одной из сербских сказок рассказывается о бедняке, который не имел потомства, как и весь принадлежащий ему скот. У колодца он встречает незнакомца, который протягивает ему яблоко и говорит, что тот должен съесть этот плод пополам с женой, а очистки отдать животным. «И тогда все бесплодное оплодотворится». Так оно и случается. Кроме того, в «Мам и Зин» мы встречаем вариант известного по «Тристану и Изольде» сюжета о мече, лежащем между влюбленными.

Среди сюжетных мотивов, общих для курдского фольклора и народного творчества других стран, можно упомянуть также рассказ о слезе красавицы, упавшей на щеку заснувшего героя и разбудившей его как раз вовремя, чтобы сразить чудовище; о растениях или деревьях, которые вырастают на могиле жертвы или над могилой обидчика и позволяют оживить жертву и покарать преступника¹ (см. «Мам и Зин»).

Рассмотрение других сюжетов подсказывает нам еще более плодотворные выводы.

В курдской фольклорной традиции бытует сюжет о том, как живого человека замуровывают в стену, дабы придать ей прочность. Аббат Поль Бейдар приводит в своей «Грамматике курдского языка» (стр. 36—38) следующий рассказ:

«При постройке огромного моста в Захо строителю никак не удавалось возвести главную арку: всякий раз она обрушивалась, увлекая за собой все сооружение. Тогда зодчий заявил эмиру Захо, присутствовавшему на работах, что мост требует жертвы и что, пока в тол-

¹Афанасьев А. Н., *цит. соч.*, стр. 494.

384

щу моста не замуруют живое существо, свод арки не удастся завершить. Стремясь любой ценой довести до конца творение, которому суждено обессмертить его имя, эмир дал приказ: первое живое существо, которое выйдет из города и подойдет к мосту, будет замуровано в него живьем. Он скрепил этот декрет присягой. У эмира была единственная и горячо любимая дочь Даллэ. Пожелав присутствовать при окончании работ, Даллэ вышла в полдень из города и вместе со своей собакой направилась к мосту. Увидев, что первой бежит собака, эмир улыбнулся от радости. Даллэ заметила улыбку отца и решила, что он смеется при виде того, как низкая тварь идет впереди нее. Она отогнала собаку и подошла к мосту первой. Оцепенев, все с горестью смотрели друг на друга. Эмир же подавил в себе отцовское чувство и приказал ввести девушку в стену моста. Даллэ безмолвно склонилась перед отцовской волей. Так обожаемая Даллэ была замурована и, когда последний камень закрыл глаза девушки, которая еще слала последний привет любимому, но непоколебимому отцу, две крупные слезы покатались по щеке эмира».

Этот сюжет может иметь и другое толкование. Не отражает ли он традиционные представления, связанные не столько с постройкой, сколько с водой. В свете такой гипотезы рассказ получит иную интерпретацию; река не хочет, чтобы мост властвовал над ней, облегчая людям переход через ее воды, и требует в возмещение человеческую жертву.

Чрезвычайно интересные соображения содержатся в исследовании Тутэна «Человеческие жертвы и культ речных божеств, преимущественно в античной Греции»¹. Ритуалы этого культа, бытовавшего как в собственно Греции, так и в эллинизированной части Малой Азии и во всей Великой Греции, знакомы нам большей частью по литературным текстам. На основе изучения рассказа Павсания о культе Артемиды Трикларийской в Ахейском Патрасе Тутэн делает вывод, что главным элементом этого культа была вначале двойная человеческая жертва и что река (жестокий Амейлихос, а затем Мейлихос, умиротворенный) играла в нем

¹«*Actes du Congrès International d'Histoire de religions*», Paris, octobre 1923, t. II, p. 156—162.

385

очень значительную роль. Тутэн указывает на тесную связь, которую мы наблюдаем в греческих мифах между искупительной смертью человека и вспомним предания о Меандре, Евроте, Ино, Кирке, Ахелое; вспомним также о суеверном страхе, с которым греки переходили реку вброд, об обряде аргивяну у римлян, в ходе которого с моста Суплицууса бросали в Тибр соломенные чучела, изображавшие людей,— ритуал этот символизировал жертвоприношение речному божеству. По мнению Тутэна, обычаем бросать волосы в реку также являлся остатком обряда жертвоприношения. Тутэн связывает все эти обряды с далекой эпохой, когда люди еще не наделяли речные божества человекоподобным обликом, как они это сделали позднее; в те времена люди видели божественную сущность в самих текучих струях. В классическую эпоху денежные подношения божеству являлись, по мнению Тутэна, пережитками этих представлений. В античные времена река считалась священной¹). Переход реки вброд или постройка моста требовали искупления, откуда и значение поптифексов, строителей мостов, жрецов, в руках которых была религиозная жизнь Рима. Почитание реки не ограничивается рамками античного мира; мы обнаруживаем его у народов многих стран. Так, в одной из русских сказок мы читаем о всаднике, который утонул в реке Смородине, будучи наказан за то, что вступил в нее дерзко и с шуткой на устах. В эпической поэме «Слово о полку Игореве» княгиня Ярославна горячо молит Днепр пропустить войско ее мужа. У германцев существовал предрассудок, согласно которому, измеряя глубину реки, можно оскорбить божество. Герой русских былин Садко подносил Волге традиционные хлеб и соль. Покидая родные места, Илья Муромец бросает в воды Оки корку хлеба². В «Русских народных легендах» Сахаров рассказывает о старинном обычае жителей Поволжья: третьего апреля, незадолго до ледохода, украшали гриву коня красными лентами, мазали ему лоб медом и солью,

¹Напомним попутно о запрещении стирать что-либо в водах Евфрата. Шнигель отмечает в этой связи культ речного божества Анаит у курдов.

²См. Афанасьев А. Н., *цит. соч.*, т. 2, стр. 230.

386

принося его в таком виде в жертву водяному, голодному после долгой зимней спячки.

В том же свете представляется и культ святого Элуа в Бретани, в котором особое место отведено лошади и воде.

Ассоциирующая связь между водой и лошадью, широко распространенная в народных верованиях, свойственна и курдскому фольклору; здесь мы вновь отмечаем точки соприкосновения между ним и кругом идей других народов. Чудесные кони русских сказок часто выходят прямо из воды. Вот, например, одна из них. Царь приказал сторожить свои посевы, расположенные у берега моря. Табун лошадей выходит из моря и поедает царский урожай. Один из коней имеет звезду на лбу, другой — луну, третий — солнце. Всех их захватывает в плен младший из трех сыновей царя. Он вскакивает на первого жеребца, и остальные следуют за ним добровольно. В финских сказках поимка

чудесного копя и боевая доблесть связаны с могуществом воды. Так, один из героев этих сказок должен трижды умыться родниковой водой: сначала во дворе своего дома, затем в поле и, наконец, на лугу.

Аналогичные примеры дает нам польский и чешский фольклор; мир арабского фольклора не составляет здесь исключения. В арабском трактате о гиппологии («Украшение всадников»), в частности, говорится, что знаменитая порода арабских лошадей ведет свое начало от табуна царя Соломона. Рассказывают, — пишет арабский автор, — что по велению бога вышли из моря сто крылатых коней для Соломона, который назвал их «благом». Легенда о том, что прославленные арабские скакуны являются потомками коней, подаренных богом Соломону, прочно засела в народном воображении; жители прибрежных областей Марокко верят в то, что некоторые породы особенно сильных и выносливых лошадей происходят от жеребца, вышедшего из моря.

Те же мотивы, возникшие, очевидно, под влиянием семито-арабской традиции, мы видим и у курдов. Курдская поэма «Куч Осман»¹) повествует о замечательном

¹ O. Mann, *Die Mündart der Mukri-Kurden*, Abt. 11, Berlin, 1909, S. 353: «О султан, у эмира Сейф-Уддин бека появился серый жеребец; его отец вышел из моря, он даже наделен крыльями. Никто, кроме тебя, недостойн вложить ногу в стремя и сесть на него».

387

скакуне и его подвигах. Его доблести велики, ибо его отец был «жеребцом, вышедшим из моря».

На первый взгляд, это представление кажется не иранским, а арабским. Между тем несомненно, что данная традиция, существующая в иранском эпосе, характерна не только для семитского мира. Так, курдский вариант одного из эпизодов «Шах-намэ» о герое Рустеме обнаруживает тот же мотив.

Отметим также, что обычно мифических коней отличает белый цвет.

Дульдуй, белый мул пророка, в курдской поэзии становится конем; у персидских шиитов его особо чтят потому, что на нем ездил Алий, зять пророка. Во многих местах в Иране вам покажут следы Дульдуй на камнях; правда, на этот раз его образ не связан с водным источником.

3. Письменная курдская литература

А. Ее корифеи

Говоря о курдской литературе, мы отвели почетное место фольклору и его различных видах, поскольку национальный характер курдов наиболее определенно и полно отражен именно в народном творчестве; произведения, принадлежащие привилегированному классу курдского общества, находящемуся почти постоянно под сильным влиянием персидской и арабской литературы, отражают его в гораздо меньшей степени. Однако при всем значении и богатстве фольклора курдов мы не можем обойти вниманием другие виды их литературного творчества, в частности письменные памятники¹), среди которых имеется большое количество очень древних рукописей. В начале XI века в Шемдинане на курдском языке писал Али Харири. Его «диван» (сборник стихотворений) дошел до нас и имеется лишь в рукописном виде. Начиная с этого времени, между XII и XV веками, развертывается творчество целой плеяды курдских поэтов. Этот расцвет поэзии совпа-

¹См. О.Л. Вильчевский. *Первая лекция по курдологии и проблема курдского литературного языка, «Речь и мысль», сб. VI—VII, 1936.*

388

дает с расцветом феодализма, сыгравшего столь важную роль в эволюции курдского народа. Наиболее яркими и известными среди этих поэтов были Ахмед, мулла из Джизре, лирика которого замечательна своим стилем и оттенками настроений; Факих Тейран¹), писавший под псевдонимом Мим-Хай, и, наконец, мулла Бате² из Хаккяри.

Эти поэты подготовили почву для появления «курдского Фердоуси» — Ахмеда Хани. Мы уже упоминали это имя в разделе, посвященном формированию курдского национального самосознания, отраженного и поэтически воплощенного в его творчестве. Ахмед Хани родился в 1591 году в Хаккяри и умер в 1652 году в Баязите. Он прославился не только как автор наиболее значительной эпической поэмы курдов «Мам и Зин», но и как первоклассный лирический поэт, чье творчество приближается иногда к несравненным страницам Дивана Джелал-Эддина Руми (основателя и вдохновителя дервишской секты мевлеви в Конии). По-видимому, Ахмед Хани следовал в своем творчестве примеру Джелал-Эддина Руми, великого иранского лирика, чье творчество уходит корнями в народную поэзию Малой Азии и питается от тех же источников, которые породили все лучшее в лирическом курдском фольклоре. Сохранился ряд отрывков из теоретических сочинений Ахмеда Хани, относящихся к стихотворному искусству, и среди них первый и единственный словарь рифм и метрики курдской поэзии. Неустанная работа над словом, широкая эрудиция, несомненная поэтическая культура, а также интимный, глубоко внутренний характер его творчества, чей язык и образность тесно связаны с фольклором, — все это снискало Ахмеду Хани славу любимейшего поэта курдов. Он имел многочисленных подражателей: Исмаил Баязитский, Шереф-хан из Джуламерга, Мурад-хан из Баязита и др. Все они, равно как и большинство современных курдских поэтов, являются продолжателями традиций Ахмеда Хани как в области языка и формы, так и в области содержания.

¹ См поэму «Черный конь», приписываемую этому автору; *Socin. op. cit., Abt. II, S. 192.*

² См повесть «Дым-дым», приписываемую ему же; *ibid., S. 202.*

389

Наряду с этими корифеями курдской литературы в период между XVI и XVII веками на юго-востоке Курдистана можно отметить, несколько более или менее известных поэтов, писавших на курдских наречиях этой области (авромани, гуранм; см. гл. VII). Некоторые из них следовали в своем творчестве не за Джелал-Эдди-ном Руми, а за другим классиком и реформатором персидской литературы Баба Тахиром (см. гл. XI, «али-илахи»). Лирические четверостишия Баба Тахира пользуются очень большой популярностью у широких слоев населения этой части Ирана; его поэзия не слилась с общим потоком современного персидского языка, она сохраняет черты местного колорита и диалектальные особенности, сближающие ее с курдским разговорным языком.

Б. Современные? представители курдской литературы

Среди лучших курдских поэтов нового времени в первую очередь следует назвать поэтов XIX века Нали, Курди, Салима и Хаджи Кадира из города Хой. Минорский добавляет к этому списку еще следующие имена: Махур, умерший в Сулеймание в 1909 году, чей диван был опубликован в 1924 году; Шейх Разай Талабани (из Сирвана), умерший в 1910 году¹; Тахир-бег Джафф, сын Османа, паши Алепче, умерший в 1920 году; Шах Партав из Хаккяри, чей диван был закончен в 1806 году, а также Абдулла-бег Мисба Али Диван (псевдоним «Адаб»), умерший в Мехабаде во время мировой войны. Адаб, с которым автор имел случай встречаться в 1915 году и Мехабаде, оставил небольшой сборник стихов, изданный Саидом Хусейном Хузни в Равандузе. Этот сборник повествует о единственной и неразделенной любви поэта. Кроме того, в моем собрании имеется подаренный мне Адабом небольшая рукопись, содержащая несколько газелей.

¹См. по этому поводу статью С. J. Edmonds. «A Kurdish lampoonist: Shaikh Riza Talabani. J of the Royal Central Asian Society», vol. XXII. Janvier, 1935. Он же составил «A Bibliography of Southern Kurdish». 1920-1936, опубликованную там же, т. XXIV, июль 1937. В Иране имеются работы доктора Мохаммеда Мукри (см. «Nethr-e-farsiye moacer», 1930.

390

Литературная, и в особенности поэтическая, традиция курдов не иссякает; об этом свидетельствует ряд современных имен, приведенных в статье Минорского: Абд эль-Кадир Захави в Багдаде; Али Камиль и Ахмед-бег Фаттах Сахиб-Гиран в Сулеймание; Мустафа-бег Джафф (сатирик); Ахмед-бег Джафф, сын Аделе-ханум (см. гл. V); Киркуки (Атхир). В курдской прессе, например в журнале «Хавар» в Дамаске, можно обнаружить еще ряд имен, о которых будет сказано ниже. Я думаю, однако, что существование профессиональной литературы у курдов уже не вызывает сомнений. Если принять во внимание условия жизни этого народа, то нельзя не признать, что его литература ни в чем не уступает литературам других современных народов этой части Азии.

В. Литературный язык курдов

На каком же языке пишут упомянутые нами авторы, и существует ли общий литературный курдский язык, понятный и доступный курдам, живущим в разных областях Курдистана?

За исключением немногих поэтов (Ахмед Хани, муллы Ахмед из Джизре, Нали и тех, чье творчество растворилось в курдском фольклоре), курдская литература была доступна лишь узкому кругу феодалов и немногочисленной прослойке передовых людей, поборников курдской национальной культуры.

Что же касается курдской народной массы, разделенной границами нескольких государств, то она так и не получила рукописной или печатной литературы.

Лишь в конце прошлого века курдское национальное движение с первых своих шагов и поныне стремится пользоваться услугами родного языка. Только в XIX веке, а точнее, уже после первой мировой войны, мало-помалу образовались два курдских культурных центра. Один из них — в Дамаске, где печатают и переиздают по-курдски литературные произведения, близкие по традиции к школе Ахмеда Хани, другой — в Багдаде.

Наряду с Багдадом и Дамаском упомянем и Каир, где в частности издан под руководством Мохаммеда-Али Авни и Фараджуллы Зеки критический анализ текста «Шереф-наме», а также теологическое сочинение Сайда Абд-ур-Рахима аль-Хусейни на диалекте гурани.

391

В последние годы издательство в Дамаске перешло на латинский алфавит по системе, введенной еще в кемалистской Турции. Издаваемая им литература распространяется преимущественно среди курдов Сирии и Турции. Багдадское издательство в течение нескольких лет пользовалось реформированным арабским алфавитом, а с 1933 года также перешло на латинизированную транскрипцию с учетом местных типографских средств и фонетических особенностей, свойственных южным курдским диалектам. Его продукция расходуется главным образом среди курдов Ирака и Ирана.

Г. Движение курдов Сирии в защиту национальной культуры

Движение за развитие курдской культуры в Сирии¹) приобрело реальное значение только после инцидентов 1930 года, продемонстрировавших несвоевременность политических выступлений в странах, находящихся под французским мандатом. Многие курдские деятели пришли к заключению, что перед ними стоит неотложная и, несмотря на

все препятствия, осуществимая задача: укрепление национального единства курдов путем восстановления и обновления языка, внедрения обучения на родном языке и возрождения народной литературы. Зачинателями этого культурного движения были эмир Джеладет Бадр-хан, назначенный в Дамаск (в курдский округ) после его участия в набеге Хаджо-Ага на Турцию, и его брат эмир Камран-али Бадр-хан из Бейрута². Основным органом этого движения стал журнал «Хавар» («Призыв»), издаваемый на курдском и французском языках; первый номер вышел 15 мая 1932 года. Многие представители курдской интеллигенции не только в Сирии, но и в Ираке и Трансиордании приняли участие в этом начинании. Среди них были профессора Хевинде Сори и Эли Сайдо, врач Эхмед Нафиз, народ-

¹См. P. Rondo t, *Kurdes de Cyrie, «Franco Medilerraneenne et Africaine», Fasc. I, 1939.*

²Эмир Джеладет умер в результате несчастного случая в 1951 году; эмир Камран поселился в Париже (1952). Смерть этого высокообразованного деятеля, вдохновителя национального движения курдов, явилась тяжелой утратой для его сподвижников.

392

ные поэты Джегерхвине Курди, Эдвильхалик Эсири, Кадриджан, Мустафа Эхмед Боти и многие другие. Еще более примечательным фактом явилось то, что к движению примкнуло немало вождей племен и родов, например Хаджо-ага (Хаверкийе) и его сын. Джемил-ага; Мустафа Шахинэ (Ала-Эддин) и его сын Шахинэ, Эвдиррахман Фаузи (Ботан), Эмед Мелик (Ала-Эддин) и др.

Первоочередной задачей основателей «Хавара» было внедрение и распространение курдского алфавита на латинской основе, над созданием которого они трудились долгие годы и на котором издавался их журнал. Арабо-персидские буквы, которыми по традиции пользовались в курдской печати, не подходили для транскрипции курдской речи. Основатели «Хавара» воспользовались опытом латинизации турецкого алфавита и разработали простой алфавит из тридцати одной буквы, стремясь по возможности не усложнять его диакритическими знаками и удвоенными буквами. Этот алфавит с достаточной точностью фиксировал звуки курдской речи.

Не отражающий некоторых региональных особенностей произношения, алфавит этот явился первым шагом в унификации курдского диалекта курманджи, что было второй задачей, стоявшей перед группой «Хавара». Как и каждый из основных курдских диалектов, курманджи распадается на множество более или менее отличных говоров. Предстояло, следовательно, определить рамки основного диалекта курманджи, опирающегося на классический курдский язык и на грамматическую традицию; этот язык должен был подчинить себе различные говоры, оставаясь при этом понятным и доступным всем, кто им пользовался. Нужно было обогатить этот язык, сделать его гибче, расширить его средства выражения в соответствии с многообразными потребностями современной жизни.

Третья задача состояла в возрождении народной литературы, что в то же время должно было способствовать обновлению языка. «Хавар» печатал не только отрывки из произведений классических авторов или известных эпических поэм, но и сочинения молодых современных поэтов, призванных продолжить традицию курдской национальной литературы.

393

И, наконец, введение обучения курдов на родном языке составляло четвертую, но отнюдь не последнюю по значимости миссию группы «Хавар». Журнал стал пропагандировать эту идею; ему пришлось вести борьбу с вековыми предрассудками, в силу которых вожди племен видели в грамотных людях врагов, стремящихся подорвать их авторитет. Одновременно возникла неотложная необходимость срочного создания учебных пособий на курдском языке. Редакторы «Хавара» выпустили серию брошюр-

тетрадей: выпуск № 1 — «Заметки о курдском алфавите»; выпуск № 2—«Страницы алфавита»; выпуск № 3 — «Сердце моих детей» (детские стихи, рассказы и т. п.). Обучение курдскому языку на основе латинского алфавита было даже предпринято в Бейруте в 1933 году; эмир Камран-али Бадр-хан организовал вечерние курсы для курдов-рабочих, живших в ливанской столице, и его начинание имело успех.

К сожалению, развитию этого движения помешал недостаток средств, неизбежный при наличии столь узкого круга сторонников. Трудности не обескуражили, однако, его вдохновителей. Журнал «Хавар» закрылся летом 1935 года, но печатание тетрадей после трехлетнего перерыва возобновилось в 1938 году. Появился ряд очень удачных пособий для начальной школы: выпуск №9 — «Курдский алфавит»; выпуск №10 — «Курдская книга для чтения»; выпуск № 11 —«Мой алфавит»; выпуск № 12 — «Уроки религии». Таким образом, была создана и издана библиотечка текстов и учебников, могущая служить основой для обучения на курдском языке. Одновременно грамотные люди приучались к латинскому алфавиту и привыкали к чтению, а народные массы получили доступ к богатствам родной литературы.

Итак, культурное движение курдов приобрело в Сирии значительные и обнадеживающие размеры. И хотя оно не распространилось в Сирии столь широко, как в советской Армении, зато оно сумело сохранить свою чисто-курдскую направленность. Оно осталось свободным от влияний каких бы то ни было факторов, не

¹*Эта надежда была сильно подорвана » последующий период и связи с отъездом эмира Камрана, смертью Джеладета и изменениями в политической обстановке.*

394

имеющих отношения к проблемам языка и литературы курдов, что свидетельствует о высокой гуманности курдской интеллигенции в Сирии.

Д. Движение курдов Ирака в защиту национальной культуры

Сведения о литературной жизни курдов Ирака мы получили из работы С. Дж. Эдмондса¹. В рассмотренный им период с 1920 по 1936 год появилось немало периодических изданий: в Сулеймание — семь названий, в Равандузе, Эрбиле и Киркуке — по одному на каждый из этих городов и четыре названия в Багдаде. Далее Эдмондс перечисляет поэтические произведения курдских авторов, о которых мы говорили выше, — всего девять сборников, далее стихи, сатиры, песни и баллады — шесть названий. Четвертый раздел работы Эдмондса содержит исторические сочинения и включает тринадцать номеров, большая часть которых (одиннадцать) принадлежит Хусейну Хузни (см. гл. VIII). В разделе «Драма и роман» имеются три названия.

В следующем разделе перечисляются произведения на религиозные и моральные темы — всего пятнадцать названий. В большинстве своем это не книги, а брошюры, за исключением перевода с английского книги о Беха-Улла на 336 страницах.

В разделе словесности (грамматики, словари, буквари, книги для чтения) имеется десять названий; произведения на военные, технические и педагогические темы—шесть названий. И, наконец, четыре политических трактата и брошюры завершают этот список.

В сравнении с богатством курдского фольклора вся эта письменная литература, или, вернее, литература, удостоенная публикации (ибо вполне возможно, что мы знакомы вовсе не со всеми курдскими рукописями о Курдистане), — словом, вся эта печатная продукция из Багдада и Дамаска кажется более чем скромной. Но какова бы она ни была, она отражает достойные похвалы усилия передовых и просвещенных курдов от-

¹*См. С. J. Edmonds, A bibliographic of Kurdish periodical and books published in Iraq, in .J. R. C. A. S., vol. XXIV, July 1937; A bibliographic of Southern Kurdistan, 1920—1936, May 1947.*

395

стоять и развивать свой язык, свою историю, свою литературу. Если бы курды располагали школьной сетью, пропорциональной их численности в тех государствах, где они живут, то, без сомнения, благодаря их живому уму и богатству фольклора они могли бы очень быстро добиться возрождения своей литературы и общего расцвета национальной культуры.

Е. Лингвистический прогресс у курдов СССР

Подтверждением вышесказанному может служить пример курдов Советского Союза. Курды Армении, Азербайджана и других районов Советского Союза в настоящее время имеют в своем распоряжении вполне достаточную сеть школ, педагогическое училище, свою газету и книги, число которых превышает сотню названий. Может показаться парадоксальным, что очаг курдской культуры, развивающейся на родном языке, возник у сравнительно малочисленных курдов, живущих на периферии исторического Курдистана.

Приведем данные об успехах, достигнутых советскими курдами в области языка. О. Л. Вильчевский (из отчета которого мы и почерпнули эту информацию) подчеркивает, что, только благодаря установлению советской власти в местностях, населенных курдами, и ленинской национальной политике, проводимой Советской властью и коммунистической партией, можно было поставить и разрешить проблему литературы для курдского народа. Курды Советского Союза живут в разных республиках и областях: в Армянской ССР, Грузинской ССР, Аджарской АССР, Нахичеванской АССР и за Каспийским морем в Туркменской ССР. Все они говорят на разных диалектах. На первых порах было трудно создать для каждой группы буквари и словари, пригодные соответственно лишь в условиях местного диалекта. Поэтому в 1928 году стали издавать литературу сначала только на языке курдов Армении; впоследствии ею пользовались также курды Грузии и Нахичевани, говорящие на диалектах, сходных с диалектом армянских курдов. В 1931 году появилось несколько книг на языке азербайджанских курдов, а в 1933 году была сделана попытка предоставить свою печать курдам Туркмении.

396

Между тем начиная с 1932 года обучением были охвачены все области, населенные советскими курдами; после ликвидации эксплуататорских классов в результате коллективизации животноводства и сельского хозяйства у курдов отчетливо наметился экономический подъем, а вслед за ним и культурный. На заводах Армении появился курдский пролетариат, начал формироваться класс трудовой интеллигенции. Все это вызвало необходимость создания более развитой литературы, способной охватить и отразить обновленное курдское общество и культуру, национальную по форме и социалистическую по содержанию. Каким же на этом новом этапе будет курдский литературный язык?

Теоретические и практические трудности, обычно возникающие при решении подобных проблем, усугублялись на этот раз еще тем, что язык и диалекты Курдистана были мало изучены, а советские курды, насчитывающие примерно сто тысяч человек, представляют лишь меньшинство в сравнении с курдским населением других стран.

Ж. Конгресс 1934 года в Ереване

В этой связи становится понятным, почему на Ереванском конгрессе летом 1934 года в основном обсуждалась проблема создания курдского литературного языка и курдской литературы и ее взаимосвязей с языком и литературой курдов, живущих за пределами Советского Союза. Все участники конгресса с интересом ждали решения этой проблемы, видя в нем как бы испытание или проверку степени политического и культурного

развития советских курдов. Все другие вопросы, возникавшие в ходе работы конгресса, рассматривались в зависимости от того, как разрешится эта важнейшая задача культуры советских курдов.

При всей сложности методологического и практического характера, с которым пришлось столкнуться, конгресс в целом оказался на высоте поставленной задачи и с успехом разрешил поднятые вопросы. О. Л. Вильчевский видит причину этого успеха в том, что участники конгресса не ограничились узколингвистической задачей выбора диалекта, «главнейшего», «наиболее сохранившегося», «самого чистого» и т. д., которому суж-

397

дено стать основой литературного языка. В еще меньшей степени они стремились отдать предпочтение тем нормам языка, которые нашли свое выражение в существующих литературных произведениях. Конгресс, напротив, рассматривал эти второстепенные вопросы в совершенно реалистическом духе. Главной задачей участники конгресса считали создание литературного курдского языка в СССР, доступного и понятного широким массам трудящихся курдов.

Вот почему, когда конгресс избрал язык курдов Армении в качестве исходного пункта для создания литературного языка, он одновременно подчеркнул:

1. Указанный язык имеет особое значение, ибо па нем говорит зарождающийся курдский пролетариат Тбилиси, Ленинакана и аллавердских медных рудников.

2. Большая группа представителей советской курдской интеллигенции приняла участие в создании и разработке норм этого языка.

3. Этот язык дает возможность приобщиться к лучшим образцам курдской классической литературы (Ахмед-Хани и его школе) благодаря тесным узам, связывающим язык курдов Армении с языком этих произведений.

4. На языке армянских курдов имеется богатый фольклор.

5. На этом языке уже издано относительно много книг (несколько сот названий) и выпускается ежедневная газета, благодаря чему уже складываются лингвистические и литературные советские традиции.

Одновременно возник, разумеется, вопрос о связи литературного языка советских курдов с языком их зарубежных соплеменников. Вчера еще наиболее отсталые в культурном отношении курды, сегодня благодаря справедливой национальной ленинской политике и активному участию советских курдов в строительстве новой, доселе невиданной культуры социалистического общества, эти советские курды превратились в авангард курдской культуры. Блестящим доказательством тому явился сам конгресс, ибо вчера еще неграмотные курдские пастухи и земледельцы обсуждали на нем судьбы своего языка и своей культуры, а докладчиком на конгрессе был преподаватель университета, бывший сельскохозяйственный рабочий.

398

Конгресс наметил ряд конкретных мер:

1. Необходимо немедленно упорядочить работу над терминологией в соответствии с принципами, установленными для языков Советского Союза (интернационализация языка и одновременное использование всех его творческих возможностей).

2. Наряду с международной и советской терминологией необходимо учитывать все местные особенности языка курдов, живущих в отдаленных областях. Следовательно, нужно предоставить большую лингвистическую свободу при составлении начальных пособий и книг, рассчитанных на широкие массы (пусть даже эти издания и будут пригодны лишь в границах данного района).

3. Необходимо в короткие сроки подготовить научную и практическую грамматику литературного языка курдов Советского Союза.

Обсуждение роли литературного языка как мощного фактора культурного прогресса выявило в ходе конгресса интерес его участников и к другим, не лингвистическим проблемам. Так, доклад Араба Шамилова (см. отрывки из его книги «Курдский пастух» в гл. III) о социально-экономической структуре курдского общества вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой выступавшие демонстрировали на историческом материале существование в прошлом национальной курдской культуры¹). Конгресс высказал пожелание в адрес Института востоковедения Академии наук СССР об издании перевода «Шереф-наме»; он обратился также к Институту языкознания АН СССР, призывая его возглавить работу по методологии изучения курдского литературного языка и по изданию серии памятников курдской литературы классического периода.

Известно, что советское правительство предоставляет курдам возможность учиться и издавать книги на родном языке.

Бесспорны и результаты, достигнутые на пути духовного пробуждения этого народа, впервые в истории получившего несуществовавшую доселе систему школьного образования.

¹ См. по этому поводу главы, посвященные истории и религии курдов.

399

4. Роль России в курдологии

Заканчивая свой труд о курдах в Курдистане, я хочу подчеркнуть, что при всех возражениях Россия и, в частности, русское востоковедение открывают наилучшую возможность для исследований в области курдологии. Минорский¹ говорит, что, хотя в Курдистане побывало мало русских (да и то в основном чиновники или военные), все же научная обработка данных о курдах осуществлялась почти полностью в России. Сравнительный словарь всех языков, созданный по желанию Екатерины II академиком Палласом в 1787 году, был едва ли не первым научным изданием, включавшим 276 курдских слов.

Мы не будем подробно излагать (последовательные этапы развития курдологии; однако нам хотелось бы указать на отдельные вехи, существенно важные для дальнейшего пополнения наших знаний о курдах.

Уже в XVIII веке Эрбело узнал о существовании курдской хроники, описывающей племена дальних провинций Курдистана в плохо изученную эпоху. Английские путешественники раздобыли с большим трудом несколько списков, но лучший экземпляр попал в руки русских военных. В частности, в 1828 году, во время войны с Ираном, генерал Суштелен овладел Ардебилем и захватил в качестве военного трофея знаменитую библиотеку Сефевидов, которую отправил затем в Петербург. В ее составе оказался экземпляр «Шереф-наме», выправленный и подписанный самим автором в 1599 году. Русские ученые сразу оценили значение этой рукописи. Сначала академик Вельяминов-Зернов издал оригинальный персидский текст, затем академик Ф. Шармуа в 1868—1875 гг. опубликовал четырехтомный французский перевод, посвятив ему почти всю свою жизнь.

Во время Крымской войны курды вместе с другими турецкими военнопленными оказались в Смоленской губернии. Российская Академия наук тотчас направила к ним П. Лерха, который первым издал курдские тексты с комментариями (1856—1858). Два русских ученых, И. Березин и В. Диттель, направленные русским университетом в страны Востока,

¹ В. Ф. Минорский, *Курды. Заметки и впечатления, Петроград, 1915.*

400

посвятили себя изучению курдов. Еще больший вклад в курдологию был сделан двумя русскими консулами, А. Ходьско и Жабой. Первый из них, человек очень любознательный, много путешествовал. Познакомившись в Париже с образованным курдом, он издал по-французски («Журналь Азиатик», 1857) работу о восточном диалекте района Сулеймание. Консул Жаба находился в период с 1848 по 1866 год в Эрзуруме и изучал западный курдский диалект. Он сплотил вокруг себя группу образованных курдов и с их помощью составил курдскую хрестоматию, курдо-французский словарь, франко-курдский разговорник и, наконец, большой франко-русско-курдский словарь. Российская Академия наук издала только первые две работы. Две остальные, имеющие большую практическую ценность, считались пропавшими, но счастливый случай помог Минорскому обнаружить их следы, и в 1913 году внуки Жобы передали ему все бумаги их деда. Минорский хотел опубликовать эти работы.

И наконец, в 70-х годах XIX века профессор Егиазаров изучал курдов бывшей Эриванской губернии. Их язык он знал с детства, что помогли ему и узнать и записать много интересного.

Вклад, сделанный Россией в курдологию, признан и за границей. Даже труды таких немецких ученых, как Юсти, Прим и Сосин, а впоследствии тексты, собранные австрийцем Макасом, были переданы авторами для издания Российской Академии наук. Итак, все наиболее существенное в курдологии вышло в свет в Петербурге.

Следует отметить заслуги немецкого востоковедения в вопросах курдологии. Немецкий ученый Оскар Манн совершил четырехлетнее путешествие по Ирану и Турции в начале XX века, посвятив себя в основном изучению жизни и языка курдов. Напомним также, что после первой мировой войны (и даже накануне ее, поскольку грамматика Сона вышла в свет в 1913 году) появился ряд работ о курдах на английском языке. Авторами их были Жардэн, Фоссум, Драйвер и другие.

В дореволюционной России исследованиями о курдах занимался И. А. Орбели; кроме того, работы И. Я. Марра, О. Л. Вильчевского явились новым этапом в развитии русской курдологии.

401

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ X

ПРЕЗИДЕНТУ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ

Париж, 21 марта 1931 года

Ваше превосходительство,

Имею честь довести до Вашего сведения жалобы одной нации, которую Вы взяли под Вашу опеку и защиту. Ибо кто говорит об опеке — просит защиты. Это курдская нация, к которой я имею честь принадлежать и которая живет в южной части курдского отечества, присоединенной к Ираку.

Я полагаю своим долгом обратить Ваше внимание на факт, что курдская территория, 'присоединенная к Ираку, не была завоевана союзническими армиями, как это имело место в Месопотамии. Курды по своей собственной инициативе взялись за оружие в 1918 году, вынудили турецкие войска очистить свою страну, провозгласили свою независимость и учредили правительство, которое взяло в руки управление страной под названием «Правительства Южного Курдистана». В это время в Ираке царила анархия, а союзнические войска все еще там сражались. К несчастью для курдов, наша территория была потом присоединена к Ираку, и Европа, которая заявляла, что взяла в руки оружие, чтобы защитить право и справедливость, не остановилась перед вопиющей

несправедливостью связать судьбу и будущее народа, уже имевшего правительство *де-факто*, если не *де-юре*, с нацией, от которой этот народ отличается по расовому признаку, нравам, истории, языку, обычаям и психологии. Эта несправедливость была к тому же подкреплена обещанием Вашей уважаемой Лиги дать Южному Курдистану широкую автономию.

И хотя годы идут за годами, обещание это не только не было выполнено, но, напротив, нашим жизням, же-

402

нам и нашим детям, нашим отцам постоянно угрожают бомбежки, огонь пулеметов, ибо мы не хотим быть арабизированными и пытаемся добиться осуществления обязательств, принятых в отношении нас.

Арабское правительство Ирака не поколебалось дать приказ о бомбардировке города Сулеймание, столицы Южного Курдистана, тех самых курдов, которые отказались принять участие в выборах, которыми указанное правительство хотело ратифицировать договор, сводивший на нет все права курдов и уничтожавший всякую надежду на будущее. Мы считаем, что эти бомбы и пулеметные очереди по жертвам в Южном Курдистане бьют также по престижу Вашей уважаемой Лиги — ведь курды находятся под ее опекой, следовательно, ее защитой.

Если бы арабское правительство Ирака не опиралось на самолеты и войска английского правительства, которому Ваша уважаемая Лига выдала мандат на управление этими странами от ее имени, то повторение истории, марш в Багдад и занятие его было бы для курдов вопросом дней. Мы всегда можем защитить свою родину от арабов. Но, не желая вступать в военный конфликт с английским правительством, которое действует от имени Вашей уважаемой Лиги, мы предпочитаем обратиться к ней, требуя правосудия и справедливости.

Нашу родину хотят присоединить к арабскому Ираку и пытаются заставить нас принять эту аннексию силой оружия, тогда как мир и безопасность, столь дорогие Вашей уважаемой Лиге, могли бы быть обеспечены и в этой части земли. Пока будущее курдской родины не окажется в руках ее сынов, а курдское правительство не возьмет в свои руки управление отечеством курдов, нет надежды ни на мир, ни на безопасность. Курды, имеющие свою тысячелетнюю историю, способные и могущие в ходе исторических превратностей отстоять свое существование, свою историю, свое отечество, свои национальные учреждения, решили скорее умереть все до последнего человека, сражаясь с оружием в руках, чем подчиниться арабам Ирака.

Мы, курды, хотим быть друзьями со всеми народами и нациями, мы не питаем ненависти ни к одной нации, но мы не хотим допустить, чтобы право на самоопреде-

403

ление, признанное за несколькими другими слаборазвитыми народами, не признавалось за нашей нацией, сумевшей занять видное место в истории народов благодаря своей лояльности, храбрости, рыцарству и благородству. В последнее время особенно арабское правительство Ирака при сильной поддержке английского правительства, дав себя увлечь чувству арабского национального шовинизма, пытается сломить наше сопротивление самыми кровавыми средствами.

Сотни безоружных курдов, не питающих никаких агрессивных намерений, желающих лишь выразить свое политическое мнение, были сражены пулеметами и бомбами. И если сегодня курды сражаются, взявшись за оружие, то виной тому эти несправедливые и кровавые агрессивные действия.

Кровь и огонь бессильны изменить историю, превратить сотни тысяч курдов Саладина, Керим-хана Зенда в арабов. Моя нация и я — мы не революционеры, не сектанты, алчущие крови. Если мы взялись за оружие, то нас к этому принудили, обязали, заставили.

Мы не хотим господствовать ни над каким народом или страной, не хотим быть чьими-то владыками. Но мы не допустим также господства и над собой со стороны других, мы не желаем иметь иного господина или сеньора, чем мы сами. Ради этого идеала многие миллионы человеческих существ отдали жизнь во время последней войны. Это наше право, которое Ваша уважаемая Лига за нами признала и подтвердила с первых дней.

Разрешите мне Вас заверить, что это революционное государство, которое рождено негодным вероучением правителей Ирака, прекратит свое существование только тогда, когда все наши права будут признаны и уважаемы.

Все, чего мы хотим, — это признания независимости нашего отечества, «независимого правительства Южного Курдистана», под непосредственным мандатом Вашей уважаемой Лиги. К тому же новый договор между Англией и Ираком кладет конец английскому мандату, что делает решение, которое мы предлагаем, логичным и неизбежным.

Ваша уважаемая Лига должна в силу фактов возвратиться к своему решению 1925 года. Соблаговолите

404

принять, Ваше Превосходительство, мое самое высокое уважение.

От имени населения Южного Курдистана

Шейх Махмуд

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ X

КУРДСКИЕ МЕНЬШИНСТВА

(Редактору газеты «Таймс»)

Сэр,

В номере Вашей газеты от 16 июня помещено сообщение Вашего корреспондента в Стамбуле, озаглавленное «Курды против образования. Бунт, подавленный войсками». В этой статье сообщается, что недавние беспорядки, организованные курдами в районе Дерсима, были вызваны их враждебностью к введению обязательного образования и других реформ и что эти беспорядки были подавлены полицией и армией, а также что в этих операциях особенно отличилась женщина-авиатор.

Как человек, знающий курдов, их язык и историю, я бы хотел сказать Вам, сколь глубоко опечалило меня это сообщение. Курды, населяющие этот район, совершенно отличны от своих соседей турок как по расовым признакам, так и по языку, религии, обычаям и общественной организации. События, происшедшие в Дерсиме, — еще одна попытка курдов вновь утвердить свою автономию как этнического меньшинства. Было бы ошибкой предполагать, что курды выступают против образования вообще, — они борются против отуречивания. Родной язык является единственно возможным средством обеспечить естественное и гармоничное развитие индивидуума и привить ему благородную привязанность к стране, в отношении которой он несет обязанности в качестве гражданина.

Права курдских меньшинств уже признаны повсюду. Согласно рекомендации, сделанной Лигой Наций

405

при рассмотрении Мосульского вопроса, курды пользуются культурной автономией в Ираке в трех областях — Эрбиле, Киркуке и Сулеймание и, таким образом, могут развивать свой язык и традиции предков, ни в коей мере не нарушая структуры государства, верными подданными которого они являются.

Пока этими благородными принципами не будут руководствоваться повсюду, мы будем, к сожалению, свидетелями таких печальных конфликтов между «государственными соображениями» и требованиями национальных меньшинств, права которых в наше время едва ли можно отрицать.

В. Никитин,

«Таймс», 22 июля 1937 года.

бывший русский консул в Иране, ул. Жорж Занд. 29. Париж, 16 округ.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ X

ПИСЬМО АВТОРА ДИРЕКТОРУ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС»

(письмо не было опубликовано)

1 сентября 1937 года

Господин директор,

Я прочитал в «Тайме» от 18 августа статью «Турция перед курдским вопросом», которая, давая некоторые уточнения, связанные с событиями в Дерсиме, поразила меня своей общей направленностью, так же как и некоторыми деталями. Я знаю курдов, их язык, их историю и полагаю, что нельзя отрицать в наши дни курдов как явное национальное меньшинство — понятие, которое содержит некоторые более или менее определенные права людей. Существует, наконец, вполне определенная курдская литература, весьма развивающаяся, которой мешают только неблагоприятные политические обстоятельства. Курдский язык отнюдь не наречие, производное, от персидского, снабженное «армянскими, халдскими, турецкими и арабскими говорами», но такой же язык, как и иранский или персидский, афганский и т. д., находящийся только в стадии диалектальной, не выработавшей еще общего литературного язы-

406

ка. Это не значит, однако, что у него нет литературных курдских произведений, особенно поэтических, которые являются предметом публикаций и специальных изучений и которые поражают богатством выраженных чувств и чистотой их лирического порыва. Будет неуместно здесь пускаться в ученый спор по этому поводу, ведь вопрос этот весьма ясен для всех, кто хочет и пытается о нем узнать. Я опускаю также тезис о туранском происхождении курдов, который недоказуем, если его рассматривать только на почве ориенталистики. Курды являются, безусловно, национальным меньшинством, хотя они еще разделены на племена и не составляют государства, будучи разъединенными в различных странах. Никто этого не станет отрицать, так как же можно спрашивать: «Имеем ли мы право говорить о курдском национализме?» И разве сам автор статьи не доказал ли более чем нужно существование определившегося курдского сознания, когда указывает на большие восстания 1834, 1880, 1924—1926, 1929—1930 годов? Речь ведь не идет о каком-то отжившем феодальном властолюбии, но о ярко выраженном национальном сознании. никто не оспаривает у шотландцев название нации, хотя в основе их социальной исторической структуры лежали кланы. Так же обстоит дело и с курдами. Это вопрос прогрессивного развития в силу обстоятельств, но это в то же время не оправдывает политику уничтожения, виселиц и гонений против этого меньшинства, которое не имеет никакого иного средства, чтобы защитить себя и привлечь внимание к своей судьбе, помимо оружия и храбрости. Очень печально и огорчительно читать фразу, вышедшую из-под пера журналиста: «курдский вопрос — это скорее полицейский вопрос». Если согласиться с такой точкой зрения, то всякий прогресс, достигнутый международным правом, будет уничтожен одним махом и никакое ущемленное человеческое право не будет иметь возможности апеллировать к правосознанию

цивилизованного мира. Нет, курдский вопрос — это не просто полицейский вопрос. Речь идет о признании этнического, лингвистического и социального меньшинства, минимума прав, что единственно может обеспечить ему нормальное развитие. Пусть Севрский договор был политически плохо задуман, а поэтому, возможно, он непри-
407

меним. В наши намерения не входит переделка послевоенной истории дипломатии в Передней Азии. Но, признавая среди других принцип автономии Курдистана, этот договор подтвердил международное право, тогда как, к сожалению, Лозаннский договор не сделал этого и с точки зрения развития международного права является, конечно, шагом назад.

С извинениями за длинное изложение соблаговолите принять, господин директор, уверения в моих искренних чувствах.

В. Никитин,

Бывший консул, член Международной дипломатической академии,
член Парижского азиатского общества.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ДЕЛЕГАЦИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ
В САН-ФРАНЦИСКО

Ваше Превосходительство,

Не предвешая вопросов, которые будут рассматриваться на конференции в Сан-Франциско, мы предполагаем, что она будет первым собранием перед мирной конференцией.

От имени курдской Лиги я имею честь ниже представить изложение по курдскому вопросу. Стабильность мира на Среднем Востоке, если не во всем мире, не будет обеспечена без решения этого вопроса, который касается 9 миллионов человек, живущих на территории 500 000 кв. км, простирающейся от Черного моря до Персидского залива, независимость которой была признана Севрским договором.

Будучи целиком подчиненной иностранным государствам, курдская территория, естественно, не может быть представлена на этой конференции, поэтому я Вас прошу воспользоваться влиянием Вашей делегации и делегации Вашего правительства в следующих целях:

1. Принятие конференцией принципа признания прав народов, не получивших еще независимости, выражение их требований - перед Международной ассамблеей. Само собой разумеется, что принятие этого принципа должно бы повлечь принятие гарантий, которыми могли бы воспользоваться правительства против тех, кто наносит удар пользованию этими правами.

408

2. Включение в повестку дня одного из пленарных заседаний конференции обсуждение курдского вопроса.

3. Представление или поддержка проекта международной комиссии, которой было бы поручено изучить курдскую проблему и подготовить ее решение. Отчет этой комиссии мог бы послужить базой для решения, которое Мирная конференция была бы в состоянии дать курдскому вопросу.

МЕМОРАНДУМ О КУРДИСТАНЕ

Заключенный в 1920 году в присутствии курдской делегации Севрский договор предусматривает в ст. 62—64, ч. III, создание независимого Курдистана. В результате государственного переворота Кемаля Ататюрка положения этого договора никогда не были осуществлены; в 1923 году Лозаннские соглашения аннулировали условия Севрского договора и Турция обязалась лишь предоставить всем жителям своей территории полную защиту их жизни и свободы без каких-либо различий по рождению, национальности, языку, расе или религии.

Перед первым мировой войной курдская территория была разделена между Турцией и Персией... Мирная конференция и различные соглашения с Турцией, Ираном и Ираком позволили различным странам Среднего Востока создать более или менее независимые государства и, наоборот, привели к еще большему дроблению Курдистана.

Обширная территория, простирающаяся от Черного моря до Персидского залива, населенная однородным девятимиллионным населением, была разделена следующим образом:

409

Страны	Общая площадь в кв. км	Курдская площадь в кв. км и в % соотношении	Общее население	Численность курдского населения и ее % соотношении
Турция	760 000	220 000 (29%)	16.200 000	4 млн (25%)
Иран	1 600 000	190 000 (12%)	15.000 000	3,5 млн (23%)
Ирак	300 000	105 900 (29%)	3.500 000	1 млн (28%)

В среднем 19% территории и 24% населения в трех больших государствах Среднего Востока являются курдскими...

Здесь речь идет об однородных группах, поскольку курды резко отличаются от своих соседей; по расовому признаку и языку они принадлежат к индоевропейцам. Все попытки заинтересованных государств навязать им свой язык потерпели крах. Народы Среднего Востока делятся до бесконечности на различные расы: туранцы, семиты, иранцы, хамиты; национальности: турки, иракцы, иранцы, сирийцы, ливанцы, армяне, евреи, греки; по языку: турецкий, арабский, персидский; по религии: сунниты, шииты, исмаилиты, алаутиты, друзы, правоверные, марониты; по образу жизни: кочевники и оседлые, народ сплотившийся, который решительно выразил свою волю к национальной независимости. После первой мировой войны, в эпоху мандатов, курды при соответствующем режиме продвинулись бы, подобно другим народам Среднего Востока, по пути независимости. Но в то время, когда некоторые народы приобщались к мировой цивилизации, отчего их культурный уровень мог только повыситься, курды в подавляющем большинстве были отданы под власть Турции, Ирака и Ирана, которые пытались их физически уничтожить, прибегая к переселениям, бомбежкам, избиениям или моральному подавлению и принудительной ассимиляции.

Для каждого государства, получившего часть Курдистана, курдская территория служит лишь своего рода колонией, которую боятся утратить. С этой территории пытаются собрать максимум налогов и мобилизовать побольше солдат без проведения конструктивных ответных мер. Вся местная промышленность уничтожается в пользу индустрии, развивающейся на территории, заселенной населением национального большинства. Как только то или иное государство чувствовало себя достаточно сильным, оно предпринимало принудительную ассимиляцию этого неугомонного, упрямого национального меньшинства.

Возможно ли гарантировать национальные права курдов без изменения политической карты Среднего Востока? Чтобы обеспечить защиту этих прав, надо

410

установить в каждом из этих государств контроль союзных держав, который был бы настолько эффективным, чтобы их независимость в этих странах не стала иллюзорной.

Чтобы упростить проблему, можно ли включить курдов в одно из государств Среднего Востока? Самая сильная среди них, Турция, не смогла ассимилировать курдов. Но, включив Курдистан в одно из государств Среднего Востока, можно создать страну с курдским большинством. За последние двадцать пять лет перечень жертв Курдистана трагически увеличился. Может казаться парадоксальным, что все это происходит в довольно просвещенную эпоху; в наше время курдам пришлось испытать самые жестокие за всю их историю преследования. Но этот парадокс только кажущийся; ни в какой другой период национальная борьба не была столь ожесточенной. Подобную борьбу можно было наблюдать во время немецко-фашистской оккупации в Европе. И в мире, который провозглашал признание национальных прав народов после Севрского договора, возродившего национальное сознание курдов, турки и персы не могли найти иного решения курдского вопроса, как упразднение его силой. Будущий мир не может позволить, чтобы очаги несправедливости, насилия и угнетения существовали где бы то ни было.

Наличие СССР, защитника национальной автономии народов на всех международных конференциях, — новый гигантского значения фактор, гарантирующий в будущем окончательное решение курдского вопроса путем создания свободного и независимого Курдистана.

411

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ X

ПРЕЗИДЕНТУ СОВЕТА ЛИГИ НАЦИЙ

Париж, 21 марта 1931 года

Ваше превосходительство,

Имею честь довести до Вашего сведения жалобы одной нации, которую Вы взяли под Вашу опеку и защиту. Ибо кто говорит об опеке — просит защиты. Это курдская нация, к которой я имею честь принадлежать и которая живет в южной части курдского отечества, присоединенной к Ираку.

Я полагаю своим долгом обратить Ваше внимание на факт, что курдская территория, 'присоединенная к Ираку, не была завоевана союзническими армиями, как это имело место в Месопотамии. Курды по своей собственной инициативе взяли за оружие в 1918 году, вынудили турецкие войска очистить свою страну, провозгласили свою независимость и учредили правительство, которое взяло в руки управление страной под названием «Правительства Южного Курдистана». В это время в Ираке царил анархия, а союзнические войска все еще там сражались. К несчастью для курдов, наша территория была потом присоединена к Ираку, и Европа, которая заявляла, что взяла в руки оружие, чтобы защитить право и справедливость, не остановилась перед вопиющей несправедливостью связать судьбу и будущее народа, уже имевшего правительство *де-факто*, если не *де-юре*, с нацией, от которой этот народ отличается по расовому признаку, нравам, истории, языку, обычаям и психологии. Эта несправедливость была к тому же подкреплена обещанием Вашей уважаемой Лиги дать Южному Курдистану широкую автономию.

И хотя годы идут за годами, обещание это не только не было выполнено, но, напротив, нашим жизням, же-

нам и нашим детям, нашим отцам постоянно угрожают бомбежки, огонь пулеметов, ибо мы не хотим быть арабизированными и пытаемся добиться осуществления обязательств, принятых в отношении нас.

Арабское правительство Ирака не поколебалось дать приказ о бомбардировке города Сулеймание, столицы Южного Курдистана, тех самых курдов, которые отказались принять участие в выборах, которыми указанное правительство хотело ратифицировать договор, сводивший на нет все права курдов и уничтоживший всякую надежду на будущее. Мы считаем, что эти бомбы и пулеметные очереди по жертвам в Южном Курдистане бьют также по престижу Вашей уважаемой Лиги — ведь курды находятся под ее опекой, следовательно, ее защитой.

Если бы арабское правительство Ирака не опиралось на самолеты и войска английского правительства, которому Ваша уважаемая Лига выдала мандат на управление этими странами от ее имени, то повторение истории, марш в Багдад и занятие его было бы для курдов вопросом дней. Мы всегда можем защитить свою родину от арабов. Но, не желая вступать в военный конфликт с английским правительством, которое действует от имени Вашей уважаемой Лиги, мы предпочитаем обратиться к ней, требуя правосудия и справедливости.

Нашу родину хотят присоединить к арабскому Ираку и пытаются заставить нас принять эту аннексию силой оружия, тогда как мир и безопасность, столь дорогие Вашей уважаемой Лиге, могли бы быть обеспечены и в этой части земли. Пока будущее курдской родины не окажется в руках ее сынов, а курдское правительство не возьмет в свои руки управление отечеством курдов, нет надежды ни на мир, ни на безопасность. Курды, имеющие свою тысячелетнюю историю, способные и могущие в ходе исторических превратностей отстоять свое существование, свою историю, свое отечество, свои национальные учреждения, решили скорее умереть все до последнего человека, сражаясь с оружием в руках, чем подчиниться арабам Ирака.

Мы, курды, хотим быть друзьями со всеми народами и нациями, мы не питаем ненависти ни к одной нации, но мы не хотим допустить, чтобы право на самоопреде-

403

ление, признанное за несколькими другими слаборазвитыми народами, не признавалось за нашей нацией, сумевшей занять видное место в истории народов благодаря своей лояльности, храбрости, рыцарству и благородству. В последнее время особенно арабское правительство Ирака при сильной поддержке английского правительства, дав себя увлечь чувству арабского национального шовинизма, пытается сломить наше сопротивление самыми кровавыми средствами.

Сотни безоружных курдов, не питающих никаких агрессивных намерений, желающих лишь выразить свое политическое мнение, были сражены пулеметами и бомбами. И если сегодня курды сражаются, взявшись за оружие, то виной тому эти несправедливые и кровавые агрессивные действия.

Кровь и огонь бессильны изменить историю, превратить сотни тысяч курдов Саладина, Керим-хана Зенда в арабов. Моя нация и я — мы не революционеры, не сектанты, алчущие крови. Если мы взялись за оружие, то нас к этому принудили, обязали, заставили.

Мы не хотим господствовать ни над каким народом или страной, не хотим быть чьими-то владыками. Но мы не допустим также господства и над собой со стороны других, мы не желаем иметь иного господина или сеньора, чем мы сами. Ради этого идеала многие миллионы человеческих существ отдали жизнь во время последней войны. Это наше право, которое Ваша уважаемая Лига за нами признала и подтвердила с первых дней.

Разрешите мне Вас заверить, что это революционное государство, которое рождено негодным вероучением правителей Ирака, прекратит свое существование только тогда, когда все наши права будут признаны и уважаемы.

Все, чего мы хотим, — это признания независимости нашего отечества, «независимого правительства Южного Курдистана», под непосредственным мандатом Вашей уважаемой Лиги. К тому же новый договор между Англией и Ираком кладет конец английскому мандату, что делает решение, которое мы предлагаем, логичным и неизбежным.

Ваша уважаемая Лига должна в силу фактов возвратиться к своему решению 1925 года. Соболаговолите

404

принять, Ваше Превосходительство, мое самое высокое уважение.

От имени населения Южного Курдистана

Шейх Махмуд

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ X

КУРДСКИЕ МЕНЬШИНСТВА

(Редактору газеты «Таймс»)

Сэр,

В номере Вашей газеты от 16 июня помещено сообщение Вашего корреспондента в Стамбуле, озаглавленное «Курды против образования. Бунт, подавленный войсками». В этой статье сообщается, что недавние беспорядки, организованные курдами в районе Дерсима, были вызваны их враждебностью к введению обязательного образования и других реформ и что эти беспорядки были подавлены полицией и армией, а также что в этих операциях особенно отличилась женщина-авиатор.

Как человек, знающий курдов, их язык и историю, я бы хотел сказать Вам, сколь глубоко опечалило меня это сообщение. Курды, населяющие этот район, совершенно отличны от своих соседей турок как по расовым признакам, так и по языку, религии, обычаям и общественной организации. События, происшедшие в Дерсиме, — еще одна попытка курдов вновь утвердить свою автономию как этнического меньшинства. Было бы ошибкой предполагать, что курды выступают против образования вообще, — они борются против отуречивания. Родной язык является единственно возможным средством обеспечить естественное и гармоничное развитие индивидуума и привить ему благородную привязанность к стране, в отношении которой он несет обязанности в качестве гражданина.

Права курдских меньшинств уже признаны повсюду. Согласно рекомендации, сделанной Лигой Наций

405

при рассмотрении Мосульского вопроса, курды пользуются культурной автономией в Ираке в трех областях — Эрбиле, Киркуке и Сулеймание и, таким образом, могут развивать свой язык и традиции предков, ни в коей мере не нарушая структуры государства, верными подданными которого они являются.

Пока этими благородными принципами не будут руководствоваться повсюду, мы будем, к сожалению, свидетелями таких печальных конфликтов между «государственными соображениями» и требованиями национальных меньшинств, права которых в наше время едва ли можно отрицать.

В. Никитин,

«Таймс», 22 июля 1937 года.

бывший русский консул в Иране, ул. Жорж Занд. 29. Париж, 16 округ.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ГЛАВЕ X

ПИСЬМО АВТОРА ДИРЕКТОРУ ГАЗЕТЫ «ТАЙМС»

(письмо не было опубликовано)

1 сентября 1937 года

Господин директор,

Я прочитал в «Тайме» от 18 августа статью «Турция перед курдским вопросом», которая, давая некоторые уточнения, связанные с событиями в Дерсиме, поразила меня своей общей направленностью, так же как и некоторыми деталями. Я знаю курдов, их язык, их историю и полагаю, что нельзя отрицать в наши дни курдов как явное национальное меньшинство — понятие, которое содержит некоторые более или менее определенные права людей. Существует, наконец, вполне определенная курдская литература, весьма развивающаяся, которой мешают только неблагоприятные политические обстоятельства. Курдский язык отнюдь не наречие, производное, от персидского, снабженное «армянскими, халдскими, турецкими и арабскими говорами», но такой же язык, как и иранский или персидский, афганский и т. д., находящийся только в стадии диалектальной, не выработавшей еще общего литературного язы-

406

ка. Это не значит, однако, что у него нет литературных курдских произведений, особенно поэтических, которые являются предметом публикаций и специальных изучений и которые поражают богатством выраженных чувств и чистотой их лирического порыва. Будет неуместно здесь пускаться в ученый спор по этому поводу, ведь вопрос этот весьма ясен для всех, кто хочет и пытается о нем узнать. Я опускаю также тезис о туранском происхождении курдов, который недоказуем, если его рассматривать только на почве ориенталистики. Курды являются, безусловно, национальным меньшинством, хотя они еще разделены на племена и не составляют государства, будучи разъединенными в различных странах. Никто этого не станет отрицать, так как же можно спрашивать: «Имеем ли мы право говорить о курдском национализме?» И разве сам автор статьи не доказал ли более чем нужно существование определившегося курдского сознания, когда указывает на большие восстания 1834, 1880, 1924—1926, 1929—1930 годов? Речь ведь не идет о каком-то отжившем феодальном властолюбии, но о ярко выраженном национальном сознании. никто не оспаривает у шотландцев название нации, хотя в основе их социальной исторической структуры лежали кланы. Так же обстоит дело и с курдами. Это вопрос прогрессивного развития в силу обстоятельств, но это в то же время не оправдывает политику уничтожения, виселиц и гонений против этого меньшинства, которое не имеет никакого иного средства, чтобы защитить себя и привлечь внимание к своей судьбе, помимо оружия и храбрости. Очень печально и огорчительно читать фразу, вышедшую из-под пера журналиста: «курдский вопрос — это скорее полицейский вопрос». Если согласиться с такой точкой зрения, то всякий прогресс, достигнутый международным правом, будет уничтожен одним махом и никакое ущемленное человеческое право не будет иметь возможности апеллировать к правосознанию цивилизованного мира. Нет, курдский вопрос — это не просто полицейский вопрос. Речь идет о признании этнического, лингвистического и социального меньшинства, минимума-прав, что единственно может обеспечить ему нормальное развитие. Пусть Севрский договор был политически плохо задуман, а поэтому, возможно, он непри-

407

меним. В наши намерения не входит переделка послевоенной истории дипломатии в Передней Азии. Но, признавая среди других принцип автономии Курдистана, этот договор подтвердил международное право, тогда как, к сожалению, Лозаннский договор не сделал этого и с точки зрения развития международного права является, конечно, шагом назад.

С извинениями за длинное изложение соблаговолите принять, господин директор, уверения в моих искренних чувствах.

В. Никитин,

Бывший консул, член Международной дипломатической академии,
член Парижского азиатского общества.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ДЕЛЕГАЦИИ НА КОНФЕРЕНЦИИ
В САН-ФРАНЦИСКО

Ваше Превосходительство,

Не предрешая вопросов, которые будут рассматриваться на конференции в Сан-Франциско, мы предполагаем, что она будет первым собранием перед мирной конференцией.

От имени курдской Лиги я имею честь ниже представить изложение по курдскому вопросу. Стабильность мира на Среднем Востоке, если не во всем мире, не будет обеспечена без решения этого вопроса, который касается 9 миллионов человек, живущих на территории 500 000 кв. км, простирающейся от Черного моря до Персидского залива, независимость которой была признана Севрским договором.

Будучи целиком подчиненной иностранным государствам, курдская территория, естественно, не может быть представлена на этой конференции, поэтому я Вас прошу воспользоваться влиянием Вашей делегации и делегации Вашего правительства в следующих целях:

1. Принятие конференцией принципа признания прав народов, не получивших еще независимости, выражение их требований - перед Международной ассамблеей. Само собой разумеется, что принятие этого принципа должно бы повлечь принятие гарантий, которыми могли бы воспользоваться правительства против тех, кто наносит удар пользованию этими правами.

408

2. Включение в повестку дня одного из пленарных заседаний конференции обсуждение курдского вопроса.

3. Представление или поддержка проекта международной комиссии, которой было бы поручено изучить курдскую проблему и подготовить ее решение. Отчет этой комиссии мог бы послужить базой для решения, которое Мирная конференция была бы в состоянии дать курдскому вопросу.

МЕМОРАНДУМ О КУРДИСТАНЕ

Заклученный в 1920 году в присутствии курдской делегации Севрский договор предусматривает в ст. 62—64, ч. III, создание независимого Курдистана. В результате государственного переворота Кемалья Ататюрка положения этого договора никогда не были осуществлены; в 1923 году Лозаннские соглашения аннулировали условия Севрского договора и Турция обязалась лишь предоставить всем жителям своей тер-

ритории полную защиту их жизни и свободы без каких-либо различий по рождению, национальности, языку, расе или религии.

Перед первым мировой войной курдская территория была разделена между Турцией и Персией... Мирная конференция и различные соглашения с Турцией, Ираном и Ираком позволили различным странам Среднего Востока создать более или менее независимые государства и, наоборот, привели к еще большему дроблению Курдистана.

Обширная территория, простирающаяся от Черного моря до Персидского залива, населенная однородным девятимиллионным населением, была разделена следующим образом:

409

Страны	Общая площадь в кв. км	Курдская площадь в кв. км и в % соотношении	Общее население	Численность курдского населения и ее % соотношении
Турция	760 000	220 000 (29%)	16.200 000	4 млн (25%)
Иран	1 600 000	190 000 (12%)	15.000 000	3,5 млн (23%)
Ирак	300 000	105 900 (29%)	3.500 000	1 млн (28%)

В среднем 19% территории и 24% населения в трех больших государствах Среднего Востока являются курдскими...

Здесь речь идет об однородных группах, поскольку курды резко отличаются от своих соседей; по расовому признаку и языку они принадлежат к индоевропейцам. Все попытки заинтересованных государств навязать им свой язык потерпели крах. Народы Среднего Востока делятся до бесконечности на различные расы: туранцы, семиты, иранцы, хамиты; национальности: турки, иракцы, иранцы, сирийцы, ливанцы, армяне, евреи, греки; по языку: турецкий, арабский, персидский; по религии: сунниты, шииты, исмаилиты, алаутиты, друзы, правоверные, марониты; по образу жизни: кочевники и оседлые, народ сплотившийся, который решительно выразил свою волю к национальной независимости. После первой мировой войны, в эпоху мандатов, курды при соответствующем режиме продвинулись бы, подобно другим народам Среднего Востока, по пути независимости. Но в то время, когда некоторые народы приобщались к мировой цивилизации, отчего их культурный уровень мог только повыситься, курды в подавляющем большинстве были отданы под власть Турции, Ирака и Ирана, которые пытались их физически уничтожить, прибегая к переселениям, бомбежкам, избиениям или моральному подавлению и принудительной ассимиляции.

Для каждого государства, получившего часть Курдистана, курдская территория служит лишь своего рода колонией, которую боятся утратить. С этой территории пытаются собрать максимум налогов и мобилизовать побольше солдат без проведения конструктивных ответных мер. Вся местная промышленность уничтожается в пользу индустрии, развивающейся на территории, заселенной населением национального большинства. Как только то или иное государство чувствовало себя достаточно сильным, оно предпринимало принудительную ассимиляцию этого неугомонного, упрямого национального меньшинства.

Возможно ли гарантировать национальные права курдов без изменения политической карты Среднего Востока? Чтобы обеспечить защиту этих прав, надо

410

установить в каждом из этих государств контроль союзных держав, который был бы настолько эффективным, чтобы их независимость в этих странах не стала иллюзорной.

Чтобы упростить проблему, можно ли включить курдов в одно из государств Среднего Востока? Самая сильная среди них, Турция, не смогла ассимилировать курдов. Но,

включив Курдистан в одно из государств Среднего Востока, можно создать страну с курдским большинством. За последние двадцать пять лет перечень жертв Курдистана трагически увеличился. Может казаться парадоксальным, что все это происходит в довольно просвещенную эпоху; в наше время курдам пришлось испытать самые жестокие за всю их историю преследования. Но этот парадокс только кажущийся; ни в какой другой период национальная борьба не была столь ожесточенной. Подобную борьбу можно было наблюдать во время немецко-фашистской оккупации в Европе. И в мире, который провозглашал признание национальных прав народов после Севрского договора, возродившего национальное сознание курдов, турки и персы не могли найти иного решения курдского вопроса, как упразднение его силой. Будущий мир не может позволить, чтобы очаги несправедливости, насилия и угнетения существовали где бы то ни было.

Наличие СССР, защитника национальной автономии народов на всех международных конференциях, — новый гигантского значения фактор, гарантирующий в будущем окончательное решение курдского вопроса путем создания свободного и независимого Курдистана.

411

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abeghian, Artasches, Aus dem Geistesleben des Kurden, in «Der Orient», 1930.
 Abeghian, Manuk, Der armenische Volksglaube. Jena, Diss, 1899.
 A b i c h, Hermann, Geologische Forschungen in den Kaukasischen Landern, 3 Bande, Wien, 1878—1887.
 A d j a r i a n, Recueil de mots kurdes en dialecte de Novo-Bayazet, in M. S. L., XVI, 1911.
 Ahmed-I Khani, Zin u Mem, Constantinople, 1919.
 Ainsworth, William, A personal narrative of the Euphrates Expedition, 2 vol., London, 1888.
 Ainsworth, William, Travels and Researches in Asia Minor, chap. XXXI, London, 1898.
 D'Allemagne, H. R., Du Khorasan au pays des Bakhtiaris, 4 vol., Paris, 1911.
 A n a s t a s e, M a r i e-P., La decouverte recente des deux livres sacres des Yezidis, in «Anthropos», International Zeitschrift. Volker u. Sprachen Kunde, II, p. 1, Wien.
 Anastasius, El-Yezidiye; dans le revue arabe El-Machrik, Beyrouth, 1899.
 Bachmann, Walter, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig, 1913.
 Bachmann, Wilhelm, Bericht zur Routenkarte von Mossul riach Wan, «Petermanns Mitteilungen», 1914.
 B a l s a n, F., Les surprises du Kurdistan, ed. Susse, 1945.
 B a n s e, E w a l d, Durch Norden Mesopotamiens, «Petermanns Mitteilungen», LVII, 1, S. 119 und 172, Gotha, 1911.
 Banse, Ewald, Am Euphrat, «Deutsche Rundschau für Geographie», XXXV, S. 466 und 529, Wien, 1913.
 Banse, Ewald, Auf den Spuren der Bagdadbahn, Weimar, 1913.
 Barb, H. A., Berichte über die Kurdenchronik «Tarich el-Akrad» von Scheref Nameh, «Sitzungsber. d. Wiener Akademie phil-hist. Kl.», X, 1853; XII, 1956; XXVIII, 1858; XXX, 1859; XXXII, 1859.
 Becker, L., Reise von Basra durch Mesopotamien nach Mosul, in «Globus», XVII, S. 121 — 126, Braunschweig, 1870.
 Becker, L., Eine Karavanreise von Mosul nach Alepo, in «Globus», XXIII, S. 172—184, Braunschweig, 1873.
 Bedir Khan, Kamuran Aali und Herbert Oertel. Der Adler von Kurdistan, Potsdam, Ludwig Vögelreiter Verlag, 1937.
 Bedir K h a n, Adolphe de Falgairolle, Le Roi du Kurdistan, roman epique kurde, collection «Trésor du Siècle», Gap, ed. Ophrys, s. d. (1938).
 Bedir Khan R o w c h a n (Emireh), SaFahat min al-adab al-kurdi (71 p.), Beyrouth, 1954 (en arabe).
 B e h n s c h, O., Rerum seculo quinto decimo in Mesopotamia gestarum librum, Bratislaviae, 1838.
 B e i d a r. Paul, Grammaire kurde, Paris, 1925.
 B c l c k, M., Untersuchungen und Reisen in Transkaukasien, Hoch-Armenien und Kurdistan, in «Glohus», LXIII et LXIV, Braunslnveig, 1893.
 B e l c k, W. und L e h m a n n, C. F., Chaldiscle Forschungen, «Verh. d. Berl. anthr. Ges.», 1895.
 B e l c k, W., Reisebriefe von der armeiischen Expedition, «Mitt. d. Geogr. Ges.», Hambourg, Bd. 15 und 10, 1898—1899.

- B e l c k, W., Reisebericht über seine Forschungsreise in Kleinasien, «Verh. d. Berl. anthr. Ges.», 1901.
- B e r g k, J.-A., Natoljen, Georgien, Annmien, Kurdistan, Irak u. Al-Dschesira, mit 5 Kupf. u. 2 Kth von C. J. Riedel, 1799.
- Benedictsen, Age Meyer, Les dialectes d'Aorarnan et de Pawa, Copenhagen, 1921.
- B ë r ë z i n e, E., Recherches sur les dialectes persans, Casan, 1853.
- Berliner, R. und B o r c h a r d t, P., Silberscluniedarbeiten aus Kurdistan, Berlin, 1922.
- B e w s h e'r, I. R., On part of Mesopotamia contained between Sheriat el-Beytha, on the Tigris, and Tel Ibrahim, in «Journal of R. G. S.», XXXVII, p. 160—182, London, 1867.
- B i e r b a u m, P. W., Streifzüge im Kaukasus und in Hocharmenien Art, «Institut Orell Fiissli», Zurich, 1913.
- B i l l e r b e c k, A., D. Das Sandschak Suleimania und dessen persische Nachbarlandschaften zur babylonischen u. assyrischen Zeit. Geographische Untersuchungen unter besonderer Berücksichtigung militärischer Gesichtspunkte, hierzu eine Karte, Leipzig, 1898.
- Binder, Au Kurdistan, en Mesopotamie et en Perse, Paris, 1887.
- B i s h o p p, I. L. Bird, Journeys in Persia and Kurdistan, London, 1891.
- B i t t n e r, M a x i m i l, Die heiligen Bücher der Yeziden, «Denkschr. Wiener Akad.», LV/IV, Wien, 1913.
- B i t t n e r, Maximil, D. Kurdegau Uschnuye u. d. Stadt Urmiye, Wien, 1892.
- Blau, O., Die Stämme des nordöstlichen Kurdistan, Leipzig, 1858—1862.
- B l a u, O., Reisen im Orient, «Zeitschr. I. allg. Erdkunde», «Neue Folge», Bd. 10, Berlin, 1861.
- B l a u, O., Vom Urumia-See nach dem Wan-See, «P. M.», 1863.
- Bloch, J.-R., La nuit kurde, ed. Bibl. Franc., 1946.
- B o i s, Thomas O. P., L'ame des Kurdes a la lumiere de leur folklore, Beyrouth, 1946.
- B o i s, Thomas O.P., Coup d'oeil sur la littoralure kurde, extrait de «Al-Machriq», mars-avril 1955.
- Brant, Notes of a Journey through a part of Kurdistan in the Summer of 1838, London.
- B r u g s h, Gesandtschaft in Persien, Leipzig, 1862.
- Brunei, A., Gulusar. Contes et legendes du Kurdistan, Paris, 1940, ed. SFELT.
- B r y c e, I., Transkaukasien and Ararat, London, 1877.
- Budel, A., Transkaukasien, eine technische Geographic, «P. M.», Ergänzungshelt № 189, 1926.
- Bulletin du Centre d'Etudes kurdes*, Paris, 1948—1950.
- B u s c h - Z a n t n e r, R., Zur Kenntniss der osmanischen Stadt, «Geogr. Ztschr.», 1932.
- Butyka, D., Das ehemalige Wilayet Dersim, Wien, 1892.
- Butyka, D. Les Kurdes de l'Ouest et leur pays dans les contrees situees au Nord-Ouest de la Turquie asiatique, Budapest, 1892.
- Cameron, V., Our future highway. Travels in Syria and the Euphrates Valley, 2 vol., London, 1880.
- Campanile, G., Storia della regione di Kurdistan e delle sette di religione ivi esistenti, Napoli, 1818.
- Carra de Vaux, Notice sur les Kurdes, in «Revue de l'Orient Chretien», t. I, 1896.
- Cegerxwin, Diwan (XIII + 164 pages), Damas, 1945.
- Cegerxwin, DTwan (IV + 211 pages), Damas, 1954 (en kurde).
- Cernik, Josef, Technische Studien d. Expedition durch die Gebiete des Euphrat und Tigris, Gotha, 1876.
- C e s i m ë, C c 111, Recueil des poetes kurdes sovietiques, 1936 (en kurde, trad. arm., 1953).
- C e s i m 6, C e 11 1, Koroglu (en kurde), 1953.
- C e y p, A. J. Die Yezidis, in «Allg. Zeitung», Beilage, 1890.
- C h a b o t, J.-B., Notice sur les Yezidis, in «Journal Asiatique», (texte syriaque), Paris, 1896.
- C h a h b a z e, A g o p, Histoire kurdo-armenienne, Constantinople, 1911.
- C h a l i l l a, M a n s o u r, Le probleme kurde dans l'Orient contemporain, in «Mondes d'Orient», aoflt-septembre 1951.
- Chalitta, Mansour et Y u s i f Malik, Zikri-al-amir Djabadat Badrkhan, s. 1, n. d.
- Chantre, Ernest, Exploration dans le Kurdistan et l'Armenie, au «Congres des Soc. franc., de geogr.», Lyon, 1881, p. 209—217.
- C h a n t r e, Ernest, Les caracteres ethniques des Ansaries et des Kurdes, in «Bull. Soc. anthr. de Lyon», 1882.
- C h a n t r e, Ernest, Les Kurdes, Lyon, 1897.
- C h a n t r e, Ernest, Recueil de notices et recits kurdes, Saint-Petersbourg, 1860.
- C h a n y k o w, N., Vermittelungen in Saudg-Bulak, Saint-Petersbourg, 1856.
- C h a r m o y, F., Cheref-Namah ou Fastes de la nation kurde, 4 vol. Saint-Petersbourg, 1868—1875.
- C h e r e f (Prince de Bitlis), Cherefname. Text persan; Histore des Kurdes, Le Caire, 1930.
- C h e v k e t Z u l f i, L'habillement des Kurdes, memoire depose a la bibliotheque du Musee d'Ethnographie, Paris.
- Chodzko, Etudes philologiques sur la langtie kurde, in «Journal asiatique», serie V, t. IX, p. 297, 1853.
- Cholet (comte de), Armenie, Kurdistan et Mesopotamie, Paris. 1892.
- C h o r o n e n s i s, M o s i s, Histoire Armenicae libri III, London, 1736.

Christensen, Arthur, Iranische Dialektaufzeichnungen aus dem Nachlass von F. C. Andreas. Zusammen rnit Kaj Barr u. W. Henning bearbeitet u. herausgegeben. Erster Teil: «Sivandi, Ya'zdt u Soi», bearbeitet von A. Christensen;

Kurdische Dialekte, bearbeitet von Kaj Barr. «Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen. Philol.-hist. Klasse», dritte Folge, N. 11. Berlin, Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1939.

Clayton, L., *The Mountains of Kurdistan*, 1886—1888.

Clement, A., *Excursions dans le Kurdistan ottoman, de Kerkuk a Revandouze*, Paris. 1866.

Clement, A., *Excursion dans le Kurdistan*, in «Globe», Geneve, 1860.

Comite de l'indpendance kurde, Kurdistan ou Armenio, Le Cai-re, 1919.

Coq (von Le), *Kurdische Texte*, Berlin, 1903.

C u r z o n, Rob, *Armenia, a year at Erzerum and on the frontiers of Russia and Turkey and Persia*, London, 1854.

D i x o n, B., *Journey in Kurdistan*, in J. R. G. S., London, 1910.

Driver, The name «Kurde» and its philological connexions, in J. R. A. S., 1923, p. 393—403.

Driver, Dispersion of the Kurcles in ancient times, in J. R. A. S., October 1921, p. 563—572.

Driver, *Studies in Kurdish history*, in B. S. O. S., II, 1922, p. 491—513.

Driver, The religion of the Kurds, in B. S. O. S., It, 2, 1922, p. 197—215.

D u f r e s n e, Un conte kurde de la region de Soord, in J. A., 1910, p. 107—118.

D z e r u n i a n, Haruthyu n. Das armenische Lied, in «Der Orient», 1929.

Е г и а з а р о в, С. А., *Краткий очерк курдов Эриванской губернии, Тифлис*, 1884.

E d m o n d s, C. J., A bibliography of Kurdish periodicals and books published in Iraq, in J. R. C. A. S., July 1937.

Edmonds, C. J., A bibliography of Southern Kurdistan, *ibid.*, May 1947.

E l l o w, Agha P e t r o s, *Assyrian, Kurdish and Yezidi*, Bagdad, 1920.

Elphinston, W. G., The Emir Jaladet Aali Bedr-klian, in R. C. A. S., 1951, p. 91—93.

E v l i a T c h e l e b i, *Seyahetnamesi*, «Notes de voyage», Constantinople.

E w n i, Mihemed Eli, *Preface en arabe a son edition du Che-ref-Name*, Le Caire, 1930.

Fink, F. N., Bericht iiber eine Studienreise nach Ostarmenien, «Actes du XIIIe Congres International des Orientalistes», a Hambourg, 1902.

Fowler, S., *Drei Jahre in Persien und Reisenabentuer in Kurdistan*, 2 vol., Aclien, 1842.

F o s s u m, L. O., *A practical Kurdisch Grammar*, Minneapolis, 1919.

Frank, Rudolf, *Scheich Adi, der grosse Heilige der Yezidis*, Berlin, 1911.

F r a s e r, J. B., *Travels in Koordistan, Mesopotamia*, 2 vol., London, 1840.

Friederichsen, M., *Russisch-Armenien und der Ararat*, «Mitt.d.geogr.Ges.», Hambourg, vol. 16, 1899.

Ci a r z o n i, *Grammatica e Vocabolario della Lingua Kurda*, Roma, 1787.

G h a r i b i a n, L., Les Kurdes de l'Armenie sovietique, in «Temps Nonveau.x», 1949, № 34.

G i a m i I, Monte Singar. *Storia di un popolo ignolo*, Roma, 1900:

G r a n d v i I l e, Le Isarisnie en Asie Mineure, in «Revue politique internationalc», 1917.

G r o t h e, Hugo, *Vorderasien Expedition 1906—1907*, Leipzig, 1911.

G r o t h e, Hugo, *Geographische Charakterbilder aus der asiatischen Tiirkei*, Leipzig, 1909.

G r o t h e, H u g o, *Die Tiirkei, Landschaften und Mensclien*, Berlin, 1918.

G u e r i n o t, Yezidi, in «Revue du Monde niisulman», Paris, 1908.

H a d a n k, *Die Mundarlen von Khunzar, Mahalatt, Nayin, iisw.*, Berlin, 1926.

Hamilton, A. M., *Road through Kurdistan*, London, 1937.

Hammer, *Histoire de l'Empire ottoman*, Wien, 1814.

H a m m e r, *Über die kurdische Sprache und ihre Mundarten aus dem III. B. der Reisebeschreibungen Avliyas*, Wien, 1814.

H a n d e e, M a n z e t t i, И., *Kurdistan*, Jena, 1912.

H a r t a n n, Martin, *Bolitan, eine topographisch-historische Studie*, «Milt. d. Vordcrasiat. Ges.», 1896.

H a r t m a n n, Martin, *Fiinf Vortrage iiber den Islam*, Leipzig, 1912.

H a r I m a n n, Martin, *Der kurdische Divan des Scheich Ahmed von Geziret ibni Omar, genannt Mela-i-Giziri*, Berlin, 1904.

H a r t m a u n, Rich, *Irn neuen Anatolien*, Leipzig, 1928.

Hay, W. R., *Two years in Kurdistan*, London, 1921.

H e l l p a c h, W., *Die geophysischen Erscheinungen*, Leipzig, 1923.

Herrmann, R., *Anatolische Landwirtschaft*, Berlin, 1900.

Hesse, F., *Die Mossulfrage*, Berlin, 1925.

H i n r i c h o, W., *Eine Karavanreise von Mossul nach Aleppo, Gotlia*, 1914.

H o f f m a n n, *Ausziige-aus Syrischen Akter*, 1880.

H o f f m e i s t e r, E. v., *Durch Armenien und der Zug Xenophons*, Leipzig — Berlin. 1911.

H o u t u m - S c h i n d I e r, *Beitrage zum Kurdischen Wortschatz*, Leipzig, 1884, 1888.

H o u t u m - S c h i n d I e r, *Dialekt Amarlu*, in Z. D. M. G., XXXVIII.

Hoyboon, *The case of Kurdistan against Turkey, by prince Sureya Bedir-Khan*, New York, 1928.

Hoyboon (Kurdish national Leaghe). *The massacres of Kurds in Turkey*, Le Caire, 1928.

Hoyboon (Ligue nationale kurde), *Les massacres des Kurdes en Tur-qie*, Le Caire, 1928.

- Hoyboon (Civata valatii Kurda), Kurdlerin tiirkiyada katli ainmi, Le Caire, 1928.
- Hubschmann, H., Die altarmenischen Ortsnamen, «Indogerm. Forsch», 16, 1904.
- Huntington, H., Weitere Berichte iiber Forschungen in Armenien - und Commagene, «Ztschr. f. Ethnol», 1901.
- Huntington, E., The valley of the upper Euphrates river and its people, New York, 1902.
- Huyernat, H. et G. Muller, Simonis, Du Caucase au Golfe Persique a travers l'Armenie, le Kurdistan et la Mesopotamie, Paris et Washington, 1892.
- Jawanow, W., Khurasani Kurdish, «J. P. As. Soc. of Bengal», vol. XXIII, 1927, № 1.
- Jaba, A., Recueil de notices ct rccits kurcles, Saint-Petersbourg, X, III, 1860.
- Jaba A.-Justi, F., Dictionnaire kurdo-francais, Saint-Petersbourg, 1879.
- Jamben, P. Amedee, Voyage en Armenie et en Perse, 1805.
- Jardine, Bahdinan Kurmanji, Bagdad, 1922.
- Jonquiere, de La, Histoire de l'Empire ottoman.
- Joya, Joseph, Yezidi text, in «American Journal of Semitic languages and literatures», 1909.
- Justi, F., Kurdische Grammatike, S.-Pb. 1880.
- Khaltiantz, G., Recueil ethnographique d'Emine, vol. V, Epopée armenokurde, recueillie par S. Haikouni, Moscou, 1904 (en armenien).
- Хачатуров, К., Курдские тексты. Примечания и заметки к ним Л. Лопатинского, СМОМПК, 1894, вып. XX.
- Kherumian, R., Les Armeniens, race, origines ethno- raciales, Paris, ed. Fr. Vigot, Paris, 1941.
- Kiesling, H., Orientfahrten, Leipzig, 1921.
- King, L. W., The sculptures... of Behistan, London, 1907.
- Kinner, John Mac.Donnald, Voyage dans l'Asie Mineure et le Kurdistan, 2 vol., 1813.
- Klaproth, Various Studies on Kurdish, Wien, 1808.
- Klaproth, Kurdisches Worterverzeichniss, Wk'ii, 1814.
- Klinghardt, K., Tiirkun Jordu, Der Tiirken Heimatland, Hambourg, 1925.
- Klippel, Ernst, Untcr Druzen, Kiirden und Tcufelsanbi'lern, Berlin, 1926.
- Klug, Th. Die historische Entwickmg dor Bevoikerungsverhalt-nisse in Russisch-Armenien und den angrenzenden Gebieten (mit Karten), «P. M.», 1922.
- Koch, K., Reise im Pontinischen Gebirge und tiirkischen Armenien, in «Wanderungen im Oriente wahrend der Jahre 1843 bis 1844», Bd. II, Weimar, 1846.
- Koch, K., Die Kaukasischen Lander und Armenien, 1885.
- Kohler, W., Die Kurdenstadt Bitlis, nach dem turkischen Reisewerk des Ewlija-Tschelebi (17 Jahrh.), Munich, Diss. 1926.
- Kotshy, Reisen im Anatolien, Cypren, Taurus. Syrien und Kurdistan, 1840—1862, Wien, Gotha.
- Kowalewski, E., Les Kurdes ft les Yezidis, Bruxelles, 1890.
- Krai, Aug., Das Land Kamal Ataliirks, Wien — Leipzig, 1935.
- Krischtshian, Meikon, Turken und Armenier in Vergangenheit und Gegenwart, in «Der Orient», 1929.
- Ксенофонт, Анабазис, М.—Л., 1951.
- Kuhnenn, P., Die Nomaden und Oasenbewohner Westturkestans, Hambourg, Diss, 1926.
- Lammens, Henri. Le massif du Gebel Seman, les Yezidis de Syne, Beurouth, 1907.
- Layard, Henri, Niniveh and Babylon, London, 1853.
- Layard, Henri, Niniveh and its remains. London, 1850.
- Layard, A. H., A description of the province of Khuzistan, London, 1846.
- Layard, H., Early adventures in Persia, Susiana and Babylon, 2 v.ol., London, 1888.
- Lericq, Jules, Voyage au Mont Ararat, Paris, 1892.
- Le Grand Roy, Rene, Les Kurdes et les evenements d'Iran, in «Voix des Peuples», 1942, № 4, 15 mai.
- Lemann, C. F., Weiterer Bericht fiber den Fortgang der armenischen Expedition, «Ztschr. f. Ethnol.», 1899.
- Lemann, C. F., Die Einwanderung der Armeiner im Zusammenhang mil den Wanderungen der Thrakier und Iranier, «Actesdu XIIIe Congres International des Orientalistes», a Hambourg, 1902, Leyde, 1904.
- Lemann, -Haupt, C. P., Armenien einst und j'etzt, vol. I et II (1—2), Berlin, 1910.
- Lemann -Haupt, C. F., Malericlle zum alter, Gescli. Armeniens, GoUingen, 1907, S. 123.
- Lemann -Haupt, C. F., Die hislorisclie Seniiramis u. ihre Zeit, Tiiringen, 1910.
- Лерх, П., Исследования об иранских курдах и их предках, северных халдеях, кн. 1—3, СПб, 1856—1858.
- Lescot, R., Textes kurdes, I, Paris, 1940; II, Beyrouth, 1943. *Lettres edijicmtes et curieuses, ecrites de missions etrangeres*, 15 vol., II, Levant, III, Perse; Lyon, 1819.
- Litten, W., Persien, Berlin — Leipzig, 1920.
- Litten, W., Persische Flitterwochen, Berlin, 1925. *Livre Jaune du Gouvernement franfais*, publie en 1892.
- Loutfi, Emir Bedir-Khan, Le Caire, 1907. Loutfi, Tarihi Loutfi, Constantinople.
- Luschan, F., Das Volk der Kurden mit Bildern, in «Globus», LVII. Luschan, F., Zwei mit Menschenschaaren besetzte Teppiche,

- «Verh. d. Berl. Ges. f. Anthrop.», 1888. Luschan, F., Volker, Rassen, Sprachen, Berlin, 1922. Lynch, H. F. B., Armenia, Travels and Studies, London, 1901.
- Макаш, X., Курдские тексты на наречии курманджи из окрестностей Мардина, Л. 1926. Makas, Hugo, Kurdische Studien; eine Probe des Dialekts v. Diyarbekir, Heidelberg, 1900.
- Mann, Oscar, Kurdisch-Persische Forschungen, Ergebnisse einer von 1901 bis 1903 und 1906 bis 1907, in Persien und der asia-tischen Türkei ausgeführten Forschungsreise.
- Abteilung I.* Die sogenannten Tadschik-Dialekte der Provinz Pars (Somghunt, Masarni, Buringum und Proben des ubrigen Mundarten des Daschte barm, Lari). Mit einem Anhang: Die (kurdische) Sprachinsel Kalun-Abdu.
- Abteilung II.* Die «zentralen» Dialekte (Khunsart, So-Kohrudt, Samnfint, Siwandi, Nayint, Mahallatt; die Mundarten der Quran: Kandulat, Ridschfibt, Sayyidi, Badschalant; die Zaza-Mundarten; nebst umfangreichen Proben aus der Gurani-Literatur).
- Abteilung III.* Die Mundarten der Lur-Stamme (Mammasant und Kohgalui; Bakhttarl; Feilt). *Abteilung IV.* Kurdische Dialekte.
- Band. I. Die sudkurdischen Mundarten (aus der Provinz Kir-mSnshah); Kirmanshaht und Kalhurt, Lakkt; Pahrawandi, Nanakalt, Kulliaht.
- Band II. Die Mundart der Provinz Kurdistan. Mit einem Anhang: Garrusi und JKirindt.
- Band. III. Die Mundart der Mukri-Kurden.
- Teil I.* Grammatische Skizze, Texte in phonetischer und persischer Umschrift.
- Teil II.* Deutsche Obersetzung der Texte mit einer Einleitung über Inhalt und Form der ostkurdischen Volksepik.
- Teil III.* Proben aus der Kunstpoesie der Ost-Kirmandsch-Dialekte; Texte und Obersetzung.
- Band. IV. Die westlichen Kirmandsch-Dialekte. Volksepen und Proben aus der Kunstpoesie, Verlag von Georg Reimer in Berlin W. Эти труды были частично изданы самим О. Манном в 1906—1909 годах, а после его смерти издание их продолжил Хаданк.
- Мапп, Н. Я., Яфетический Кавказ, Лейпциг, 1923. Maunsel, F., Kurdistan, London, 1894.
- Медоу, Чейкх Sultan, Histoire des Emirs kurdes, s. 1, n. d. Menant, Joachim, Les Yezidis, Paris, 1892.
- Messoud Fani Bey, La Nation kurde et son evolution sociale, Paris, 1933.
- Миллингэн, F., Wild life among the Koords, London, 1870.
- Минорский, В. Ф., статьи «Курды», «Курдистан», в «Энциклопедии "Ислама».
- Минорский, В. Ф., The Guran, in B. S. O. S., 1943.
- Мохамед, Мирза (Djevata I - Kazı), Der Kurdenstamm Manggur, in «Globus», XCVIII.
- Mohammed, Mirza (Djevata I - Kazı), Studien aus dem Rechtsleben in Kurdistan, «Ztsch.hr. f. vergl. Rechtswiss.», vol. 22, 1909.
- Мокри, Мольеуванпур. The Name of Birds in Kurdish. Teheran, 1947 (en kurde et en persan). Mokri, Moll.
- Кеуванпур, Yadbud-e ejteua-e seran-e ilat. Teheran, 1951 (1329 H) (en persan).
- Мокри, Мольеуванпур, Andarz-i- Khosrow-i Kavatan, texte pahlavi trad., annote, vocab. (en persan), 2e edit. Teheran, 1951.
- Mokri, Moh. Кеуванпур, Kurdisch songs (texte kurde, trad. persane), Teheran, 1951.
- Мокри, Мольеуванпур, Oat'a-yè be zeban'e kordı a'z Sayyed Ya qflb Mahidashtt, Tire a part de Indo-Iranica, s. d. Молинеу, A Journey in Dersim, London, 1914.
- Моликке, Н., Briefe über Zustände und Begebenheiten in der Türkei aus den Jahren 1835—1839, Berlin, 1841.
- Moltke, H., Das Land und Volk der Kurden, im «Vermischte Schriften zur orientalische Frage», Berlin, 1892.
- Montagne, R., Quelques aspects du peuplement de la Haute-Djezirch, t. II, «Bull. Institut. Fr. do Damas».
- Morier, Second Journey, 1812.
- Morgan, Mission scientifique en Perse, «P.tudes geographiques», Paris, II, 1904.
- Morgan, J., Essai sur los nationalites, Paris. 1917.
- Morgan, J., La feodalite en Perse, in «Rev. d'Ethnogr. et de Sodob, Paris, 1912, p. 180—182. Moustapha Nouri Pacha, Abedc-i-Iblis (Les adorateurs dudiabte), Constantinople, 1915.
- Mukriyani, AI-Murchid-Raber (dictionnaire arabc-kurde), 400 pages, Erbil, 1950. Millier, Friedrich, Kurmangidialect der Kurden Sprache, Wien, 1894. Müller, Friedrich, Kurdisches und syrisches Wörterzeichniss, Wien, 1863.
- Muller, Gottfried Johs, Einbruch ins verschlossene Kurdistan, «Philadelphia-Buchhandlung, August Fuhr.», Reutlingen, 1937.
- Nansen, F., Betrogenes Volk. Eine Studienreise durch Georgien und Armenian als Obp.rkommissar des Volkerbundes, Leipzig, 1923.
- Narlais, L., Le Kurdistan, in En Terre d'Islam, lor trinnestre 1946.
- Newmann, A thousand miles on horse-back through the valley of the Euphrat, New York, 1879.
- Niebuhr, Reisebeschreibimg nacli Arabien u. anderen uuliegenden Lander, Bd. II («Kurdes»), 1766.
- Nikitine, B., Les Kurdes et le Christianisme, in «Revue de l'Histoire des Religions», 1922.
- Nikitine, B., La feodalite kurde, in «Revue du Monde inusulman», t. LX, 3, trimestre, 1925; Le valis d'Ardelan, ibid.

- Nikitine, B., Quelques observations sur les Kurdes, in «Mercure de France», t. CLV, 1er Janvier-U^r k'vri^rier 1921.
- Nikitine, B., Quelques fables kurdes d'aniinaux, in «Folklore», Londres, septembre 1922.
- Никитин, В. В., Курды и их страна, Урмия, 1916.
- Nikitine, B., Notes sur le kurde, in «Florilege Pavry», 1934.
- Nikitine, B., Le systeme rentier du Kurdistan, in «La Geographie», mai-juin 1935.
- Nikitine, B., Ou en est la kurdologie? in «Annali» del Real Istituto Orientale de Naples, 1936.
- Nikitine, B., Kurdes, article dans le Dictionnaire diplomatique de l'Academie diplomatique Internationale a Paris.
- Nikitine, B., La vie domestique kurde, in «Revue ethnographique et des traditions populaires», 1923, p. 334—344.
- Nikitine, B., Articles «Oramar», «Shamdinan», «Rawandiz», «Nestorien», «Badrkhan T», dans «l'Encyclopedie de l'Islam».
- Nikiline, B., Bref interprete militaire russo-kurde, Giirmiah, 1916, Ouvrages cites dans le lexe.
- Nikitine and Soane, The tale of Suto and Tato. in B. S. O. S., IV, 1, 1923, p. 69—106. Kikitine and Soane, Kurdish Stories, ibid., IV, I, 1926, p. 121 — 138.
- Noel, E., The character of the Kurds as illustrated by their proverbs and popular saying, in B. S. O. S., vol. 1, part IV, London, 1917—1920.
- Noelde, Reise nach Innerarabien, Kurdistan und Armenian, Braunschweig, 1895.
- Noelde, Th., Grammi. der neusyrischen Sprachen, Leipzig, 1868.
- Noelde, Th., Kardu und Kurden, in Festschrift für H. Kiepert, p. 71—81, Berlin, 1898.
- Noelde, Th., No settlement for the Kurds, in «The Egyptian Economic and Political Review», mai 1955.
- Nuri, Ihsan, Tarikh-e nseli-yc nejadi-yè kord, Teheran, 1955, 145 p. (en persan).
- Oswald, F., Handbuch der regionalen Geologic, Bd. V, 3 Abt. «Armonien», Heidelberg, 1912.
- Passarge, S., Agypten und arabisehr Orient, Berlin, 1931. Passarge, S., Der geographische Wert des Bodens, «Handbuch der Bodenlehre», Bd. 5.
- Passarge, S., Landschaftsreiz u. Landschaftszwang, «P. M.», 1931.
- Passarge, S., Kulturelle Lebensformen als Gegenstand la'nderkundlicher Spezialuntersuchungen, «P. M.», 1931.
- Passarge, S., Das Problem der Kulturgeographischen Raume, «P. M.», 1933.
- Paul-Marguerite, Lucie, Proverbs kurdes, d'apres les themes recueillis par l'Emir Kanuiran Bedir Khan, Ed. Berger- Levrault, Paris, 1936.
- Perron, Les Kurdes de Hai'riaiici, in «Revue des Deux Mondes», fevrier 1865.
- Pfitzenmayer, E. W., Arinenier und Kurden, in «Der Erdball», 1931.
- Pissone, Races des hautes vallees du Tigre et de l'Euphrate, in «Revue scientifique», XLIX, 1892, p. 557—560, 581—588.
- Pischke, H., Die technisch-wirtschaftliche Ausnutzung des Bodens bei den Naturvolkern, «Handbuch der Bodenlehre», Bd. 10.
- Плутарх, Избранные биографии, Лукулл, М.—Л., 1941.
- Pott, Quelques articles sur le kurde, in «Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes», Dermold.
- Pott, Naturgeschichtliches aus den kurdischen und anderen Sprachen Westasiens.
- Prym E. und A. Socin, Kurdische Sammlungen, 4 Bde., St.-Petersburg, 1887—1890.
- Puchstein, Reise in Kurdistan, Berlin, 1883.
- Quatremere, Notice sur le Masalik al-Absar, in N. E., XIII, 1838.
- Radde, G., Briefe von Dr. G. Radde über seine Bereisung von Hoch-Armenien, 1871, «P. M.», 1872.
- Radde, G., Reisen im armenischen Hochland, ausgef. im Sommer 1871. Die Quellen des Aras, Frat und Tschorok, «P. M.», 1875.
- Radde, G., Vorläufiger Bericht über die im Jahre 1875 ausgeführten Reisen in Kaukasien und dem armenischen Hochlande, «P. M.», 1876.
- Radde, G., Die Ebene des oberen Frat, «P. M.», 1877.
- Radde, G., Der Bin-Gol-Dagh, der Tausendseenberg, das Quellgebiet des Aras, «P. M.», 1877.
- Rambout, L., Les Kurdes et le Droit, Paris, 1947.
- Ravinson, Notes on a Journey from Tabriz through Persian Kurdistan, in «Jour. of Royal Geogr. Society», X, London.
- Ravinson, Notes on a march through the prov. of Louristan to Kermanshah, in «Jour. of Royal Geogr. Society», t. VIII, London. Rawlinson, Kurds, in «Enc. Brit.», 1911, XV, p. 949—951.
- Reclus, Elisee, Nouvelle geographic universelle, p. 342. Reinac, Les mercenaires de Pergame, in «Revue archeologique», 1909, p. 115.
- Reinach, Charme pour obtenir la pluie (au Kurdistan), in «L'Anthropologie», XVII, 1906, p. 633.
- Rhea, Grammar and Vocabulary of the Kurdish language of the Hakari Dialekt, in «Journal of the American Oriental Society», vol. X, № 1, 1872, p. 118—155. Rich, Notes on Kurdistan, London, 1836.

- Rich, Narrative of a residence in Kurdistan, London, 1836—1837.
- Richter, Mission und Evangelisation im Orient, Gutersloh, 1930.
- Rikli, M., Natur und Kulturbilder aus den Kaukasusländern und Hocharmenien, in «Art. Inst. Orell Fiissli», Zurich, 1914.
- Riley, Christians and Kurds in Eastern Turkey, London, 1889.
- Rivayre, D., Les vrais Arabes et leur pays, Bagdad et les villes ignorees de l'Euphrate, Paris, 1884.
- Roediger et Pott, Kurdistanische Studien, in «Zeitschrift für Kunde des Morgenlandes», I, III a VIII.
- Rohrbach, P., Armenien, Beilage zur armenischen Landes- und Volkskunde, Stuttgart, 1919.
- Rohrbach, P., In Turan und Armenien, Berlin, 1898.
- Rohrbach, P., Voni Kaukasus zum Mittelmeer, Leipzig und Berlin, 1903.
- «Roja NO», journal kurde de Beyrouth, 1943—1946.
- Rondot, P., Ouvrages cites dans le texte.
- Roth, K., Armenien und Deutschland, in «Länder und Völker der Türkei», Leipzig, 1915.
- Saad, Laméc, Sechzehn Jahre als Quarantanearzt in der Türkei, Berlin, 1913.
- Sachau, Eduard, Die Lage von Tigranokerta, Berlin, 1881.
- Sachau, Eduard, Am Euphrat und Tigris, Leipzig, 1900.
- Sachau, Eduard, Über die Reise von Herrn Burchardt nach Kurdistan, Berlin, 1896.
- Sack, A., Ackerbau und Viehzucht, die Hauptzweige der türkischen Landwirtschaft, «Das Wirtschaftsleben der Türkei», Bd. 1, Berlin, 1916.
- Safrastian, Arshak, Kurds and Kurdistan, London, 1948.
- Salname-i-Vilayeti Diar Bekir, «Annuaire du Vilayet de Diar-Bekir», 1293, 1297, 1301 (en turc).
- Salname-i-Devleti Atiye Osmaniye, «Annuaire de l'Empire ottoman», Constantinople, 1312 (en turc).
- Sandreczki, Reise nach Mosul und durch Kurdistan nach Urmia, Stuttgart, 1857.
- Sassouni-Garo, Anciennes relations kurdo-armeniennes, in «Hairenik», mensuel armenien, 8e année, 1930.
- Scher, Addai, Episodes de l'histoire du Kurdistan, in «Journal asiatique», XV, 1910, p. 119—140.
- Schliafli, Beitrag zur Ethnographie Kurdislands und Mesopotamiens, «P. M.», 1863.
- Schweiger-Lerchenfeld, A. Frh., Armenien, s. 1, n. d.
- Socadi, Eledin, Mejve edabe kurdt, Bagdad, 1952 (en kurde).
- Sebastian, Chukri, Kurdlar Turklerden ne istiyorlar («Ce que de mandent les Kurdes des Turcs»), Le Caire, 1923 (en turc).
- Шамолов, Араб, Курдский пастух, Тифлис, 1935.
- Sick, J. M., Karen Jeppe, Im Karpfurn ein Volk in Not, Stuttgart, 1929.
- Simonis-Muller, Armenie, Kurdistan, Mesopotamie, Paris, 1882.
- Sioffi, Notice sur la secte des Yozidis, Paris, 1882—1885.
- Soane, E. S., To Mesopotamia and Kurdistan in disguise, London, 1912.
- Soane, E. S., Grammar of the Kurmanji, London, 1913.
- Soane, E. S., Two years in Kurdistan, Boston, 1908.
- Soane, E. S., Notes on the phonology of Southern Kurmanji, in J. R. A. S., 1922, p. 199—226.
- Soane, E. S., Southern Kurdish Folk-Song in Kermanschahi, ibid., 1909, p. 35.
- Soane, E. S., The Shadi branch of Kurmanji, ibid., 1909, p. 895.
- Socin, Albert, Kurdische Sammlungen, Erzählungen und Lieder im Dialekte von Botan.
- Socin, Albert, Die Sprache der Kurden, in «Grundriss der Iran», Philol., I, 1, S. 249—286.
- Soubrier, J., Chez les brigands kurdes, in «Connaissance du Monde», № 3, Paris, 1947.
- Soubrier, J., Moines et brigands, Paris, 1945.
- Southgate, Narrative of a tour through Armenia, Kurdistan, London, 1840.
- Stamer, L., Die Landschaften Armeniens, Hambourg, Diss, 1928.
- Stamer, L., Die Landschaften Armeniens unter Berücksichtigung des Menschen in der Landschaft, «P. M.», 1929.
- Strabon, Oeuvre géographique, 60 av. J-C.
- Streck, M., Das Gebiet der heutigen Landschaften Armenien, Kurdistan u. Westpersien nach den babylonisch-assyrischen Keilschriften, «Z. für Assyriologie», VIII, XIV, und XV, 1910.
- Streck, W., Notizen über das obere Zab-Ala-Gebiet und Rentiers von Wan nach Kotur, «P. M.», 1863.
- Sykes, M., Journeys in North Mesopotamia, London, 1907.
- Sykes, M., The Kurdish Tribes of the Ottoman Empire, in «J. R. Anthropol. Inst.», XXXVIII, London, 1908.
- Sykes, M., The Caliph's last heritage, London, 1915.
- Tai, Mohammad Sadiq al-Mousavt, Tarikh-i-Zandiye (Bibl. Nat., suppl. pers. 1374).
- Taschner, F., Das anatolische Wegenetz nach Osmanischen Quellen, «Türkische Bibliothek», Bd. 22 und 23, Leipzig, 1914 und 1926.
- Taylor, John, Travels in Kurdistan, London, 1865.
- Taylor, John, Journal of a tour in Armenia, Kurdistan..., London, 1868.
- Tcheraz Minass, Les Yezidis, études par un explorateur américain, Louvain, 1891.
- Thureau-Dangin, Articles dans la «Revue d'Assyriologie», V, p. 99; VI, p. 67.
- Tilke, M., Orientalische Kostüme in Schnitt und Farbe, Berlin, 1923.

- Tomaschek, W., Sasun und das Quellengebiet des Tigris, «Sitz. Ber. Ak. Wien», 1895.
- Tomaschek, W., Historisch-Topographisches vom oberen Euphrat und aus Ost-Kappadokien in «Festschrift für II. Kiqiert», Berlin, 1898.
- Tschichatscheff, P., Reisen in Kleinasien und Armenien, 1847 bis 1863, «P. M.», Ergänzungsband, 1867.
- Tschichatscheff, P., Kleinasien, Leipzig, 1887 (traduit du français). Vambery, H., Meine Wanderungen und Erlebnisse in Persien, Pest, 1867.
- Vambery, H., Kurden und Armenier, «Deutsche Rundschau», 1, XXXVI, 1896.
- Vital-Guinet, La Turquie d'Asie, Paris, 1892.
- Volland, Aberglauben in Armenien und Kurdistan, in «Globus», Bd. 91. 1907. Wagner, M., Reise nach dem Ararat und Iloch-Armenien, Stuttgart und Tübingen, 1848.
- Wagner, M., Reise nach Persien und dem Lande der Kurden, Leipzig, 1852.
- Wesendonk, O., Aus der Kaukasischen Welt, Berlin, 1927.
- Westarp, E., Unser Halbmond und Sonne, Berlin, 1913.
- Wigram, The Cradle of Mankind, London, 1922.
- Wilghelm, Eug., La langue des Kurdes, Paris, 1883.
- Wilson, Kurds, in «Encycl. Brit.», 1911, XV, p. 949—951.
- Wunsch, Reise in Kurdistan, Wien, 1883.
- Wunsch, Meine Reise in Armenien und Kurdistan, Wien, 1884.
- YamiekI, Abd-e-Aziz, Kurdistan Kurd ihtilallari (en lure), Bagdad, 1947.
- Yassemi, Rechid, Kord va peivestegui-yc ncjfidî va tarikhi («Le Kurde, ses attaches ethniques et historiques») (en persan), Teheran, s. d.
- Yorke, A Journey in the valley of the Upper Euphrate, London, 1896.
- Zarzeki, La question kurdo-armenienne, in «La Revue de Paris», 21e année, t. II, mars-avril 1914.
- Zeki, Moh. Emin, Tarikh ad-duval va-l-Imarat al-kurdiyeh fi-ah-di-1-islamî, Le Caire, 1945.
- Zeki, Moh. Emin, Tarkh al-Kurd wa Kurdistan, Bagdad, 1937, d'après l'édition kurde de 1936 (en arabe).
- Zeki, Moh. Emin, Masahir al-Kurd wa Kurdistan, Bagdad, 1945 (en arabe).
- Ziemke, K., Die neue Türkei, Berlin — Leipzig, 1930.
- Зелинский, С. П., Государственные крестьяне Закавказского края; Курды, стр. 7—11, 45—56; Тифлис, 1887.
- Ziyadeddin Pacha, Yusuf. El-Hediyet el-hamidiye fi lugati l-kurdiye (Dictionnaire turco-arabe), Constantinople, 1892.
- Цукерман, К., Курдские тексты в книге «Иранские языки», т. II, М.—Л., 1950.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья	5
Предисловие автора к французскому изданию	37
Глава I. Курды, их происхождение, лингвистическая и антропологическая характеристика	43
1. Условность критериев.....	43
2. Кардухи Ксенофонта.....	45
3. Концепция В. Минорского о мидинско-скифском происхождении курдов	52
4. Яфетодологическая концепция автохтонного происхождения курдов	58
5. Курды о своем происхождении	64
6. Антропологические доводы	66
. . .	
Глава II. Курдистан: условность термина и его реальное содержание	72
1. Название Курдистан в истории Востока.....	72
2. Физическая география Курдистана.....	74
3. Характеристика Армянского нагорья.....	77
4. Загрос. Иранский Курдистан.....	81
5. Современная зона расселения курдов.....	89
Глава III. Образ жизни, занятия, нравы и обычаи	96
1. Перегоны скота на летние пастбища у курдов	96

2. Обряды сельской жизни.....	98
3. Роль скотоводства.....	101
4. Земледелие, сбор (плодов), охота.....	110
5. Ремесло и торговля.....	113
6. Программа экономических реформ.....	118
7. Обзор курдского хозяйства и перспективы его улучшения	120
Глава IV. Индивидуальность курда, его характер.....	125
1. Дать представление о моральном облике народа не так легко	125
2. Психологические типы курдов по схеме Г. Кристова	126
А. Кочевники-скотоводы из Тавра (контакты с бедуинами)	126
Б. Кочевники-скотоводы Армении (контакты с армянами)	132
В. Пограничные племена и полукочевники.....	132
Г. Городской элемент среди курдов	134
3. Свидетельства иностранных авторов о характере курдов	137
4. Курды сами о себе.....	142
Глава V. Курдская семья: жилище, одежда, нища, положение женщины, семейные обряды.....	151
1. Дом, деревня, шатер.....	151
2. Одежда.....	155
1. Мужская одежда.....	155
2. Женская одежда.....	158
3. Классификация одежды.....	160
3. Пища курдов.....	162
4. Место жшщип-ы.....	164
5. Как курды относятся к женщине.....	169
6. Глава семьи.....	173
7. Семейные обряды.....	175
А. Роды.....	175
Б. Свадьба.....	178
В. Похороны.....	187
Глава VI. Курдские племена. Социальный строй (классы; привилегии племенных вождей; народные увеселения) и экономические отношения (повинности; организация оба).....	192
1. Характер племенной организации.....	192
2. Состав племени, классы.....	196
3. Привилегии вождя.....	202
4. Предания, характеризующие отношения между вождями племени.....	207
5. Судебная власть вождя.....	210
6. Коллективные развлечения: песни и пляски	215
7. Экономические отношения в племени	220
А. Племенные повинности.....	220
Б. Военные повинности при феодализме	225
В. Налоговая система.....	228
Г. Организация оба.....	233
Глава VII. История племен и их расселение.....	
1. История возникновения племен.....	238
2. Территориальная экспансия курдов	238
А. Племена Центрального Курдистана (Турция)	243
1. Хакяри и Битлис.....	245
2. Курдские племена в Армении.....	247
Б. Племена Южного Курдистана (Ирак)	250
1. Бабан.....	250
2. Хемавенд.....	251

В. Племена Иранского Курдистана.....	251
1. Мукри.....	251
2. Бени-арделан.....	254
3. Джафф.....	259
4. Келхор.....	263
Глава VIII. Курды и государство; курдская нация (?)	266
1. Государство и нация.....	266
2. Понятие о государстве и нации в мире ислама	266
3. Курды в политической эволюции ислама.....	267
4. Курдское национальное самосознание	268
5. Первый период курдской истории: VII—XV века	271
Глава IX. Курды и государство (продолжение).....	277
6. Второй период курдской истории: от начала XVI века до середины XIX века. Феодалный строй в Турции и Персии	277
7. Третий период курдской истории — с середины XIX века до первой мировой войны. Ликвидация феодалного строя в Турции и Иране.....	280
Глава X. Курдское национальное движение.....	284
1. Интерес, проявляемый к изучению этой проблемы	284
2. Три этапа национального движения.....	284
А. Восстания и мятежи местного значения.....	285
1. Восстание Абдурахман-Паша (1806)	285
2. Восстание бильбасов	285
3. Курды в период русско-турецкой войны (1828—1829).....	286
4. Курды и восстание в Египте (1832—1839) . . .	287
5. Восстание Бадр-хан Бека (1843—1846) ...	287
6. Восстание Езданшира (1853—1855)	288
7. Восстание шейха Обейдуллы из Нерп (1880)	289
Б. Попытки организации национального движения . . .	289
1. Первая курдская политическая организация и Константинополе (1908).....	289
2. Курды во время войны 1914 —1918 годов	290
В. Международное признание курдских национальных стремлений.....	292
1. Севрский договор 10 августа 1920 года и Лозаннский договор 24 июня 1923 года	292
2. Мосульский вопрос.....	293
3. Организация «Хойбун» и новые восстания . . .	294
4. Положение курдов в Иране.....	295
5. Курды в Ираке.....	296
6. Курды в Сирии.....	297
7. Курды в СССР.....	298
Г. Курдская проблема во время и после второй мировой войны (1940—1945).....	299
Глава XI. Духовная жизнь курдов. Религия.....	304
1. Характер религиозности курдов.....	304
2. Ислам у курдов.....	305
А. Мусульманская эрудиция избранных.....	306
Б. Суннизм курдов.....	308
В. Мистицизм курдов, влияние шейхов.....	310
Г. «Священная война».....	319
3. Отношение курдов к евреям.....	323
4. Курды и езиды.....	324
5. Езидизм.....	325
А. Гипотеза о происхождении езидизма от ислама . . .	325

6. Теория проф. Н. Я. Марра о ездизме.....	329
А. Слово «челеби».....	329
Б. Древние верования в Передней Азии.....	331
В. Язычество курдов в Армении.....	334
Г. Курды по принадлежности к индоевропейской группе народов.....	337
Д. Яфетизм курдов.....	340
Е. Слова «челеби» и «езид» являются синонимами . . .	342

431

7. Люди истины (ахле-хакк).....	345
8. Народные суеверия курдов.....	348
9. Образ змеи и верованиях курдов.....	353
10. Можно ли говорить о культе осла?.....	358

Глава XII. Духовная жизнь курдов (продолжение) Литература 360

1. История «конкретная» и история нравов народа	360
2. Курдский фольклор.....	361
А. Лирические курдские лавджи.....	364
Б. Значение этого поэтического жанра.....	373
В. Сравнение курдских лавджей с арабскими касидами	376
Г. Обучение курдских народных пенцов.....	378
Д. Сборники курдского фольклора	380
Е. Сравнение тем фольклора курдов и других народов	382
3. Письменная курдская литература.....	388
А. Ее корифеи	388
Б. Современные представители курдской литературы	390
В. Литературный язык курдов.....	391
Г. Движение курдов Сирий в защиту национальной культуры.....	392
Д. Движение курдов Ирака в защиту национальной культуры.....	395
Е. Лингвистический прогресс у курдов СССР	396
Ж. Конгресс 1934 года в Ереване.....	397
4. Роль России в курдологии.....	400
Приложение	402
Библиография	412

В. Никитин
КУРДЫ

Художник Е. М. Казаков. Художественный редактор Л. Ф. Шкано, Технический редактор Ф. Х. Джатиева.
Корректор Э. С. Зельдес

Сдано в производство 22/IV 1964 г. Подписано к печати 7/IX 1964.
Изд. № 6/2437. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС».

Подготовил Бруки Л. М.